

ISSN 2079-6021 (Print)

ISSN 2619-029X (Online)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМЕНИ КОСТА ЛЕВАНОВИЧА ХЕТАГУРОВА»

(СОГУ)

FEDERAL PUBLIC BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

«KHETAGUROV NORTH OSSETIAN STATE UNIVERSITY»

(NOSU)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

**CURRENT ISSUES IN PHILOLOGY
AND PEDAGOGICAL LINGUISTICS**

№ 2

2020

ВЛАДИКАВКАЗ

VLADIKAVKAZ

2020

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ КОСТА ЛЕВАНОВИЧА ХЕТАГУРОВА»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ТАМЕРЬЯН Т. Ю., д.ф.н., профессор

Научный журнал основан в 2000 году.

Научный журнал выходит ежеквартально.

*Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-75316 от 15.03.2019 г.*

*Издание имеет регистрацию в международном центре стандартной нумерации сериальных
изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN 2079-6021 от 10.05.2010 г.)*

*Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой
информации Эл ФС77 – 72568 от 04.04.2018 г.*

*Издание имеет регистрацию в международном центре стандартной нумерации сериальных изданий
(International Standart Serial Numbering – ISSN 2619-029X от 31.05.2018 г.)*

*Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученых степеней доктора и кандидата наук.*

*Материалы журнала регулярно размещаются на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной библиотеки (<http://elibrary.ru>)
и на странице официального сайта журнала (www.philjournal.ru).*

Подписной индекс в каталоге Почты России – ПР967.

E-mail: philproblems@mail.ru

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна. Все права защищены.

Ответственность за сведения, представленные в издании, несут авторы.

Плата за публикацию статьи в журнале не взимается.

ISSN 2079-6021 (Print)

ISSN 2619-029X (Online)

© ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», 2020

FOUNDER

*FEDERAL PUBLIC BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«KHETAGUROV NORTH OSSETIAN STATE UNIVERSITY» (NOSU)*

EDITOR-IN-CHIEF

TATYANA Yu. TAMERYAN, Dr. Sci. (Philology), Professor

The scientific quarterly reviewed journal

«Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics» has been published since 2000.

*The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
ПН № ФС 77-75316 of March, 15, 2019.*

*It is also registered by the International centre standard numbering of serials
(International standard Serial Numbering – ISSN 2079-6021 of May, 10, 2010).*

*The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Communications (Roskomnadzor).*

*It is also registered by the International centre standard numbering of serials
(International standard Serial Numbering – ISSN: 2619-029X of May 31, 2018).*

The Journal is included into the List of leading Russian Journals. <http://vak.minobrnauki.gov.ru>

*The Journal is included into the database of the Russian Science Citation Index,
has a full text network version on the Internet on the platform
of Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru>).
The Journal is available on the website (www.philjournal.ru).*

*Subscription index in catalogue Press of Russia – ИП967.
E-mail: philproblems@mail.ru.*

*The reference to the journal is obligatory while reprinting materials. All rights reserved.
The authors are responsible for the information provided in the publication.
Publication process in this journal is free for all authors.*

ISSN 2079-6021 (Print)

ISSN 2619-029X (Online)

© FPBEI HE «Khetagurov North Ossetian State University», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Тамерьян Татьяна Юльевна, д.ф.н., профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия.

E-mail: tamertu@mail.ru *ORCID ID:* 0000-0003-0532-2538 *Researcher ID:* L-1756-2018

Заместитель главного редактора

Воркачев Сергей Григорьевич, д.ф.н., профессор кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия.

E-mail: svorka@kubstu.ru *ORCID ID:* 0000-0002-6290-2582 *Researcher ID:* W-4122-2017

Ответственный секретарь

Дзедаева Марина Суликоевна, к.ф.н., доцент кафедры английской филологии и иностранных языков Северо-Осетинского государственного педагогического института, Владикавказ, Россия.

E-mail: vikris-0507@mail.ru *ORCID ID:* 0000-0003-4568-6328 *Researcher ID:* K-1301-2018

Члены редакционной коллегии

Аликаев Рашид Султанович, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой немецкой и романской филологии Кабардино-балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова, Нальчик;

Алимурадов Олег Алимурадович, д.ф.н., профессор кафедры западноевропейских языков и культур Пятигорского государственного университета, Пятигорск;

Араш Голандам Карим, Ph.D., профессор кафедры русского языка Института литературы и гуманитарных наук Гилянского государственного университета, Решт, Иран;

Бирюкова Евгения Викторовна, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета, Москва;

Бредихин Сергей Николаевич, д.ф.н., профессор кафедры теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, кафедра теории и практики перевода Гуманитарного института, Ставрополь;

Будаев Эдуард Владимирович, д.ф.н., доцент кафедры иностранных языков, теории и методики обучения Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил;

Желтухина Марина Ростиславовна, д.п.н., профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград;

Иванова Ирина Николаевна, д.ф.н., профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь;

Коули Стивен Джеррард, д. псих. н., профессор, Отделение языка и коммуникации, Южно-Датский Университет, Оденсе, Дания;

Кравченко Александр Владимирович, д.ф.н., профессор кафедры английской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет;

Красина Елена Александровна, д.ф.н., профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва;

Кузнецова Анна Владимировна, д.ф.н., профессор кафедры отечественной литературы Южного федерального университета, Ростов-на-Дону;

Кунавин Борис Всеволодович, д.ф.н., профессор кафедры русского языка Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ;

Мамет Петр, Ph.D., доцент, Технический университет в Гливице, Факультет социальных наук и зарубежных филологий, г. Гливице, Республика Польша;

Манаенко Геннадий Николаевич, д.ф.н., профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь;

Маслова Валентина Авраамовна, д.ф.н., профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П. Машерова, Витебск, Беларусь;

Меликян Вадим Юрьевич, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, Ростов-на-Дону;

Меркулова Людмила Петровна, д.п.н., профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и русского как иностранного Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, Самара;

Меркулова Майя Геннадьевна, д.ф.н., профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков Московского государственного педагогического университета, Москва;

Мещерякова Елена Владиленовна, д.п.н., профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград;

Мишати娜 Наталья Львовна, д.п.н., профессор кафедры образовательных технологий в филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург;

Молнар Ангелика, Ph.D., dr. habil., доцент, русская литература, литературоведение, Дебреценский университет, Институт славистики, Дебрецен, Венгрия;

Покатилова Надежда Володаровна, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник, и.о. заведующего отделом фольклора и литературы, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН ФИ Ц «Якутский научный центр» РАН, Якутск;

Семьян Татьяна Федоровна, д.ф.н., профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета, Челябинск;

Сенько Елена Викторовна, д.ф.н., профессор кафедры русского языка Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ;

Шимуля Роберт Ежи, к.ф.н., профессор кафедры русского языка Института восточнославянской филологии Белостокского государственного университета, Белосток, Польша;

Теркулов Вячеслав Исаевич, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета, Донецк, ДНР;

Гусман Тирадо, Рафаэль, д.ф.н., профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета, Гранада, Испания;

Черняк Мария Александровна, д.ф.н., профессор кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург;

Чудинов Анатолий Прокопьевич, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой риторики и культуры речи, риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург;

Шевченко Вячеслав Дмитриевич, д.ф.н., доцент, заведующий кафедрой английской филологии факультета филологии и журналистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, Социально-гуманитарный институт, Самара;

Штулайтерова Алёна, Ph.D., профессор, заведующий кафедрой англистики и американистики Университета им. Матей Бела, Банска Быстрица, Словакия.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Tatyana Yu. Tameryan, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Foreign Languages for non-linguistic specialties, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia.

E-mail: tamertu@mail.ru *ORCID ID:* 0000-0003-0532-2538 *Researcher ID:* L-1756-2018

Deputy Chief Editor

Sergey G. Vorkachev, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of scientific and technical translation, Kuban State University of Technology, Krasnodar, Russia.

E-mail: svork@kubstu.ru *ORCID ID:* 0000-0002-6290-2582 *Researcher ID:* W-4122-2017

Executive Secretary

Marina S. Dzedayeva, Cand. Sci. (Philology), assistant professor of the Department of English Philology and Foreign Languages, North Ossetian State Pedagogical Institute, Vladikavkaz, Russia.

E-mail: vikris-0507@mail.ru *ORCID ID:* 0000-0003-4568-6328 *Researcher ID:* K-1301-2018

Members of Editorial Board

Rashid S. Alikeev, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of German and Romance Philology, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik;

Oleg A. Alimuradov, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Western European Languages and Cultures, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk;

Arash Golandam Karim, Ph.D., Assistant Professor of the Department of Russian Language of the Institute of Literature and Human Sciences, Gilan State University (Iran);

Evgenia V. Birukova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of German Studies and Linguistic Didactics, Moscow City Pedagogical University, Moscow;

Sergey N. Bredikhin, Doctor of Philology, Professor, North-Caucasus Federal University, Institute for the Humanities, Department of Translation Studies, Stavropol;

Eduard V. Budaev, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Foreign Languages and Theory and Methods of Teaching, Nitznii Tagil State Social-Pedagogical Academy, Nizhny Tagil;

Marina V. Zheltukhina, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd;

Irina N. Ivanova, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Russian and World Literature of the North Caucasus Federal University, Stavropol;

Steven G. Cowley, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Center for Human Interactivity, Department of Language and Communication, University of Southern Denmark, Odense, Denmark;

Alexander V. Kravchenko, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Irkutsk State University, Irkutsk;

Elena A. Krasina, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of General and Russian Linguistics of the Faculty of Philology, People's Friendship University of Russia, Moscow;

Anna V. Kuznetsova, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of National Literature of the Southern Federal University, Rostov-on-Don;

Boris V. Kunavin, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Russian Language, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz;

Piotr Mamet, PhD, assistant professor, Technical University in Gliwice, College of Social Sciences and Foreign Philologies; Gliwice, Republic of Poland

Gennady N. Manaenko, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Russian language, North Caucasus Federal University, Stavropol;

Valentina A. Maslova, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University named after P. Masharov, Vitebsk, Belarus;

Vadim Yu. Melikyan, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Theory of language and Russian Language of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don;

Lyudmila P. Merkulova, Dr. Sci. (Education), Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign language, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara;

Maya G. Merkulova, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of English Philology, Institute of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University, Moscow;

Elena V. Mescheryakova, Dr. Sci. (Education), Professor of the Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd;

Natalia L. Mishatina, Dr. Sci. (Education), Professor of the Department of Educational Technology, Hertenzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg;

Angelika Molnar, PhD., dr. habil., assistant professor, Russian literature, literary studies, University of Debrecen, Institute of Slavistic, Debrecen, Hungary;

Nadezhda V. Pokatilova, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Russian Literature of the Twentieth Century and Literature Theory of the North-Eastern Federal University, Yakutsk;

Tatyana F. Semyan, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Russian Language and Literature Department of the South Ural State University, Chelyabinsk;

Elena V. Senko, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Russian language, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz;

Alena Štulajterova, Ph.D., Professor, Head of Department of English and American studies, Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia;

Vyacheslav I. Terkulov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Donetsk National University, Donetsk, DNR;

Rafael Guzman Tirado, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Greek and Slavic Philology, University of Granada, Granada, Spain;

Maria A. Chernyak, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Hertenzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg;

Anatoly P. Chudinov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Rhetoric and Speech Culture, Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg;

Vyacheslav D. Shevchenko, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English Philology of the Faculty of Philology and Journalism of the Samara National Research University named after Academician S.P. Koroleva, Social and Humanitarian Institute, Samara;

Robert E. Shimulya, Cand. Sci. (Philology), Professor of the Department of the Russian Language of the Institute of East Slavonic Philology, State University of Belostok, Bialystok, Poland.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВОТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АСАДОВА А.Ю., АКАЕВА Х.А.

Опыт репрезентации прикладной терминологической системы посредством терминологической сети..... 12

КОММУНИКАТИВНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КАЛИНИН О.И.

К вопросу о зависимости персуазивности речевого сообщения от количества метафор..... 31

КАТЕРМИНА В.В., БИРЮКОВА П.С.

Gender-Coloured English Neologisms in Cinematic Discourse. Гендерно-окрашенные англоязычные неологизмы в кинодискурсе..... 44

ШЕВЧЕНКО В.Д., МАМЕТ П.

Realization of "FOOD AS A SOURCE OF DANGER" Cognitive Model in the Russian Media Discourse. Реализация когнитивной модели «ЕДА КАК ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ» в российском медиа-дискурсе..... 53

ШТУЛАЙТЕРОВА А., ЛАЛУШКА И.

Stylistic Interpretation of English Football Vocabulary Items and Set Expressions in Publicistic Discourse. Стилистическая интерпретация английской футбольной лексики и устойчивых выражений в публицистическом дискурсе..... 61

КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

БУДАЕВ Э.В., ЮЖАНИНОВА Е.В.

Онтологические метафоры как способ репрезентации концепта ZORN в немецком языке..... 70

КАРАСИК В.И., КАЛЫКОВА Э.А.

Институциональный концепт «миссия»: ценностные характеристики..... 80

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АЛАМАЙРЕХ Е.Ю.

Модели дешифровального стимула и формальной разновидности эквивалентности аббревиатуры в аббревиатурной группе «авто»..... 91

КАЛАШНИКОВА Л.В.

Особенности интерпретации идиом на этапе наглядно-образного мышления в процессе когнитивной деятельности субъекта (на материале произведения Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес»)..... 103

ПЕТРА ЕСЕНСКА

Questioning the Usage of Generic Masculine and Reflection of Objective Reality with Regard to the Function of Language (Demonstrated on the Slovak and English Examples). К вопросу об использовании общего мужского рода и отражении объективной реальности в отношении функционирования языка (на материале словацкого и английского языков)..... 113

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КУЗНЕЦОВА А.В.

Топос иронии в рецептивно-интерпретативном пространстве художественного текста постмодерна..... 125

МУХТАРОВА А.С., АЛИМУРАДОВ О.А.

Некоторые лингвистические особенности английских и русских рэп-текстов: сопоставительное исследование на материале текстов микрожанра грайм..... 133

ЯПИШИНА А.Е.

Визуальные особенности текста в книге Е. Мнацакановой «Шаги и вздохи»..... 147

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КОНЫШЕВА Н.Ю.

Становление концепта «инаковость» в раннем творчестве Р. Музиля..... 157

КРЫЛОВА М.Н.

Образ человека другой национальности в фантастических произведениях Олега Дивова..... 167

МАКАРЫЧЕВ А.В.

Проблема диалога в «шекспировском тексте» Ю.О. Домбровского..... 176

МОЗЖЕРИНА М.С.

Нарративная категория *точка зрения* в романе Л. Элтанг «Каменные клены»..... 185

СЫЧЕВА Е.О., СЕРЕБРЯКОВ А.А.

Художественное своеобразие эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского 195

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

СЛАТИНСКА А.

Upon the Plausibility of Teaching English to Toddlers and the Need of Global Skills Development in Foreign Language Teaching Programs. Преподавание английского языка детям дошкольного возраста и необходимость развития глобальных компетенций будущих учителей иностранных языков..... 206

Информация для авторов..... 215

CONTENTS

STUDIES IN THEORETICAL LINGUISTICS

ASADOVA A.Yu., AKAYEVA Kh.A.

The experience of representation of the applied terminological system by means of terminological network.....	12
---	----

COMMUNICATION AND DISCOURSE STUDIES

KALININ O.I.

To the question of the dependence of the persuasiveness of speech communication on the number of metaphors.....	31
---	----

KATERMINA V.V., BIRYUKOVA P.S.

Gender-Coloured English Neologisms in Cinematic Discourse.....	44
--	----

SHEVCHENKO V.D., MAMET P.

Realization of “FOOD AS A SOURCE OF DANGER” Cognitive Model in the Russian Media Discourse.....	53
---	----

ŠTULAJTEROVÁ A., LALUŠKA I.

Stylistic Interpretation of English Football Vocabulary Items and Set Expressions in Publicistic Discourse.....	61
---	----

CONCEPTS IN CULTURAL STUDIES

BUDAEV E.V., YUZHANINOVA E.V.

Ontological metaphors as a tool for representation of concept ZORN in the German language.....	70
--	----

KARASIK V.I., KALYKOVA E.A.

Institutional Concept “Mission”: Evaluative Characteristics.....	80
--	----

SEMANTIC-GRAMMAR LINGUISTIC AND COGNITIVE STUDIES

ALAMAYREKH E.Yu.

Model of the decryption and model of the abbreviation formal diversity in the abbreviation group “auto”.....	91
--	----

KALASHNIKOVA L.V.

Special Features of Idioms Interpretation at the Stage of Eye-Mindedness in the Cognition Process of a Subject. (as exemplified in L. Carroll «Alice’s Adventures in Wonderland»).....	103
--	-----

JESENSKÁ P.

Questioning the Usage of Generic Masculine and Reflection of Objective Reality with Regard to the Function of Language (Demonstrated on the Slovak and English Examples).....	113
---	-----

TEXT STUDIES

KUZNETSOVA A.V.

Topos of irony in the receptive-interpretative space of the postmodern literary text.....	125
---	-----

MUKHTAROVA A.S., ALIMURADOV O.A.

Some linguistic peculiarities of the English and Russian rap texts: a comparative study drawing on the material of texts of grime microgenre.....	133
---	-----

YAPISHINA A.E.

The text’s visual features in the E. Mnatsakanova’s book «Steps and sights».....	147
--	-----

LITERARY STUDIES

<i>KONY SHEVA N. Yu.</i> Formation of the concept «difference» in early works of R. Musil.....	157
<i>KRYLOVA M.N.</i> The image of a person of another nationality in the fantastic works of Oleg Divov.....	167
<i>MAKARYCHEV A.V.</i> The problem of the dialogue in “Shakespeare’s text” by Yuri Dombrovsky.....	176
<i>MOZZHERINA M.S.</i> Narrative category point of view in the novel «Stone maples» by L. Eltang.....	185
<i>SYCHEVA E.O., SEREBRYAKOV A.A.</i> Implementation of the aesthetic ideal in the” Diary of a writer “ by F. M. Dostoevsky.....	195

METHODOLOGY IN PHILOLOGY TEACHING

<i>SLATINSKÁ A.</i> Upon the Plausibility of Teaching English to Toddlers and the Need of Global Skills Development in Foreign Language Teaching Programs.....	206
Rules for authors.....	215

ЛИНГВОТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

STUDIES IN THEORETICAL LINGUISTICS

Оригинальная статья

УДК 81'276.6

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-12-30

Опыт репрезентации прикладной терминологической системы посредством терминологической сети

А.Ю. Асадова

Пятигорский государственный университет

(Российская Федерация, г. Пятигорск)

ORCID ID: 0000-0003-3482-8490;

e-mail: alinka02691@mail.ru

Х.А. Акаева

Грозненский государственный нефтяной технический университет

имени академика М.Д. Миллионщикова

(Российская Федерация, г. Грозный)

ORCID ID: 0000-0001-7028-4297;

e-mail: khamsat.akaeva@mail.ru

Получена: 06.04.2020 /Принята: 28.04.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: Статья посвящена изучению англоязычных терминологических единиц сферы цифровой фотографии путем построения терминологической сети, а именно – выявления ключевых категорий специальных понятий и системных отношений между соответствующими терминологическими единицами для доказательства того, что анализируемая терминосистема является преимущественно прикладной. Указанные особенности терминосистемы выявляются и классифицируются посредством построения терминологической сети. Первоочередной задачей стало определение основных категорий специальных понятий, частотно вербализуемых англоязычными терминологическими единицами сферы цифровой фотографии, на примере анализа дефиниций ключевых терминов, а также исчисление видов отношений между обозначенными категориями. В этой связи изучение термина как системной единицы, занимающей четко определенное место в подсистеме профессиональной лексики, становится возможным при помощи терминологической семантической сети, которая показывает, что связи и категории, к которым принадлежат коррелирующие термины, не случайны. Материалом для исследования послужили терминологические единицы сферы цифровой фотографии современного английского языка, которые были взяты из англоязычных онлайн-словарей, справочников, глоссариев, интернет-порта-

лов, посвященных данной тематике. Термины одной категории могут быть связаны с репрезентантами других категорий посредством рекуррентных системных отношений, путем формирования прототипичных схем взаимодействия между терминологическими единицами. В рамках работы были выделены две группы терминов: в первую входят «материальные» терминологические единицы, вербализующие объекты/явления естественной среды, естественные/ искусственно созданные вещества, локусы (места, местоположения), орудия и инструменты (составляющие инструментов), простые и сложные механизмы, а также составляющие механизмов, естественные/ искусственно созданные материалы, искусственно созданные локусы (места) или конструкции, категорию «деятель». Во вторую группу входят нематериальные термины, которые номинируют процессы, ситуации, характеристики, идеальные феномены. Преобладающими категориями понятий сферы цифровой фотографии выступают составляющие механизмов/ инструментов, процессы, идеальные феномены, сложные механизмы, характеристики/ параметры, что говорит о терминосистеме цифровой фотографии как о преимущественно прикладной. В ходе исследования данной терминосистемы было выявлено, что наиболее частотными видами системных отношений понятий и их вербализаторов – соответствующих англоязычных терминов сферы цифровой фотографии, выступают: АКО (системное отношение между гиперонимом и гипонимами), ISA (системное отношение, обозначающее совпадение или включение в некоторое множество), SR (системное отношение между референтами, которые составляют субъект воздействия и полученный результат в рамках одного процесса), которые также свидетельствуют о преимущественно прикладном характере терминосистемы сферы цифровой фотографии.

Ключевые слова: прикладная терминосистема, термин, терминология, терминосистема, терминологическая сеть, системные отношения, категория понятия, специальное понятие, текст, цифровая фотография.

Для цитирования: Асадова А.Ю., Акаева Х.А. Опыт репрезентации прикладной терминологической системы посредством терминологической сети. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 12-30.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-12-30

The experience of representation of the applied terminological system by means of terminological network

Alina Yu. Asadova

*Pyatigorsk State University
(Russian Federation, Pyatigorsk)
ORCID ID: 0000-0003-3482-8490;
e-mail: alinka02691@mail.ru*

Khamsat A. Akayeva

*Academician M.D. Millionschikov Grozny State Oil Technical University
(Russian Federation, Grozny)
ORCID ID: 0000-0001-7028-4297;
e-mail: khamsat.akaeva@mail.ru*

Received: 06.04.2020 /Accepted: 28.04.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The article is devoted to the study of the English-language Digital Photography terminological units by building a terminological network, namely, identifying key categories of special notions and system relations between the corresponding terminological units to prove that the analyzed terminological system is mainly applied. These features of the terminological system are identified and classified by building a termino-

logical network. The primary task was to determine the main categories of special notions that are frequently verbalized by the English-language Digital Photography terminological units drawing on the example of the analysis of definitions of key terms, as well as to calculate the types of relations between the designated categories. In this regard, the study of a term as a system unit that occupies a clearly defined place in the subsystem of professional lexis becomes possible with the help of a terminological semantic network, which shows that the relationships and categories which the correlating terms belong to are not random. Digital Photography terminological units in the modern English language, which have been taken from the English-language online dictionaries, reference books, glossaries, and Internet portals dedicated to the topic in question, have served as the material for the research. Terms of one category can be associated with the representatives of other categories by means of recurrent system relationships, thus forming prototypical schemes of interaction between terminological units. During the work the two groups of terms have been allocated: the first one consists of "material" terminological units, verbalizing natural objects/phenomena, natural / artificial substances, loci (places, locations), instruments and tools (parts of tools), simple and complex mechanisms and their components, natural / artificial materials, artificially created loci (places) or constructions. The second group includes non-material terms that nominate the category "actor", processes, situations, characteristics, ideal phenomena. The predominant categories of notions in the sphere of Digital Photography are components of mechanisms / tools, processes, ideal phenomena, complex mechanisms, characteristics / parameters, which indicates the fact that the Digital Photography terminological system is mainly applied. The study has revealed that the most frequent types of system relations between notions and their verbalizers-the corresponding English-language Digital Photography terms are: AKO (system relations between hyperonym and hyponym), ISA (system relations of coincidence or inclusion in a set), SR (system relations between referents which make up the subject of influence and the result obtained within the same process), which also indicate the predominantly applied nature of the Digital Photography terminological system.

Keywords: applied terminological system, term, terminology, terminological system, terminological network, system relations, category of notion, special notion, text, digital photography.

For citation: Asadova A. Yu., Akayeva Kh. A. The experience of representation of the applied terminological system by means of terminological network. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020, no 2, pp. 12-30 (In Russ.).

Введение

Приводимая ниже статья посвящена описанию некоторых особенностей репрезентации структур профессионального знания в англоязычной терминосистеме сферы цифровой фотографии. Данная терминосистема в настоящей публикации рассматривается как прикладная в рамках концепции фундаментальных и прикладных терминосистем, разрабатываемой Х.А. Акаевой [см. подробнее: 1; 2]. Указанные особенности выявляются и классифицируются посредством построения терминологической сети. Основной нашей задачей является определение основных категорий понятий, частотно вербализуемых английскими терминологическими единицами анализируемой сферы, на примере анализа дефиниций ключевых терминов, а также исчисление видов отношений между обозначенными категориями.

Цель статьи

Целью статьи является анализ англоязычных терминологических единиц сферы цифровой фотографии путем построения терминологической сети (выявления ключевых категорий специальных понятий и системных отношений между терминологическими единицами) для доказательства того, что соответствующая терминосистема является преимущественно прикладной.

Обзор литературы

Рассмотрение начнем с тезисного изложения основных положений концепции разграничения фундаментальных и прикладных терминосистем. Онтологические характеристики терминологических систем неразрывно связаны со спецификой репрезентируемого ими знания [3; 4; 5; 6; 7; 8].

Методы исследования

Основными методами анализа англоязычных терминологических единиц сферы цифровой фотографии, которую мы рассматриваем как преимущественно прикладную, являются метод сплошной выборки терминов, методы компонентного и дефиниционного анализа, методы лингвокогнитивного моделирования, а именно методы построения терминологических сетей, а также методы количественного и статистического анализа.

Результаты и дискуссии

Как фундаментальное, так и прикладное научное знание структурируется в соответствующих концептах и понятиях, которые объективируются посредством специальной и общеупотребительной лексики. В качестве основных вербализаторов научных понятий выступают терминологические единицы [см., в частности, 9; 10; 11; 12]. В рамках когнитивной лингвистики научное знание зачастую подвергается моделированию, которое, в частности, может быть осуществлено через изучение семантики терминологических единиц: построение терминологических семантических оппозиций (*macrotechnology* (макротехнология) – *microtechnology* (микротехнология); *high-energy electron diffraction* (дифракция быстрых электронов) – *low-energy electron diffraction* (дифракция медленных электронов) и т.д.), фреймовое моделирование терминологических систем, построение терминологических семантических сетей [13; 14; 15; 16; 17] и т.д.

Ранее проведенный нами анализ [2; 18] свидетельствует о том, что для фундаментальных терминосистем более частотными являются абстрактные понятия, в то время как для прикладных терминосистем – конкретные (преимущественно несобирательные), обозначающие предметы/ объекты, связанные с научно-технической, конструкторской и производственной деятельностью человека [см. также: 9; 19; 20; 21; 22].

Мы полагаем, что существуют термины, которые вербализуют прикладные структуры знания, а есть терминологические единицы, задача которых заключается в вербализации именно фундаментального знания [23; см. также интересные закономерности, выявленные в: 24].

В абстрактных понятиях характеристики, свойства и отношения рассматриваются как элементы множеств, что позволяет составлять из них множества, коррелирующие с целыми классами понятий. При этом абстрактные понятия частотно образуются на основе способов вербализации соответствующих им конкретных понятий [25; см. также соображения о базовых терминах и их корреляциях с терминами производными в: 26]. Например, исходя из понятия «*микроскоп*» (конкретный инструмент, используемый для установления свойств и особенностей объектов микромира), образуется понятие «*микроскопия*» (процесс, посредством которого происходит изучение объектов микромира), «*микроскопичность*» (признак, характеристика, свойство соответствующего класса объектов), элементом объема которых будет сложное свойство класса исследуемых под микроскопом объектов «*быть мелким/ маленьким настолько, что его изучение возможно только с использованием микроскопа*». При этом термин «*микроскоп*» является вербализатором элемента прикладного научного знания, в то время как термины «*микроскопия*» и «*микроскопичность*» в большей степени вербализуют уже фундаментальное знание, поскольку и способ изучения, и соответствующая характеристика приложимы к значительному количеству классов разных объектов.

Ни для кого не секрет, что терминологические единицы естественных и технических наук обозначают конкретные предметы, процессы и явления и обладают точной и однозначной дефиницией, в то время как термины гуманитарных наук чаще обозначают отвлеченные, абстрактные понятия, которые зачастую не имеют физического воплощения, поэтому их сложнее толковать с научной точки зрения, т.е. дефинировать, а в рамках терминологической номинации могут создаваться не только термины с прямым значением, но и образные, с переносом значения – метафоричные и/или метонимичные [см. в этой связи: 27; 28; 29; 30 и другие работы по метафорическим терминам]. Без сомнений, специфика конкретной сферы человеческой деятельности, области знания, ее принадлежность в целом к гуманитарным, естественным или техническим наукам играют первостепенную роль при анализе существенных характеристик терминологии, коррелирующей с этой областью знания [5; 31; 32]. При этом стоит заметить, что любое научное знание не только находит репрезентацию в определенном корпусе терминологических единиц; наука в своем развитии также опирается на соответствующую терминосистему, вербализующую различные понятия – материального/ нематериального, абстрактного/ конкретного характера. Развитие научного знания через терминологию возможно, в частности, потому, что *системная упорядоченность терминологических единиц позволяет ученым определить своеобразные «точки роста» терминофонда, которые, в свою очередь, могут указывать на области потенциального приращения научного знания*. Как конкретные, так и абстрактные специальные понятия выражаются отдельными терминами (чаще – именами существительными), которые могут быть объединены в терминологические классы и подклассы, группы и подгруппы в соответствии с их деривационными (структурно-словообразовательными) и семантическими особенностями, и в совокупности термины

образуют систему номинативных средств, т.е. терминосистему соответствующей области знания или деятельности [33; 34; 35; 36]. При этом даже при сравнении терминологических систем достаточно близких наук (будь то науки естественные, технические или гуманитарные) обнаруживаются определенные отличия, среди прочего, в том, что касается категорий понятий и закономерностей их вербального отражения.

Проведенный нами анализ развития сферы цифровой фотографии и соответствующей терминологии английского языка позволяет нам квалифицировать цифровую фотографию как прикладную техническую сферу деятельности, так как в ее рамках используется большое количество технических приспособлений, оборудования, механизмов и их частей. Терминосистема исследуемой сферы обладает определенными особенностями, свойственными терминосистемам прикладного типа, и эти особенности проявляются, в том числе и на уровне специфики репрезентируемых понятий и корреляций между ними. Продемонстрируем некоторые особенности такого рода, представив нашу лексическую подсистему в виде терминологической сети. Подобный способ моделирования прикладного специального знания представляется нам достаточно перспективным, поскольку позволяет представить исследуемый фрагмент профессиональной картины мира в его многомерной системной организации. Это достигается благодаря структуре терминологической сети, которая состоит из *вершин* (терминов и понятий, которые они выражают) и *системных семантических отношений* между понятиями [37; 38] и имеет определенные сходства с онтологиями [39]. Еще одним плюсом использования терминологической сети в качестве инструмента моделирования является тот факт, что в рамках такой модели четко показывается *взаимодействие категорий специального знания и репрезентирующих их терминов*. Так, например, термины одной категории могут быть связаны с репрезентантами других категорий посредством рекуррентных системных отношений, при этом формируя прототипичные схемы взаимодействия терминологических единиц. В этой связи изучение терминов как системных единиц, занимающих четко определенное место в подсистеме профессиональной лексики, становится возможным при помощи терминологической семантической сети, которая показывает, что связи и категории, к которым принадлежат коррелирующие термины, не случайны.

Прежде всего, изложим наше понимание того, что представляет собой терминологическая сеть. Основным элементом подобной модели является специальное понятие, а точнее – категория специальных понятий, т.е. *обобщающий ментальный конструкт*, интегрирующий признаки сходных профессиональных понятий. Например, такие понятия профессиональной картины мира, как **духовой музыкальный инструмент** и **инструмент деревообработки**, могут быть объединены в обобщающую категорию **инструмент**. К этой же категории следует отнести и объект, вербализуемый термином *card reader* (*устройство для чтения/ считывания карт памяти, картридер*).

С.В. Гринев-Гриневич выделяет, по крайней мере, шесть типов понятий, которые может репрезентировать терминологическая лексика: 1) операции, 2) материал, 3) результат/ изделие, 4) оборудование, 5) оператор, 6) свойства [40]. Данный перечень в целом применим для технических наук, однако, как показало исследование конкретного эмпирического материала из сферы цифровой фотографии, его необходимо уточнить, дополнить и расширить. Например, такие английские термины, как *aspect ratio* (*форматное соотношение, соотношение геометрических размеров; характеристическое отношение*), *backscatter* (*обратное рассеяние*), *bokeh* (*боке*), *crop factor* (*круп-фактор*), *depth of field* (*глубина изображаемого пространства, глубина поля, глубина резкости*), *dynamic range* (*динамический диапазон*), *photics* (*оптика*), *white balance* (*баланс белого*), *additive color* (*аддитивный цвет, дополнительный цвет*) [41 и др.] и многие другие единицы, вербализующие соответствующие феномены, характеристики и т.д., не находят места в рамках приведенной выше классификации. Кроме того, ученый не уточняет, относятся ли протекающие в рамках определенной специальной сферы деятельности процессы к операциям, а характеристики специальных объектов к свойствам, не дифференцируется естественный/природный или искусственный характер объектов, используемых в научной деятельности или в производстве.

В нашем исследовании мы опираемся на гораздо более детальную классификацию понятий, предложенную М.Н. Лату, который выделяет терминологические единицы, вербализующие понятия естественной (природной) и искусственной среды и делящиеся на два класса: материальные и нематериальные [42; 43 и др.].

Соответственно, среди «материальных» терминологических единиц выделяются:

- 1) терминологические единицы, вербализующие объекты/ явления естественной среды;
- 2) терминологические единицы, вербализующие естественные/ искусственно созданные вещества;
- 3) терминологические единицы, номинирующие локус (место, местоположение);
- 4) терминологические единицы, вербализующие орудия и инструменты (составляющие инструментов);
- 5) терминологические единицы, номинирующие простые и сложные механизмы, а также составляющие механизмов;
- 6) терминологические единицы, вербализующие естественный/ искусственно созданный материал;
- 7) терминологические единицы, вербализующие искусственно созданный локус (место) или конструкции;

8) терминологические единицы, номинирующие категорию «деятель».

Нематериальные термины включают:

- 1) терминологические единицы, вербализующие процессы;
- 2) терминологические единицы, номинирующие ситуации;
- 3) терминологические единицы, вербализующие характеристики;
- 4) терминологические единицы, номинирующие идеальные феномены.

Данные категории понятий мы рассмотрим применительно к английским терминам сферы цифровой фотографии. Объектом исследования в рамках настоящей публикации послужили словарные дефиниции английских терминов рассматриваемой сферы, а предметом изучения выступили особенности моделирования и построения словарной дефиниции термина в современном английском языке.

В рамках исследования было выявлено, что все категории понятий сферы цифровой фотографии по степени частотности можно разделить на четыре группы: 1) наиболее частотные, 2) достаточно частотные, 3) наименее частотные, 4) не встречающиеся. Кроме того, докажем, что частотной вербализации подвергаются преимущественно категории понятий, типичные для прикладной терминологии, т.е. мы выдвигаем гипотезу, что терминосистема сферы цифровой фотографии является в значительной мере прикладной. Начнем в обратном порядке.

В связи с особенностями референтной сферы терминология цифровой фотографии характеризуется отсутствием терминов, вербализующих элементы естественной среды, имеющие материальное воплощение: **естественный объект/ явление (составляющие объекта), сложный естественный объект/ организм/ явление, естественный материал/ вещество**. Из элементов физического мира отсутствуют термины, вербализующие **искусственно созданный материал**. Из абстрактных элементов научного знания без материального воплощения, являющихся продуктом логического умозаключения, научного анализа, сопоставления, абстрагирования и т.д., в анализируемой сфере отсутствуют **ситуации** (как более сложные, комплексные категории понятий, чем **процессы и характеристики**).

Наименее частотными категориями понятий являются **локусы (естественной/ искусственной среды) и конструкции**, обозначающие определенные элементы пространства, имеющие целый ряд дифференциальных признаков и характеризующиеся протяженностью и объемом [42 и др.]: *location* (локация, место съемки), *site* (место съемки) и др.; *aspherical surface* (асферическая поверхность (линзы)), *colo(u)r space* (цветовое пространство) и др. Среди элементов физического мира искусственного происхождения можно выделить **искусственные объекты/ явления**, т.е. объекты, созданные человеком, например: *artifact/ artefact* (артефакт), *digital negative* (цифровой негатив), *(digital) noise* (цифровой шум), *raw file* (raw-файл, файл в формате raw), *firmware* (программируемое оборудование; встроенное программное обеспечение; аппаратно-программное обеспечение; микропрограмма) и др., а также **простые механизмы** (выполняющие одну функцию), например, *printer* (принтер), *dye-sublimation printer* (термосублимационный принтер; принтер с термической сублимацией (возгонкой) красителя), *slide copier* (копировальный аппарат для слайдов, устройство копирования слайдов) и др.

В группу наименее частотных для исследуемой терминосистемы категорий понятий мы относим категорию **деятель**, например: *photographer* (фотограф), *paparazzo(i)* (напарацци, фотограф, преследующий знаменитостей в надежде сделать скандальные фотографии), *(photo)model* ((фото)модель) и др. Примеры терминологических единиц-вербализаторов приведенных категорий понятий крайне немногочисленны в сфере цифровой фотографии в современном английском языке.

В группу достаточно частотных мы относим категорию понятий **инструмент**, которая вербализуется несколько большим количеством терминологических единиц, например: *memory card* (карта памяти), *compact flash card (CF)* (карта памяти CF, карта памяти фирмы Sandisk для подключения фото-

камеры к компьютеру), *card reader* (картридер, устройство для чтения/ считывания карт), *cartridge* (кассета, картридж), *effect filter* (целевой фильтр, фильтр, который оказывает воздействие на отбор информации в пределах одного носителя), *umbrella* (ширма, отражатель в форме зонта), *colorburst filter* (цветной фильтр), *extension tube* (промежуточное кольцо), *mount* (байонет), *tripod* (тренога, штатив, треножник, тренога), *monopod* (монопод, штатив с одной опорой, телескопический штатив для селфи), *magnifier* (увеличитель; фотоувеличитель), *converter* (конвертер) и др.

Репрезентируемое термином понятие, равно как и категорию понятий, на основе которой может быть сформирована терминологическая сеть, можно вычленил путем последовательного анализа и сопоставления дефиниций термина. Приведем в качестве примера дефиниции термина *extension tube(s)* (промежуточное кольцо):

Extension tube – a tube fitted to a camera between the body and lens to shorten the distance of closest focus of an object so that close-up pictures can be taken [44] (Промежуточное кольцо – кольцо, устанавливаемое в фотоаппарате между корпусом и объективом, чтобы сократить расстояние до ближайшего фокуса объекта, чтобы можно было делать снимки крупным планом) (Здесь и далее перевод наш. – А.А., Х.А.).

EXTENSION TUBES – Tubes made from metal or rigid plastic inserted between the lens and the camera, thereby making the lens to film distance greater [41] (Промежуточные кольца – кольца из металла или жесткого пластика, помещаемые между объективом и камерой с целью увеличения фокусного расстояния объектива). Как видим, промежуточное кольцо представляет собой предмет искусственного происхождения (судя по форме, которая в природе не встречается, а также материалу), который самостоятельно не выполняет никакой функции (значит, это не механизм), а его устанавливают/ помещают между объективом и камерой, где он выполняет вспомогательную функцию, т.е. именно функцию инструмента, увеличивая фокусное расстояние.

Наиболее частотнo встречающимися категориями понятий в сфере цифровой фотографии современного английского языка являются: среди элементов физического мира, элементов искусственного происхождения – **составляющая (простого/ сложного) механизма/ инструмента** и сам **сложный механизм**. Среди абстрактных элементов научного знания выделяются следующие частотные категории понятий: **характеристика/ параметр, процесс, идеальный феномен**.

Рассмотрим пять последних категорий понятий подробнее в связи с их частотностью и проанализируем некоторые дефиниции английских терминов сферы цифровой фотографии. Одной из наиболее полно представленных в терминологическом плане категорий понятий является **составляющая (простого/ сложного) механизма/ инструмента**, в рамках которой обобщены значимые характеристики частей цифровых фотоаппаратов и прочего оборудования, включая объективы, окуляры, задники, видоискатели и т.д., например: *electronic viewfinder (EVF)* (электронный видоискатель), *liquid crystal display (LCD)* (жидкокристаллический дисплей, жидкокристаллический индикатор), *aperture* (апертура, диафрагма), *shutter* (фотографический затвор), *viewfinder* (видоискатель), *buffer memory* (буферная память, буферное запоминающее устройство), *digital camera lens* (объектив цифрового фотоаппарата), *camera matrix* (матрица фотоаппарата), *AF assist lamp* (дополнительная лампа автофокуса), *hood* (бленда), *lens* (объектив), *angle finder* (видоискатель с изломанной оптической осью), *conversion lens* (конверсионные линзы), *photosite* (светочувствительный элемент сенсора), *pneumatic release* (пневматический спуск), *automatic shutter release* (автоспуск) и др. [41; 45 и др.] и др. Рассмотрим дефиницию термина *photosite* (светочувствительный элемент сенсора):

PHOTOSITE – A tiny, light-sensitive electrode on the sensor of a digital camera that records one pixel of an image [41] (СВЕТОЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СЕНСОРА – крошечный, светочувствительный электрод на сенсоре цифровой камеры, который записывает один пиксель изображения). Термин *photosite* мы относим к категории **составляющая простого/ сложного механизма/ инструмента**, так как в приведенной дефиниции эксплицирован тот факт, что данный светочувствительный элемент является частью сенсора, располагается на нем, помогая записывать изображение.

Приведем примеры употребления анализируемой ЛЕ в тексте по цифровой фотографии:

What is the structure of a photosite? I know that **sensors are made from several (million) photosites**. But what is in the photosites? What chemicals, if any? How are they made? What actually detects the light? I am looking for both CMOS and CCD photosites [46] (Какова структура светочувствительного элемента? Я знаю, что **сенсоры состоят из нескольких (миллионов) светочувствительных элементов**. Но что же в них находится? Какие химические вещества, если таковые имеются? Как они сделаны? Что же на са-

мом деле улавливает свет? Я спрашиваю как о КМОП-, так и ПЗС-светочувствительных элементах сенсора). Как видим, светочувствительные элементы в своей совокупности составляют сенсоры, что также подтверждает правильность отнесения рассматриваемого термина к обозначенной выше категории.

В несколько меньшем количестве представлены сами устройства и механизмы, имеющие искусственное происхождение и выполняющие несколько функций, – **сложный механизм** (в отличие от категории понятия **простой механизм**). Сюда мы относим, в частности, терминологические обозначения различных видов фотоаппаратов, камер и т.д. Приведем примеры англоязычных терминов: *camera* (фотоаппарат), *digital camera* (цифровой фотоаппарат), *bridge camera* (переходная камера, псевдозеркальный фотоаппарат), *panoramic camera* (панорамный фотоаппарат), *stereo camera* (стереоскопический фотоаппарат), *rangefinder camera* (дальномерный фотоаппарат), *digital single lens reflex (DSLR) camera* (цифровой однообъективный зеркальный фотоаппарат), *compact camera* (компакт-камера, полнофункциональная цифровая камера на карте для работы с карманным ПК) [41; 45 и др.] и др.

...A **bridge camera** refers mainly to a digital camera with a fixed lens that **has some of the characteristics of both point-and-shoot and dSLR cameras**, usually **with a relatively small sensor**. Bridge cameras are sometimes referred to as **Superzoom cameras** because their lenses typically **have a very wide range of focal lengths** [41] (... **Переходной камерой/бридж-камерой** называется чаще всего цифровой фотоаппарат с объективом с постоянным фокусным расстоянием, который **обладает некоторыми характеристиками как компактных камер (мыльниц), так и цифровых зеркальных камер, обычно с относительно небольшим сенсором**. Бридж-камеры в некоторых случаях называют **суперзум-фотоаппаратами**, так как их объективы обычно **имеют очень широкий диапазон фокусных расстояний**). Специальное понятие, обозначаемое термином *bridge camera* (бридж-камера), мы относим к категории **сложный механизм** в связи с тем, что данный фотоаппарат является многофункциональным, имеет многочисленные характеристики, включая переменное фокусное расстояние, вплоть до суперзум-фотоаппаратов. Приведем пример из дискурса:

Bridge cameras offer scenes, effects, and presets for different kinds of photography: portrait, night, landscape and food. The added advantage here is that **the camera also does the post processing for you**. Pictures out of the box will look vivid and vibrant. Ready for Instagram and social shares [47] (Бридж-камеры предлагают режимы съемки, эффекты и пресеты для различных видов фотографии: портретной, ночной, пейзажной и фуд-фотографии. Дополнительным преимуществом здесь является то, что **камера также выполняет постобработку фотографий за вас**. Фотографии прямо из фотоаппарата будут выглядеть ярко и живо. Готовыми к тому, чтобы поделиться ими в Инстаграм и социальных сетях). В данном дискурсивном фрагменте также подчеркивается многофункциональность бридж-камеры. Данный фотоаппарат может даже выполнять постобработку фотографий, что позволит в некоторых случаях не использовать графический редактор и облегчить работу фотографа.

В результате логического умозаключения, различных видов научного анализа, сопоставления, абстрагирования и т.д. были образованы такие элементы научного знания, которые не имеют материального воплощения и относятся к категории понятий **характеристика/параметр**. В данную категорию, как нам представляется, следует отнести такие более частные специальные понятия исследуемой сферы, как *глубина цвета*, *глубина фокусировки*, *выдержка затвора*, *АББ (автоматический баланс белого)*, *виды фокуса*, *виды зумов*, *приоритет диафрагмы* и т.д., которые представляют собой результат обобщения технических особенностей и приемов создания и последующей обработки цифровых снимков. Приведем некоторые примеры терминологических единиц, вербализующих различные аспекты приведенных выше понятий: *colo(u)r depth* (глубина цвета), *shutter speed* (выдержка затвора), *auto white balance (AWB)* (автоматический баланс белого), *camera angle* (ракурс, точка съемки), *depth of field (DOF)* (глубина изображаемого пространства, глубина поля, глубина резкости), *depth of focus* (глубина изображаемого пространства, глубина поля, глубина резкости, глубина фокуса), *autofocus* (автофокус), *digital zoom* (цифровой зум), *optical zoom* (оптический зум), *racking focus* (стеллажный фокус), *shutter priority* (приоритет выдержки, приоритет по выдержке), *aperture priority* (приоритет диафрагмы), *dynamic range* (динамический диапазон), *tonal range* (диапазон тонов), *lossy* (метод сжатия с потерями информации), *time-lapse* (интервальная съемка, таймлапс) [41; 45 и др.] и др.

Camera angle – the point or direction from which an object is photographed or filmed [44] (**Ракурс/Точка съемки – точка или направление**, с которого объект фотографируется или снимается). Мы относим терминоединицу *camera angle* к вербализаторам категории понятий **характеристика/пара-**

метр, так как она обозначает параметр/ точку фото- или видеосъемки, ракурс, с которого она ведется. Докажем на примере из дискурса:

Camera Angles. The next category that we'll look at is **camera angle**. Once you've decided on a shot size, you can add a bit more perspective to your shot by **choosing an angle**. The camera angle can help you create a sense of fear, empathy, or disorientation in the viewer [48] (**Ракурсы/ Точки съемки**. Следующая категория, которую мы рассмотрим, – это **точка съемки/ ракурс камеры**. После того как вы определились с размером снимка, вы можете добавить немного больше перспективы своему снимку, **выбрав определенный угол**. Ракурс камеры может помочь вам создать у зрителя чувство страха, сопереживания или дезориентации). Здесь мы также наблюдаем, что ракурс/ точка съемки – это параметр, который может изменить отношение просматривающего фотографии к фотоснимку или зрителя к видео.

Опыт систематизации анализируемой терминосистемы [49; 50; 51] показывает, что в сфере цифровой фотографии весьма частотны **процессы** (имеющие, что немаловажно, как **контролируемый**, так и **неконтролируемый** характер), например: *aberration* (**аберрация**), *chromatic aberration* (**хроматическая аберрация**), *colo(u)r management* (**управление цветом**), *flash sync(hronization)* (**синхронизация вспышки**), *pixelization* (**пикселизация**), *compression* (**компрессия**), *matrix metering* (**матричный экспозамер**), *bloom-ing* (**размытие изображения, блюминг**), *aliasing* (**возникновение эффекта наложения, ступенчатости, неровности, зубцеобразного дефекта (изображения)**), *hardware calibration* (**калибровка оборудования**), *noise reduction* (**уменьшение шума**), *vignetting* (**виньетирование**), *saturation* (**насыщение [как правило, цветом]**), *colo(u)r calibration* (**калибровка цвета**), *exposure compensation* (**компенсация экспозиции**) [41; 45 и др.] и др. Рассмотрим далее дефиниции двух терминов, на примере которых покажем, каким образом в их семантике актуализируется соответствующая категория понятий.

DIGITAL MANIPULATION – Altering a digital image using **image-editing** software, such as Adobe Photoshop [41] (Цифровая манипуляция – **изменение** цифрового изображения с помощью программного обеспечения для **редактирования изображений**, например, программы Adobe Photoshop).

DIGITIZATION – The process by which analog images **are converted to** a digital form [41] (Оцифровка – **процесс**, посредством которого аналоговые изображения **преобразуются в** цифровую форму) [см. также: 52; 53]. Во второй дефиниции (термин *digitalization*) четко прослеживается прямое указание на процесс (лексема **process**), в то время как в первой дефиниции (термин *digital manipulation*) длительность, процессуальность эксплицируется благодаря наличию суффиксального форманта *-ing* (**altering, image-editing**).

Достаточно частотной категорией понятий является **идеальный феномен**, к которой мы относим терминологические единицы абстрактного характера, номинирующие типы файлов, названия разделов фотографии, различные явления/ феномены и т.д.: *bokeh* (**боке, размытость, нечеткость**), *moiré* (**муар, муаровый узор**), *colo(u)r palette* (**цветовая палитра**), *file format* (**формат файла**), *JPEG* (*Joint Photographic Experts Group*) (**формат графического файла jpeg**), *PSD* (*PhotoShop Drawing*) (**формат графического файла в программе Adobe Photoshop**), *TIFF* (*tagged-image file format*) (**формат графического файла tiff**), *optics* (**оптика**), *digital photography* (**цифровая фотография**), *food photography* (**фуд-фотография, фотография еды**), *BMP* (*BitMap Picture*) (**формат файла bmp**) [41; 45 и др.] и др. Как видим из примеров, немало идеальных феноменов вербализуются посредством многокомпонентных терминов, которые подвергаются аббревиации. Рассмотрим дефиниции:

FILE FORMAT – The standard way in which a digital image is encoded for storage, dependent upon the proposed use of the image, such as print, email or web viewing. Various formats (e.g. **JPEG**, **TIFF**, **PSD**, etc.) have different characteristics [41] (Формат файла – стандартный способ кодирования цифрового изображения для хранения, зависящий от предполагаемого использования изображения, такого как печать, электронная почта или веб-просмотр. Различные форматы (например, **JPEG**, **TIFF**, **PSD** и др.) имеют различные характеристики). Мы относим термин *file format* к вербализаторам категории понятий **идеальный феномен**, так как термин номинирует условное обозначение, абстрактное понятие, которое имеет определенные характеристики, позволяет операционной системе распознать тип файла и открыть его в соответствующей программе. Приведем в пример дискурсивный фрагмент:

The **file format** is the structure of a file that tells a program how to display its contents. For example, a Microsoft Word document saved in the **.DOC file format** is best viewed in Microsoft Word. Even if another program can open the file, it may not have all the features needed to display the document correctly [54] (**Формат файла** – это структура файла, которая говорит программе, как отображать его содержимое. Например,

документ Microsoft Word, сохраненный в **формате файла** .DOC, лучше всего просматривается в программе Microsoft Word. Даже если файл может быть открыт в другой программе, она может не иметь всех функций, необходимых для правильного отображения документа).

Таким образом, мы показали, что в англоязычной терминологии цифровой фотографии можно выделить наиболее частотные, достаточно частотные и наименее частотные категории понятий. Процентное соотношение вербализаторов рассмотренных категорий представлено на соответствующей диаграмме (см. Диаграмму №1). Преобладающими категориями понятий выступают **составляющие механизмов/инструментов, процессы, идеальные феномены, сложные механизмы, характеристики/параметры**, что говорит о терминосистеме цифровой фотографии как о *преимущественно прикладной*.

Диаграмма №1. Процентное соотношение вербализаторов категорий понятий сферы цифровой фотографии

Поскольку, как уже говорилось выше, терминологическая сеть представляет собой не просто совокупность категорий понятий, но и *корреляции* между соположенными категориями, перейдем к рассмотрению отношений между категориями понятий, изученными на материале английских терминов сферы цифровой фотографии.

Специалисты в области когнитивного моделирования все больше внимания уделяют именно отношениям между узловыми элементами разрабатываемых моделей, т.к. *только в отношениях* в другими элементами наиболее полно раскрывается специфика самих узловых элементов, а кроме того, установление того, какие именно корреляции связывают между собой моделируемые сущности, позволяет понять закономерности возникновения данных сущностей. Значительное внимание отношениям между элементами в структуре концептосферы языковой личности уделяет О.А. Алимуратов [55].

Виды системных отношений терминологических единиц отражают характер взаимодействия специальных понятий в рамках профессиональной картины мира, например:

АКО – системное отношение между гиперонимом (родовым понятием) и гипонимами (видовым понятием);

РО – между меронимом (партоном, часть) и холонимом (целое);

At – системное отношение атрибутивности, при котором один референт выступает атрибутом, признаком другого;

ObjR – системное отношение, возникающее между референтами, которые в рамках одного процесса составляют объект воздействия и полученный в связи с этим воздействием результат;

SR – системное отношение, складывающееся между референтами, которые в рамках одного процесса составляют субъект воздействия и полученный в связи с этим воздействием результат;

R – системное отношение между действием и результатом действия;

Inst – системное отношение, возникающее между двумя референтами, один из которых является процессом, а другой выступает в данном процессе в роли инструмента;

SInst – системное отношение, возникающее между субъектом действия и используемым в рамках работы референтом, при помощи которого выполняется определенное действие;

Loc – системное отношение между референтами, один из которых выступает в качестве места расположения другого;

IOp – системное отношение между согипонимами (видовыми понятиями), у которых внутренняя форма не содержит противопоставления;

ISA – системное отношение, обозначающее совпадение или включения в некое множество (где один из референтов не выступает в качестве прямого гиперонима по отношению к другому) [37] и др.

Благодаря системному характеру терминологической лексики подобный подход делает прозрачными процессы накопления и организации научных знаний, что особенно значимо для молодых развивающихся областей профессиональной деятельности [см. 19], к которым можно также отнести сферу цифровой фотографии. Конструирование терминологической сети становится возможным только при условии принятия тезиса о том, что термин – это не изолированная единица и существует не сам по себе, а встраивается в систему уже существующего научного знания в результате установления системных отношений с другими входящими в нее терминологическими единицами [37; 56; 57].

Терминологические единицы связаны между собой такими видами системных отношений, которые можно выявить с помощью методов дефиниционного, контекстуального и дистрибутивного анализа. Системность термина проявляется в том, что каждый отдельный термин имеет свой собственный набор смежных лексических единиц, которые связаны с ним гипо-гиперонимическими, партитивными, субъектными, объектными и т.д. отношениями. Это не отменяет также и того факта, что каждый из них вербализует ту или иную категорию понятия. Термины одних категорий вступают в системные отношения с терминами определенных категорий чаще, других – реже. Разные виды системных отношений организуют термины в сложную систему, комплексы взаимосвязанных категорий, образующие терминологическую сеть [37].

Прототипическая структура элемента терминологической сети включает четыре базовых элемента: категорию 1, категорию 2, вид системного отношения и вектор, показывающий направление данной связи. Следует отметить, что одна категория может быть связана с другими категориями одним и тем же видом системных отношений, а две одинаковые категории в разных терминологических сетях – разными видами системных отношений [37]. На основе данной прототипичной модели можно построить некоторые ключевые модели отношений терминов, относящихся как к одним и тем же, так и разным категориям понятий. Как и при определении категорий понятий, при выделении того или иного вида системных отношений необходимо обратиться к дефинициям соответствующих терминологических единиц.

В ходе анализа эмпирического материала было выявлено, что наиболее распространенными в сфере цифровой фотографии выступают два вида системных отношений в терминологической сети: **АКО** – «a kind of», отношение между непосредственным гиперонимом и гипонимами, и **ISA** – «is a», отношение совпадения или включения во множество. Гипо-гиперонимические (родовидовые) отношения представляются значимыми для научно-профессионального знания, поскольку с их помощью выстраивается иерархия специальных понятий. Например:

COATED LENS – **A lens** that has a thin layer of transparent substance applied to its surface to reduce light reflection [41] (**Покрытая линза** – **линза**, имеющая тонкий слой прозрачного вещества, нанесенного на ее поверхность для уменьшения отражения света) (Категория понятия – **составляющая механизма**). Как видим, покрытая линза – это определенный вид линзы с особым покрытием.

COMPOUND LENS – **A lens** made up of two or more lens elements [41] (**Составная линза** – **линза**, состоящая из двух или более линзовых элементов) (категория понятия – **составляющая механизма**). В данной дефиниции мы наблюдаем то же самое: составная линза – это особый вид линзы, состоящий из нескольких компонентов, элементов.

VIEW CAMERA – **A large format camera** – a term that applies to cameras that produce an individual image size of 5" X 4" or larger. It is most often found in a studio, and is sometimes even called a «studio camera», al-

though the view camera can be transported and set up in the field [41] (**ПАВИЛЬОННЫЙ ФОТОАППАРАТ/ КРУПНОФОРМАТНЫЙ ФОТОАППАРАТ С ПОДВИЖКОЙ** – широкоформатный фотоаппарат – термин, который применяется к фотоаппаратам, которые производят индивидуальное изображение размером 5” X 4 “ или больше. Его чаще всего можно встретить в студии, и его иногда даже называют «студийной камерой», хотя павильонный фотоаппарат можно транспортировать и устанавливать в полевых условиях [см. 58]) (категория понятия – **сложный механизм**). В данной дефиниции мы можем проследить родовидовую связь между терминами *view camera* и *large format camera*.

Узловые элементы терминологической сети также могут быть связаны отношением *At* – «атрибутивности, свойственности характеристики, где один референт выступает признаком другого» [37: 143]. Например:

BOX CAMERA – Simple camera with a fixed, single-element lens and a light-tight box to hold the film/sensor. The shutter and aperture are usually pre-determined and unalterable (typically 1/25 sec at *f*11) [41] (**НЕРАЗДВИЖНАЯ ФОТОКАМЕРА** – простая камера с фиксированным одноэлементным объективом и светонепроницаемой коробкой для удержания пленки/ датчика. Затвор и диафрагма обычно заранее определены и неизменны (обычно 1/25 сек при *f*11)) (категория понятия – **сложный механизм**). В дефиниции данного термина мы можем видеть характеристики, присущие нераздвижной камере, в частности, фиксированный одноэлементный объектив и светонепроницаемый корпус для пленки или датчика.

GRANULARITY – Describes a negative or film that shows a granulated structure, usually used to describe the degree of granularity that is visible [41] (Зернистость – (термин) описывает негатив или пленку, которая **показывает гранулированную структуру**, обычно используемую для описания степени зернистости, которая видна) (категория понятия – **характеристика**). В данном случае сама внутренняя форма термина говорит о свойстве/ характеристике, которая присуща какому-либо объекту из сферы цифровой фотографии. Характеристика подтверждается наличием в дефиниции указания на определенную (гранулированную) структуру.

При сообщении данных о целях использования или предназначении референта, отчасти определяющих его специфику, мы можем говорить об отношении целеполагания. Зачастую данный тип отношений вербализуется посредством предлога «*for*» обособлено или в составе фразы «*used for (something)*» и др. Например:

GROUND GLASS SCREEN – Flat sheet of glass in a camera treated so that it can be used for viewing and focusing an image, also known as the «Viewing screen» [41] (Экран из матового стекла – плоский лист стекла в камере, обработанный таким образом, что его **можно использовать для просмотра и фокусировки изображения**, также известный как «просмотровый экран») (категория понятия – **составляющая механизма**). В данном примере очевидно указание на использование данного экрана для просмотра и фокусировки изображения (*be used for*).

High-Magnification Viewfinder. A viewfinder used for viewing the entire image at a magnification higher than that with a standard viewfinder. Useful for close-up work, copy stand work and when trying to focus on subjects with fine detail [59] (Видоискатель с высоким увеличением. Видоискатель, используемый для просмотра всего изображения при увеличении выше, чем при использовании стандартного видоискателя. **Полезен для работы крупным планом, копирования стендовой работы и при попытке сосредоточиться на предметах с мелкими деталями**) (категория понятия – **составляющая механизма**). В рамках данного примера мы также можем вычленив вербализатор отношения целеполагания *used for*.

Кроме того, в ходе работы были найдены некоторые примеры системных отношений **Inst** – «instrument», отношение между референтами – процессом и инструментом в данном процессе, **SInst** – «subject-instrument», системное отношение, возникающее между субъектом действия и используемым в работе референтом, при помощи которого выполняется действие. Приведем пример:

APERTURE PREVIEW – Controlled by a button or switch on some cameras, this feature permits you to look at the scene in the viewfinder with the aperture stopped down to the opening you intend to use when taking the picture. It is a handy aid in checking the effect of depth of field – i.e. what will be in focus [41] (Предварительный просмотр установок диафрагмы – **управляется кнопкой или переключателем** на некоторых камерах, эта функция позволяет вам посмотреть на место съемки через видоискатель с диафрагмой, остановленной до размера, которое вы собираетесь использовать при съемке. Это удобно при

проверке эффекта глубины резкости – то есть того, что будет в фокусе) (категория понятия – **характеристика**). В приведенном примере кнопка или переключатель выполняет роль инструмента (системные отношения **SInst**). В целом кнопки/ регуляторы/ переключатели в сфере цифровой фотографии используются для управления какими-либо функциями фотоаппарата или другого цифрового устройства:

Buying a camera with an interchangeable lens is an exciting experience, but it can also be overwhelming. Whether DSLR or mirrorless, these cameras offer superior image sensors and a bevy of features and adjustable settings. Even entry-level models have a confusing number of **buttons** and controls [60] (Покупка фотоаппарата со сменным объективом – это увлекательное занятие, но оно также может быть шокирующим. Будь то зеркальные или беззеркальные фотоаппараты, они предлагают превосходные датчики изображения и множество функций и регулируемых настроек. Даже модели начального уровня имеют значительное количество **кнопок** и элементов управления).

В целом исследование всего объема выборки показало, что наиболее частотными видами системных отношений понятий и соответствующих английских терминов в сфере цифровой фотографии выступают: **АКО** (системное отношение между гиперонимом и гипонимами), **ISA** (системное отношение, выражающее совпадение или включение в некое множество), **SR** (системное отношение между референтами, которые составляют субъект воздействия и полученный результат в рамках одного процесса). Наименее частотны следующие виды системных отношений: **Inst** (системное отношение, складывающееся между референтами – процессом и инструментом в рамках данного процесса), **SInst** (системное отношение, возникающее между субъектом действия и используемым в работе референтом, с помощью которого выполняется действие), **PO** (системное отношение, выражающее связь части и целого). Процентное соотношение рассмотренных системных отношений наглядно представлено на диаграмме (см. Диаграмму №2).

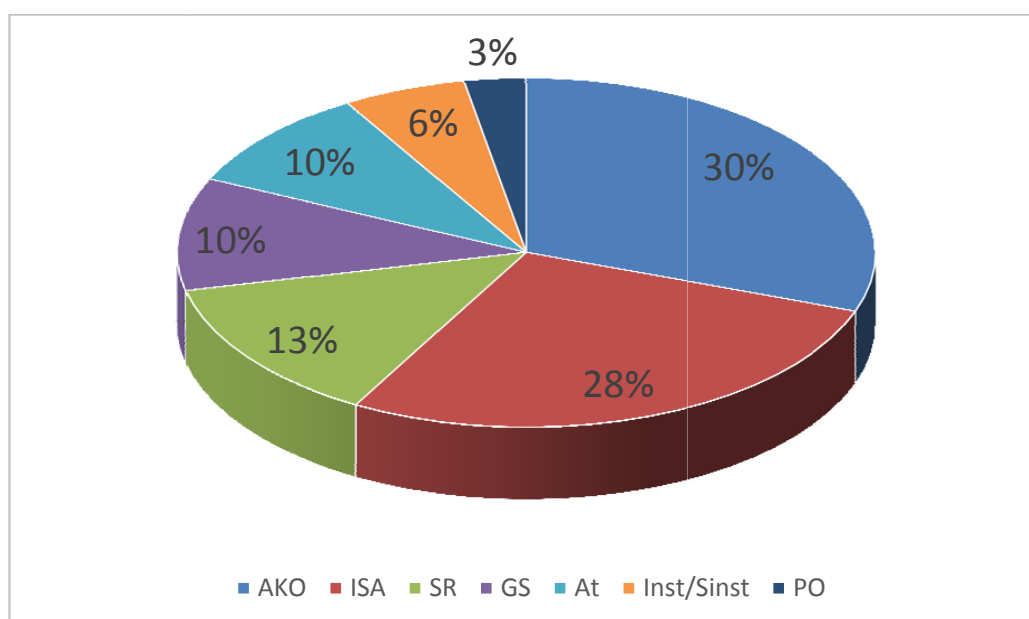

Диаграмма №2. Процентное соотношение системных отношений между терминами в сфере цифровой фотографии

В целом полученные данные о процентном соотношении рассмотренных связей по всей терминологической выборке свидетельствуют о том, что частотной актуализации подвергаются связи, типичные преимущественно для прикладной терминологии (в частности, **АКО**, **ISA**, **SR**).

Заключение

Таким образом, в рамках статьи мы представили опыт репрезентации прикладной терминологической системы посредством терминологической сети на примере сферы цифровой фотографии на материале современного английского языка. Среди частотных категорий понятий, вербализуемых англоязычными терминами сферы цифровой фотографии, мы выделяем следующие: **характеристика/**

параметр (18% выборки), сложный механизм (17%), идеальный феномен (16%), составляющая механизма/ инструмента (14%), инструмент (9%). Данные категории (за исключением категории **идеальный феномен**) свидетельствуют о преимущественно прикладном характере анализируемой терминосистемы. Говоря о системных отношениях между терминологическими единицами, вербализующими специальные понятия из сферы цифровой фотографии, мы отмечаем такие, как: **АКО** (30%), **ISA** (28%), **SR** (13%), **GS** (10%), **At** (10%).

Список литературы

1. Акаева Х.А. Комплексная характеристика терминосистемы классической механики как фундаментальной терминосистемы (на материале современного английского языка). *Филология: научные исследования*, 2017;3:125-139.
2. Акаева Х.А., Алимуратов О.А. О некоторых системных критериях разграничения фундаментальных и прикладных терминологий. *Российский гуманитарный журнал*, 2016;5,2:200-211.
3. Алимуратов О.А., Лату М.Н. Особенности терминологической номинации: когнитивно-семантический подход (на материале китайской и английской терминологии боевых искусств). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2008;1-2(1):6-13.
4. Алимуратов О.А., Раздуб А.В. Термины-эпонимы в русском и английском подязыках нанотехнологий: структурно-семантический и гендерный аспекты. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, 2011;2:157-161.
5. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009:256.
6. Раздуб А.В., Алимуратов О.А. Некоторые антропоцентрические параметры терминологической номинации (на материале терминов-эпонимов сферы нанотехнологий). *Когнитивные исследования языка*, 2016;27:580-591.
7. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология». Развитие лексики современного русского языка. М., 1965:75-85.
8. Табанакова В.Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2013:208.
9. Алимуратов О.А. Функциональная природа лексического значения. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, 2004;4:77-82.
10. Раздуб А.В. Некоторые особенности репрезентации научно-профессиональных знаний посредством терминологических единиц. *Вестник Челябинского государственного университета*, 2016;4(386):164-168.
11. Чернышенко А.Г., Алимуратов О.А. Прикладная терминосистема с функциональной точки зрения: терминологический компонент англоязычного дискурса медиации. *Вестник Брянского государственного университета*, 2014;2:408-415.
12. Чернышенко А.Г., Раздуб А.В. Сопоставительный анализ структурных моделей фундаментальных и прикладных терминосистем (на материале терминологий нанотехнологий и медиации). *Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III Междунар. науч. конф.* М.: Буки-Веди, 2014:123-128.
13. Алимуратов О.А., Чурсин О.В. Картины языка музыки. Функционально-семантическая характеристика современной английской музыкальной лексики: когнитивно-фреймовый подход. М.: URSS, 2009:183.
14. Алимуратов О.А., Чурсин О.В. Фреймовое моделирование специализированного знания и его репрезентация в речи (на материале терминологической музыкальной лексики современного английского языка). *Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности*, 2011;6:6-27.
15. Лату М.Н. Основные характеристики термина в современном английском языке: эталон и динамика (на материале современного английского языка военно-исторической терминологии). *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, 2009;2:93-96.
16. Лату М.Н. Прототипичные модели взаимодействия понятий в терминологической сети. *Когнитивные исследования языка*, 2018;34:710-713.
17. Раздуб А.В. Сравнительно-сопоставительный анализ семантики, структуры и динамики русского и английского подязыков сферы нанотехнологий. *Вестник Челябинского государственного университета*, 2011;24(239):167-170.

18. Акаева Х.А. Терминосистема сферы философии как фундаментальная терминосистема (на материале современных русского и английского языков). *Вопросы романо-германской и русской филологии*, 2019;1:22-27.
19. Раздубов А.В. Современный английский подязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2013:242.
20. Хакиева З.У. Англоязычная терминология строительства и строительных технологий: структура, семантика и динамика развития: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2013:225.
21. Ахтаева Л.А. Структурные модели терминологических единиц, функционирующих в англоязычном электронном математическом дискурсе. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, 2017;1:25-31.
22. Горбунова Н.Н. Транс терминологизация, полисемия, омонимия и трансдисциплинарность терминологических единиц: аспекты корреляции и разграничения. *Вестник Пятигорского государственного университета*, 2017;4:183-189.
23. Ахтаева Л.А., Акаева Х.А. Английский математический дискурс как сфера функционирования терминологических единиц. *Вестник Пятигорского государственного университета*, 2018;2:206-213.
24. Хакиева З.У., Маннанова Д.М., Кажарова Д.С. К вопросу о механизмах структурной и семантической терминологизации (на материале медицинских и строительных терминов). *Вестник Пятигорского государственного университета*, 2018;2:252-262.
25. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник для юридических вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 1999:256.
26. Горбунова Н.Н. Современная англоязычная терминосистема сферы менеджмента: структурно-семантическая и когнитивно-фреймовая характеристика: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2014:247.
27. Гандалоева З.С. Метафоризация и метонимизация как способы терминообразования в сфере парфюмерного и косметического производства (на материале современного английского языка). *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2016;3:24-29.
28. Гандалоева З.С. К вопросу об основных характеристиках термина (на материале англоязычной терминологии парфюмерии). *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, 2014;2:67-76.
29. Сабанчиева А.К., Аликаев Р.С. Модели терминологической номинации, реализующиеся в текстах научных монографий по астрономии (на материале русского и английского языков). *Вестник Пятигорского государственного университета*, 2017;2:88-96.
30. Горбунова Н.Н., Алимуратов О.А. Метафорические модели терминологизации в английской терминосистеме сферы менеджмента: гендерный аспект. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2015;3(44):90-98.
31. Герд А.С. Еще раз о значении термина. *Лингвистические аспекты терминологии*: сб. ст. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1980:3-9.
32. Суперанская А.В. [и др.]. Общая терминология: Вопросы теории. А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева; отв. ред. Т.Л. Канделаки. М.: Едиториал УРСС, 2004:248.
33. Герд А.С. Логико-понятийное моделирование терминосистем и машинный фонд русского языка. Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание. Воронеж, 1988:117.
34. Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989:47.
35. Татаринов В.А. Теория терминоведения. М.: Московский лицей, 1996:311.
36. Володина М.Н. Теория терминологической номинации. М., 1997:180.
37. Лату М.Н. Принципы построения терминологических сетей: типы вершин и отношений. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2016;4(49):142-149.
38. Чернышенко А.Г., Лату М.Н. Системные отношения внутри терминосистем прикладного характера (на материале терминологии информационных технологий и терминологии медиации). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2015;1-2(43):202-206.
39. Потапова Е.В., Широков В.А. Моделирование многоязычной онтологии как лексикографической системы. *Искусственный интеллект и принятие решений*, 2013;2:23-31.

40. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М., 2008:304.
41. Photogtaphy Tips. Glossary. Доступно по: <https://www.photographytips.com>. Ссылка активна на 30.11.2019.
42. Лату М.Н. Номинация в развивающихся терминосистемах: монография. Пятигорск: СНЕГ, 2015:192.
43. Лату М.Н., Левит А.А. Базовые информационные блоки в определениях понятий разных категорий. *Язык. Текст. Дискурс*, 2018;16:88-100.
44. Lexico.com. Доступно по: <https://www.lexico.com/>. Ссылка активна на 30.11.2019.
45. Photography Terminology: A Glossary of 71 Photographic Terms. Доступно по: <https://digital-photography-school.com/deciphering-photo-jargon-learn-to-speak-photographer/>. Ссылка активна на 30.11.2019.
46. What is the structure of a photosite. Photography. Доступно по: <https://photo.stackexchange.com/questions/26624/what-is-the-structure-of-a-photosite>. Ссылка активна на 30.11.2019.
47. Dsouza M. Bridge camera photography tips for professional results. Picture Correct. Доступно по: <https://www.picturecorrect.com/tips/bridge-camera-photography-tips-for-professional-results/>. Ссылка активна на 30.11.2019.
48. 15 Essential Camera Shots, Angles and Movements. Wolfcrow. Доступно по: <https://wolfcrow.com/15-essential-camera-shots-angles-and-movements/>. Ссылка активна на 30.11.2019.
49. Асадова А.Ю. Структурно-семантическая характеристика многокомпонентных терминов (на примере терминологии цифровой фотографии). *Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики*, 2016;9:30-37.
50. Асадова А.Ю., Раздвев А.В. Эпонимия в терминологии сфер цифровой фотографии и нанотехнологий: сравнительно-сопоставительный аспект. *Филология: научные исследования*, 2015;4:355-366.
51. Насонова А.Г., Асадова А.Ю. Основные деривационные модели англоязычных терминов сферы цифровой фотографии. *Вестник Пятигорского государственного университета*, 2019;2:74-78.
52. Fatorelli A. Notes on analog and digital photography [Notas sobre a fotografia analógica e digital]. *Discursos Fotograficos*, 2017;13(22):52-68.
53. Lehmuskallio A., Häkkinen J., Seppänen J. Photorealistic computer-generated images are difficult to distinguish from digital photographs: a case study with professional photographers and photo-editors. *Visual Communication*, 2019;18(4):427-451.
54. File format. Computer Hope. Доступно по: <https://www.computerhope.com/jargon/f/file-format.htm>. Ссылка активна на 30.11.2019).
55. Алимуратов О.А. Концепт и лингвистическая семантика. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций: монография. Saarbrücken: LAP Lambert, 2011:316.
56. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М., 2011:224.
57. Мишланова С.Л. Термин в медицинском дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2003:392.
58. Knoll M.K., Carver-Kubik A. In-Field Digital Photography and the Curation of Associated Records: Not All Prints Are Created Equal. *Advances in Archaeological Practice*, 2019;7(3):302-310.
59. What does this button do? A quick guide to understanding your camera's controls. Photography. Digital Trends. Доступно по: <https://www.digitaltrends.com/photography/what-does-this-do-an-explanation-of-dslr-buttons/>. Ссылка активна на 30.11.2019.
60. Photography Glossary. Nikon USA. Доступно по: <https://www.nikonusa.com/en/learn-and-explore/photography-glossary/>. Ссылка активна на 30.11.2019.

References

1. Akayeva KhA. A complex characteristic of Classical Mechanics terminological system as a fundamental terminological system (based on the modern English language material. *Philology: Scientific Research*, 2017;3:125-139.
2. Akayeva KhA., Alimuradov OA. About some system criteria of differentiation between fundamental and applied terminologies. *Russian Humanitarian Journal*, 2016;5,2:200-211.
3. Alimuradov OA., Latu MN. Some peculiarities of terminological nomination: a cognitive-semantic approach (based on the material of Chinese and English terminology of Martial Arts. *Philological Sciences. Issues of theory and practice*, 2008;1-2(1):6-13.

4. Alimuradov OA., Razduyev AV. Eponymic terms in the Russian and English Nanotechnology sublanguages: structural-semantic and gender aspects. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, 2011;2:157-161.
5. Leychik VM. Terminology studies. Object, methods, structure. Moscow: Librokom, 2009:256.
6. Razduyev AV., Alimuradov OA. Some anthropocentric parameters of terminological nomination (based on the material of Nanotechnology eponymic terms. *Cognitive studies of language*, 2016;27:580-591.
7. Kapanadze LA. About the notions of «term» and «terminology». The development of lexis of the modern Russian language. Moscow, 1965:75-85.
8. Tabanakova VD. The author's term: I know it, interpret, translate: monograph. Tyumen': Publishing House of Tyumen' State University, 2013:208.
9. Alimuradov OA. Functional nature of lexical meaning. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, 2004;4:77-82.
10. Razduyev AV. Some peculiarities of representation of scientific-professional knowledge by means of terminological units. *Chelyabinsk State University Bulletin*, 2016;4(386):164-168.
11. Chernyshenko AG., Alimuradov OA. An applied terminology system from the functional point of view: a terminological component of the English-language Mediation discourse. *Bryansk State University Bulletin*, 2014;2:408-415.
12. Chernyshenko AG., Razduyev AV. A comparative analysis of the structural models of fundamental and applied terminological systems (based on the material of Nanotechnology and Mediation terminology). Philology and linguistics in the modern society: materials of the IIIrd International scientific conf. Moscow: Buki-Vedi, 2014:123-128.
13. Alimuradov OA., Chursin OV. The pictures of the language of music. A functional-semantic characteristic of the modern English music lexis: a cognitive-frame approach. Moscow: URSS, 2009:183.
14. Alimuradov OA., Chursin OV. Frame modelling of specialized knowledge and its representation in the speech (based on the material of the musical terminological lexis of the modern English language). *Theoretical and Applied Aspects of the Study of Speech Activity*, 2011;6:6-27.
15. Latu MN. Some basic characteristics of the term in the modern English language: the standard and dynamics (based on the material of the modern English-language military-historical terminology). *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, 2009;2:93-96.
16. Latu MN. Prototypical models of interrelation of notions in the terminological network. *Cognitive Studies of Language*, 2018;34:710-713.
17. Razduyev AV. A contrastive-comparative analysis of semantics, structure and dynamics of the Russian and English Nanotechnology sublanguages. *Chelyabinsk State University Bulletin*, 2011;24(239):167-170.
18. Akayeva KhA. Philosophy terminological system as a fundamental terminological system (based on the modern Russian and English language material. *Issues of Romance-Germanic and Russian Philology*, 2019;1:22-27.
19. Razduyev AV. Modern English Nanotechnology sublanguage: structural-semantic, cognitive-frame and lexicographic models: PhD thesis in Philology: 10.02.04. Pyatigorsk, 2013:242.
20. Khakiyeva ZU. The English-language terminology of construction and construction technologies: structure, semantics and dynamics of development: PhD thesis in Philology: 10.02.04. Pyatigorsk, 2013:225.
21. Akhtayeva LA. Structural models of terminological units, functioning in the English electronic mathematical discourse. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, 2017;1:25-31.
22. Gorbunova NN. Transterminologisation, polysemy, homonymy and transdisciplinarity of terminological units: some aspects of correlation and differentiation. *Pyatigorsk State University Bulletin*, 2017;4:183-189.
23. Akhtayeva LA., Akayeva KhA. English mathematical discourse as a sphere of functioning of terminological units. *Pyatigorsk State University Bulletin*, 2018;2:206-213.
24. Khakiyeva ZU., Mannanova DM., Kazharova DS. To the issue of mechanisms of structural and semantic terminological derivation (based on the material of medical and construction terms). *Pyatigorsk State University Bulletin*, 2018;2:252-262.
25. Kirillov VI., Starchenko AA. Logic: Teaching Aid for Juridical Universities. Iss. 5, Revised and augmented. M.: Yurist, 1999:256.
26. Gorbunova NN. Modern English-language Management terminological system: structural-semantic and cognitive-frame characterization: PhD thesis in Philology: 10.02.04. Pyatigorsk, 2014:247.

27. Gandaloyeva ZS. Metaphorization and metonymization as methods of term formation in the sphere of Perfumery and Cosmetics Production (based on the modern English language material). *Voronezh State University Bulletin, Linguistics and Intercultural Communication Series*, 2016;3:24-29.
28. Gandaloyeva ZS. To the issue of basic characteristics of the term (based on the material of the English Perfumery terminology). *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, 2014;2:67-76.
29. Sabanchiyeva AK., Alikayev RS. Models of terminological nomination, realized in the texts of scientific monographs on Astronomy (based on the Russian and English language material). *Pyatigorsk State University Bulletin*, 2017;2:88-96.
30. Gorbunova NN., Alimuradov OA. Metaphorical models of terminological derivation in the English-language Management terminological system: a gender aspect. *Issues of cognitive linguistics*, 2015;3(44):90-98.
31. Gerd AS. Once more about the meaning of the term. Linguistic aspects of terminology: the collection of papers. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University, 1980:3-9.
32. Superanskaya AV. et al. General terminology: Theoretical Issues; AV. Superanskaya, NV. Podol'skaya, NV. Vassil'yeva. Ed.-in-chief T.L. Kandelaki. Moscow: Editorial URSS, 2004:248.
33. Gerd AS. Logical-notional modelling of terminological systems and machine funds of the Russian language. Sectoral terminology and its structural-typological description. Voronezh, 1988:117.
34. Leychik VM. Object, methods and structure of terminology studies: Abstract of doctoral thesis in Philology. Moscow, 1989:47.
35. Tatarinov VA. The theory of terminology studies. Moscow: Moskovskiy litsey, 1996:311.
36. Volodina MN. The theory of terminological nomination. Moscow, 1997:180.
37. Latu MN. Principles of construction of terminological networks: types of bonds and relations. *Issues of cognitive linguistics*, 2016;4(49):142-149.
38. Chernyshenko AG., Latu MN. System relations in applied terminological systems (based on the material of Information technology and Mediation terminology). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2015;1-2(43):202-206.
39. Potapova YeV., Shirokov VA. Modelling of multilanguage ontology as a lexicographic system. *Artificial Intelligence and Decision Making*, 2013;2:23-31.
40. Grinev-Grinevich SV. Terminology studies. Moscow, 2008:304.
41. Phototgraphy Tips. Glossary. Available at: <https://www.photographytips.com>. Accessed Nov 30, 2019.
42. Latu MN. Nomination in the developing terminological systems: monograph. Pyatigorsk: SNEG, 2015:192.
43. Latu MN., Levit AA. Basic information blocks in the definitions of certain notions of different categories. *Language. Text. Discourse*, 2018;16:88-100.
44. Lexico.com. Available at: <https://www.lexico.com/>. Accessed Nov 30, 2019.
45. Photography Terminology: A Glossary of 71 Photographic Terms. Available at: <https://digital-photography-school.com/deciphering-photo-jargon-learn-to-speak-photographer/>. Accessed Nov 30, 2019.
46. What is the structure of a photosite. Photography. Available at: <https://photo.stackexchange.com/questions/26624/what-is-the-structure-of-a-photosite>. Accessed Nov 30, 2019.
47. Dsouza M. Bridge camera photography tips for professional results. Picture Correct. Available at: <https://www.picturecorrect.com/tips/bridge-camera-photography-tips-for-professional-results/>. Accessed Nov 30, 2019.
48. 15 Essential Camera Shots, Angles and Movements. Wolfcrow. Available at: <https://wolfcrow.com/15-essential-camera-shots-angles-and-movements/>. Accessed Nov 30, 2019.
49. Asadova AYu. Structural-semantic characteristic of multicomponent terms (drawing on the example of Digital Photography terminology). *Professional communication: Topical Issues of Linguistics and Methodology*, 2016;9:30-37.
50. Asadova AYu., Razduyev AV. Eponymy in the Digital Photography and Nanotechnology terminologies: a contrastive-comparative aspect. *Philology: Scientific Research*, 2015;4:355-366.
51. Nassonova AG., Asadova AYu. Some basic derivational models of the English-language Digital Photography terms. *Pyatigorsk State University Bulletin*, 2019;2:74-78.
52. Fatorelli A. Notes on analog and digital photography [Notas sobre a fotografia analógica e digital]. *Discursos Fotográficos*, 2017;13(22):52-68.

53. Lehmuskallio A., Häkkinen J., Seppänen J. Photorealistic computer-generated images are difficult to distinguish from digital photographs: a case study with professional photographers and photo-editors. *Visual Communication*, 2019;18(4):427-451.
54. File format. Computer Hope. Available at: <https://www.computerhope.com/jargon/f/file-format.htm>. Accessed Nov 30, 2019.
55. Alimuradov OA. Concept and linguistic semantics. Meaning, Sense, Concept and Intentionality: a system of correlatinos: monograph. Saarbrücken: LAP Lambert, 2011:316.
56. Golovanova YeI. Introduction to the cognitive terminology studies: teaching aid. Moscow, 2011:224.
57. Mishlanova SL. The term in the medical discourse: doctoral degree thesis: 10.02.19. Moscow, 2003:392.
58. Knoll MK., Carver-Kubik A. In-Field Digital Photography and the Curation of Associated Records: Not All Prints Are Created Equal. *Advances in Archaeological Practice*, 2019;7(3):302-310.
59. Photography Glossary. Nikon USA. Available at: <https://www.nikonusa.com/en/learn-and-explore/photography-glossary/>. Accessed Nov 30, 2019.
60. What does this button do? A quick guide to understanding your camera's controls. Photography. Digital Trends. Available at: <https://www.digitaltrends.com/photography/what-does-this-do-an-explanation-of-dslr-buttons/>. Accessed Nov 30, 2019.

Сведения об авторах:

Асадова Алина Юрьевна, соискатель кафедры западноевропейских языков и культур, Пятигорский государственный университет, кафедра западноевропейских языков и культур, г. Пятигорск, Российская Федерация.

E-mail: alinka02691@mail.ru

Адрес: 357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9. ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Акаева Хамсат Абасовна, кандидат педагогических наук, доцент межфакультетской языковой кафедры, Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова, межфакультетская языковая кафедра, г. Грозный, Российская Федерация.

E-mail: khamsat.akaeva@mail.ru

Адрес: 364061, Чеченская Республика, г. Грозный, пр. Х. Исаева, д. 100, ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова»

Bionote:

Alina Yu. Asadova, applicant student of the West-European Languages and Cultures Chair, Pyatigorsk State University, West-European Languages and Cultures Chair, Pyatigorsk, Russian Federation.

E-mail: alinka02691@mail.ru

Address: 357532, Pyatigorsk, 9 Kalinin Ave, Pyatigorsk State University

Khamsat A. Akayeva, PhD in Philology, associate professor of the Interdepartmental Language Chair, Academician M.D. Millionschikov Grozny State Oil Technical University, Interdepartmental Language Chair, Grozny, Russian Federation.

E-mail: khamsat.akaeva@mail.ru

Address: 364061, Chechen Republic, Grozny, 100 Kh. Issayev Ave, Academician M.D. Millionschikov Grozny State Oil Technical University

КОММУНИКАТИВНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

COMMUNICATION AND DISCOURSE STUDIES

Оригинальная статья

УДК 81-119

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-31-43

**К вопросу о зависимости персуазивности
речевого сообщения от количества метафор**

О.И. Калинин

Военный университет Министерства обороны

(Российская Федерация, г. Москва)

ORCID ID: 0000-0002-1807-8370;

e-mail: okalinin.lingua@gmail.com

Получена: 08.04.2020 /Принята: 27.04.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: В статье рассматривается проблема коммуникативного воздействия метафоры, а именно каким образом количество метафор в речевом сообщении влияет на персуазивность данного сообщения. Автор проводит анализ исследований в области речевого воздействия метафорических сообщений, а также исследований, которые нацелены на анализ плотности метафор в тексте. Также на основе оригинальной методики реализовано эмпирическое исследование, базирующееся на гипотезе, что большее количество метафор в тексте увеличивает силу речевого воздействия. При этом исследуется взаимосвязь речевого воздействия с воспринимаемой уместностью метафоры, под которой понимается соответствие использования метафоры языковой стилистической норме реципиента сообщения. В качестве методики исследования применяется опрос 80 респондентов, которые после прочтения высокометафоричных, малометафоричных и неметафоричных текстов должны были сделать выбор. Важной особенностью методики является тот факт, что тексты заданий были почти идентичны по содержанию, но при этом отличались метафоричностью и воспринимаемой уместностью. Результаты показали, что метафорические выражения во всех случаях были более персуазивны, чем неметафорические. При этом коэффициент корреляции между количеством метафор и персуазивностью сообщения составил 0,69, а с учетом воспринимаемой уместности – 0,73. Основной вывод исследования состоит в том, что чем выше плотность метафор в тексте, тем выше персуазивность данного речевого сообщения. Однако для достижения высокого уровня персуазивности количество метафор в тексте должно согласовываться с принципом воспринимаемой уместности, то есть конкретная плотность метафор в тексте обуславливается жанровыми и стилевыми особенностями речевого сообщения. Если уровень воспринимаемой уместности метафор низкий, то увеличение количества метафор имеет обратный эффект на персуа-

зивность. Речевое сообщение с низким уровнем уместности метафор становится менее персуазивным, несмотря на количество метафор.

Ключевые слова: речевое воздействие, метафора, воспринимаемая уместность, персуазивность метафоры, плотность метафоры, коммуникативное воздействие.

Для цитирования: Калинин О.И. К вопросу о зависимости персуазивности речевого сообщения от количества метафор. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 31–43.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-31-43

The Correlation Between Metaphor Density and the Message Persuasive Power

Oleg I. Kalinin

*Military University of the Ministry of Defense
(Russian Federation, Moscow)*

ORCID ID: 0000-0002-1807-8370;

e-mail: okalinin.lingua@gmail.com

Received: 08.04.2020 /Accepted: 27.04.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The article considers the problem of the communicative power of a metaphor, namely, how the density of metaphors in a message affects the persuasiveness of a given message. The author analyzes the research in the field of the speech impact of metaphorical messages, as well as studies that are aimed at analyzing the density of metaphors in the text. An empirical study based on the original technique checks the hypothesis that a larger number of metaphors in the text increases the power of speech exposure. In this case, the relationship of speech exposure with the metaphor perceived aptness is also investigated. As a research methodology, a survey of 80 respondents is used, who, after reading high-metaphorical, low-metaphorical and non-metaphorical texts, should have made a choice. An important feature of the methodology is the fact that the texts used in the experiment were almost identical in content, but at the same time they were distinguished by metaphor density and perceived aptness. The results showed that metaphorical expressions in all cases were more persistent than non-metaphorical ones. The correlation coefficient between the number of metaphors and the persistence of the message was 0.69, and taking into account perceived aptness - 0.73. The main conclusion of the study is that the higher the density of metaphors in the text, the higher the persuasiveness of a given speech message. However, to achieve a high level of speech exposure, the number of metaphors in the text should be consistent with the perceived aptness, that is, the specific density of metaphors in the text is determined by the genre and style features of the speech message. If the level of perceived aptness of metaphors is low, then increasing the number of metaphors has the opposite effect on persuasiveness. Communication with a low level of metaphor aptness becomes less pervasive, despite the number of metaphors.

Keywords: speech exposure, metaphor, perceived aptness, metaphor persuasiveness, metaphor density, communicative persuasion.

For citation: Kalinin O.I. To the question of the dependence of the persuasiveness of speech communication on the number of metaphors. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no 2, pp. 31–43 (In Russ.).

Введение

Метафора в современном языкознании понимается не только и не столько как средство создания образности, сколько как способность структурировать, преобразовывать и создавать новые знания [1]. Со-

гласно теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний, то есть между двумя концептуальными доменами: сферой-источником (source domain) и сферой-целью (target domain). В упрощенном варианте теории значение сферы-источника концептуально переносится на сферу-цель, где под воздействием различных индивидуально и социально обусловленных когнитивных факторов приобретает новую семантическую проекцию, которая становится метафорической. Иными словами, происходит однонаправленная метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цель.

При этом при изучении метафоры всегда подчеркивалась особая прагматическая функция метафоры. Много исследователей, рассматривая роль метафоры в коммуникации, указывают на эффект речевого воздействия или персуазивность речевого сообщения, содержащего метафорические проекции [2–4]. Речевое воздействие метафоры основано на разных механизмах, которые в совокупности приводят к когнитивному и аффективному воздействию на адресата сообщения.

Особая роль, которую играет метафора при восприятии речевого сообщения, подтверждена многочисленными нейролингвистическими исследованиями. В работе Дж. Боттини и коллег на основании серии экспериментов с использованием анализа кровообращения головного мозга было выяснено, что восприятие и интерпретация языковых сообщений задействует множество отделов головного мозга в обоих полушариях, при этом правое полушарие играет особую роль в восприятии метафор [5]. Этот вывод был подтвержден и в последующих исследованиях, проведенных более современными методами, такими как ERP (Event-related brain potentials), фМРТ и другими [6–9].

С. ван Стее провела мета-анализ исследований, посвящённых речевому воздействию метафоры, где на основе методов математической статистики показала значимость метафор в увеличении персуазивности. Эффект речевого воздействия метафор по сравнению с буквальными выражениями составил $r = 0.09$ при $p < .001$, что свидетельствует о высокой точности полученных данных [10].

В работах П. Тибодо и Л. Бородинской рассмотрено, как метафоры влияют на наши рассуждения о сложных социальных вопросах и получение информации о явлениях общественного характера. Авторы обнаружили, что даже минимальная метафоричность, выраженная одним словом, может оказать влияние на то, как люди пытаются решать социальные проблемы и как собирают информацию для принятия хорошо обоснованных решений по важным общественным вопросам, таким как, например, рост преступности [11].

Авторы убеждены, что особая роль метафоры в персуазивности обусловлена ее фреймовым характером: «Метафоры в языке отражают фрейм-согласованные структуры знания и вызывают структурно последовательные умозаключения. Метафоры не просто расцветают в риторике, они оказывают глубокое влияние на то, как мы концептуализируем знание и действуем в отношении важных общественных проблем» [11: e16782].

Авторы указывают, что метафоры влияют на рассуждения людей даже тогда, когда существует набор альтернативных решений для сравнения и выбора. Эти данные свидетельствуют о том, что метафоры могут влиять не только на то, какое решение приходит на ум в первую очередь, но и на то, какое решение, по мнению людей, является наилучшим, даже если им предоставляется возможность явно сравнивать альтернативы. П. Тибодо и Л. Бородинская основной причиной этого эффекта метафорических переносов в коммуникации считают их когнитивную природу. Они подчеркивают, что большинство реципиентов не могли выделить метафору в тексте или не признавали метафору как то языковое средство, которое как-либо воздействует на них. Таким образом, метафора признавалась исследователями средством «скрытого воздействия на принятие решений» [2: e52961].

Т. Белт, который изучил воздействие визуальных, аудиальных и текстовых метафор, полагает, что метафоры не обязательно убедительны сами по себе, но они могут быть эффективными средствами персуазивности при взаимодействии с определенными характеристиками аудитории. Эти характеристики включают в себя прежде всего приоритет, отдаваемый аудиторией определенным социальным ценностям, передаваемым метафорой, а также эмоциональное взаимодействие метафорического послания [12].

Важным вопросом остается объяснение и классификация причин, по которым метафоры обладают персуазивным эффектом. По мнению В. Оттани и Р. Ренстрома, «метафора выполняет множество функций в убеждении, а влияние метафоры на персуазивность потенциально опосредовано несколькими механизмами психологического характера» [13: 784]. Авторы проводят анализ всех предшествующих теорий и предлагают выделить среди них три основных идеи:

1) Метафорические высказывания могут активировать информацию, которая непосредственно относится к теме коммуникации и тем самым влиять на отношение к теме речевого сообщения.

2) Использование метафор может влиять на впечатления относительно автора речевого сообщения и, таким образом, оказывается влияние и на отношение к теме этого сообщения.

3) Метафоры могут влиять на отношение к теме коммуникации, влияя на направление или степень когнитивной обработки, которая происходит, когда реципиент речевого сообщения воспринимает это сообщение.

При определенности вопроса относительно наличия эффекта речевого воздействия, создаваемого метафорами в речевом сообщении, не до конца выясненными остаются причины подобного эффекта и, самое главное, зависимость персуазивности от разных коммуникативных особенностей употребления метафор. Тип метафоры (конвенциональная или новая), формат (текстовая, аудиальная, визуальная), позиция метафоры в тексте (начало, конец, середина), содержание сферы-источника и сферы-цели – все это влияет на персуазивность метафоры.

Важным аспектом, который также связан с возможным эффектом речевого воздействия метафоры, является количество метафор на объем текста. С одной стороны, как утверждал И. Ричардс, «в живом дискурсе нет и трех предложений, в которых не встретишься бы метафора» [14: 98], а с другой, данные проведенных мета-анализов [10, 15] свидетельствуют о том, что количество метафор в речевом сообщении не обязательно влияет на коммуникативную силу, выраженную в персуазивности. Более того, по утверждениям П. Сопори, одна метафора имеет больший персуазивный эффект, чем много [15: 405].

Цель исследования

В этой связи теоретические исследования в области речевого воздействия метафоры не дают однозначного решения проблемы влияния количества метафор на речевое воздействие, и вопрос зависимости персуазивности от количества метафор в речевом сообщении требует дальнейшего прояснения. На этом основании в данной работе были проверены две гипотезы:

1. количество метафор в тексте оказывает воздействие на персуазивность;
2. использование метафор в тексте должно согласовываться с воспринимаемой уместностью (perceived aptness).

Под уместностью метафоры подразумевается соотносимость с контекстом, целями речевого сообщения и когнитивными особенностями реципиента сообщения. В процессе коммуникации уместность метафоры изначально определяется автором речевого сообщения, который основывается на коммуникативной интенции, однако итоговое речевое воздействие оказывается на реципиента, поэтому следует учитывать и исследовать именно воспринимаемую уместность.

Можно предположить, что некоторые метафоры, будучи использованными в определенном речевом сообщении, будут более значимы для различных эффектов речевого воздействия в том случае, если они будут согласовываться с конкретной речевой ситуацией. Текст или дискурс, перенасыщенный метафорами, будет вызывать чрезмерное когнитивное напряжение, так как будет сложен для когнитивной и эмоциональной обработки.

Так, предметом исследования является персуазивный эффект метафорических проекций, а объект – взаимосвязь между персуазивностью, количеством и уместностью метафор.

Целью данной работы является анализ зависимости эффекта речевого воздействия (персуазивности) от количества метафор и воспринимаемой уместности.

Обзор литературы

Прежде, чем приступить к эмпирическому доказательству вышеуказанной гипотезы, необходимо дать краткий обзор исследований, которые касаются вопроса количества метафор в тексте.

Большая часть исследований, связанных с количеством метафор или их частотностью, посвящены анализу персонального опыта использования метафор в речи. Например, в исследовании К. Хьюси и А. Каца анализируется зависимость частотности употребления метафор в он-лайн общении от пола и степени знакомства собеседников [16]. Исследователи проанализировали тексты он-лайн коммуникации 64 человек, каждый из которых участвовал в двух диалогах в сети: с другом и с незнакомым человеком. Было выяснено, что мужчины продуцируют больше метафор в обоих случаях, при этом количество метафор в коммуникации участников эксперимента мужского пола не отличалось. Это объясняется желанием мужчин быть более убедительными, чем собеседник, а также готовностью мужчин рисковать понятностью сообщения для достижения большей убедительности [16: 84].

В другом исследовании изучили использование метафор в письменной речи на втором иностранном языке в зависимости от уровня владения языком (CEFR) [17]. В работе проанализировано двести сочинений, написанных изучающими английский язык носителями греческого и немецкого языков. Полученные результаты свидетельствуют о том, что общая плотность метафор (overall density of metaphors) увеличивается в сочинениях учащихся с уровнями CEFR от A2 до C2. На более низких уровнях владения языком большинство метафорических элементов относятся к конвенциональным метафорам, но на уровне B2 и выше большинство метафорических элементов относятся к новым метафорам. Также отмечается, что при более высоком уровне владения языком участники эксперимента используют более разнообразные и сложные метафорические дескрипторы.

В исследовании Г. Лоу анализируется частотность метафор в рецензиях на научные статьи [18]. Автор анализирует плотность метафор на 100 слов, демонстрируя, что в рецензиях в области общественных наук частотность метафор выше, чем в рецензиях на естественно-научные статьи: 11,7% и 9,5% соответственно. Это объясняется тем, что в рецензиях на научный текст, несмотря на определенную формализованность, авторы стремятся персонализировать свой текст и сформировать некоторую оценку к рецензируемому исследованию [18: 93].

Оригинальное исследование было проведено Дж. Мио и коллегами, которые изучили зависимость количества метафор в речи от личных качеств автора речевого сообщения на примере инаугурационных речей 36 американских президентов [19]. Авторы определили, что 19 президентов были высокохаризматичными, в то время как 17 – нет. Было эмпирически доказано, что харизматичные президенты использовали в среднем вдвое больше метафор, чем остальные. Также было проведено параллельное исследование, где авторы рассмотрели восприятие некоторых отрывков из высокометафоричных и низкометафоричных речей. Респонденты определили метафоричные отрезки как более вдохновляющие и мотивирующие [19: 293].

Так, мы видим большинство исследований, связанных с анализом количества метафор или плотности использования метафор, не касаются проблемы речевого воздействия.

В работах, где эта взаимосвязь изучается, авторы не приходят к согласованному мнению. Например, в исследовании влияния количества метафор в тексте на восприятие текста при чтении, проведенном Дж. Канингемом, было проанализировано понимание содержания письменного текста [20]. Дж. Канингем использовал в качестве респондентов 190 учеников средней школы, которые читали два отрывка текста, отличающиеся по количеству метафор, после чего проходили тест на понимание прочитанного. Результаты показали, что понимание содержания неметафорического текста было выше [20: 367].

Мета-анализ П. Сопори показал, что большое количество метафор не приводит к увеличению персуазивности [15: 268], тогда как исследования К. де Ландтшер свидетельствуют об обратном [21; 22]. Автор указывает, что в период повышения кризисности общественно-политической ситуации медиадискурс и политический дискурс становятся более метафоричными.

Де Ландтшер разработала методику подсчета индекса силы метафоры (Metaphor Power Index), где одним из параметров является среднее количество метафор на 100 слов текста. При этом автор утверждает, что увеличение индекса силы метафоры свидетельствует о более высокой образности текста, большем аффективном и когнитивном воздействии, которое оказывает высокометафоричный текст [21: 75].

В отечественной филологической традиции также уделяется большое внимание прагматическому потенциалу метафоры. Авторы исследуют преимущественно политический и масс-медийный дискурсы, выявляя разные метафорические модели и закономерности в процессе их порождения и восприятия. Российская лингвистика, опираясь на дескрипторную теорию метафоры А.Н. Баранова и дискурсивно-когнитивное понимание метафоры, разрабатываемое А.П. Чудиновым и Э.В. Будаевым, в основном описывает метафорические проекции в текстах, не уделяя внимания их количественному анализу.

Например, А.Б. Ерохина исследует метафоры в критическом искусствоведческом дискурсе, выявляя слияние предметно-логического и контекстуального значения, что, по мнению автора, приводит к «комбинированию информационно-разъяснительного и эмоционально-оценочного воздействия и позволяет достичь искомого прагматического эффекта» [23: 86].

В статье Г.В. Барышиковой и И.И. Дубининой анализируются метафоры, которые описывают российского президента В.В. Путина в политическом масс-медийном пространстве на английском и французском языках. Авторы рассмотрели основные виды метафор, используемых для создания поли-

тического портрета руководителя России за рубежом, среди которых лидирующую позицию занимает метафора «властного хозяина». Выявлены цели и функции метафорических средств создания политического образа российского руководителя в западном медиадискурсе [24].

Лингвопрагматическое исследование речевых средств воздействия в политических текстах исследуется И.В. Бондаренко, которая стремится к установлению лингвопрагматических приемов и способов достижения запланированного политиком воздействующего эффекта и эмоционального нажима на аудиторию через употребление метафоры [25].

Работа Р.Р. Мавлеева и О.И. Калинина, в которой использовалась методика вычисления индекса силы метафоры, была посвящена имплицитной персуазивности метафоры. Авторы стремились дать количественные характеристики наиболее метафоричных смысловых частей публичных выступлений В.В. Путина и Си Цзиньпина. При этом предполагалось, что именно метафора являлась главным средством имплицитной персуазивности [26].

Обзор научной литературы демонстрирует, что зачастую исследователи отталкиваются от постулата о речевом воздействии метафоры как от некой аксиомы. В отечественном языкознании причины персуазивности и конкретные влияющие на нее коммуникативные факторы не исследуются. В западной лингвистической традиции во главе угла стоит проблема плотности метафор при порождении высказывания, а влияние количества метафор на речевое воздействие при восприятии высказывания также остается за скобками.

Таким образом, для дальнейшего изучения вопроса зависимости количества метафор и персуазивности речевого высказывания, а именно влияния определенного речевого высказывания, метафорического или нет, на принятие решения было разработано и проведено практическое исследование.

Методика исследования

Первым этапом исследования была разработка тестового задания, где респондентам предлагалось сделать определенный выбор после прочтения трех текстов. Всего было разработано три задания (выбор политической партии, сервиса подписки, иностранного языка), а для каждого задания было написано три текста: без метафор, низкометафоричный (1-2 метафоры), высокометафоричный (7-8 метафор). При этом содержание всех текстов, так же как и их структура, были приблизительно одинаковым, то есть отличался только план выражения.

Для каждого текста был подсчитан индекс частотности метафор по методу К. де Ландтшер [21] по формуле $MFI = (nme \cdot 100) / nw$. При таком расчёте получается среднее значение количества метафор на 100 слов текста, то есть показатель плотности метафор в тексте. Тексты, задания и значения индекса частотности метафор представлены в таблице 3.

Таблица 3

Тестовое задание для проверки зависимости персуазивности речевого сообщения от количества метафор

Задание	Текст	Nme/MFI
Прочтите описание политических партий и проголосуйте за одну из них	Партия Слоны Голосую за нашу партию, вы голосуете за свои социальные гарантии. Мы обеспечим ваши права и свободы и гарантируем эффективную работу органов государственной власти. Наша партия – это ваша поддержка и опора во времена экономического кризиса и социальной нестабильности. Выбирая слонов, вы выбираете стабильность!	0/0
	Партия Зебры Голосую за нашу партию, вы голосуете за свои социальные гарантии. Мы защитим ваши права и свободы и гарантируем эффективную работу органов государственной власти. Наша партия – это ваша поддержка и опора во времена экономического шторма и социальной нестабильности. Выбирая зебр, вы выбираете стабильность!	2/4,4
	Партия Бегемоты Голосую за нашу партию, вы сражаетесь за свои социальные гарантии. Мы защитим ваши права и свободы и будем бороться за то, чтобы органы государственной власти работали эффективно. Наша партия – это ваша защита и надежный оплот во времена экономического шторма и социальной неустойчивости. Выбирая бегемотов, вы выбираете стабильность!	5/10

Прочтите описание сервиса подписок на кино и выберите тот сервис, на который вы скорее всего бы подписались	Подписка А Подписываясь на наш сервис, вы получаете доступ к множеству художественных и документальных фильмов. Вы будете наслаждаться просмотром любимого видео-контента с любого из своих устройств и не пропустите ни одной новинки. Присоединяйтесь к нам, и вы станете частью нашего киносообщества.	0/0
	Подписка В Подписываясь на наш сервис, вы получаете доступ к множеству художественных и документальных фильмов. Вы будете наслаждаться просмотром любимого видео-контента с любого из своих устройств, и ни одна премьера не пройдет мимо вас. Присоединяйтесь к нам, и вы станете частью нашей кино вселенной.	1/2,27
	Подписка С Подписываясь на наш сервис, вы получаете доступ к вселенной кино, художественного и документального. Вы сможете погрузиться в созданную вами кинореальность с любого из своих устройств, и ни одна премьера не пройдет мимо вас. Подключайтесь к нам, и мы вместе отправимся в удивительное путешествие в мир кино.	4/8,3
Прочтите описание иностранного языка и выберите, какой язык вы скорее всего будете изучать	Кремлевский язык Кремлевский язык – один из самых распространенных в современном мире, это средство коммуникации в сфере бизнеса и культуры. Выучив кремлевский язык, вы сможете общаться со всем миром и станете востребованным специалистом на рынке труда.	0/0
	Голливудский язык Голливудский язык – один из самых распространенных в современном мире, это средство коммуникации в сфере бизнеса и культуры. Выучив голливудский язык, вы сможете говорить на одном языке со всем миром и станете незаменимым специалистом на рынке труда.	1 / 2,56
	Луврский язык Луврский язык – один из самых распространенных в современном мире, без него современный человек не может так же, как не может без воды. Это не просто средство коммуникации в сфере бизнеса и культуры, это ваша дверь в мир успеха и процветания. Выучив луврский язык, вы сможете говорить на одном языке со всем миром и получите бездонное количество возможностей для карьерного роста.	5/8,06

Кроме непосредственного выбора одного из трех вариантов после прочтения респонденты также определяли по шкале от 1 до 5 уместность подобного описания политической партии, сервиса подписок и иностранного языка. Задание формулировалось следующим образом: «Определите по шкале от 1 до 5, насколько уместно подобное описание [партии, сервиса, языка], где 1 – неуместно, кажется слишком странным, а 5 – вполне уместно, не вызывает никаких странных ощущений». Таким образом определяется индекс воспринимаемой уместности содержания речевого сообщения.

Стоит отметить, что текст 3 в задании №3 был специально разработан с предполагаемо низким уровнем уместности метафорических выражений. Как мы видим по его содержанию, количественно вариант, наиболее богатый метафорами, не отличается от других заданий, однако качественно в нем использованы слишком яркие для описания иностранного языка метафоры: *«без него современный человек не может так же, как не может без воды»*, *«дверь в мир успеха и процветания»*, *«получите бездонное количество возможностей»*.

Разработанная методика позволяет проанализировать связь между количеством метафор и речевым воздействием относительно воспринимаемой уместности, и в полной мере отвечает заявленной цели и применима для подтверждения гипотезы исследования.

Результаты и обсуждение

В опросе приняло участие 80 человек в возрасте от 18 до 65 лет, из которых 49 – респонденты женского пола и 31 – респонденты мужского пола. В данном исследовании нет задачи анализировать зависимость от личностных качеств респондентов, поэтому ответы всех участников опроса признаются равнозначными.

Распределение ответов респондентов, то есть результаты их выбора после прочтения задания представлены на Графике 1.

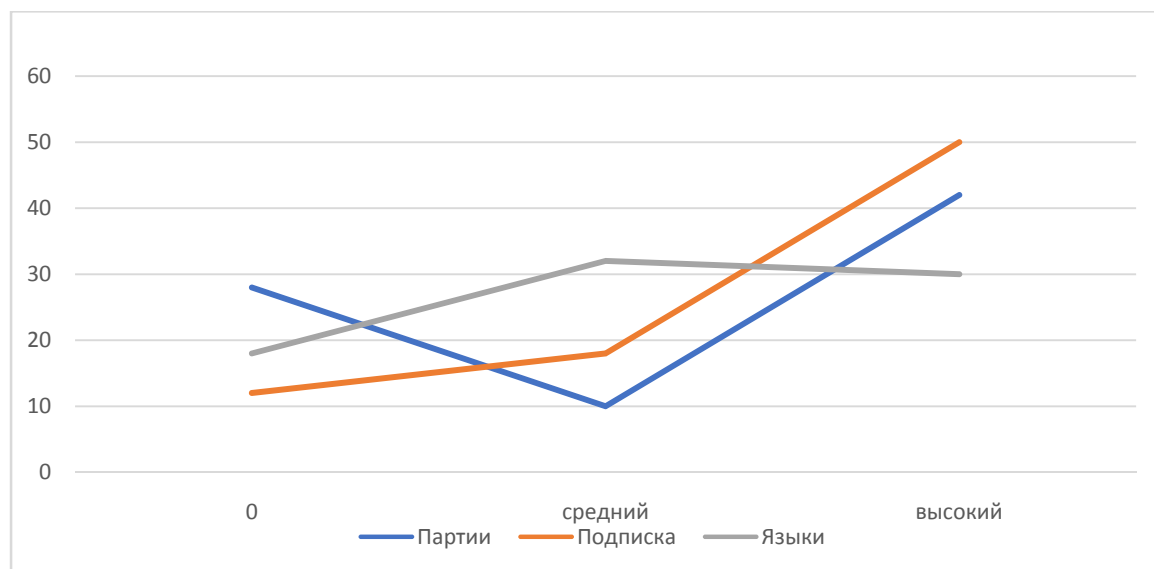

График 1. Результаты распределения ответов респондентов на задания

В таблице 4 представлено распределение ответов респондентов в процентном соотношении.

Таблица 4

Зависимость персуазивности речевого сообщения от количества метафор

MFI	Партии, %	Подписка, %	Языки, %
0	35	15	22,5
средний	12,5	22,5	40
высокий	52,5	62,5	37,5

Для полученных значений был посчитан коэффициент корреляции между значениями MFI и процентными показателями распределения ответов респондентов. Если брать в расчёт все три задания, то корреляция составляет 0,69, что говорит о среднем уровне зависимости. Если исключить задание с преднамеренно низким уровнем уместности метафоры (задание №3), то корреляция составит 0,73, что говорит о высоком уровне зависимости между переменными.

Для проверки статистической значимости выводов, мы посчитали значение U критерия Манна-Уитни, который традиционно предназначен для оценки различий между двумя малыми выборками по уровню какого-либо признака. Для всех трех заданий значение U критерия равно 5, что говорит о статистической значимости результатов, $p \leq 0,01$.

Если интерпретировать полученные результаты, то можно сделать вывод, что для всех трех заданий персуазивность сообщений, содержащих метафоры, была выше, чем неметафоричных сообщений. Однако разница в уровне речевого воздействия для заданий была разная. Например, в задании №1 разница между текстами, содержащими метафоры, и неметафоричным текстом составила 65%, в задании №2 – 85%, а в задании №3 – 77,5%. Это говорит о том, что жанровая принадлежность текста оказывает влияние на необходимость использования метафор с целью речевого воздействия. Для текста рекламы сервиса подписки (задание №2) использование большого количества метафор выглядит более обоснованным, чем для описания политической партии.

В то же время сообщения, в которых плотность метафор была выше, показали более высокий уровень персуазивности. Этот эффект мы наблюдали в заданиях 1 и 2, где разница в персуазивности между высокометафоричными сообщениями и слабометафоричными сообщениями составила 40%.

Таким образом, гипотеза 1 может считаться доказанной. Количество метафор оказывает прямое воздействие на персуазивность речевого высказывания. Однако величина эффекта этого воздействия будет разной для текстов разных жанров.

Теперь опишем результаты, полученные при расчёте воспринимаемой уместности метафоры, чтобы продемонстрировать результаты доказательства гипотезы 2.

Таблица 5

Результаты оценки воспринимаемой уместности

MFI	Партии	Подписка	Языки
0	4,25	3,1	3,8
средний	4,1	3,5	3,85
высокий	4,3	3,9	2,1

В таблице мы видим, что показатель воспринимаемой уместности в целом согласуется с полученными данными ответов респондентов на задания. Однако коэффициент корреляции для этой зависимости составляет 0,18, что говорит о слабой зависимости между переменными. При этом значение U критерия Манна-Уитни равно 8, что говорит о статистической значимости результатов, $p \leq 0,01$. Маленькое значение корреляции в данном случае не свидетельствует об отсутствии закономерности, он объясняется тем, что разброс в воспринимаемой уместности для текстов был не очень большим.

При этом интересным при анализе данных воспринимаемой значимости является тот факт, что разница между неметафорическими речевыми сообщениями и речевыми сообщениями с высоким уровнем метафоричности разная для текстов разной жанровой принадлежности. При описании политических партий (задание №1) и буквальные, и метафорические выражения признавались одинаково уместными. В то время как для текста рекламы сервиса подписки на фильмы (задание №2) разница в воспринимаемой уместности для сильнометафоричных и неметафоричных текстов составила 0,8, то есть насыщенный метафорами вариант рекламы воспринимался более уместно. Это говорит о том, что уместность метафор во многом определяется жанровыми особенностями речевого сообщения и имеющимися у реципиента пониманием соответствия речевой нормы и прагматических условий речевого сообщения.

Кроме того, текст, который на этапе подготовки преднамеренно был насыщен чрезмерно яркими метафорами (текст 3 в задании №3), получил самый низкий показатель воспринимаемой уместности – 2,1. Так, в задании №3 при распределении ответов респондентов сформировалась интересная зависимость, варианты 2 и 3 получили примерно равнозначное количество ответов – 40% и 37,5% соответственно. А для заданий 1 и 2 второй вариант со средним показателем частотности метафоры был выбран значительно меньшим количеством респондентов в сравнении с третьим вариантом, где уровень MFI был высоким. Так, для задания №1 варианты 2 и 3 были выбраны 12,5% и 52,5% респондентов, а для задания №3 – 22,5 % и 62,5% соответственно. То есть низкий уровень уместности метафор в тексте привел к снижению персуазивности.

Таким образом, если опираться на полученные данные о воспринимаемой уместности метафор в заданиях, то можно сделать вывод о том, что речевое сообщение с низким уровнем уместности метафор становится менее персуазивным, несмотря на количество метафор. То есть воспринимаемая уместность является важным фактором, которая оказывает обратный эффект на персуазивность речевого сообщения. Гипотеза 2 может считаться доказанной.

Заключение

Речевое воздействие в целом и персуазивность как наиболее простая его форма – это сложный лингвопрагматический феномен. Метафора, являясь объектом лингвистических исследований со времен Аристотеля, зачастую априорно считается эффективным средством воздействия. Тем не менее персуазивность метафоры есть многоаспектное явление, которое базируется на том, что и сама метафора является одновременно коммуникативным и когнитивным явлением.

В данной статье был рассмотрен вопрос речевого воздействия метафор в речевом сообщении, а также зависимость персуазивности от плотности метафорических проекций и воспринимаемой уместности.

В результате исследования было доказано, что чем выше плотность метафор в тексте, тем более высокой является персуазивность данного речевого сообщения. Кроме того, высокометафоричные тексты

продемонстрировали более высокий уровень речевого воздействия, чем неметафоричные и низкометафоричные.

Однако взаимосвязь между плотностью метафор и речевым воздействием ограничивается показателями воспринимаемой уместности. Для достижения высокого уровня персуазивности количество метафор в тексте должно согласовываться с принципом воспринимаемой уместности, то есть конкретная плотность метафор в тексте обуславливается жанровыми и стилевыми особенностями речевого сообщения. Если уровень уместности метафор низкий, то увеличение количества метафор имеет обратный эффект на персуазивность, то есть использование большого количества «неуместных» метафор вызывает снижение уровня речевого воздействия.

Исследование феномена персуазивности метафор в речевом сообщении требует использования комплексного подхода. На мой взгляд, полученные в результате проведенного исследования выводы требуют дальнейшего подтверждения на материале других дискурсов и, возможно, с использованием методов нейролингвистики. Кроме того, помимо показателей плотности метафор в тексте, также стоит учитывать такие аспекты, как тип метафоры (конвенциональная и новая), содержание сферы-источника и сферы-цели, позицию метафоры в речевом сообщении и другие факторы. Все это снова ставит исследователей метафоры перед необходимостью разработки единой лингвистической теории метафоры, и проблема персуазивности метафоры должна стать ее значимой частью.

Список литературы

1. Новицкая И.В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики). *Язык и культура*. 2019;46:76-101. doi:10.17223/19996195/46/5.
2. Thibodeau Ph., Boroditsky L. Natural Language Metaphors Covertly Influence Reasoning. *PLoS One*. 2013;8(1):e52961. doi:10.1371/journal.pone.0052961.
3. Branum J., Charteris-Black J. The Edward Snowden affair: A corpus study of the British press. *Discourse Communication*. 2015;9(2):199–220. doi:10.1177/1750481314568544.
4. Boeynaems A., Burgers C., Konijn E., Steen G.. The impact of conventional and novel metaphors in news on issue viewpoint. *International Journal of Communication*. 2017;11(June):2861–79. Доступно по: https://www.researchgate.net/publication/318038805_The_Impact_of_Conventional_and_Novel_Metaphors_in_News_on_Issue_Viewpoint. Ссылка активна на 27.05.2020.
5. Bottini G., Corcoran R., Sterzi R., Paulesu E., Schenone P., Scarpa P., et al. The role of the right hemisphere in the interpretation of figurative aspects of language A positron emission tomography activation study. *Brain*. 1994;117(6):1241–53. Доступно по: <https://academic.oup.com/brain/article-lookup/doi/10.1093/brain/117.6.1241>. Ссылка активна на 27.05.2020.
6. Anaki D., Faust M., Kravetz S. Cerebral hemispheric asymmetries in processing lexical metaphors. *M.A. thesis at Bar-Ilan University. Neuropsychologia*. 1998 Jun;36(7):691–700. Доступно по: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S0028393297001413>. Ссылка активна на 27.05.2020.
7. Coulson S., Van Petten C. Conceptual integration and metaphor: An event-related potential study. *Memory and Cognition*. 2002 Sep;30(6):958–68. Доступно по: <http://link.springer.com/10.3758/BF03195780>. Ссылка активна на 27.05.2020.
8. Pynte J., Besson M., Robichon F-H., Poli J. The Time-Course of Metaphor Comprehension: An Event-Related Potential Study. *Brain and Language*. 1996 Dec;55(3):293–316. Доступно по: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S0093934X96901078>. Ссылка активна на 27.05.2020.
9. Mashal N., Faust M., Hendler T. The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of Principal Components Analysis to fMRI data. *Neuropsychologia*. 2005 Jan;43(14):2084–100. Доступно по: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S002839320500151X>. Ссылка активна на 27.05.2020.
10. Van Stee S.K. Meta-Analysis of the Persuasive Effects of Metaphorical vs. Literal Messages. *Communication Studies*. 2018 Oct 20;69(5):545–66. Доступно по: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10510974.2018.1457553>. Ссылка активна на 27.05.2020.
11. Thibodeau Ph., Boroditsky L. Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning. *PLoS One*. 2011 Feb 23;6(2):e16782. Доступно по: <https://dx.plos.org/10.1371/journal.pone.0016782>. Ссылка активна на 27.05.2020.

12. Belt T. Metaphor and Political Persuasion. *M.A. Thesis at University of Southern California*; 2003.
13. Ottati V., Renstrom R. Metaphor and Persuasive Communication: A Multifunctional Approach. *Social and Personality Psychology Compass*. 2010 Sep 2;4(9):783–94. doi: 10.1111/j.1751-9004.2010.00292.x.
14. Richards I. The Philosophy of Rhetoric. Oxford: Oxford University Press; 1965:138.
15. Sopory P. Metaphor and Attitude Accessibility. *Southern Communication Journal*. 2006 Sep;71(3):251–72. Доступно по: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10417940600846037>. Ссылка активна на 27.05.2020.
16. Hussey K., Katz A. Metaphor Production in Online Conversation: Gender and Friendship Status. *Discourse Processes*. 2006 Jul;42(1):75–98. Доступно по: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1207/s15326950dp4201_3. Ссылка активна на 27.05.2020.
17. Littlemore J., Krennmayr T., Turner J., Turner S. An Investigation into Metaphor Use at Different Levels of Second Language Writing. *Application Linguistics*. 2014 May;35(2):117–44. Доступно по: <https://academic.oup.com/applij/article-lookup/doi/10.1093/applin/amt004>. Ссылка активна на 27.05.2020.
18. Low G. Metaphor and positioning in academic book reviews. In: Zanotto MS, Cameron L., Cavalcanti M.C., editors. *Confronting Metaphor in Use*. John Benjamins Publishing Company; 2008:79–100. Доступно по: <https://benjamins.com/catalog/pbns.173.06low>. Ссылка активна на 27.05.2020.
19. Mio J., Riggio R., Levin S., Reese R. Presidential leadership and charisma: The effects of metaphor. *Leadership Quarterly*. 2005 Apr;16(2):287–94. Доступно по: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S1048984305000068>. Ссылка активна на 27.05.2020.
20. Cunningham J. Metaphor and Reading Comprehension. *Journal of Reading Behaviour*. 1976 Dec 11;8(4):363–8. Доступно по: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1080/10862967609547191>. Ссылка активна на 27.05.2020.
21. De Landtsheer C. Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. In: *Metaphor and Discourse*. London: Palgrave Macmillan UK; 2009:59–78. Доступно по: http://link.springer.com/10.1057/9780230594647_5. Ссылка активна на 27.05.2020.
22. De Landtsheer C. Methods for the study of political metaphor in leadership studies. In: *Conference of ECPR*. Glasgow; 2011.
23. Ерохина А.Б. Прагматика метафоры в англоязычном критическом искусствоведческом дискурсе. *Филологические науки Вопросы теории и практики*. 2016;7(61):86–89. Доступно по: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/25.html. Ссылка активна на 27.05.2020.
24. Барышникова Г.В., Дубинина И.И. Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы). *Известия ВГПУ*. 2019;4(137):179–85. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-sozdanie-politicheskogo-obraza-rukovoditelya-rossii-v-zapadnyh-smi-na-materiale-anglo-amerikanskoy-i-frantsuzskoy>. Ссылка активна на 27.05.2020.
25. Бондаренко И.В. Лингвопрагматический потенциал метафоры в политическом выступлении. *Вестник Балтийского федерального университета им И. Канта. Серия Филология, педагогика, психология*. 2019;2:52–60. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragsmaticheskiy-potentsial-metafor-y-v-politicheskom-vystuplenii>. Ссылка активна на 27.05.2020.
26. Калинин О.И., Мавлеев Р.Р. Метафора как средство анализа имплицитной информации в политическом дискурсе. *Вестник ПГУ*. 2019;1:175–9. Доступно по: https://pgu.ru/upload/iblock/b8d/Annotatsii-po-1-2019-na-sayt-Vestnika_57_58.pdf. Ссылка активна на 27.05.2020.

References

1. Novitskaya IV. The theory of conceptual metaphor and the development of alternative concepts in the framework of the cognitive direction of metaphorology (based on materials of modern anglistics). *Language and culture*. 2019;46:76–101. doi: 10.17223 / 19996195/46/5. (In Russ.).
2. Thibodeau Ph., Boroditsky L. Natural Language Metaphors Covertly Influence Reasoning. *Plos one*. 2013;8(1):e52961. doi: 10.1371 / journal.pone.0052961.
3. Branum J., Charteris-Black J. The Edward Snowden affair: A corpus study of the British press. *Discourse Communication*. 2015;9(2):199–220. doi: 10.1177 / 1750481314568544.
4. Boeynaems A., Burgers C., Konijn E., Steen G. The impact of conventional and novel metaphors in news on issue viewpoint. *International Journal of Communication*. 2017;11(June):2861–79. Available at: <https://>

www.researchgate.net/publication/318038805_The_Impact_of_Conventional_and_Novel_Metaphors_in_News_on_Issue_Viewpoint. Accessed 05/27/2020.

5. Bottini G., Corcoran R., Sterzi R., Paulesu E., Schenone P., Scarpa P., et al. The role of the right hemisphere in the interpretation of figurative aspects of language A positron emission tomography activation study. *Brain*. 1994;117(6):1241–53. Available at: <https://academic.oup.com/brain/article-lookup/doi/10.1093/brain/117.6.1241>. Accessed 05/27/2020.

6. Anaki D., Faust M., Kravetz S. Cerebral hemispheric asymmetries in processing lexical metaphors. *M.A. thesis at Bar-Ilan University. Neuropsychologia*. 1998 Jun; 36(7):691–700. Available at: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S0028393297001413>. Accessed 05/27/2020.

7. Coulson S., Van Petten C. Conceptual integration and metaphor: An event-related potential study. *Memory and Cognition*. 2002 Sep;30(6):958–68. Available at: <http://link.springer.com/10.3758/BF03195780>. Accessed 05/27/2020.

8. Pynte J., Besson M., Robichon F-H., Poli J. The Time-Course of Metaphor Comprehension: An Event-Related Potential Study. *Brain and Language*. 1996 Dec;55(3):293–316. Available at: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S0093934X96901078>. Accessed 05/27/2020.

9. Mashal N., Faust M., Hendler T. The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of Principal Components Analysis to fMRI data. *Neuropsychologia*. 2005 Jan;43(14):2084–100. Available at: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S002839320500151X>. Accessed 05/27/2020.

10. Van Stee SK. Meta-Analysis of the Persuasive Effects of Metaphorical vs. Literal Messages. *Communication Studies*. 2018 Oct 20;69(5):545–66. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10510974.2018.1457553>. Accessed 05/27/2020.

11. Thibodeau Ph., Boroditsky L. Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning. *Plos one*. 2011 Feb 23;6(2):e16782. Available at: <https://dx.plos.org/10.1371/journal.pone.0016782>. Accessed 05/27/2020.

12. Belt T. Metaphor and Political Persuasion. *M.A. Thesis at University of Southern California*; 2003.

13. Ottati V., Renstrom R. Metaphor and Persuasive Communication: A Multifunctional Approach. *Social and Personality Psychology Compass*. 2010 Sep 2;4(9):783–94. doi: 10.1111/j.1751-9004.2010.00292.x

14. Richards I. The Philosophy of Rhetoric. Oxford: Oxford University Press; 1965:138.

15. Sopory P. Metaphor and Attitude Accessibility. *Southern Communication Journal*. 2006 Sep;71(3):251–72. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10417940600846037>. Accessed 05/27/2020.

16. Hussey K., Katz A. Metaphor Production in Online Conversation: Gender and Friendship Status. *Discourse Processes*. 2006 Jul;42(1):75–98. Available at: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1207/s15326950dp4201_3. Accessed 05/27/2020.

17. Littlemore J., Krennmayr T., Turner J., Turner S. An Investigation into Metaphor Use at Different Levels of Second Language Writing. *Application Linguistics*. 2014 May;35(2):117–44. Available at: <https://academic.oup.com/applij/article-lookup/doi/10.1093/applij/amt004>. Accessed 05/27/2020.

18. Low G. Metaphor and positioning in academic book reviews. In: Zanutto MS, Cameron L., Cavalcanti MC., editors. *Confronting Metaphor in Use*. John Benjamins Publishing Company; 2008:79-100. Available at: <https://benjamins.com/catalog/pbns.173.06low>. Accessed 05/27/2020.

19. Mio J., Riggio R., Levin S., Reese R. Presidential leadership and charisma: The effects of metaphor. *Leadership Quarterly*. 2005 Apr;16(2):287–94. Available at: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S1048984305000068>. Accessed 05/27/2020.

20. Cunningham J. Metaphor and Reading Comprehension. *Journal of Reading Behavior*. 1976 Dec 11;8(4):363–8. Available at: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1080/10862967609547191>. Accessed 05/27/2020.

21. De Landtsheer C. Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. In: *Metaphor and Discourse*. London: Palgrave Macmillan UK; 2009:59–78. Available at: http://link.springer.com/10.1057/9780230594647_5. Accessed 05/27/2020.

22. De Landtsheer C. Methods for the study of political metaphor in leadership studies. In: *Conference of ECPR*. Glasgow; 2011.

23. Erokhina AB. The pragmatics of metaphor in the English-language critical art criticism discourse. *Philology. Issues of theory and practice*. 2016;7(61):86-89. Available at: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/25.html. Accessed 05/27/2020. (In Russ.).

24. Baryshnikova GV., Dubinina II. Metaphorical creation of the political image of the leader of Russia in the Western media (based on the material of the Anglo-American and French press). *News of Voronezh State Pedagogical University*. 2019;4(137):179–85. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-sozdanie-politicheskogo-obraza-rukovoditelya-rossii-v-zapadnyh-smi-na-materiale-anglo-amerikan-skoy-i-frantsuzskoy>. Accessed 05/27/2020. (In Russ.).

25. Bondarenko IV. Linguo-pragmatic potential of metaphor in political speech. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series Philology, pedagogy, psychology*. 2019;2:52–60. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragmaticheskiy-potentsial-metafory-v-politicheskom-vystuplenii>. Accessed 05/27/2020. (In Russ.).

26. Kalinin OI., Mavleev RR. Metaphor as a means of analyzing implicit information in political discourse. *Bulletin of PSU*. 2019;1:175–9. Available at: https://pgu.ru/upload/iblock/b8d/Annotatsii-po-1-2019-na-sayt-Vestnika_57_58.pdf. Accessed 05/27/2020. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Калинин Олег Игоревич, кандидат филологических наук, докторант кафедры дальневосточных языков Военного университета Министерства обороны, Москва, Российская Федерация.

E-mail: okalinin.lingua@gmail.com

Адрес: 123001, Москва, ул. Б. Садовая, 14, ФГКВУ ВО «Военный университет»

Bionote:

Oleg I. Kalinin, PhD in Philology, doctoral candidate at the Department of Far Eastern Languages, Military University of the Ministry of Defense, Moscow, Russian Federation.

E-mail: okalinin.lingua@gmail.com

Address: 123001, 14 B. Sadovaya str., Military University of the Ministry of Defense

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-44-52

Gender-Colored English Neologisms in Cinematic Discourse

Veronika V. Katermina

Kuban State University
(Russian Federation, Krasnodar)
ORCID ID: 0000-0001-9141-9867,
Researcher ID: L-2817-2017;
Scopus Author ID: 57191404821;
e-mail: katermina_v@mail.ru

Polina S. Biryukova

Kuban State University
(Russian Federation, Krasnodar)
ORCID ID: 0000-0002-5417-0991;
e-mail: biriukova.polina@mail.ru

Received: 01.04.2020 /Accepted: 30.04.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The paper dwells upon the study of English neologisms with a gender component in cinematic discourse. The paper considers gender-colored neologisms of the space of cinematic discourse, classified on a semantic basis into neologisms that characterize genres of cinema, participants of cinematic discourse (filmmakers, viewers, actors), the process of creating a film. The research material was the neological units of cinematic discourse with a gender component which were taken from modern English-language online dictionaries, guides, glossaries, social news sites. The paper gives definitions of such notions as “neologism”, “cinematic discourse” and also identifies “distorted” and “fair” gender stereotypes in the composition of the definitions and contextual field of the neologisms under consideration. The presence of a rather large stratum of new terms related to the considered groups which include a gender component indicate the connection between cultural and linguistic aspects of life: new words reflect the changing realities, preferences of people and the relationship of old language forms with new concepts and ideas. Neologisms under study are grouped by gender opposition if there are similar neologisms in meaning but different in gender. Synonymous rows of some gender-coloured neologisms that characterize a certain gender and do not have a “gender opposite” are given. In addition, the authors consider neologisms that are applicable to both sexes simultaneously. In the process of the research, the authors turn to the presence of gender stereotypes in the composition of the neologisms under consideration. The authors distinguish between fair and distorted gender stereotypes. Based on the definitions and contextual field of the considered English neologisms with a gender component of cinematic discourse, it is concluded that there are both fair and distorted gender stereotypes in different neologisms, and fair gender stereotypes prevail over distorted ones.

Keywords: cinematic discourse, neologism, gender stereotypes, buddy film, camerawoman, chick flick, chick noir, cross-cast, digital surgery, drag, female buddy film, fem-jep, gender-bending role, gender twist, guy-cry, Mary Sue, Marty Stu, mellers, shero, soapers, stuntwoman, tearjerkers, weepies.

For citation: Katermina V.V., Biryukova P.S. Gender-Coloured English Neologisms in Cinematic Discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no 2, pp. 44–52 (In Engl.).

Оригинальная статья

УДК 81'42:791

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-44-52

Гендерно-окрашенные англоязычные неологизмы в кинодискурсе

В.В. Катермина

Кубанский государственный университет

(Российская Федерация, г. Краснодар)

ORCID ID: 0000-0001-9141-9867;

Researcher ID: L-2817-2017;

Scopus Author ID: 57191404821;

e-mail: katermina_v@mail.ru

П.С. Бирюкова

Кубанский государственный университет

(Российская Федерация, г. Краснодар)

ORCID ID: 0000-0002-5417-0991;

e-mail: biriukova.polina@mail.ru

Получена: 01.04.2020 /Принята: 30.04.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: Статья посвящена изучению англоязычных неологизмов с гендерным компонентом в кинодискурсе. В работе рассматриваются гендерно-окрашенные неологизмы пространства кинодискурса, классифицированные по семантическому основанию на неологизмы, характеризующие жанры кино, участников кинодискурса (создателей фильма, зрителей, актеров), процесс создания киноленты. Материалом для исследования послужили неологические единицы кинодискурса с гендерным компонентом, которые были взяты из современных англоязычных онлайн-словарей, справочников, глоссариев, социальных новостных сайтов. В работе даются определения понятий «неологизм», «кинодискурс», а также выявляются «искаженные» и «справедливые» гендерные стереотипы в составе дефиниций и контекстного поля рассматриваемых неологизмов. Наличие довольно большого пласта новых терминов, относящихся к рассматриваемым группам, в составе которых есть гендерный компонент, говорит о взаимодействии лингвистического и культурологического аспектов жизнедеятельности: неологизмы являются отражением всеизменяющихся реалий, концептов, суждений, идей, при этом сохраняя связь со старыми представлениями, отраженными в языке. Изучаемые неологизмы группируются по оппозиционно-половому признаку при наличии схожих по значению, но отличающихся по гендерному признаку неологизмов. Приводятся синонимические ряды некоторых гендерно-окрашенных неологизмов, характеризующих определенный пол и не имеющих «гендерной противоположности». Кроме того рассматриваются неологизмы, применимые относительно обоих полов одновременно. В ходе исследования авторы обращаются к наличию гендерных стереотипов в составе рассматриваемых неологизмов. Гендерные стереотипы подразделяются авторами на справедливые и искаженные. Основываясь на дефинициях и контекстном поле рассмотренных англоязычных неологизмов кинодискурса с гендерным компонентом, делается вывод о наличии как справедливых, так и искаженных гендерных стереотипов в составе разных неологизмов, при этом справедливые гендерные стереотипы превалируют над искаженными.

Ключевые слова: кинодискурс, неологизм, гендерные стереотипы, buddy film, camerawoman, chick flick, chick noir, cross-cast, digital surgery, drag, female buddy film, fem-jep, gender-bending role, gender twist, guy-cry, Mary Sue, Marty Stu, mellers, shero, soapers, stuntwoman, tearjerkers, weepies.

Для цитирования: Катермина В.В., Бирюкова П.С. Гендерно-окрашенные англоязычные неологизмы в кинодискурсе. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 44–52.

Introduction

In terms of the degree of influence on the audience, cinema occupies a leading position due to its accessibility, diversity, and extreme proximity to reality. For a modern person who has adapted to the fast pace of urban life, it is easier to perceive a one and a half to two-hour audio-visual series than to spend effort and time reading a book. Accordingly, films and related elements attract the attention of many scholars.

In a linguistic environment, the complex language of the movie is seen as a special kind of text. In the scientific literature, the relative terms “film discourse”, “film text”, “film narration”, and “film dialogue” are used. In our opinion, cinematic discourse is the most appropriate concept in this series.

The process of adding neologisms is inexhaustible; this phenomenon is determined naturally and historically. In periods of social stability, the processes of language development proceed gradually, and language changes affect individual parts of the system [1].

Individual and collective picture of the world are constructed using language tools. Analyzing the choice of these means of modern social interaction, we can make a conclusion about their gender marking [2].

The gender aspect is an integral part of social organization. Gender roles are designed to structure relationships in society both at the behavioral and at the linguistic level, being fixed in the language in the form of stable stereotypes [3].

The definition and / or contextual field of a single neologism in the context of the modern politically correct world is often not devoid of a gender component. Gender stereotypes transmitted by such gender-related neologisms can be both fair and distorted. Speaking about generally accepted ideas, a man and a woman are usually credited with such binary characteristics as logic – intuitiveness, concreteness – abstractness, rudeness – tenderness, elevation – ordinariness, activity – passivity, etc. These characteristics which are included in the category of stereotypes can be called *fair* since they correspond to generally accepted ideas about men and women. *Distorted stereotypes* are the same fair stereotypes, provided that typical characteristics, usually inherent in a particular sex, are attributed to the opposite sex. In the cinematic discourse there is also such an “extreme polarization of gender roles” [4: 71].

The aim of the article

The purpose of the article is to analyze English-language neologisms in the cinematic discourse to identify gender-related traits in their definitions and contextual field – indications of the specificity or universality of gender, gender stereotypes (fair or distorted).

Literature review

New words are an integral part of the vocabulary of the language: they are created to name new phenomena, to detail existing ones, to eliminate the ambiguity of a term if possible [5]. In modern linguistics, a lot of attention is paid to the study of neologisms in various types of discourse [6; 7].

The problem of identifying new knowledge, which has the nature of infinity, in view of the constantly changing reality or its other interpretation, is gaining incredible significance. One of the main carriers of such knowledge is neologisms.

The study of cinematic discourse, as well as gender stereotypes in cinematic discourse is an urgent topic among modern researchers. Various aspects of this phenomenon are highlighted in the works of T.V. Dukhovnaya [8], V.V. Katermina, A.A. Linnik [9], M.A. Samkova [10], Z.R. Dohova, T.A. Cheprakova [11], N.P. Prosuntsova [12] and others.

Methods of research

The priority methods for identifying and analyzing gender-colored neologisms in cinematic discourse for us are the method of contextual description and descriptive method. The contextual method was applied in order to establish the characteristics of the actualization of the studied gender-colored neologisms in the studied type of discourse; descriptive method was used to identify the characteristic features of gender-colored neologisms in cinematic discourse.

Results and Discussion

The neologisms of cinematic discourse in the realities of the 21st century are often not devoid of a gender component, designed to emphasize the specificity (or universality) of a particular phenomenon from a gender perspective.

Consider neologisms in cinematic discourse, in the definition or contextual field of which a gender element is contained referring to three groups of neologisms: *characterizing the genre of cinema, participants in cinema discourse, and also the process of creating a movie.*

I. To the group of neologisms that characterize the cinema genre, for example, the term “guy-cry” can be applied. *Guy-cries* are such films that make men cry [13]. As can be seen from the definition, this movie genre is designed for male representatives (The Legends of Autumn (1994), Patriot (2000), Gladiator (2000), and The Last Samurai (2003), 300 Spartans (2007) and others can be attributed to the genre.). Here we see an example of a *distorted* gender stereotype: according to the general idea, excessive manifestation of emotions is alien to men, however, this genre, on the contrary, disputes the prevailing phrase “men don’t cry”.

The opposite to “guy cry” in terms of gender is the neologism “chick flick”. *Chick flick* is a “movie designed specifically for women” [14]. And although this definition does not directly indicate the “tearful specificity” of such films, it is often assumed. So, for example, films of the genre “chick-flick” are often mentioned for comparison with the films “guy cry” [15]. There are many names for “tearful” female films. In addition to “chick-flicks” having an implicit tearful subtext, there are genres “*tearjerkers*”, “*weepies*”, “*soapers*”, “*mell-ers*” [16], which directly appeal to the emotions of spectators. Vivid examples of this genre are the films Unforgettable Romance (1957), Sleepless in Seattle (1993), Letters to You (1998), Bridget Jones’s Diary (2001), Exchange Holidays (2006). If the “guy-cry” genre implies a *distortion* of the gender stereotype of masculinity, then films of the “chick-flick” genre, as well as the perception of such films, transmit *fair* gender stereotypes of femininity.

Another neologism that characterizes the cinema genre is “buddy film”. *Buddy film* is a subgenre of the film (comedies, westerns, dramas, action films, road movies, etc.) in which two dissimilar characters (usually males) are forced to work together, often a couple of police officers [17]. There are many such films (Seven (1995), Men in Black (1997), Sherlock Holmes (2009), Island of the Damned (2009), Macho and Nerd (2012), Real Detective (2014), “Kingsman: Secret Service” (2015), “Agents A.N.K.L.” (2015), etc.). In films of this kind, there is often an obvious contrast between the main characters – one is the embodiment of masculinity, courage, dexterity, endowed with remarkable strength and ingenuity, while his partner is his direct opposite. Thus, the film demonstrates both *fair* and *distorted* gender stereotypes.

The “buddy film” also has a gender opposite – “Female buddy film”. This genre is similar to the “buddy film” genre, except that the main characters are women, and the plot is centered around them [18] (for example, the films “Cops in Skirts” (2013), “Ghostbusters” (2016), “Ocean’s 8 Friends” (2018), “Inveterate Fraudsters” (2019)). The heroines of this genre, like the heroes of its gender opposite, are often antonymic – one heroine has an impeccable appearance, style, and communication skills with the opposite sex, while her “partner” lacks these qualities. One of the most common *fair* gender stereotypes is the desire of women to conform to the canons of beauty, because a woman depends on the standards that society sets for the appearance of women [18]. Women “are associated with beauty, tenderness, which are sometimes exalted” [19: 65]. So, in the female buddy film genre, one can find both *fair* and *distorted* gender stereotypes.

There is also a gender-colored cinema genre “chick noir”. *Chick noir* are psychological thrillers depicting the fears and anxieties that many women face. Thrillers interpret the idea that you can never be sure of your husband or partner [20]. In the “chick noir” genre, we most often see heroines in all sorts of dangers: psychological, intimate, physical. “Chick-noir” is similar to the genre of “fem-jep” (female in jeopardy) or “WIP” (women in peril). According to Jim Butler, in the films of the “women in peril” genre, a woman falls into a deadly situation against her will, where there is no way out and there is no one who could protect her or help her [21]. However, women do not always have advocates in such films. So, H. Efron believes that “a knight in shining armor” should save a lady from trouble [22]. In the cinema, you can find a large number of examples of the genre “fem-jap” (“Room of fear” (2002), “Illusion of flight” (2005), “Girl with a dragon tattoo” (2011), “The girl who got stuck in the web” (2018) and others). Genres “chick-noir” and “fem-jep” broadcast *fair* gender stereotypes – according to their main storyline, a fragile, defenseless person gets into trouble, from which a man is most often called to help her out. It happens that a lady saves herself from trouble herself, but in this case it will be possible to conclude that the stereotype of femininity is *distorted*.

Another neologism belonging to the cinema genre group is “drag”, where artists dressed in clothing of the opposite sex caricature gender stereotypes through the use of colorful costumes and exaggerated mannerisms [14].

There are a lot of films with elements of dressing in clothes of the opposite sex (“Some Like It Hot” (1959), “Boys Don’t Cry” (1999), “Mulan” (1998), “White Chicks” (2004), “Dallas Buyers Club” (2013), “Girl from Denmark” (2015), “Split” (2017), etc.). Due to the characteristics of this genre, stereotypes associated with a particular gender come to the fore and often somewhat exaggerate. Thus, we can talk about predominantly *fair* gender stereotypes depicted in films of this kind.

II. Among the neologisms that characterize the participants in the cinematic discourse, the following stand out: neologism “shero” – “a female hero, especially one who supports women’s issues” [23]. And although many dispute this term, believing that it is not etymologically motivated (the word “hero” is of Greek origin, which means that the “he” component cannot indicate gender as in English), “shero” is quite common. This term should be distinguished from the term “heroine” for two reasons: firstly, the heroine is exclusively a female character, while “shero” can be used in relation to a man [24] (if he advocates equality gender and / or protection of women’s rights); secondly, “the heroine” is called the main female character, while “shero” is a character either advocating for the rights of women or proving by her actions that a woman is by no means a representative of the “weaker sex” (“Lara Croft: Tomb Raider” (2001), “Eon Flux” (2005)). The term “hero”, originally gender-neutral, due to the consonance with the English pronoun “he” in the modern politically correct space acquires masculine coloring and is increasingly used for male heroes.

Another neologism used in relation to female characters is “Mary Sue” (Mary Sue) – a female character invented by the author who is so perfect that it annoys [25]. These characters include Ray in Star Wars (2015), Hermione in Harry Potter (2001-2011), Nina in Black Swan (2010). Mary Sue has a gender opposite - “Marty Stu” (or “Gary Stu”) – seemingly perfect character with no flaws, or who always overpowers other characters [24]. Examples of such characters include Walter in The Painted Veil (2006), Edward Cullen in Twilight (2008), and Eddie in the movie Jumanji: A New Level (2019). If Marty (Gary) Stu is the embodiment of masculinity – he is stronger, faster, more charming than everyone, then with Mary Sue the situation is somewhat more complicated. Mary Sue is usually smarter and more attractive than other characters, but many negatively perceive this hero, considering such impeccability to be unrealistic and insulting the feelings of women who are not without flaws. Previously, the terms “ingenue” (positive female character, young and naive girl) and “juvenile” [16] (positive male character, gender opposite “ingenue”) were used in cinematic circles, but they were used in a positive way: these characters were not devoid of flaws, and therefore looked realistic.

In addition to gender-related terms related to characters and actors of the filmstrip, film culture is increasingly using gender-differentiated terms for various participants in the process of creating a motion picture. So, the terms “stuntman” – “stuntwoman”, “cameraman” – “camerawoman” are gender-antonymic.

III. In the third group of our classification we include units that characterize the process of creating a movie: terms related to the selection of actors for a particular role. So, the gender-colored term of this group can be called a “gender-bending role” – as a rule, this is dressing up in which a man or woman plays a character of the opposite sex [16] (“Some Like It Hot” (1959), “Tutsi” (1982), Victor / Victoria (1982), Guys Don’t Cry (1999) and others). The phenomenon of changing an actor into clothes of the opposite sex is not uncommon (recall the aforementioned “drag” genre). In discussing the justice or falsity of gender stereotypes represented in such films, one can make an assumption about the prevailing *fairness* of such stereotypes.: “Dressed” in clothes of the opposite sex, the hero tries to match the role unusual for him, using exaggerated mannerism, extremely bright clothes and makeup (if we are talking about dressing in a lady), trying to behave as rude, brutal (transforming into a man).

In this series, it is also worth mentioning the term “gender twist” – a situation where one or another role that a man or woman traditionally plays is played by a representative of the opposite sex [16]. The same term is “cross-cast” – “to cast women in men’s roles and vice versa” [25]. Examples of “gender twist” and “cross-casting” include Rosalind Russell in the role of Hildy Johnson in the film “His Girlfriend Friday” (this was originally a male role) (1940), Judy Dench in the role of Em in “Bondiana”, Pavel Volya in the role Vadik in the film “Office Romance. Our Time” (2011), Lenny Kravitz as Zinn in the Hunger Games series, Melissa McCarthy as Susan Cooper in Spy (2015). This phenomenon involves a *distortion* of the gender stereotype: traditionally, the male role is played by the woman (and vice versa), which means that the character is endowed with characteristics unusual for his sex. For example, the character of Judy Dench in “Bond” is endowed with more masculine traits than feminine ones: Em is decisive, stingy with emotions, inclined to think rationally. These terms should not be confused with “gender-bending roles” in the “drag” genre, where actors literally dress up in clothes and try to adopt a manner of behavior of the opposite sex, portraying, although exaggerated, fair gender stereotypes.

Filmmakers often try to make actors (especially women) more attractive in appearance. This phenomenon is called “digital surgery” – post production techniques are used to make actors appear taller and slimmer, and less wrinkled [23]. So, in particular, the Daily Mail news portal says that the creators of Hollywood films use “digital surgery” to make celebrity women look taller and slimmer [26]. Such “manipulations” with a female

appearance are not accidental: they reflect the aforementioned *fair* gender stereotype – women following the canons of beauty. Ladies depend on the dictated by society attitudes regarding the appearance of the “fair sex.”

Conclusion

Neologisms in the cinematic discourse are designed to denote newly emerging phenomena of the film industry, to clarify existing concepts, to eliminate the ambiguity of certain terms. The neologisms that characterize the genres of cinema, participants in the cinema discourse and the process of creating films are of particular interest because of their relative prevalence, the breadth of the context field, the ambiguity of the inherent characteristics.

The study found that each group of neologisms considered reflects both fair gender stereotypes and distorted ones. Some new terms are characterized by a variation in the depicted gender stereotypes – one film can broadcast fair and distorted gender stereotypes through both different heroes and one hero at the same time. The transmitted gender stereotypes considered in the work include the stereotypes of masculinity, femininity, the stereotype of women following the canons of beauty, emotional masculine restraint and feminine looseness.

So, the examined gender-colored neologisms of cinematic discourse can be visualized in the form of a table (Table 1):

Table 1

Gender-colored neologisms of cinematic discourse

Gender-colored neologisms of cinematic discourse				
№	Gender stereotype	Neologism with a MALE component	Neologism with a FEMALE component	Gender stereotype
Cinematic genre (киножанр)				
1.	Distorted	Guy-cry	Chick flick, tearjerker, weepy, soaper, meller	Fair
2.	-	Buddy film	Female buddy film	-
3.	-	-	Chick noir, fem-jep, WIP	Fair, distorted
4.	Fair	Drag		Fair
Participants of cinematic discourse				
5.	-	Hero (герой), shero	Shero	-
6.	Fair	Marty Stu	Mary Sue	Distorted
7.	-	Stuntman	Stuntwoman	-
8.	-	Cameraman	Camerawoman	-
Filmmaking process (процесс создания кинофильма)				
9.	Fair	Gender-bending role		Fair
10.	Distorted	Gender twist, cross-cast		Distorted
11.	-	-	Digital surgery	Fair (

The table shows that in the considered neologisms of the cinematic discursive space, the dominant position is occupied by neologisms that contain a fair gender stereotype in their context field. This allows us to conclude that the canonical attitudes dictated by society regarding the appearance and behavior of a representative of one gender or another are also transmitted in such “free” modern art as cinema. Filmmakers, being artists to some extent, like creators of literature and painting, try to reflect the world in all its diversity in their works, at the same time as truthfully, reliably as possible.

References

1. Senko EV. Neologization in modern Russian: an inter-level aspect. St. Petersburg, 2007. (In Russ.).
2. Gritsenko ES. Language as a means of constructing gender: Dokt. Dis. Tambov; 2005:48. (In Russ.). Available at: <https://www.dissercat.com/content/yazyk-kak-sredstvo-konstruirovaniya-gendera>. Accessed Apr 18, 2020.
3. Katermina VV., Prima AM. Cognitive-discursive features of gender neologisms in English discourse. *Cognitive language studies*. 2018;XXX:828-831. (In Russ.).

4. Busso L., Vignozzi G. Gender Stereotypes in Film Language: A Corpus-Assisted Analysis. *Proceedings of the Fourth Italian Conference on Computational Linguistics CLiC-it 2017:11-12 December*, Rome (online). Torino: Accademia University Press: 71-76. doi: 10.4000/books.aaccademia.2367.
5. Ratsiburskaya LV. Complex neoplasms as a game component of modern media texts. *Ural Philological Bulletin*, Ser.: Yazyk. Sistema. Lich-nost': lingvistika kreativa. 2016;2:205-212. (In Russ.).
6. Katermina VV., Solovyova NS. Axiology of Brexit neologism in the English-language mass media discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2019;3:103-111. (In Russ.).
7. Zhang K., Denisenko VN., Ponomarenko EB., Zheltukhina MR., Denisenko AV., & Shiryayeva OV. The Newest Borrowed Words and Methods of their Formation in the Russian- and Chinese-Language Internet Communication Space. *Online Journal of Communication and Media Technologies*. 2019;9(4):e201924. doi: 10.29333/ojcm/5930.
8. Dukhovnaya TV. Structural components of film discourse. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, v 2-h ch. ch. 1. Tambov: Gramota Publ. 2015;1(43):64-66. (In Russ.).
9. Katermina VV., Linnik AA. The image of the "new" father in the American cinema discourse. *Text. Book. Book publishing*. 2018;17:35-46. (In Russ.).
10. Samkova MA. Film text and film discourse: on the problem of differentiating concepts. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2011:135-137. (In Russ.).
11. Dohova ZR., Cheprakova TA. Cartoon as a construction mechanism in preschool children of elitist gender representations (based on the animated series "VINKS"). *RGPU named after A.I. Herzen Journal*. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen Publ., 2013;160:85-91. (In Russ.).
12. Prosuntsova NP. Gender stereotypes in the speech of characters in feature films (based on English). *Bulletin of MGLU*. Moscow: MGLU Publ., 2010;1(580):132-142. (In Russ.).
13. Word Spy. Available at: <https://www.wordspy.com/>. Accessed Febr 2, 2020.
14. Merriam Webster. Available at: <https://www.merriam-webster.com/>. Accessed Febr 8, 2020.
15. Reddit. Available at: https://www.reddit.com/r/movies/comments/6q85co/what_is_your_guy_cry_movie/. Accessed March 17, 2020.
16. Film Terms Glossary. Available at: <https://www.filmsite.org/filmterms4.html>. Accessed March 18, 2020.
17. IMDb. Available at: <https://www.imdb.com/list/ls054996664/>. Accessed March 18, 2020.
18. Gromova AI. The ideal of beauty in domestic women's magazines at the beginning of the 20th century: changing the patterns of control over the female body. *Bulletin of KSU*. Kostroma: Kostromskoy Gosudrstvennyi Universitet Publ., 2016;3:33-39. (In Russ.).
19. Lenets AV., Ovsienko TV. Phraseological representation of linguistic and cultural constants "masculinity/ femininity" (based on the German language). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2018;1(29):62-68. (In Russ.). doi: 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-62-68.
20. Independent. Available at: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/features/whats-the-meaning-of-chick-noir-week-in-books-9613012.html>. Accessed March 18, 2020.
21. Mariani J. Women in Jeopardy: Plot Line of the Year. *New York*, April 14, 1975:40-43.
22. Ephron H. Writing and Selling your Mystery Novel. *Writer's Digest Books*, 2005. Available at: [https://books.google.ru/books?id=uh9jDwAAQBAJ&pg=PT19&lpg=PT19&dq=Female+in+jeopardy+puts+a+gorgeous+woman+in+peril+\(access%20at:%2015%20January%202020\)](https://books.google.ru/books?id=uh9jDwAAQBAJ&pg=PT19&lpg=PT19&dq=Female+in+jeopardy+puts+a+gorgeous+woman+in+peril+(access%20at:%2015%20January%202020)). Accessed Jan 15, 2020.
23. Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2018/08/27/new-words-27-august-2018/>. Accessed Apr 10, 2020.
24. Urban Dictionary. Available at: <https://www.urbandictionary.com/>. Accessed Febr 4, 2020.
25. Macmillan Dictionary. Available at: <https://www.macmillandictionary.com/>. Accessed Apr 10, 2020.
26. Daily Mail. Stretching the truth: Hollywood film makers now using 'digital surgery' to alter female stars to make them look taller and thinner by L. Cox, 2014. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2555116/Stretching-truth-Hollywood-film-makers-using-digital-surgery-stretch-female-stars-make-look-taller-thinner.html>. Accessed Apr 10, 2020.

Список литературы

1. Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб.; 2007.
2. Гриценко Е.С. *Язык как средство конструирования гендера*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов; 2005:48. Доступно по: <https://www.dissercat.com/content/yazyk-kak-sredstvo-konstruirovaniya-gendera>. Ссылка активна на 18.04.2020.

3. Катермина В.В., Прима А.М. Когнитивно-дискурсивные особенности гендерных неологизмов в англоязычном дискурсе. *Когнитивные исследования языка*, 2018;XXX:828-831.
4. Busso L., Vignozzi G. Gender Stereotypes in Film Language: A Corpus-Assisted Analysis. *Proceedings of the Fourth Italian Conference on Computational Linguistics CLiC-it 2017:11-12 December*, Rome (online). Torino: Accademia University Press: 71-76. doi: 10.4000/books.aaccademia.2367.
5. Рацибурская Л.В. Сложные новообразования как игровая составляющая современных медиа-текстов. *Уральский филологический вестник*. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива, 2016;2:205-212.
6. Катермина В.В., Соловьева Н.С. Аксиология неологизма Brexit в англоязычном массмедийном дискурсе. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 2019;3:103-111.
7. Zhang K., Denisenko V.N., Ponomarenko E.B., Zheltukhina M.R., Denisenko A.V., & Shiryayeva O.V. The Newest Borrowed Words and Methods of their Formation in the Russian- and Chinese-Language Internet Communication Space. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 2019;9(4):e201924. doi: 10.29333/ojcm/5930.
8. Духовная Т.В. Структурные составляющие кинодискурса. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*: в 2 ч. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2015;1(43):64-66.
9. Катермина В.В., Линник А.А. Образ «нового» отца в американском кинодискурсе. *Текст. Книга. Книгоиздание*, 2018;17:35-46.
10. Самкова М.А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2011:135-137.
11. Дохова З.Р., Чепракова Т.А. Мультфильм как механизм конструирования у детей дошкольного возраста элитарных гендерных представлений (на материале мультсериала «ВИНКС»). *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2013;160:85-91.
12. Просунцова Н.П. Гендерные стереотипы в речи персонажей художественных фильмов (на материале английского языка). *Вестник МГЛУ*. М.: Изд-во МГЛУ, 2010;1(580):132-142.
13. Word Spy. Доступно по: <https://www.wordspy.com/>. Ссылка активна на 04.02.2020.
14. Merriam Webster. Доступно по: <https://www.merriam-webster.com/>. Ссылка активна на 04.02.2020.
15. Reddit. Доступно по: https://www.reddit.com/r/movies/comments/6q85co/what_is_your_guy_cry_movie/. Ссылка активна на 17.03.2020.
16. Film Terms Glossary. Доступно по: <https://www.filmsite.org/filmterms4.html>. Ссылка активна на 18.03.2020.
17. IMDb. Доступно по: <https://www.imdb.com/list/ls054996664/>. Ссылка активна на 18.03.2020.
18. Громова А.И. Идеал красоты в отечественных женских журналах начала XX В.: изменение паттернов контроля за женским телом. *Вестник КГУ*. Кострома: Костромской государственный университет, 2016;3:33-39.
19. Ленец А.В., Овсиенко Т.В. Фразеологическая репрезентация лингвокультурных констант «маскулинность/ фемининность» (на материале немецкого языка). *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2018;1(29):62-68. doi: 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-62-68.
20. Independent. Доступно по: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/features/whats-the-meaning-of-chick-noir-week-in-books-9613012.html>. Ссылка активна на 18.03.2020.
21. Mariani J. Women in Jeopardy: Plot Line of the Year. *New York*, April 14, 1975:40-43.
22. Ephron H. Writing and Selling your Mystery Novel. Writer's Digest Books, 2005. Доступно по: <https://books.google.ru/books?id=uh9jDwAAQBAJ&pg=PT19&lpg=PT19&dq=Female+in+jeopardy+puts+a+gorgeous+woman+in+peril>. Ссылка активна на 15.01.2020.
23. Cambridge Dictionary. Доступно по: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2018/08/27/new-words-27-august-2018/>. Ссылка активна на 10.04.2020.
24. Urban Dictionary. Доступно по: <https://www.urbandictionary.com/>. Ссылка активна на 04.02.2020.
25. Macmillan Dictionary. Доступно по: <https://www.macmillandictionary.com/>. Ссылка активна на 10.04.2020.
26. Daily Mail. Stretching the truth: Hollywood film makers now using 'digital surgery' to alter female stars to make them look taller and thinner by L. Cox, 2014. Доступно по: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2555116/Stretching-truth-Hollywood-film-makers-using-digital-surgery-stretch-female-stars-make-look-taller-thinner.html>

Bionote:

Veronika V. Katermina, Doctor of Philology, professor, Kuban State University, English philology department, professor; Krasnodar, Russian Federation.

E-mail: katermina_v@mail.ru

Address: 350040, Krasnodar, 149 Stavropolskaya str., Kuban State University

Polina S. Biryukova, assistant, Kuban State University, English philology department; Krasnodar, Russian Federation.

E-mail: biriukova.polina@mail.ru

Address: 350040, Krasnodar, 149 Stavropolskaya str., Kuban State University

Сведения об авторах:

Катермина Вероника Викторовна, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, кафедра английской филологии, г. Краснодар, Российская Федерация.

E-mail: katermina_v@mail.ru

Адрес: 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Бирюкова Полина Сергеевна, ассистент кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, кафедра английской филологии, г. Краснодар, Российская Федерация.

E-mail: biriukova.polina@mail.ru

Адрес: 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-53-60

Realization of “FOOD AS A SOURCE OF DANGER” Cognitive
Model in the Russian Media Discourse

Viacheslav D. Shevchenko

Samara National Research University
(Russian Federation, Samara)

ORCID ID: 0000-0001-6357-2477;

Researcher ID: I-8620-2018;

Scopus Author ID: 57203173126; e-mail: vds@ssau.ru

Piotr Mamet

Technical University in Gliwice
(Republic of Poland, Gliwice)

ORCID ID: 0000-0002-8776-4163;

Researcher ID: Z-4972-2019;

e-mail: p.mamet@wp.pl

Received: 20.04.2020 /Accepted: 14.05.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The present paper is devoted to analysis of cognitive and pragmatic aspects of food representation in the media discourse as well as peculiarities of language means of such representation. The paper investigates the language means used for realization of the “FOOD AS A SOURCE OF DANGER” cognitive model in the Russian media discourse. The paper also studies connection between cognitive models’ realization and the journalists’ pragmatic goals aimed at negative representation of food in the media discourse. The study also analyzed the cognitive models’ dominant components. The authors come to a conclusion that foregrounding such components as *PARTICIPANTS*, *FOOD AND DRINK*, *CHARACTERISTICS OF THE OBJECT (FOOD)*, *ACTION*, *CONSEQUENCES* and others is determined by journalists’ pragmatic goals aimed at drawing attention to particular dishes or preventing the negative consequences of eating. Filling the components of the cognitive model with particular contents by means of the language units results in fulfilling the journalist’s pragmatic goal. The paper makes a contribution into such branches of linguistics as cognitive semantics, pragmatics, media-linguistics, theory of text and discourse. The results of the undertaken research can be used for analyzing realization of cognitive models in other types of discourse as well as in theoretical courses on text linguistics, discourse analysis, media-linguistics.

Keywords: Russian media discourse, food representation, cognitive model, dominant components, food.

For citation: Shevchenko V.D., Mamet P. Realization of “FOOD AS A SOURCE OF DANGER” Cognitive Model in the Russian Media Discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no 2, pp. 53–60 (In Engl.).

Оригинальная статья

УДК 811.11-112

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-53-60

**Реализация когнитивной модели «ЕДА КАК ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ»
в российском медиа-дискурсе**

В.Д. Шевченко

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
(Российская Федерация, г. Самара)
ORCID ID: 0000-0001-6357-2477;
Researcher ID: I-8620-2018;
Scopus Author ID: 57203173126; e-mail: vds@ssau.ru*

П. Мамет

*Технический университет в Гливице
(Республика Польша, г. Гливице)
ORCID ID: 0000-0002-8776-4163;
Researcher ID: Z-4972-2019;
e-mail: p.mamet@wp.pl*

Получена: 20.04.2020 /Принята: 14.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: Настоящая статья посвящена анализу когнитивных и прагматических факторов репрезентации пищи в медиа-дискурсе, а также особенностям языковых средств данной репрезентации. В статье анализируются языковые средства реализации когнитивной модели «ЕДА КАК ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ» в российском медиа-дискурсе. В статье также рассмотрена связь между реализацией когнитивных моделей и прагматическими целями журналистов, которые направлены на негативную репрезентацию пищи в медиа-дискурсе. В рамках предпринятого исследования были также проанализированы доминантные компоненты когнитивных моделей. Авторы приходят к выводу о том, что выдвигание таких компонентов, как *УЧАСТНИКИ, ПИЩА И НАПИТКИ, ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЕКТА (ПИЩИ), ДЕЙСТВИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ* и др. обусловлено прагматическими целями журналистов, которые заключаются в попытке привлечь внимание к определенным блюдам или предотвратить негативные последствия употребления пищи. Наполнение компонентов когнитивной модели определенным содержанием посредством языковых единиц приводит к реализации прагматической цели журналиста. Статья вносит вклад в углубление таких разделов лингвистики, как когнитивная семантика, прагмалингвистика, медиалингвистика, теория текста и дискурса. Результаты проведенного исследования могут быть использованы для анализа реализации когнитивных моделей в других типах дискурса, а также в теоретических курсах по лингвистике текста, дискурс-анализу, медиалингвистике.

Ключевые слова: российский медиа-дискурс, репрезентация пищи, когнитивная модель, доминантные компоненты, пища.

Для цитирования: Шевченко В.Д., Мамет П. Реализация когнитивной модели «ЕДА КАК ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ» в российском медиа-дискурсе. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 53–60.

Introduction

The media discourse is aimed at representing the most significant objects and phenomena, which play an important role in life and functioning of society. In this case the media discourse acts as the mirror of the world, but this mirror has its peculiarities, because it cannot be objective and it creates a picture of the world, which is influenced by the journalists' intentions and political views. Food as one of the most significant objects in social, political, cultural and other spheres of human activity gets a specific representation in the media discourse. Due to the journalists' intentions food can appear as a source of healthy life, entertainment, pleasure and so on. In the present paper we shall analyze the negative aspects of food representation in the media discourse, when it appeals to the negative consequences of eating specific foods and tries to exercise social control in the sphere of food consumption and public health.

According to S. Tomaščíková, media play crucial role in the signifying practices in postmodern societies and in contemporary society media represent the most important channels of cultural mediation [1]. By creating a specific picture of food and its role in the modern society the media discourse influences the readers' consciousness, which leads to appearance of new food practices and experiences.

Food has been the object of numerous studies by E.V. Ivantsova [2], A.V. Olyanich [3], E.V. Pozhidaeva and O.A. Karamalak [4], J. Eddy [5], C. Fischler [6], A. Matrozi-Marin [7], S. Tomaščíková [8; 9], V.D. Shevchenko [10], S. Guzzo and A. Gallo [11], R. Grochowska [12], L. Binet [13], which corresponds to the tendency of investigating the lingual and socio-cultural peculiarities of food perception and representation.

We suppose that a cognitive model is a generalized mental structure, a structuralized set of ideas, the components of which correlate with the components of a series of recurrent situations from particular spheres of life due to the referential connections. The cognitive models provide the basis for perceiving, analyzing and storing knowledge about some recurrent situations in memory referring to particular fields of human activities. The notion of a cognitive model is close to the notion of mental models, which have been conceptualized as representations in episodic memory of situations, acts or events spoken or thought about, observed or participated in by human actors, that is of experiences [14], but we suppose that a cognitive model is a wider term, because a cognitive model is an ideal scheme of the conceptualized situations' representations.

Material and Methods

The investigation was undertaken on the basis of the Russian media discourse, which was studied by S.G. Vorkachev and E.A. Vorkacheva [15]. The present paper aims to investigate the components of "FOOD AS A SOURCE OF DANGER" cognitive model foregrounded in the media discourse and the language means used for this purpose. The authors also try to investigate the connection between the cognitive model and the journalist's pragmatic goal aimed at negative representation of food in the media discourse. While undertaking the research the method of discourse analysis [16; 17], the method of cognitive modelling [18], the method of pragmatolinguistic analysis, observation and description techniques were applied. The corpus includes 10 articles taken from the Russian media discourse.

Discussion

The articles in the Russian media, in which "FOOD AS A SOURCE OF DANGER" cognitive model is realized, foreground specific components of this model by means of language means. One of the articles concerns food consumed by people before going to bed:

Худшим вариантом перекуса были названы жареные блюда, содержащие канцерогены. Отмечается, что жареные яйца или мясо, приготовленные на масле, могут содержать опасные вещества и способствуют возникновению злокачественных опухолей [19].

The dishes containing carcinogens were named among the worst options for a snack. The fried eggs and meat cooked with oil may contain dangerous ingredients and cause cancerous growths [19].

The *PARTICIPANTS* component includes information about the experts, presenting the results of their research; it is effective means of persuading the reader, who is influenced by the expert opinion on food and eating (*Эксперты рассказали, чего точно не стоит есть на ночь глядя*).

The *FOOD* component is foregrounded by means of the lexical units denoting such different types of food as eggs and meat (*Отмечается, что жареные яйца или мясо, приготовленные на масле, могут содержать опасные вещества и способствуют возникновению злокачественных опухолей*), beans and choco-

late (Также необходимо избегать на ночь **бобовых продуктов и шоколада**), spicy food and whole grains cooked with milk (Не стоит есть также **острую пищу**, ведь она заставит ваш желудок работать всю ночь и может привести к ухудшению его деятельности. **Молочная каша** не подойдет в связи с содержанием в ней сахара, пишет портал «МедикФорум»), fruits (А вот лучшим перекусом эксперты назвали **фрукты**. Правда, при этом стоит избегать **яблок**, которые перегружают поджелудочную железу. Заменить их всегда можно **апельсинами** или **киви**). The journalist also mentions the method used for cooking some of the dishes that should be avoided at night (**жареные яйца** или **мясо, приготовленные на масле**). The journalist indicates both healthy and unhealthy foods to underline the *FOOD* component within the cognitive model, which proves that *FOOD* is the central element in all media articles regarding food and cooking due to its importance for various spheres of human activity.

The *CHARACTERISTICS OF THE OBJECT (FOOD)* component is also foregrounded within the cognitive model, because this way the readers are informed about the harmful substances contained in the foods that should be avoided. This component is foregrounded by means of the lexical units denoting the following harmful substances: cancer-causing chemicals (Худшим вариантом перекуса были названы жареные блюда, содержащие **канцерогены**. Отмечается, что жареные яйца или мясо, приготовленные на масле, могут содержать **опасные вещества**) and sugar (Молочная каша не подойдет в связи с содержанием в ней **сахара**, пишет портал «МедикФорум»).

The dominant *CONSEQUENCES* component is filled with information about the impact that eating some foods before sleep has on health. The journalist mentions such *CONSEQUENCES* as appearance of tumors (Отмечается, что жареные яйца или мясо, приготовленные на масле, могут содержать опасные вещества и способствуют **возникновению злокачественных опухолей**), problems with metabolism (Впрочем, мясо лучше не употреблять на ночь ни в каком виде, так как из-за него может быть **нарушен холестериновый обмен**), problems with normal functioning of stomach (Не стоит есть также острую пищу, ведь она заставит ваш **желудок работать всю ночь** и может привести к ухудшению его деятельности), the negative impact of some fruits on pancreas (Правда, при этом стоит избегать яблок, которые **перегружают поджелудочную железу**).

The journalist foregrounds *PARTICIPANTS, FOOD, CHARACTERISTICS OF THE OBJECT (FOOD)* and *CONSEQUENCES* components in accordance with his pragmatic goal to persuade the reader to follow a healthy lifestyle, change his eating practices and avoid eating some foods, which can cause harm, before sleep. As in the previous example, we consider the most efficient components within the cognitive model to be *CHARACTERISTICS OF THE OBJECT (FOOD)* and *CONSEQUENCES*, because they contain information about harmful substances and their effect on people's health.

Another article, in which the "FOOD AS A SOURCE OF DANGER" cognitive model is realized, concerns foods that increase the risk of early death. In this case the cognitive model includes a mental model "FOOD AS A REASON OF DEATH":

Ученые Университета Восточной Финляндии выявили связь между рационом питания и риском ранней смерти. Результаты их исследования были опубликованы в American Journal of Clinical Nutrition, пишет Zentrum [20].

The scientists from University of Eastern Finland found connection between a food ration and early death risk. Zentrum reports that the results of their investigation were published in American Journal of Clinical Nutrition [20].

In this article the journalist foregrounds the same components of the cognitive model as in the other media texts on this topic:

• *FOOD and PARTICIPANTS*: По словам специалистов, **люди, употреблявшие более 200 г мяса в день** ежедневно, имели на 23% более высокий риск смерти; По результатам исследования специалисты посоветовали употреблять не более 100 г мяса в день и включить в свой рацион **фасоль, чечевицу, орехи** и другие источники растительного белка; Ранее в октябре ученые назвали наиболее вредный продукт для окружающей среды и человека. По словам специалистов, самое негативное влияние оказывает **мясо**. The journalist pays particular attention this component and fills it with information about food (**мясо**), the dangerous characteristics of which were proven by the specialists (*PARTICIPANTS*), who conduct-

ed research in this field: *Специалисты на протяжении 22 лет следили за жизнью 2641 человека в возрасте от 42 до 60 лет. Исследователи пришли к выводу, что на риск ранней смерти больше всего влияло частое употребление животного белка.* The *PARTICIPANTS* component is foregrounded to persuade the reader to choose healthy foods for his/her diet. He also indicates the amount that should not be exceeded in order not to cause harm to people's health (*не более 100 г мяса в день*). Information about healthy foods that can substitute meat (*фасоль, чечевица, орехи*) is also used to foreground the *FOOD* component within the cognitive model and consequently persuade the reader to choose a healthy diet;

- *CHARACTERISTICS OF THE OBJECT (FOOD)*: *Исследователи пришли к выводу, что на риск ранней смерти больше всего влияло частое употребление животного белка; При этом любители продуктов, содержащих растительный белок, напротив, имели лучшее здоровье и большую продолжительность жизни.* The journalist contrasts dangerous and healthy substances contained in foods to pay the reader's attention to foods containing healthy substances;

- *CONSEQUENCES*: *По словам специалистов, люди, употреблявшие более 200 г мяса в день ежедневно, имели на 23% более высокий риск смерти; При этом любители продуктов, содержащих растительный белок, напротив, имели лучшее здоровье и большую продолжительность жизни.* The journalist mentions the main *CONSEQUENCE* of eating healthy and unhealthy foods – life expectancy; he mentions such positive *CONSEQUENCES* as better health and longer life expectancy (*лучшее здоровье и большая продолжительность жизни*) and contrasts them with the negative ones comprising the risk of early death.

The abilities of some foods to have impact on particular aspect of people's health or mood are often given specific attention to in the Russian media discourse. This way the journalists inform the readers of the dangerous *CHARACTERISTICS* of some foods that can damage people's physical and emotional health; the journalists also use the media texts to guide people towards a healthy diet and lifestyle. One of the articles is devoted to the foods possessing such feature as the ability to deteriorate people's emotional state:

Врач-диетолог Елена Соломатина назвала продукты, которые не стоит употреблять, чтобы не ухудшить себе настроение. По ее словам, в первую очередь следует исключить из рациона алкоголь [21].

Elena Solomatina, a dieting expert, has named foods, which should be avoided in order not to aggravate one's mood. According to her, alcohol should be the first thing to be excluded [21].

In this media text the journalist also foregrounds the dominant components of the "FOOD AS A SOURCE OF DANGER" cognitive model, filling the *DANGER* component with information about the negative effect of some foods on people's mood:

FOOD AND DRINK: *«Спиртное вначале повышает настроение, потом наступает интоксикация, обезвоживание, самочувствие и настроение падают», – рассказала врач «Вечерней Москве» в воскресенье, 3 ноября; Специалист также предостерегла от употребления сладкого на голодный желудок; По словам диетолога, нежелательно и употребление соленой пищи, так как из-за нее ухудшается кровообращение и наступает упадок сил; По этой же причине не рекомендовано употребление колбас, бекона и других видов обработанного мяса, а также майонеза; При этом улучшить эмоциональное состояние помогут фрукты, в том числе цитрусовые, а также грибы вешенки; Также на помощь может прийти темный шоколад, морковь, йогурт, орехи, паста с морепродуктами и жирная рыба.* The journalist mentions food and drink, which can deteriorate or improve people's emotional state. This way he constructs and changes an extensive field within a human cognitive system, which relates food to various aspects of life: health, mood, family, rest, entertainment, relationships etc.;

CHARACTERISTICS OF THE OBJECT (FOOD): *Специалист также предостерегла от употребления сладкого на голодный желудок; По ее словам, в таком случае уровень глюкозы в крови резко повышается, а потом столь же резко упадет; По словам диетолога, нежелательно и употребление соленой пищи, так как из-за нее ухудшается кровообращение и наступает упадок сил.* The *CHARACTERISTICS* component is foregrounded by means of the lexical units denoting such features of food and drink as taste (*сладкое, соленое*) and substances (*глюкоза*). The journalist makes this component dominant in order to construct a multi-aspect picture of foods that are able to deteriorate people's emotional state;

CONSEQUENCES: «Спиртное вначале **повышает настроение, потом наступает интоксикация, обезвоживание, самочувствие и настроение падают**», – рассказала врач «Вечерней Москве» в воскресенье, 3 ноября; Специалист также предупредила от употребления сладкого на голодный желудок. По ее словам, в таком случае **уровень глюкозы в крови резко повысится, а потом столь же резко упадет. В результате на смену легкой эйфории придут усталость и раздражительность**; По словам диетолога, нежелательно и употребление соленой пищи, так как из-за нее **ухудшается кровообращение и наступает упадок сил**. The journalist gives a detailed description of physiological *CONSEQUENCES* (интоксикация, обезвоживание, уровень глюкозы в крови резко повысится, а потом столь же резко упадет, ухудшается кровообращение и наступает упадок сил) and the effect of some food and drink on mood, which can be a result of the physiological *CONSEQUENCES* (самочувствие и настроение падают, на смену легкой эйфории придут усталость и раздражительность). The journalist also mentions such *CONSEQUENCES* as improvement of people's mood due to the effect of some foods (При этом улучшить эмоциональное состояние помогут фрукты, в том числе цитрусовые, а также грибы вешенки).

The undertaken analysis has demonstrated that the journalists try to foreground virtually the same components of "FOOD AS A SOURCE OF DANGER" cognitive model, realized in the media texts; in this case the recipient perceives the most significant pieces of information about the harmful effect of some foods and applies them to the food cognitive and mental models stored in his consciousness. We suppose that foregrounding the specific elements of the cognitive model influences the recipient, who can transform the cognitive model components, e.g., he/she can fill the *FOOD* component with new information about healthy food; the *CHARACTERISTICS OF THE OBJECT (FOOD)* and *CONSEQUENCES* components are also filled with new information about the positive *CHARACTERISTICS* and *CONSEQUENCES* for people's health. After reading the media texts, in which this cognitive model is realized, the recipient understands that some foods can be dangerous and such transformation can result in changing the reader's eating practices. Due to this change the cognitive model is converted into "FOOD AS A SOURCE OF HEALTHY LIFE" model, because the reader may start consuming healthy food. We have come to a conclusion that realization of both cognitive models "FOOD AS A SOURCE OF DANGER" and "FOOD AS A SOURCE OF HEALTHY LIFE" is determined by the same pragmatic goal of the journalist – to persuade the reader to change his eating practices, choose healthy foods for his diet and consequently follow a healthy lifestyle, which will change the nation's state of health. In both models the same components are foregrounded.

Conclusion

In the articles, in which "FOOD AS A SOURCE OF DANGER" cognitive model is realized, the journalist mentions food and drink, which can affect not only physical, but also people's emotional state. This way he constructs and changes an extensive field within a human cognitive system, which relates food to various aspects of life: health, mood, family, rest, entertainment, relationships etc.

Realization of the "FOOD AS A SOURCE OF DANGER" cognitive model is determined by the pragmatic goal of the journalist – to persuade the reader to change his eating practices, choose healthy foods for his diet and consequently follow a healthy lifestyle, which will change the nation's state of health.

References

1. Tomaščíková S. Cultural Heritage and Food – New Media Narratives – New Meanings and New Identities. *European English Messenger*. 2015;2:49-57.
2. Ivantsova EV. The concept "bread" in the discourse of a dialect language personality. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2018;56:47-64. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/4.
3. Olyanich AV. Gastrinomial discourse. *Discourse Pi*. 2015;2:157-160. (In Russian).
4. Pozhidaeva EV., Karamalak OA. Hashtags in social networking sites: intentions and affordances (as exemplified by the posts in English on "Food" topic). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2018;55:106-118. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/55/8.
5. Eddy J. Food for thought? The cultural appropriation of food in contemporary media. *SKASE Journal of Literary and Cultural Studies*. 2019;2:40-50. Available at: http://www.skase.sk/Volumes/SJLCS02/pdf_doc/05.pdf. Accessed April 14, 2020.
6. Fischler C. Food, self and identity. *Social Science Information*. 1988;27:275-293.
7. Matrozi-Marin A. Food and language as means of communication and markers of social and cultural identity. in *esse: English Studies in Albania*. 2018;9(1):120-135.

8. Tomaščíková S. Media narratives: the means of communication and consumption. In: *A Journey through Knowledge: Festschrift in Honour of Hortensia Pârlog*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012:96-108.
9. Tomaščíková S. Food in the media: above and below the sea level of a hypermodern culture. In: Šnircová Soňa, Tomaščíková Slávka. (eds.) *Postmillennial Trends in Anglophone Literatures, Cultures and Media*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019:156-173.
10. Shevchenko VD. Representation of cooking in the British media discourse: cognitive and pragmatic aspects. *in esse: English Studies in Albania*. 2018;1:109-119.
11. Guzzo S., Gallo A. "Please accept my apologies": English, food, and identity in TripAdvisor discourse. *International Journal of Language Studies*. 2019;13(4):141-158.
12. Grochowska R. Food security in political discourse of the Common Agricultural Policy. *Acta Sci. Pol. Oeconomia*. 2017;16(1):25-32. DOI: 10.22630/ASPE.2017.16.1.03.
13. Binet L. 'Touche pas à mon pain au chocolat!' The theme of food in current French political discourses. *Modern & Contemporary France*. 2016;24(3):239-252. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09639489.2015.1127219>.
14. Ehrlich MF., Tardieu H., Cavazza M. *Les modèles mentaux. Approche cognitive de representations*. Paris: Masson, 1993.
15. Vorkachev SG., Vorkacheva EA. Discourse and its typology in Russian linguistics. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2019;3:14-21. (in Russian). DOI: 10.29025/2079-6021-2019-3-14-21.
16. Chernyavskaya VE. Methodological opportunities of discourse analysis in corpus linguistics. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2017;50:135-148. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/9.
17. Shevchenko VD., Shevchenko ES. Artistic form in social communication. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2019;1:46-52. (in Russian). DOI: 10.24410/GW31-FW09.
18. Evseeva IV., Kreidlin GE. Frame modelling of lexical word-building nests with 'illness' meaning. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2017;49:5-23. (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/49/1.
19. Experts name 7 worst options of a night snack. Available at: <https://iz.ru/906246/2019-08-04/eksper-ty-nazvali-sem-naikhudshikh-variantov-nochnogo-perekusa>. Accessed April 14, 2020. (in Russian).
20. Scientists tell about foods enhancing early death risk. Available at: <https://iz.ru/940201/2019-11-06/uchenye-rasskazali-o-uvelichivaiushchem-risk-rannei-smerti-rezhime-pitaniia>. Accessed April 14, 2020. (in Russian).
21. Dieting expert names foods causing bad mood. Available at: <https://iz.ru/939370/2019-11-03/dietolog-nazvala-ukhudshaiushchie-nastroenie-produkty>. Accessed April 14, 2020. (in Russian).

Список литературы

1. Tomaščíková S. Cultural Heritage and Food – New Media Narratives – New Meanings and New Identities. *European English Messenger*. 2015;2:49-57.
2. Иванцова Е.В. Концепт ХЛЕБ в дискурсе диалектной языковой личности. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2018;56:47-64. DOI: 10.17223/19986645/56/4.
3. Олянич А.В. Гастрономический дискурс. *Дискурс Пу*. 2015;2:157-160.
4. Пожидаева Е.В., Карамалак О.А. Хэштеги в социальных сетях: интенции и аффордансы (на примере группы сообщений на английском языке по теме «Food» (пища/ еда). *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2018;55:106-118. DOI: 10.17223/19986645/55/8.
5. Eddy J. Food for thought? The cultural appropriation of food in contemporary media. *SKASE Journal of Literary and Cultural Studies*. 2019;2:40-50. Available at: http://www.skase.sk/Volumes/SJLCS02/pdf_doc/05.pdf/. Ссылка активна на 14.04.2020.
6. Fischler C. Food, self and identity. *Social Science Information*. 1988;27:275-293.
7. Matrozi-Marin A. Food and language as means of communication and markers of social and cultural identity. *in esse: English Studies in Albania*. 2018;9(1):120-135.
8. Tomaščíková S. Media narratives: the means of communication and consumption. In: *A Journey through Knowledge: Festschrift in Honour of Hortensia Pârlog*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012:96-108.
9. Tomaščíková S. Food in the media: above and below the sea level of a hypermodern culture. In: Šnircová Soňa, Tomaščíková Slávka. (eds.) *Postmillennial Trends in Anglophone Literatures, Cultures and Media*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019:156-173.

10. Shevchenko V.D. Representation of cooking in the British media discourse: cognitive and pragmatic aspects. *in esse: English Studies in Albania*. 2018;1:109-119.
11. Guzzo S., Gallo A. "Please accept my apologies": English, food, and identity in TripAdvisor discourse. *International Journal of Language Studies*. 2019;13(4):141-158.
12. Grochowska R. Food security in political discourse of the Common Agricultural Policy. *Acta Sci. Pol. Oeconomia*. 2017;16(1):25-32. DOI: 10.22630/ASPE.2017.16.1.03.
13. Binet L. 'Touche pas à mon pain au chocolat!' The theme of food in current French political discourses. *Modern & Contemporary France*. 2016;24(3):239-252. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09639489.2015.1127219>.
14. Ehrlich M.F., Tardieu H., Cavazza M. *Les modèles mentaux. Approche cognitive de représentations*. Paris: Masson, 1993.
15. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Дискурс и его типология в российской лингвистике. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019;3:14-21. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-3-14-21.
16. Чернявская В.Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017;50:135-148. DOI: 10.17223/19986645/50/9.
17. Шевченко В.Д., Шевченко Е.С. Художественная форма в социальной коммуникации. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019;1:46-52. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-1-46-52.
18. Евсеева И.В., Крейдлин Г.Е. Фреймовое моделирование фрагментов лексико-словообразовательных гнезд с семантикой 'заболевание'. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017;49:5-23. DOI: 10.17223/19986645/49/1.
19. Эксперты назвали семь наихудших вариантов ночного перекуса. Доступно по: <https://iz.ru/906246/2019-08-04/eksperty-nazvali-sem-naikhudshikh-variantov-nochnogo-perekusa>. Ссылка активна на 14.04.2020.
20. Ученые рассказали об увеличивающем риск ранней смерти режиме питания. Доступно по: <https://iz.ru/940201/2019-11-06/uchenye-rasskazali-o-uvelichivaiushchem-risk-rannei-smerti-rezhime-pitaniia>. Ссылка активна на 14.04.2020.
21. Диетолог назвала ухудшающие настроение продукты. Доступно по: <https://iz.ru/939370/2019-11-03/dietolog-nazvala-ukhudshaiushchie-nastroenie-produkty>. Ссылка активна на 14.04.2020.

Bionote:

Viacheslav D. Shevchenko, Doctor of Philology, Associate Professor, Samara National Research University, Head of the English philology department; Samara, Russian Federation.

E-mail: vds@ssau.ru

Address: 443086, Samara, 34 Moskovskoye shosse, Samara National Research University

Piotr Mamet, PhD, assistant professor, Technical University in Gliwice, College of Social Sciences and Foreign Philologies; Gliwice, Republic of Poland.

E-mail: p.mamet@wp.pl

Address: 44-100, Gliwice, 2A Akademicka str., Technical University in Gliwice

Сведения об авторах:

Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация.

E-mail: vds@ssau.ru

Адрес: 443086, Самара, Московское шоссе, 34. ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»

Мамет Петр, PhD, доцент, Технический университет в Гливице, Факультет социальных наук и зарубежных филологий, г. Гливице, Республика Польша.

E-mail: p.mamet@wp.pl

Адрес: 44-100, Гливице, ул. Академика 2А, Технический университет в Гливице

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-61-69

**Stylistic Interpretation of English Football Vocabulary Items
and Set Expressions in Publicistic Discourse**

Alena Štulajterová

Matej Bel University

(The Slovak Republic, Banská Bystrica)

ORCID ID: 0000-0001-8647-6605;

Researcher ID: L-2515-2018;

Web of Science Author ID: L-2515-2018; e-mail: alena.stulajterova@umb.sk

Ivan Laluška

Matej Bel University

(The Slovak Republic, Banská Bystrica)

e-mail: laluskaivan@gmail.com

Received: 15.04.2020 /Accepted: 30.04.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The paper dwells upon the study of English football vocabulary items and set expressions from the stylistic point of view. We applied Galperin's model of stylistic analysis in our research, therefore football expressions and phrases are evaluated in terms of their stylistic significance at the phonetic-phonological, lexical and syntactical levels. The linguistic corpus of research material of 670 excerpts comes from printed and online British media, namely the Guardian and its websites. In initial chapters, the paper outlines the past and present of football on the British Isles. As football vocabulary items and set expressions are used by sports journalists and reporters too, we present a concise diachronic and synchronic view of the British sports journalism as the sub-style of publicistic style. The core of the paper is focused on quantitative and qualitative stylistic analysis of the corpus. Furthermore, the corpus of the language material has been analysed according to the football activities related to the most popular sport worldwide. Our research revealed that the scope of the most frequent stylistic devices included in the English football vocabulary has been mainly focused on the lexical level (namely metonymy, metaphor, hyperbole and periphrasis). The results provide some interesting insights into the two-fold application of meaning (primary and transferred/contextual meaning) in the analysed expressions.

Keywords: stylistics, stylistic analysis, phonetic-phonological level, lexical level, syntactical level, football, vocabulary, set expression, sports journalism.

For citation: Štulajterová A., Laluška I. Stylistic Interpretation of English Football Vocabulary Items and Set Expressions in Publicistic Discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no 2, pp. 61–69 (In Engl.).

Оригинальная статья

УДК 811.111

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-61-69

**Стилистическая интерпретация английской футбольной лексики
и устойчивых выражений в публицистическом дискурсе**

Алена Штулайтерова

Университет Матей Бела
(Словацкая Республика, Банска Быстрица)
ORCID ID: 0000.0001-8647-6605;
Researcher ID: L-2515-2018;
Web of Science Author ID: L-2515-2018;
e-mail: alena.stulajterova@umb.sk

Иван Лалушка
Университет Матей Бела
(Словацкая Республика, Банска Быстрица)
e-mail: laluskaivan@gmail.com

Получена: 15.04.2020 /Принята: 30.04.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: В статье исследуются единицы английской футбольной лексики и устойчивые выражения с стилистической точки зрения. В нашем исследовании мы применили модель стилистического анализа И.Р. Гальперина, таким образом, единицы футбольной лексики и устойчивые выражения оцениваются с точки зрения их стилистической значимости на фонетико-фонологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Лингвистический корпус фактического материала, состоящего из 670 отрывков, был собран из печатных и электронных британских масс-медиа, а именно: из газеты «Гардиан» и соответствующих веб-сайтов. В начальных разделах статьи речь идет о прошлом и настоящем футбола на Британских островах. Поскольку единицы футбольной лексики и устойчивые выражения также используются спортивными журналистами и репортерами, мы представляем краткий диахронический и синхронический обзор британской спортивной журналистики как подтипа публицистики. Основная часть статьи фокусируется на количественном и качественном стилистическом анализе корпуса. Кроме того, корпус языкового материала был проанализирован в соответствии с видами деятельности, имеющей отношение к этому самому популярному виду спорта в мире. Результаты нашего исследования показывают, что наиболее частотные стилистические приемы выборки в основном сконцентрированы на лексическом уровне, а именно: метонимия, метафора, гипербола и перифраз. Результаты проведенного исследования являются новыми интересными данными о двойственном использовании значения (первичного и переносного/ контекстуального) в проанализированных выражениях.

Ключевые слова: стилистика, стилистический анализ, фонетический уровень, лексический уровень, синтаксический уровень, футбол, лексика, устойчивые выражения, спортивная журналистика.

Для цитирования: Штулайтерова А., Лалушка И. Стилистическая интерпретация английской футбольной лексики и устойчивых выражений в публицистическом дискурсе. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2 . С. 61–69.

Introduction

*“At one point, he even nutmegged Maradona.”
(Lowe, 2017)*

We can reasonably expect that having read this utterance and not being a football fan, the reader would not understand what happened and what *he* did to/with Maradona. Even if a potential reader is not interested in the game, it is very likely that s/he knows who Maradona is, still full comprehension of the sentence might pose a problem. However, the overwhelming majority of those who love this game would explain, without any hesitation, that *he* simply directed the ball between the legs of the legendary Argentinian (it is a kind of humiliation for the player to be *nutmegged*).

In the course of years, the most popular game worldwide has not only developed its own tactics, laws, overall quality of training sessions, etc., but also its own expressive means. Thus, for instance, *diving* does not mean swimming under the water surface, but pretending to be fouled in order to win an advantage for the team; or similarly, *dummy* is not used for describing a not very clever person, but a move to confuse an opponent.

The key linguistic works from which we draw most material and linguistic knowledge have been *Investi-*

gating English Style by Crystal and Davy, *Stylistics* by Galperin, and *Linguistic Stylistics* by Miššiková. Prior to any attempt at stylistic analysis, it is necessary to take into account the fact, that language is "... an intricate web of levels, layers and links. Thus, any utterance or piece of text is organised through several distinct levels of language" [1: 5]. However, before we take a closer look at those levels of stylistic analysis, it is fundamental to understand what the stylistic analysis is and what its function is. Miššiková defines stylistic analysis as a kind of interpretation of discourse which concentrates on expressive means, the way of expressing and its purpose [2]. The function of stylistic analysis is to inform the reader about the style of the author and appraise the style's effectiveness and characteristics, as well as evaluate those features in discourse which give style its aesthetic merit [3]. All this underlines the importance of the stylistic analysis for the process of discourse comprehension. It helps us not only to understand what exactly the author's message is, but it also gives us a clue why the particular expressive means have been used.

Literature review

The roots of the most popular sport worldwide date back to the rule of The Han dynasty in China (206 BCE – 221 CE) where people played a game called *cuju*. The translation of the name is *kick-ball*. What it had in common with a modern football were two teams on a marked pitch, a ball, and goals at each end of the pitch [4]. Among other oldest "predecessors" of football were *Sepak Raga* played in the Malay Peninsula, *Marn Gook* invented by Aboriginal Australians, and also a very popular Japanese game called *Kemari* [4].

The English version of football dates back to the 1300's. In the 18th century, the game was played at schools and a significant rise of its popularity called for a set of rules to be followed by all the teams since nearly every club had been playing according to its own rules [5]. The first attempt came at Freemason's Tavern in London in 1863 where representatives from twelve clubs met to agree on the laws of the game [6]. It required several meetings until a single set of rules was agreed upon and an official Football Association (FA) was established. Thus, not only the rules came into existence, but also the governing body of this game in England was born. It did not take long until a competition was announced. The Football Association created the FA Cup in 1871. Although only fifteen of the fifty members decided to enter the first season, the competition soon rose in popularity and became the most prestigious one in England for a long time [7]. The league was expanded in 1892 and eight years later it counted thirty-six teams. In the early 1920s, four leagues had ninety-two clubs. The significant milestone came in 1992 when the Football League was replaced by *the Premier League*; the change included more money to be invested in the game and more to be distributed to clubs [8].

In the course of time, English football created its own vocabulary. Football terms, jargon and slang expressions had been developed gradually by players, coaches, fans, sports journalists and commentators [9]. The history of sports journalism in Britain dates back to 1727 when the first *Racing Calendar* was published. It offered readers basic information including the names of owners, the conditions of horse races, and the results [10]. In the Victorian era the newspapers became the main source of information. *The Daily Telegraph*, as well as *The Manchester Guardian*, *The Scotsman* and *The Liverpool Post* started to be printed every day each week in 1855. Approximately at that time the first important sporting events began to appear being attractive topics to be covered – namely golf, rugby and football.

The father of British sports journalism is generally considered to be *Pierce Egan* who covered bare-knuckle fighting and horse racing for *The Weekly Despatch* starting in 1816 [11]. However, the first person connected with football sports journalism is *Charles Alcock* – former footballer, referee and a secretary of the FA. He became a/the football sub-editor at *The Sportsman* and *The Field*. His skilfulness can be illustrated by the fact, that he was able to persuade minor football clubs to pay two shillings for their results being properly reported and publicised in *The Sportsman*. Adding to that, it was him who launched the first FA-authorized Football Annual in 1867 [11]. By 1900 the number of Saturday sport papers covering local and regional football teams rose to 18. *The People*, that recorded a respectable circulation of 4,6 million after World War II, devoted a third of its pages to sport with football in the leading position.

The arrival of the Internet in the mid-1990s represented an enormous change. One of the advantages was the fact, that newspapers were no longer limited by the number of pages and allowed to upload the content on the web. In recent years *The Guardian* completely accommodated to the demands of the modern world and became the first to launch its web version in the UK. The football section, full of respectable contributors, is currently led by *Daniel Taylor* who has been named *Football Journalist of the Year* for the third successive year. Furthermore, *The Guardian* won the prize for the best sports website and *Sean Ingle* was awarded the *Specialist Correspondent prize*. Because of the quality of the service that readers receive, we chose this quality

press representative as a source of the language material for our corpus.

The aim of the paper

Generally, stylistic research is focused on the study of language varieties in as much detail as possible, so that we can point to the significant features which characterize them and understand the restrictions on their use. More specifically, the aims of most stylistic studies are: 1. to identify and analyze those features of language which are restricted to certain kinds of social and linguistic contexts; 2. to explain why such features have been used, as opposed to other alternatives; 3. to classify these features into categories according to their function [12]. In place of 'feature' we use Galperin's term 'stylistic device', which he defines as "a conscious and intentional choice of a typical structural and/or semantic property of a language unit (neutral or expressive), promoted to a generalized status and thus becoming a generative model" [13: 29-30]. We have an ambition to prove that football vocabulary is not created only by terms and jargonisms. Numerous words and phrases belonging to this sphere are stylistically significant and stylistic devices included in them function distinctively.

Therefore, the main aim of the paper is to identify and analyse English football specific vocabulary items and set phrases from the point of view of stylistics; the stylistic significance detected in them will be analysed at the phonetic-phonological, lexical, and syntactical levels. These levels of language are identified in the stylistic analysis of our corpus, which in turn makes the analysis itself more organized and principled. However, what is absolutely central to our research is that, especially in sports journalism, these levels are inter-connected: they interpenetrate and depend upon one another. We are aware of the fact that this vocabulary has been developed by players, coaches, fans, sports journalists and commentators to be subsequently commonly used by all who belong to, or consider themselves to belong to the world of football. Therefore, the websites of respected print medium – *The Guardian* – were chosen as the main source of linguistic material for our research. On one hand, they offer much of the content of the print versions online, on the other hand, so called *minute-by-minute reports* from which we expect most terms to be obtained, are available exclusively online.

Methods of research

Our linguistic research required a representative corpus of language material. In the first phase we selected games (two World Cup matches, two Champions League matches and the same number from the Premier League) which were covered online in *The Guardian*. In the second phase we analysed the minute-by-minute reports searching for specific football vocabulary items and set expressions and highlighted them in the text. Subsequently we put them down on excerpts – each excerpt included the vocabulary item or set expression itself, the date, as well as the stylistic device (if applicable), the language layer and the football activity to which a word or a phrase refers to. After that, we selected excerpts which reported various kinds of stylistic significance. In our stylistic research we applied Galperin's model of stylistic analysis so we evaluated significant examples systematically according to language levels (stylistic devices at the phonetic-phonological, lexical and syntactical levels). Finally we analysed our vocabulary items and set expressions from the point of view of various football activities they describe or characterise.

Results and Discussion

As for the monitored English minute-by-minute reports, we found out the overall number of 670 football vocabulary items and set expressions. Overwhelming majority of them belongs to the categories of terms (220) and jargon (175). As far as expressions comprising stylistically significant features, the most frequent stylistic devices are metonymy (104), cliché (58) and metaphor (44). There were also 20 examples of hyperbole, 12 repetitions, 11 alliterations (especially in the headlines), and 10 ellipses. Minor frequency of occurrence reported parenthesis, periphrasis, parallel constructions, onomatopoeia, and simile. Having in mind that the majority of the language material was taken from reports which are live coverages reacting and describing quickly what is just going on, these results do not come as a surprise. Reporters simply do not have time for a lengthy and flowery description of the actions. Quite the opposite, they have to use as few words as possible and be very specific. Moreover, a football match is a duel between two clubs or countries. The reporters cannot avoid naming them very often which results in a frequent use of metonymy. Metonymy is a substitution of a name for another name, denoting a person or an object by using the name of another object which stands to the former in close, typical or representative relation [3: 44]. Such a close relation may usually be contained in the relation between the cause and the effect, the part and the whole, the thing and the person who usually has or carries it, for example: "*Firmino and Keita put Reds in control.*" There are many kinds of metonymy but the most frequent one in the football is synecdoche totum pro parte which names a whole when a part is meant; for example: "*Manchester won the FA Cup.*" (not the whole city, just Manchester United football team). This

explains why the game-related terms and metonymy have such superiority in numbers. Just to be more specific, category “terms” included particularly expressions denoting the laws of the game (e.g. names of objects, actions, positions of players such as *crossbar*, *byline*, *red card*, *defender*, *tackle*, *challenge*, and the like).

Table 1 presents the overview of football-related terms that are classified in the categories they belong to and their approximate overall percentage according to frequency of their occurrence.

CATEGORY	NUMBER OF TERMS	PERCENTAGE
TERMS	220	32,5%
JARGON	172	25%
METONYMY	104	15%
CLICHE	58	9%
METAPHOR	44	7%
HYPERBOLE	20	3%
REPETITION	12	2%
ALLITERATION	11	2%
ELLIPSIS	10	1.5%
ONOMATOPOEIA	8	1.2%
PARENTHESIS	6	0.9%
PERIPHRAISIS	4	0.6%
PARALLEL CONSTRUCTION	2	0.3%
OVERALL	671	100%

Table 1. Football-related vocabulary items and set expressions according to the frequency of their occurrence

Lexical stylistic devices are represented with five types (metonymy, cliché, metaphor, hyperbole and periphrasis) and with a total number of 230 entries. **Periphrasis** is a stylistic device based on the use of a longer phrasing in place of a possible shorter and plainer form of expression, often associated with formal or elevated styles of speech [14]. In football discourse, periphrasis is used to avoid tedious repetition; for instance, *the players in red shirts* instead of *FC Liverpool*.

Lexical stylistic devices are followed by syntactical stylistic devices with four representatives (repetition, ellipsis, parenthesis and parallel constructions) but with a significantly fewer number of entries (30). **Ellipsis** occurs when some essential structural element (which is obvious from the context) is omitted from a sentence or clause. Ellipsis is a typical feature of colloquial language and appears mostly in conversation, so its stylistic significance is not very powerful in the speech of characters – it rather makes written conversation more natural and fluent [3]. In sports journalism articles and auxiliary verbs are often omitted, so ellipsis functions as an economical means of expression; e.g. “*Chelsea’s Drinkwater charged with drink-driving.*” Phonetic-phonological stylistic devices have two representatives (alliteration and onomatopoeia) and 19 entries. **Alliteration** (initial rhyme) is a stylistic device which aims at imparting a melodic effect to an utterance. Alliteration is based on the repetition of similar or identical sounds, particularly at the beginning of successive words [13]. In sports journalism, alliteration is the most effective stylistic device in newspaper headlines and its function is to attract attention of readers or listeners; e.g.: “*Chelsea better on the ball.*”

Table 2 shows the overview of football-related vocabulary items and set expressions which comprise stylistically significant features. The stylistic devices they comprise are classified according to language levels and their approximate overall percentage. Subsequent to the table, examples of the vocabulary items and set expressions are presented.

LEXICAL LEVEL	230	83%
METONYMY	104	
CLICHÉ	58	
METAPHOR	44	

HYPERBOLE	20	
PERIPHRASIS	4	
SYNTACTICAL LEVEL	30	11%
REPETITION	12	
ELLIPSIS	10	
PARENTHESIS	6	
PARALLEL CONSTRUCTION	2	
PHONETIC-PHONOLOGICAL LEVEL	19	6%
ALLITERATION	11	
ONOMATOPOEIA	8	
OVERALL	275	100%

Table 2. Stylistically significant football-related vocabulary items and set expressions according to language levels

Representative examples from the corpus:

TERMS
<i>"...crossed the goal-line."</i>
JARGON
<i>"A cute chipped pass by Tripier to Lingard, who ..."</i>
CLICHÉ
<i>"They are dominating possession."</i>
METONYMY
<i>"... when Liverpool started pumping balls into the penalty area."</i>
PARENTHESIS
<i>"They know they may need another – if Inter score against PSV – and also that Barcelona could score again, too."</i>
PERIPHRAIS
<i>"Mauricio Pochettino's men have to..."</i>
PARALLEL CONSTRUCTION / REPETITION
<i>"Every Liverpool touch is being booed, every Liverpool mistake is being jeered."</i>
HYPERBOLE
<i>"...shows the ball was 0.0000000000000001 mm from going over the line..."</i>
ALLITERATION(RHYTHM / DETACHED CONSTRUCTION)
<i>"Scattergun singings, lazy thinking, now the drop – what next for Fulham?"</i>
ONOMATOPOEIA
<i>"Peep!"</i>
ELLIPSIS

*"Spurs have worked some tremendous openings so far **but been** terribly wasteful."*

METAPHOR

*"It had been labelled **Mission Impossible** after Spartak took only one point from their opening three Group B ties."*

We can conclude that first four categories with the highest number of entries were terms, jargon, metonymy and cliché that "won" by a large margin in comparison to other categories. However, this proportion is absolutely logical, since we were focused on football-related terms in football coverages. While in the English minute-by-minute reports the reporters used mostly football terms to describe the actions on the pitch.

The results of the analysis from the football activities point of view

Furthermore, we tried to find out what kind of activities are described in minute-by-minute reports and subsequently analyse the results from the English papers. Therefore, during the process of monitoring, we classified the entries into the following football-related categories:

→ *defending* (all activities regarding team defense – tackles, challenges, goalkeeper saves)

→ *passing* (passes, crosses)

→ *moving* (movements of players, team as a unit, runnings with the ball, runnings into free spaces)

→ *shooting* (any kind of shots)

→ *finishing* (including scoring goals)

→ *game* (everything which cannot be categorised in the activities above, e.g. players' positions, talking about tables, tactics, predictions).

Table 3 presents the English minute-by-minute reports including most often the game-related terms with 283 from the total number of 671 entries, followed by the terms describing defending, passing, moving, finishing and shooting. For a better understanding we include one example of each category.

CATEGORY	NUMBER OF ENTRIES	PERCENTAGE
GAME	283	42%
DEFENDING	109	16.2%
PASSING	103	15.3%
MOVING	86	13%
FINISHING	47	7%
SHOOTING	43	6.5%
OVERALL	671	100%

Table 4. Terms describing football activities – English reports

GAME
<i>"It is still in Liverpool hands, so it is interesting to look at their fixtures."</i>
DEFENDING
<i>"Alisson dives bravely at his feet and concedes a corner."</i>
PASSING
<i>"He dribbles inside and plays a pass to left."</i>
MOVING
<i>"He dribbles inside and plays a pass to left."</i>
SHOOTING

"Firmino picks up a possession and **hammers** a shot goalwards."

FINISHING

"... when Sergio Aguero **put them into the lead**."

The results in most categories (excluding the *game* category) were expected. We assume that it might reflect the tendency of English reporters to fill the dull moments of the game when not much happens on the pitch by interesting or summarizing remarks in order to keep attention of the readers, their proclivity to express their opinions, as well as the habit to include a preview, the half-time and the post-match summary in their reports. These are the parts of the commentaries which comprehend mostly game category-related terms.

Conclusion

The main aim of the article was to identify English football specific vocabulary items and set phrases and analyse them from the point of view of stylistics; the stylistic significance identified in them was analysed at the phonetic-phonological, lexical, and syntactical levels. We analysed 671 examples and found out that the category of terms was the most frequent one. Among the stylistically significant expressions, the most represented categories were lexical stylistic devices, namely metonymy, metaphor and hyperbole.

As the language of reporters is really concise (except some dull moments during the games when they added several interesting remarks); reporters used a lot of metonymy in order to avoid tedious repetition. Furthermore, we encountered many examples of jargon – words and phrases difficult to understand for non-football fans. Due to the limited number of the monitored games the results cannot be generalised, however we assume that they are not.

References

1. Simpson P. *Stylistics*. New York, 2004.
2. Miššiková G. *Linguistic Stylistics*. Nitra, 2003.
3. Štulajterová A., Jesenská P. *English Stylistics*. Banská Bystrica, 2013.
4. Goldblatt D. *The Ball is Round*. London, 2007.
5. Štulajter I. On Some Diplomatic Aspects of Organising FIFA World Cup 2022 in Qatar. In *Journal of Modern Science*, 2017;, vol. 2, no. (33):, pp. 261-269.
6. Akdeniz C. *History of football*. London, 2016.
7. Štulajter I., Barteková D., Štulajter M. *Športová diplomacia (Sports Diplomacy)*. Banská Bystrica, 2013.
8. Squires D. *The Illustrated History of Football*. London, 2016.
9. Jesenská P. *Essentials of Sociolinguistics*. Ostrava, 2010.
10. Stofer K., Schaffer J., Rosenthal B. *Sports Journalism*. Plymouth, 2010.
11. Steen R. *Sports Journalism*. New York, 2015.
12. Crystal D., Davy D. *Investigating English Style*. London, 1988.
13. Galperin I.R. *Stylistics*. Moscow, 1977.
14. Wales K. *Dictionary of Stylistics*. New York, 2011.

Список литературы

1. Simpson P. *Stylistics*. New York, 2004.
2. Miššiková G. *Linguistic Stylistics*. Nitra, 2003.
3. Štulajterová A., Jesenská P. *English Stylistics*. Banská Bystrica, 2013.
4. Goldblatt D. *The Ball is Round*. London, 2007.
5. Štulajter I. On Some Diplomatic Aspects of Organising FIFA World Cup 2022 in Qatar. In *Journal of Modern Science*, 2017;2(33):261-269.
6. Akdeniz C. *History of football*. London, 2016.
7. Štulajter I., Barteková D., Štulajter M. *Športová diplomacia (Sports Diplomacy)*. Banská Bystrica, 2013.
8. Squires D. *The Illustrated History of Football*. London, 2016.
9. Jesenská P. *Essentials of Sociolinguistics*. Ostrava, 2010.
10. Stofer K., Schaffer J., Rosenthal B. *Sports Journalism*. Plymouth, 2010.

11. Steen R. *Sports Journalism*. New York, 2015.
12. Crystal D., Davy D. *Investigating English Style*. London, 1988.
13. Galperin I.R. *Stylistics*. Moscow, 1977.
14. Wales K. *Dictionary of Stylistics*. New York, 2011.

Bionote:

Alena Štulajterová, PhD, Head of the Department of English and American Studies, Faculty of Arts, Matej Bel University.

Ee-mail: *alena.stulajterova@umb.sk*

Address: 974 01 Banská Bystrica, Slovakia, 40 Tajovského str., Matej Bel University

Ivan Lалуška, Post-Graduate Student, Department of English and American Studies, Faculty of Arts, Matej Bel University.

Ee-mail: *laluskaivan@gmail.com*

Address: 974 01, Banská Bystrica, Slovakia, 40 Tajovského str., Matej Bel University

Сведения об авторах:

Алена Штулайтерова, PhD, зав. кафедрой англистики и американистики, Университет Матея Бела, Банска Быстрица, Словацкая Республика.

Ee-mail: *alena.stulajterova@umb.sk*

Адрес: 97401, Банска Быстрица, Словацкая Республика, Тайовского 40, Университет Матея Бела

Иван Лалушка, аспирант, кафедра англистики и американистики, Университет Матея Бела, Банска Быстрица, Словацкая Республика .

Ee-mail: *laluskaivan@gmail.com*

Адрес: 97401, Банска Быстрица, Словацкая Республика , Тайовского 40, Университет Матея Бела.

КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

CONCEPTS IN CULTURAL STUDIES

Оригинальная статья

УДК 811.112.2

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-70-79

Онтологические метафоры как способ репрезентации
концепта ZORN в немецком языке

Э.В. Будаев

*Российский государственный профессионально-педагогический
университет (Российская Федерация, г. Екатеринбург)*

ORCID ID: 0000-0003-2137-1364;

Scopus Author ID: 56998735200;

Researcher ID: Q-4542-2016; e-mail: aedw@mail.ru

Е.В. Южанинова

*Российский государственный профессионально-педагогический
университет (Российская Федерация, г. Екатеринбург)*

e-mail: elena-yuzh@yandex.ru

Получена: 12.05.2020 /Принята: 26.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: Статья посвящена анализу онтологических метафор, актуализированных для концептуализации гнева в немецком языке. Подавляющее большинство современных исследований метафорической репрезентации эмоций проводится на примере структурных метафор, что незаслуженно оттеняет роль онтологических метафор, которые относятся к более раннему этапу категоризации окружающего мира в онтогенезе, а потому требуют первостепенного внимания при анализе метафорической концептуализации базовых эмоций. В статье на основе лексикографических источников выделены основные онтологические метафоры, задействованные в описании эмоции гнева. Первая онтологическая метафора ZORN IST CONTAINER описывает гнев как объект материального мира, имеющий внутреннее пространство, в которое помещается человек, испытывающий данную эмоцию. Вторая концептуальная метафора – ZORN IST SUBSTANZ – осмысляет гнев как жидкое или газообразное вещество. Такое осмысление гнева обычно сочетается с концептуальной метафорой MENSCH IST CONTAINER, создавая образ человека как вместилища, которое наполняет эмоция гнева. Третий вариант онтологической метафоризации рассматриваемого концепта – ZORN IST WESEN. Данная концептуальная метафора представляет гнев или как сущность, обладающую собственной активностью, то есть как онтологическую единицу, способную порождать казуальный ряд событий (ZORN IST AKTIVES WESEN), или как объект, с которым можно осуществлять манипуляции, или который подвергается воздействию внешних сил (ZORN IST PASSIVES WESEN).

Ключевые слова: концептуальная метафора, концептуализация эмоций, немецкий язык, метафора вместилища, онтологические метафоры, эмотивы.

Для цитирования: Будаев Э.В., Южанинова Е.В. Онтологические метафоры как способ репрезентации концепта ZORN в немецком языке. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 70–79.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-70-79

Ontological metaphors as a tool for representation of concept ZORN in the German language

Eduard V. Budaev

Russian State Vocational Pedagogical University

(Russian Federation, Yekaterinburg)

ORCID ID: 0000-0003-2137-1364;

Scopus Author ID: 56998735200;

Researcher ID: Q-4542-2016; e-mail: aedw@mail.ru

Elena V. Yuzhaninova

Russian State Vocational Pedagogical University

(Russian Federation, Yekaterinburg)

e-mail: elena-yuzh@yandex.ru

Received: 12.05.2020 /Accepted: 26.05.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The article is devoted to the analysis of ontological metaphors, actualized for the conceptualization of anger in the German language. The vast majority of modern research into metaphorical representation of emotives are carried out on the example of structural metaphors, which undeservedly underscores the role of ontological metaphors, which belong to the earlier stage of categorization of the world in ontogenesis, and therefore require primary attention in the analysis of metaphorical conceptualization of basic emotions. Based on German lexicographic sources, the article reveals the main ontological metaphors involved in describing the emotions of anger. The first ontological metaphor ZORN IST CONTAINER describes anger as an object of the material world with an internal space into which an angry person is placed. The second conceptual metaphor ZORN IST SUBSTANZ interprets anger as a liquid or gaseous substance. This understanding of anger is usually combined with the MENSCH IST CONTAINER conceptual metaphor, creating the image of a person as a container that is filled with anger. The third version of the ontological metaphorization of the concept under consideration is ZORN IST WESEN. This conceptual metaphor represents anger either as an active agent, as an ontological unit that can generate a casual series of events (ZORN IST AKTIVES WESEN), or as an object that can be manipulated, or which is exposed to external forces (ZORN IST PASSIVES WESEN).

Keywords: conceptual metaphor, conceptualization of emotions, the German language, metaphor of container, ontological metaphors, emotive words.

For citation: Budaev E.V., Yuzhaninova E.V. Ontological metaphors as a tool for representation of concept ZORN in the German language. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no 2, pp. 70–79 (In Russ.).

Введение

Исследование языка эмоций относится к актуальным направлениям современной лингвистики, при этом языковеды все чаще говорят о лингвистической теории эмоции, эмотологическом направлении в

лингвистике, лингвистике эмоций как самостоятельном разделе языкознания. Как справедливо отмечает В.И. Шаховский, у истоков данного направления стояли отечественные лингвисты, вместе с тем отечественный подход был долгое время замкнут в «тесных рамках системно-структурной парадигмы», на смену которому приходят когнитивные методики анализа языка [1: 16].

Лингвистика эмоций как междисциплинарное направление неизбежно опирается на данные психологии, в которой используются понятия базовых и вариативных эмоций. Если вариативные эмоции могут быть культурно или индивидуально специфичны, то базовые эмоции присущи всем людям. Базовые эмоции связаны с врожденными нейронными программами и потому одинаково проявляются у представителей самых разных культур.

Существуют разные классификации базовых эмоций (М. Арнольд, Дж. Грей, У. Джеймс, П. Джонсон-Лэрд, К. Изард, Е.П. Ильин, В.О. Леонтьев, О. Морер, К. Отли, Дж. Панксепп, Р. Плутчик: Томкинс, Б. Уэйнер, П. Экман и др.), насчитывающие в среднем около семи эмоций. Но если по поводу включения, например, эмоции стыда в данный список нет единого мнения, то эмоцию гнева (злости) исследователи единогласно в данный список включают. Ее базовый характер определяется не только тем, что она универсальна для всех людей (рефлекторный приступ гнева можно вызвать у ребенка в первые дни жизни путем стеснения движений [2: 181]), но и тем, что данная эмоция представлена в качестве значимого механизма выживания в целом у млекопитающих [3; 4]. Вместе с тем важно отметить, что наличие базовой эмоции не подразумевает универсальности концептуального содержания в ментальном корреляте эмоции и тем более одинаковой вербализации концепта в языках мира, что обуславливает актуальность изучения взаимосвязи эмотивов в языке и ментальных структур в концептосфере.

Цель статьи

В настоящем исследовании рассматриваются онтологические метафоры как механизм концептуализации гнева в немецком языке на основе лексикографических источников («Deutsche Idiomatik Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext» [5], «Stilwörterbuch der deutschen Sprache» [6], «Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch» [7]).

Обзор литературы

Современная метафорология основывается на теории концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в монографии «Metaphors We Live by» [8]. Согласно этой теории, в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры.

Конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний (концептуальные метафоры) согласованы с определенной культурой и языком. Например, концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR (СПОР – ЭТО ВОЙНА) согласована с базовыми ценностями культуры носителей английского языка. Метафора не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысления спора: можно проиграть или выиграть спор, оппонент воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают позиции, «расстреливают» (shoot down) аргументы противника и т.д. Вместе с тем можно «представить культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники – как танцоры, а цель заключается в гармоническом и эстетически привлекательном танце», а не в победе над противником.

В типологии американских исследователей концептуальные метафоры разделяются на три основные группы: структурные, онтологические и ориентационные. В структурных метафорах когнитивная топология сферы-мишени является моделью для осмысления сферы-мишени (ARGUMENT IS WAR), онтологические метафоры категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве (MIND IS MACHINE), ориентационные метафоры отражают оппозиции, в которых зафиксирован наш опыт пространственной ориентации в мире (GOOD IS UP, BAD IS DOWN).

Так как основным источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – образов-схем. Другими словами, онтологические метафоры формируются в понятийной системе

человека раньше, чем структурные, потому что первые складываются из сенсорного опыта, в то время как вторые во многом являются продуктом культуры, в которой человек развивается.

Когнитивные исследования метафоры относятся к популярным направлениям в современном языкознании. Как показывает специальный обзор, только в области дискурса-анализа за последние годы были проведены тысячи исследований концептуальных метафор [9]. Однако подавляющее число этих исследований посвящено анализу структурных метафор, в том числе и применительно к изучению эмоций. К примеру, в обстоятельной монографии З. Ковечеша «Metaphor and Emotion» [10] выявлено большое количество структурных метафор, используемых для описания концепта ANGER в английском языке. Автор описывает природоморфные, зооморфные, морбиальные, артефактные и другие по сфере-источнику структурные метафоры, отмечая только две онтологические метафоры (CONTAINER, LIQUID). Схожая ситуация наблюдается на примере других языков. В базе данных PANIG, насчитывающей более 600 контекстов с эмоциями, онтологические метафоры носят единичный и спорадический характер [11]. При сопоставлении метафор, репрезентирующих гнев в испанском и итальянском языке, также внимание сосредоточено на структурных метафорах [12]. Любопытные данные о метафоризации гнева приводятся в исследовании языка сери (древнейший язык-изолят в Мексике) [13]. Хотя метафора гнева как вместилища зафиксирована в английском, китайском, венгерском, японском, китайском, зулусском, польском, волоф и таитянском языках, в языке сери эта онтологическая метафора отсутствует.

Помимо структурных метафор авторы изучают многие другие аспекты метафор, концептуализирующих гнев. Например, в психолингвистическом исследовании А. Феттермана, М. Робинсона и Б. Мейера была проверена связь между концептом ANGER и красным цветом. Эксперименты показали, что испытуемые быстрее осуществляют категоризацию гнева, если в ходе исследования использовались шрифты красного цвета [14].

Большое внимание в последние годы привлекают исследования на стыке метафорологии эмоций и нейрофизиологии. Исследователи находят подтверждение тому, что сенсомоторные репрезентации активируются в процессе понимания концептуальных метафор, описывающих эмоции [15; 16; 17].

В отечественной лингвистике метафоры гнева в немецком языке изучены Н.А. Красавским. В его монографическом исследовании были рассмотрены четыре мотива в немецком языке (Angst, Freude, Trauer, Zorn) [18]. Автор детально описал этимологию номинантов эмоций синонимических рядов «Zorn» и классифицировал лексико-семантические группы, связанные с данной лексемой, а также рассмотрел структурно-семантические особенности актуализации синонимического ряда Zorn в религиозной, мифологической, наивной и научной картине мира. Вместе с тем остаются актуальными вопросы о метафоре как средстве концептуализации гнева в немецком языке, об инвентаризации концептуальных признаков в сфере-источнике метафорической экспансии, об описании закономерностей метафорических проекций при онтологизации гнева в немецкой концептосфере.

Интерес исследователей к структурным когнитивным метафорам, лексико-семантическим и этимологическим аспектам метафор, нейрофизиологическим коррелятам эмоций оставляет на втором плане роль онтологических метафор, которые относятся к самому раннему этапу категоризации окружающего мира в онтогенезе, а потому заслуживают особого внимания при анализе метафорической концептуализации базовых эмоций.

Когнитивный механизм действия онтологических метафор основывается на простом законе человеческого познания: неизвестное познается через известное. В процессе онтогенеза человек взаимодействует с окружающим миром и конструирует ментальные репрезентации, среди которых важное значение принадлежит онтологическим концептам. Мир категоризируется как набор объектов, имеющих границу и внутреннее пространство. Регулярная категоризация пространства с помощью очерчивания границ формирует концепт вместилища. В дальнейшем при осмыслении абстрактных концептов используются концепты, известные из физического опыта, что и приводит к воспроизведению метафоры вместилища в языке.

Концепт не имеет строгой привязки к языковому значению лексемы: один и тот же концепт может вербализоваться с помощью нескольких лексем, а одна и та же лексема может соотноситься с несколькими концептами. Некоторые концепты вообще не вербализуются, так как они относятся к той информации, которой человек не желает делиться или которая не востребована в условиях существования определённого лингвокультурного сообщества. Невербальная природа концепта проявляется и в языке эмоций. Как отмечает В.И. Шаховский, «каждый из Homo sentiens не раз испытывал “муки слова” при

выражении и коммуникации своих эмоций, поскольку степень аппроксимации языка и сиюминутно переживаемых эмоций далека от желаемого» [19: 17]. Теоретически когнитивный анализ возможен только относительно тех концептуальных признаков, которые получили вербализацию в языке. К счастью, базовые эмоции составляют значимый компонент врожденных механизмов выживания человека, в которых многое зависит от взаимодействия индивидуумов в популяции, что обусловило широкую вербализацию эмотивов в языках мира.

Результаты и дискуссия

Концепт ZORN вербализуется в немецком языке с помощью нескольких лексем: *der Zorn, die Wut, der Grimm, die Aufgebrachtheit, die Raserei, der Furor, die Entrüstung, die Rage, der Koller* и их дериваты [20]. К этому можно добавить лексемы *der Ärger, die Empörung* и однокоренные слова [21]. Лексемы данного синонимического ряда акцентируют внимание на различных признаках концепта, например, на степени интенсивности базовой эмоции, но соотносятся с одной и той же базовой эмоцией, обусловленной универсальными структурами мозга человека как вида *Homo sapiens*. В этом отношении примечательно, что концепт базовой эмоции, обозначаемый как ZORN, может выражаться различными лексемами в одной и той же языковой конструкции. Ср.: *seinen Zorn (Ärger, Wut) an j-m auslassen*.

Анализ лексикографического материала показал, что онтологические метафоры регулярно воспроизводятся в немецком языке для осмысления гнева (злости). При этом доминируют три концептуальные метафоры: ZORN IST CONTAINER (ГНЕВ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ), ZORN IST SUBSTANZ (ГНЕВ – ЭТО ВЕЩЕСТВО) и ZORN IST WESEN (ГНЕВ – ЭТО СУЩНОСТЬ).

Первая онтологическая метафора ZORN IST CONTAINER описывает гнев как объект материального мира. При метафорическом описании концепта ZORN из сферы-источника (концепт CONTAINER) проецируются признаки границы, разделяющей внутреннее и внешнее пространство, а также признак размера. Таким образом, можно выделить метафорические следствия (*metaphoric entailments*) концептуальной метафоры ZORN IST CONTAINER. Гнев как онтологическая единица обладает определенным размером и границей, разделяющей внутреннее и внешнее пространство. Если гнев представляется как объект, то эмоциональное состояние концептуализируется как нахождение человека во внутреннем пространстве этого объекта (вместилища). Ср.:

Im Zorn geht Freundschaft verloren. – В гневе теряется дружба.

Im Zorn wird alles zur Waffe. – В ярости все становится оружием.

In der Wut tut niemand gut. – В ярости никто не бывает добр.

In wildem Zorn. – В диком гневе.

In seinem Zorn vergaß er sich völlig. – В своем гневе он полностью забыл себя.

Etwas im Zorn tun. – Что-то в гневе делать.

Der Vater war schrecklich in seinem Zorn. – Отец был страшен в своем гневе.

Er konnte sich nicht mehr bremsen in seinem Zorn. – Он не мог больше тормозить себя в гневе.

Развёртывание метафорической логики позволяет проследить, что начало эмоции концептуализируется как проникновение из внешнего пространства во внутреннее пространство. Концепт ZORN регулярно вербализуется с помощью лексем обозначенного синонимического ряда в конструкции с глаголами *geraten*, имеющим значение «попасть (куда-л), очутиться (где-л)», и *kommen in* со значением «приходить в». Ср.:

in Zorn (Wut, Ärger) geraten – разозлиться [букв. очутиться в гневе (ярости, злости); попасть в гнев (ярость, злость)];

in Zorn ausbrechen – разозлиться [букв. в гнев разразиться (прорываться)];

in Wut (Zorn) kommen – разозлиться [букв. в гнев прийти].

Das Geschwätz brachte ihn in W. – Сплетни привели [букв. принесли] его в ярость.

Jmdn. in Zorn bringen (versetzen). – Кого-либо приводить [букв. приносить, перемещать] в гнев;

Er ist fürchterlich in seinem Zorn. – Он ужасен в своем гневе.

Das Wort ist ihm im Zorn entfahren. – Слово вырвалось у него в гневе.

Опыт взаимодействия с миром позволяет человеку не только вычленять объекты из окружающей действительности, но и сопоставлять их по размеру. Знание о размерах объектов становится источником для метафорического переноса свойств материальных объектов на эмоции. Ср.:

• *Auf großen Zorn folgt große Reue.* – За большим гневом следует большое раскаяние.

• *große Wut* – безграничный (большой) гнев.

Разрушение какого-либо объекта обычно воспринимается как прекращение существования этого объекта. Это знание делает возможным репрезентацию окончания гнева как разрушения самого вместилища. Ср.:

Gute Antwort bricht den Zorn. – Добрые слова ломают гнев.

Второй вариант онтологизации гнева в немецком языке реализуется через использование концептуальной метафоры ZORN IST SUBSTANZ. В этом случае абстрактный концепт осмысливается как вещество, субстанция. При этом существует три варианта описания агрегатного состояния вещества: жидкое, газообразное и твердое.

Первый вариант метафоры описывает гнев как жидкую субстанцию, которая наполняет некоторое вместилище и может выходить за его границы. В таком случае метафора субстанции совмещается с метафорой контейнера. Если гнев представляется как субстанция (ZORN IST SUBSTANZ), то вместилищем для нее становится сам человек (MENSCH IST CONTAINER). В терминах теории концептуальной интеграции [22] мы имеем дело с концептуальным блендом, в который проецируется как метафора вместилища, так и метафора субстанции. В итоге эмоция метафорически концептуализируется как наполняющее человека вещество. Ср.:

Wut erfüllte ihn. – Гнев наполнил его.

Voller Wut ging er davon. – Из-за этого он шел полный гнева.

Zorn (Arger) hatte sich in ihm gestaut. – Он наполнился гневом [как жидкостью].

von Z. erfüllt sein – быть наполненным гневом.

Zorn (Empörung) hatte sich in ihm angesammelt. – Гнев (возмущение) накапливался в нем.

При достижении границ объема вместилища вещество может вырваться под давлением наружу. Это обыденное знание используется для осмысления приступа гнева, описания признака внезапности проявления эмоции. Ср.:

Zornausbruch – приступ гнева [*букв. выброс гнева*];

seinen Zorn (Ärger, Wut) an j-m auslassen – выплеснуть свой гнев на кого-либо [*букв. выпустить гнев на кого-то*].

Vor Zorn quollen ihm fast die Augen aus dem Kopf. – От гнева чуть не вылезли глаза из головы.

Sie explodierte vor Zorn (Wut). – Она взорвалась от гнева (злости).

an die Decke gehen (sehr zornig, wütend werden) – стать очень злым, гневным [*букв. дойти до верхней точки, до крыши*].

Концептуальная метафора ZORN IST SUBSTANZ хорошо подходит для описания признака внезапности возникновения гнева. Как отмечает П. Экман, гнев может возникать «настолько быстро, что наше сознательное я не принимает участия в формировании в нашей психике того, что дает импульс к возникновению эмоции в какой-то момент времени – и даже не регистрирует источник этого импульса» [23: 10]. Такой механизм позволял человеку быстро реагировать на изменения в окружающей среде и выживать в экстремальной ситуации, смещая локус принятия решения из сознания в сферу действия вегетативных механизмов физиологической регуляции.

Расширение субстанции обычно обусловлено увеличением температуры. По этой причине метафора субстанции сочетается с концептами, связанными с нагреванием. Ср.:

jmdn. bis zur Weißglut reizen (jmdn. sehr zornig machen, zum äußersten Zorn reizen) – очень разозлить; довести до белого каления.

Проявление гнева концептуализируется как выход субстанции из вместилища. Если удержать субстанцию во вместилище, она не выйдет наружу. Соответственно, метафорически можно «удержать» гнев «внутри себя», если приложить усилия. Ср.:

Er konnte seinen Zorn nur mit Mühe unterdrücken. – Он с трудом мог сдерживать свой гнев.

Субстанция может быть не только в жидком, но и газообразном состоянии. В немецком языке возможно описание прекращения эмоции как развеивания субстанции с помощью глаголов *verwehen* ‘развеивать’, *verrauchen* ‘рассеиваться (о дыме и т. п.)’. Ср.:

Sein Zorn verwehte. – Его гнев развеялся.

Sein Zorn war schnell verraucht. – Его гнев быстро рассеялся (как дым).

В отличие от концепта CONTAINER, содержащего признак четкой границы между внутренним и внешним пространством, концепт SUBSTANZ такого признака не имеет. Согласно логике развертывания метафоры, гнев может быть таким «большим», что невозможно определить его «границы». Ср.:

Sein Zorn kannte keine Grenzen. – Его гнев не знал границ.
ein maßloser Zorn – безмерный гнев.

Наконец, гнев может осмысляться как твёрдая субстанция, способная менять качество по признаку твердый–мягкий. Снижение интенсивности эмоции концептуализируется как ее смягчение. Ср.:

Sein Zorn milderte sich. – Его гнев смягчился.

Ihre Worte milderten seinen Zorn. – Ее слова смягчили его гнев.

Третий вариант осмысления описываемой эмоции – концептуализация гнева как самостоятельной сущности (ZORN IST WESEN). При этом не разграничивается внутреннее и внешнее пространство, как в метафоре ZORN IST CONTAINER, согласно которой человек попадал в пространство гнева подобно тому, как он попадает, например, в комнату. Концептуальная метафора ZORN IST WESEN, представляет гнев или как сущность, обладающую собственной активностью, то есть как онтологическую единицу, способную порождать казуальный ряд событий (ZORN IST AKTIVES WESEN), или как объект, с которым можно осуществлять манипуляции, или который подвергается воздействию внешних сил (ZORN IST PASSIVES WESEN).

Концептуальная метафора ZORN IST AKTIVES WESEN описывает гнев как силу, способную преодолеть сопротивление человека. Если человек не способен справиться с эмоцией, он оказывается в ее власти. Ср.:

Der Zorn beherrscht nur schwache Leute. – Только слабые люди охвачены гневом;

eine kalte Wut packte ihn – холодный гнев охватил его.

Zorn (Wut) ergriff (packte) ihn – гнев охватил [букв. схватил (поймал)] его.

Der Zorn übermannte ihn. – Гнев его одолел.

Если человек не смог справиться с гневом, то последствия воздействия эмоции на человека осмысляются с помощью пейоративных сценариев. Важный признак воздействия гнева – лишение человека самообладания. Ср.:

Ärger verdirbt die Schönheit. – Злость портит красоту;

Er stampfte vor Zorn mit dem Fuß – он топал от гнева ногой.

Гневу приписывается способность вызывать определённые физиологические реакции (прилив крови к лицу), которые сами по себе не носят метафорического характера и связаны с известными эндокринными механизмами. Ср.:

Zorn schoß ihm das Blut ins Gesicht – [букв. гнев «выстрелил» ему кровь в лицо].

der Zorn trieb ihm das Blut ins Gesicht. – [букв. гнев бросил ему кровь в лицо].

Гнев как сущность может метафорически наделяться способностью заставлять человека покидать границы самого себя (человек в таких контекстах неметафорически концептуализируется как вместилище). Ср.:

außer sich vor Ärger sein – быть вне себя от злости.

Другой вариант – концептуализация гнева как активной сущности, находящейся внутри человека, обладающей антропоморфными признаками. Ср.:

Der Zorn schaut aus seinen Augen. – Гнев смотрит из его глаз.

Объекты в окружающем мире имеют хронологическую привязку. Их существование имеет начало и конец. Соответственно появление и завершение эмоции осмысляется как возникновение и окончание сущности. Ср.:

Zorn beginnt mit Torheit und endet mit Reue. – Гнев начинается с глупости, а заканчивается раскаянием.

Концептуальная метафора ZORN IST PASSIVES WESEN описывает гнев как онтологический объект, не имеющий активного начала. С этим объектом можно осуществлять манипуляции как с артефактом материального мира. Ср.:

Zorn auf sich ziehen – притягивать к себе гнев.

Er hatte Wut auf seinen Bruder – он злился на своего брата [букв. обладал гневом (как объектом)].

Еще один вариант данной метафоры связан с представлением об эмоциях как о неподвижных объектах, к которым можно приближаться или от которых можно отдаляться. Ср.:

Zwischen Zorn und Mitleid schwanken. – Колебаться между гневом и сочувствием.

Концептуальные метафоры сочетаются с представлениями, характерными для наивной анатомии. Наивная анатомия отражает зафиксированные в языке представления народа об эмоциях, чертах характера, способностях человека, локализованных в определённых частях тела. Например, во многих

лингвокультурах храбрость локализуют в сердце, а ум в голове. Вместе с тем существуют различия между наивными анатомиями разных народов. К примеру, англичане локализуют счастье в животе (желудке) (*to have butterflies in stomach*). Согласно немецкой концептосфере в животе локализуется гнев, злость. Ср.:

Wut im Bauch haben. – Быть очень злым (букв. иметь злость в животе).

Этот пример показывает, что немецкие онтологические метафоры являются не только следствием анатомо-физиологического единства людей как представителей вида *Homo sapiens*, но и несут в себе лингвокультурную специфику, которая обычно на примере онтологических метафор не проявляется.

Заключение

Как показал анализ лексикографического материала, онтологические метафоры укоренены в немецкой концептосфере и регулярно проявляются как средство метафорической концептуализации гнева в немецком языке в трех вариантах (ZORN IST CONTAINER, ZORN IST SUBSTANZ, ZORN IST WESEN). Онтологические метафоры настолько укоренены в мышлении, что человек зачастую не осознает их метафоричность. Очевидно, что гнев не является ни объектом, ни ограниченным пространством, ни веществом, однако метафорическая природа человеческого мышления способствует регулярной репрезентации эмоции гнева с помощью приписывания данному концепту пространственных свойств.

Лексикографические источники фиксируют наиболее типичные варианты концептуализации эмоций в языке, по этой причине целесообразно продолжить когнитивные изыскания в области онтологических метафор, включив в анализ иные виды источников: СМИ, художественную литературу, институциональные виды дискурса. К важным направлениям дальнейшего изучения онтологических метафор относится сопоставительный анализ концептуальных метафор в разных языках, особенно в языках, не имеющих генетических связей, что позволит выявить типологические закономерности онтологической концептуализации гнева и других эмоций с помощью когнитивных метафор.

Список литературы

1. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008:416.
2. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2019:784.
3. Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. М.: АСТ, 2017:352.
4. Экман П. Эволюция эмоций. СПб.: Питер, 2018:336.
5. Deutsche Idiomatik Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext. Berlin: DeGruyter, 2011:1181.
6. Stilwörterbuch der deutschen Sprache. Hrgs. von W. Eckey. Mannheim: DUDEN, 1988:864.
7. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Hrg. von E. Agricola. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1992:818.
8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: Chicago University Press, 1980:242.
9. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011:474.
10. Kövecses Z. *Metaphor and Emotion. Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003:224.
11. Citron F.M., Cacciari C., Kucharski M., Beck L., Conrad M., Jacobs A.M. When emotions are expressed figuratively: Psycholinguistic and affective norms of 619 idioms for German (PANIG). *Behavior Research Methods*. 2016;48:91-111. <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0581-4>
12. Muñoz Medrano M.C. La expresión de emociones a través de la metáfora: análisis contrastivo Español-Italiano. *ELUA*. 2019;33:141-156.
13. O'Meara C., Majid A. Anger stinks in Seri: Olfactory metaphor in a lesser-described language. *Cognitive Linguistics*. 2020. <https://doi.org/10.1515/cog-2017-0100>
14. Fetterman A.K., Robinson M.D., Meier B.P. Anger as “seeing red”: Evidence for a perceptual association. *Cognition and Emotion*. 2012;26(8):1445-1458.
15. Citron F.M., Goldberg A.E. Metaphorical sentences are more emotionally engaging than their literal counterparts. *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2018;26:2585-2595. https://doi.org/10.1162/jocn_a_00654
16. Lacey S., Stilla R., Sathian, K. Metaphorically feeling: Comprehending textural metaphors activates somatosensory cortex *Brain and Language*. 2012;120(3):416-421. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2011.12.016>

17. Pomp J., Bestgen A.-K., Schulze P., Müller C.J., Citron F.M., Suchan B., Kuchinke L. Lexical olfaction recruits olfactory orbitofrontal cortex in metaphorical and literal contexts. *Brain and Language*. 2018;179:11-21. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2018.02.001>
18. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008:374.
19. Шаховский В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: ЛИБРОКОМ, 2016:128.
20. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008:374.
21. DUDEN. Das Wörterbuch der Synonyme. Berlin: Duden Verlag, 2016:352.
22. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002:440.
23. Экман П. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2018:240.

References

1. Shakhovskii VI. Lingvisticheskaya teoriya emotsii. Moscow: Gnozis; 2008. (In Russ.).
2. Il'in EP. Emotsii i chuvstva. Saint Petersburg: Piter; 2019. (In Russ.).
3. Lorents K. Agressiya, ili Tak nazyvaemoe zlo. Moscow: AST; 2017. (In Russ.).
4. Ekman P. Evolyutsiya emotsii. Saint Petersburg: Piter; 2018. (In Russ.).
5. Deutsche Idiomatik Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext. Berlin: DeGruyter; 2011. (In Germ.).
6. Stilwörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim: DUDEN; 1988. (In Germ.).
7. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut; 1992. (In Germ.).
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: Chicago University Press; 1980.
9. Budaev EV. Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya [doctoral thesis]. Ekaterinburg: Ural state pedagogical university; 2011. (In Russ.).
10. Kövecses Z. Metaphor and Emotion. Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press; 2003.
11. Citron FM., Cacciari C., Kucharski M., Beck L., Conrad M., Jacobs AM. When emotions are expressed figuratively: Psycholinguistic and affective norms of 619 idioms for German (PANIG). *Behavior Research Methods*. 2016;48:91-111. <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0581-4>
12. Muñoz Medrano MC. La expresión de emociones a través de la metáfora: análisis contrastivo Español-Italiano. *ELUA*. 2019;33:141-156.
13. O'Meara C., Majid A. Anger stinks in Seri: Olfactory metaphor in a lesser-described language. *Cognitive Linguistics*. 2020. <https://doi.org/10.1515/cog-2017-0100>.
14. Fetterman AK., Robinson MD., Meier BP. Anger as "seeing red": Evidence for a perceptual association. *Cognition and Emotion*. 2012;26(8):1445-1458. <https://doi.org/10.1080/02699931.2012.673477>
15. Citron FM., Goldberg AE. Metaphorical sentences are more emotionally engaging than their literal counterparts. *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2018;26:2585-2595. https://doi.org/10.1162/jocn_a_00654
16. Lacey S., Stilla R., Sathian, K. Metaphorically feeling: Comprehending textural metaphors activates somatosensory cortex. *Brain and Language*. 2012;120(3):416-421. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2011.12.016>
17. Pomp J., Bestgen A.-K., Schulze P., Müller C.J., Citron FM., Suchan B., Kuchinke L. Lexical olfaction recruits olfactory orbitofrontal cortex in metaphorical and literal contexts. *Brain and Language*. 2018;179:11-21. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2018.02.001>
18. Krasavskii NA. Emotsional'nye kontsepty v nemetskoi i russkoi lingvokul'turakh. Moscow: Gnozis, 2008. (In Russ.).
19. Shakhovskii VI. Emotsii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya. M.: LIBROKOM, 2016. (In Russ.).
20. Krasavskii NA. Emotsional'nye kontsepty v nemetskoi i russkoi lingvokul'turakh. Moscow: Gnozis, 2008. (In Russ.).
21. DUDEN. Das Wörterbuch der Synonyme. Berlin: Duden Verlag; 2016. (In Germ.).

22. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books; 2002.
23. Ekman P. Psikhologiya emotsii. SPb.: Piter; 2018. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург, Российская Федерация.

E-mail: aedw@mail.ru

Адрес: 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11. ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет».

Южанинова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, теории и методики обучения ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург, Российская Федерация.

E-mail: elena-yuzh@yandex.ru

Адрес: 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11. ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет».

Bionote:

Eduard V. Budaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Foreign Languages, Educational Theory and Teaching Methods, Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation.

E-mail: aedw@mail.ru

Address: 620012, Yekaterinburg, 11 Mashinostroitelei str., Russian State Vocational Pedagogical University

Elena V. Yuzhaninova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages, Educational Theory and Teaching Methods, Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation.

E-mail: elena-yuzh@yandex.ru

Address: 620012, Yekaterinburg, 11 Mashinostroitelei str., Russian State Vocational Pedagogical University

Оригинальная статья

УДК 81'373.611

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-80-90

Институциональный концепт «миссия»: ценностные характеристики¹

В.И. Карасик

*Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
(Российская Федерация, г. Москва)
ORCID ID: 0000-0001-8306-5317;
e-mail: vkarasik@yandex.ru*

Э.А. Калыкова

*Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова
(Российская Федерация, г. Элиста)
ORCID ID: 0000-0001-7084-7854;
e-mail: ervenak@yandex.ru*

Получена: 13.05.2020 /Принята: 27.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: Рассматривается институциональный концепт «миссия», соединяющий в себе три основные характеристики: он выражает назначение определенного социального института, продвигает образ этого института в массовое сознание и определяет ключевые ценности социальной организации. Установлено, что основным актуальным признаком концепта «миссия» в коллективном сознании является акцентирование важности той или иной оценочной позиции. Проанализированы словарные дефиниции, текстовые примеры из Национального корпуса русского языка и формулировки миссии университетов и известных компаний, занимающихся разработкой информационных технологий.

Определяются понятийные, образно-ситуативные и институционально-ценностные характеристики рассматриваемого концепта. Показано, что понятийное осмысление концепта «миссия» позволяет выделить в этом ментальном образовании актуальные признаки важности поставленной задачи, предначертанности избранного пути и его сакральной значимости, проектирования будущего и противопоставления коллективной и личной идентичности субъекта.

Охарактеризованы образно-ситуативные признаки концепта «миссия» в текстовых фрагментах, иллюстрирующих его вербализацию; они раскрывают важность той задачи, которую решает описываемый субъект, показывают ее особую значимость, содержат явно выраженную либо имплицитную положительную оценку, но иногда ставят такую оценку под сомнение. Раскрыта институциональная специфика продвигаемых ценностей в формулировках миссии, которая состоит в продвижении преимущественно терминальных ценностей у образовательных учреждений и утилитарно-практических ценностей у организаций, обеспечивающих технологический прогресс.

Терминальные ценности в формулировках миссии организации определяют приоритетность объединения человечества, содействие прогрессу, возможность максимального саморазвития каждого человека, утилитарные ценности состоят в акцентировании комфорта как приоритета, к которому стремится общество. Основной вывод сводится к тому, что политический смысл вербализации миссии заключается в заявке на проектирование будущего.

Ключевые слова: концепт, социальный институт, ценность, массовое сознание, политический дискурс.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

Для цитирования: Карасик В.И., Калыкова Э.А. Институциональный концепт «миссия»: ценностные характеристики. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 80–90.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-80-90

Institutional Concept “Mission”: Evaluative Characteristics

Vladimir I. Karasik

*Pushkin State Russian Language Institute
(Russian Federation, Moscow)
ORCID ID: 0000-0001-8306-5317;
e-mail: vkarasik@yandex.ru*

Ervena A. Kalykova

*Gorodovikov Kalmyk State University
(Russian Federation, Elista)
ORCID ID: 0000-0001-7084-7854;
e-mail: ervenak@yandex.ru*

Received: 13.05.2020 /Accepted: 27.05.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The paper deals with an institutional concept “mission” which includes three main components: the purpose of a certain social institute, the image of this institute in mass consciousness and key values of that social organization. We argue that the basic characteristic feature of the concept “mission” in mass consciousness is the emphasized idea of importance of a certain evaluative position. The material of the article includes dictionary definitions, texts from the National corpus of the Russian language and mission verbalizations of leading universities and world companies developing information technologies.

Notional, situational and evaluative characteristics of the concept in question have been analyzed. A notional approach to explanation of the concept “mission” makes it possible to characterize its topical features which include the ideas of importance of the purpose the organization must realize, predestination of the chosen way and its sacral value, projecting the future and the distinction of collective and individual identity. Situational features of the concept “mission” as verbalized in textual corpus examples contain either explicit or implicit positive evaluation of the action characterized as a mission, but in certain contexts describe it ironically.

There are two main types of promoted values attributed to and specified by educational and business institutions: the former express terminal values (knowledge, verity, enlightenment, etc.) whereas the latter appeal to both terminal and utilitarian values (progress, success, wealth, etc.). The main conclusion is that the political aim of a mission verbalization expresses the purpose of the social institute to design the future.

Keywords: concept, social institute, value, mass consciousness, political discourse.

For citation: Karasik V.I., Kalykova E.A. Institutional Concept “Mission”: Evaluative Characteristics. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no 2, pp. 80–90 (In Russ.).

Введение

В ряду ментальных образований, отражающих различные характеристики бытия, выделяется класс институциональных концептов – квантов переживаемого знания, определяющего функционирование социальных институтов как исторически сложившихся форм социальной организации общества для удовлетворения его коллективных потребностей. Социальный институт представляет собой многомерную си-

стему, включающую его функциональные цели, нормы поведения и способы организации. Его сущность может быть определена как институциональность, т.е. форма организации социальной деятельности в ее целесообразных, ритуальных, презентационных и коммуникативных проявлениях, по Ю. Хабермасу [1].

Описание институциональности в лингвокультурном плане состоит в выделении и характеристике институциональных концептов применительно к политическому, научному, педагогическому, юридическому, медийному, религиозному и другим типам дискурса. Системообразующей институциональной целью политического дискурса является борьба за власть, эта борьба включает программные формулировки целей той или иной организации, выражающей интересы определенной социальной группы [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Центральная программная формулировка раскрывает миссию существования организации, т.е. роль и предназначение этого социального образования. Вместе с тем формулировка миссии является важным компонентом в продвижении товаров и услуг, т.е. соответствует системообразующей цели рекламного дискурса [8; 9; 10].

Термин «миссия» активно используется в политической риторике, но еще недостаточно осмыслен в лингвокультурном плане. Предполагается, что концептологический подход к его объяснению даст возможность выделить его базовые понятийные, образные и ценностные характеристики и позволит уточнить семантические и прагматические особенности современного политического и рекламного дискурса.

Цель статьи: обосновать институциональный статус концепта «миссия» и охарактеризовать его ценностные признаки.

Методы исследования: понятийный и интерпретативный анализ.

Понятийное объяснение концепта «миссия»

Обратимся к дефинициям толковых словарей русского и английского языков. Миссия – это 1) предназначение к чему-л. важному, ответственная роль кого- чего-л., 2) *разг.* задание, поручение, связанное с визитом к кому-л., приходом куда-л., 3) постоянное дипломатическое представительство во главе с посланником или поверенным в делах какого-л. государства; здание, занимаемое таким представительством, 4) делегация какого-л. государства, посылаемая в другую страну с какой-л. целью, 5) миссионерская организация; здание такой организации [11]. Это слово является заимствованием из латыни (*missio* – отправление, посылка).

В английском языке слово *mission* объясняется следующим образом: 1) an important job that involves travelling somewhere, done by a member of the airforce, army etc, or by a spacecraft; 2) an important job that someone has been given to do, especially when they are sent to another place; 3) something that you feel you must do because it is your duty; 4) the purpose or the most important aim of an organization; 5) a group of important people who are sent by their government to another country to discuss something or collect information; 6) religious work that involves going to a foreign country in order to teach people about Christianity or help poor people; a building where this kind of work is done, or the people who work there [12].

В словарных определениях прослеживаются следующие признаки рассматриваемого концепта: 1) задание, 2) важное, 3) предполагающее отправление субъекта в другое место, обычно в другую страну 4) люди, выполняющие это задание, 5) здание, построенное в другой стране для выполнения этого задания, 6) сфера – религиозная, дипломатическая, военная. Можно заметить, что институциональное политическое развитие этого концепта произошло как абстрагирование от исходной идеи отправления кого-либо куда-либо в сторону подчеркивания значимости порученной задачи. Такая модель развития этого ментального образования в полной мере соответствует трехуровневому осмыслению концепта, по Ю.С. Степанову: от истории (отправление кого-либо с заданием куда-либо) к совокупности признаков (уточнение сферы выполнения задания и его типичных субъектов) и далее – к актуальному признаку (акцентирование значимости этого задания) [13]. Оценочный компонент в значении того или иного слова (и ценностная сторона концепта в целом) имеет тенденцию разрастаться и вытеснять все другие признаки (например, демократия – власть народа, а затем – важнейшая характеристика прогрессивного политического устройства в понимании сторонников этого взгляда на мир) [14]. Оценочная гипертрофия завершается ироническим или юмористическим карнавальным переворачиванием положительной оценки. Применительно к определению миссии в русском толковом словаре такое переворачивание прослеживается в словарной иллюстрации (*отправиться с миссией к теще*).

Понимание особой важности задания осмысливается как предназначение – определённое назначение, смысл существования кого- чего-л. Этот концепт связан идеей предопределения, т.е. с судьбой, предначертанным порядком вещей. Отношение к судьбе неоднократно рассматривалось в лингвокуль-

турологии [15; 16; 17; 18; 19]. Отмечено, что существуют две основные позиции в понимании судьбы: фаталистическая и агентивная, в первом случае считается, что судьба заранее предопределена, и человек не в силах ее изменить (в разных конфессиях степень фатализма различна), во втором случае подчеркивается важность усилий человека, который творит свою судьбу. В англоязычном мире доминирует, как известно, вторая позиция, выраженная в девизе протестантской этики «Действуй, и Бог тебе поможет». Именно такое понимание отношения к судьбе выдвигает на первый план ответственность человека за взятые на себя обязательства и ответственность организации за выполнение своей миссии.

Осознание смысла жизни представляет собой одну из высших, терминальных ценностей индивида и общества [20]. Философский вопрос «В чем смысл жизни?» допускает различные ответы: для одних – в служении высшим идеалам человечества, для других – в самореализации, для третьих – в получении удовольствия от жизни, для четвертых – в чем-то ином. Многие вообще не задумываются об этом. Постановка такого вопроса свидетельствует о зрелости как индивида, так и социума. Известно, что культура начинается с запретов, нарушение которых влечет за собой те или иные санкции общества. В педагогике и возрастной психологии выделяются важнейшие ситуативные доминанты такой зрелости: дети младшего школьного возраста должны осознать необходимость соблюдения запретов и выполнения тех или иных предписаний, для подростков значимы ситуации взаимопонимания со сверстниками, умения строить отношения и отвечать за их развитие, доминантой юношеского возраста является способность делать выбор и проектировать будущее [21]. В этом плане формулировка миссии является выражением проектирования будущего.

Заслуживает внимания осмысление соотношения концептов «миссия» и «призвание»¹. Слово «призвание» объясняется в толковом словаре русского языка как склонность, способность к какому-л. делу, профессии; назначение, предназначение. Осуществление той или иной миссии является институциональным долгом организации, выполнение призвания характеризует личность. Эти концепты объединены идеей высокого служения важной цели, но различаются характеристикой субъектов. Высокое служение осмысливается как долг и предназначение индивида или сообщества. Институциональная суть миссии выражается в документах, регламентирующих работу организации, применительно к призванию такая регламентация не существует, это внутреннее побуждение человека, который понимает, чем ему следует заниматься в качестве основной деятельности. Обратившись к внутренней форме слов «миссия» и «призвание», т.е. к исходным идеям этих концептов, мы можем увидеть, что миссия представляет собой выполнение некоторого распоряжения, в то время как призвание акцентирует способность услышать зов. Такое соотношение характеризует двойственную природу долженствования как осознания внешнего и внутреннего побуждения, при этом внешнее побуждение приобретает характеристики сакральной обязанности (это четко выражено в миссионерской деятельности и подразумеваемом сравнении функций той или иной организации с такими задачами), а внутреннее побуждение подчеркивает единство желаний субъекта и выполнения намеченных целей.

Институциональность как характеристика деятельности организации нивелирует личностное отношение членов этой организации к решению поставленных задач, хотя понятно, что готовность выполнить поручение приведет к более эффективному выполнению поручения, если субъект будет рассматривать это поручение как свое личное дело. Вместе с тем обратим внимание на неуместность выражения личной позиции в определенных жанрах институционального дискурса. Так, получив приказ, военнослужащий реагирует репликой «Есть!» (т.е. приказ принят к исполнению), реакция в виде фразы «С удовольствием!» в официальной ситуации абсолютно неуместна.

Институциональное осмысление себя как члена определенного сообщества приводит к значимому перераспределению использования местоимений первого лица в единственном и множественном числе: выполнение миссии есть принципиально коллективная идентичность человека. В этой связи обратим внимание на местоимение «мы» как знак «ролевой идентичности» [22]. Генетически это исходное осознание себя как члена своего племени, а затем члена сообщества, выполняющего ту или иную социальную функцию. Подчеркивание коллективной идентичности – один из заметных признаков религиозного дискурса, индивидуальная идентичность превращает сакральную ситуацию в обиходную.

Таким образом, понятийное осмысление концепта «миссия» позволяет выделить в этом ментальном образовании актуальные признаки важности поставленной задачи, предначертанности избранного пути

¹ Мы благодарны С.Г. Воркачеву за это уточнение.

и его сакральной значимости, проектирования будущего и противопоставления коллективной и личной идентичности субъекта.

Образно-ситуативное описание концепта «миссия»

Понятийное моделирование концепта дает возможность выделить систему составляющих его признаков. Ситуативная конкретизация этих признаков выражается в описании тех или иных конкретных обстоятельств, которые образуют совокупность образно-перцептивного контекста для вербального выражения рассматриваемого концепта. Для анализа таких высказываний целесообразно обратиться к данным корпуса высказываний. Материалом для нашего анализа послужил «Национальный корпус русского языка» (ruscorpora.ru).

Лексема «миссия» упомянута в 1014 документах в корпусе. Но не все высказывания позволяют диагностировать ситуативные признаки этого концепта. Диагностируемыми можно признать только те текстовые фрагменты, в которых мы можем найти развернутое уточнение одного или нескольких ситуативных признаков миссии.

Все текстовые примеры употребления слова «миссия», раскрывающего этот концепт, сводятся к объяснению и оценке задания, которое кому-либо поручено.

Объяснение миссии выражено отглагольным существительным либо инфинитивом:

Миссия нового музейно-выставочного комплекса – формирование научного знания о Великой Отечественной войне, обороне и блокаде Ленинграда (М. Элькина).

Наша миссия – с высокой надежностью и навсегда сохранить ваш цифровой и биологический след на этой планете (Л. Смирнова).

В этих высказываниях определен субъект (говорящий, либо группа лиц, либо организация, либо продукт деятельности). В развернутом уточнении миссии содержится описание важной социальной задачи.

Обратим внимание на положительную оценку содержания той или иной миссии:

Основная миссия МФТИ – подготовка выпускников, которые внесут существенный вклад в развитие экономики Российской Федерации (Ю. Федоров).

Миссия фонда – содействие становлению активных и творческих профессионалов, развитие стратегической благотворительности, формирование среды, где ценностями являются профессионализм, творчество и добровольческая активность (Н. Сидоров).

Оценивая ту или иную цель деятельности социального института, субъект речи в ряде случаев подчеркивает статус миссии:

Наша глобальная миссия – сменить среднестатистический период здоровой активной жизни хотя бы до семидесяти пяти – восьмидесяти лет (Г. Костина).

Критерием успешности (оптимальности) здесь является главная миссия денежно-кредитной политики – возможность обеспечения устойчивого экономического роста в долгосрочном периоде в разных макроэкономических условиях (И. Голощапова).

В приведенных примерах сказано о важнейших миссиях разных организаций (мы понимаем, что речь идет о медицинской и финансовой политике).

Формулировки миссий могут носить публицистический характер:

Через два месяца в жизни священника Александра Ионина начнется самая важная миссия, в которой не будет громких подвигов и библейских чудес, а главным станет возвращение веры народу (С. Фомин).

Её миссия в другом – всеми силами оберегать немногие оставшиеся ростки знаний, чтобы их окончательно не вытоптали орды варваров или фанатичных монахов (А. Балабуха).

Объяснение миссии включает риторические приемы повторов и противопоставлений:

Яркий символ древнего Ярославля, часть славной истории города, Волковский театр хранит истинно русские актёрские традиции, связывает поколения, сеет любовь к прекрасному, зовёт к высотам духа – поистине благородная миссия! (В. Дараган).

Ведь сила суда не в жесткости, а в неотвратимости и справедливости наказания, а миссия правосудия – не только карать, но и исправлять (Д. Медведев).

В этом, мне кажется, остается высокая миссия театра как творения, а не как дизайна (О. Андреева).

Формулировки миссий выдержаны в высоком стилевом регистре.

Интересны высказывания, в которых подчеркивается особая роль субъекта, который выполняет определенную миссию:

Миссия России, обусловленная уникальностью ее социокультурной энергетики, – сформировать международный центр альтернативных преобразующих инвестиций (С. Чернышев).

...историческая миссия многонационального государства состоит в том, чтобы привести свои нации в мировое содружество (С. Артановский).

В этих высказываниях прослеживается импликация особой задачи, которую должна решить наша страна.

Объяснение той или иной миссии часто сводится к воздействию путем авторитета:

«Помните, что у вас особая миссия: в президентском полку вы представляете Новгородскую область, и это налагает на вас дополнительные обязательства», – сказал полковник Мошкин (Н. Славина).

Спасать в этом мире то, что ещё можно спасти, – это наша, если хотите, святая миссия (С. Ястребов).

Говорящий апеллирует к чувству гордости новгородцев за свою область. Атрибутивная характеристика «святая миссия» подчеркивает особый статус коммуникативной ситуации.

Наряду с однозначно положительной оценкой той задачи, которая обозначена как миссия, в корпусе встречаются высказывания, которые характеризуют с долей критики то или иное действие либо отношение к определенной деятельности:

Анна передала конфеты. На этом её миссия заканчивалась (В. Токарева).

В нашей стране до сих пор господствует мнение, что «спорт – это социальная миссия» (А. Кобеляцкий).

...считается, что хранить фольклор – миссия крестьянства (А. Груздева).

Передать конфеты – простое поручение, и то, что это действие обозначено как миссия, показывает ироничное отношение автора к персонажу либо подчеркивает неуважение к нему со стороны других участников описываемого события. Публицист ставит под вопрос тезис о том, что спорт есть социальная миссия, импликации не очевидны, возможно, речь идет о том, что профессиональный спорт вреден для здоровья либо этот вид деятельности стал разновидностью большого бизнеса. Мнение о роли крестьянства в создании и сохранении фольклорных текстов считается общим местом в филологии, но мы видим, что автор сомневается в правоте этого мнения.

Заслуживают внимания те высказывания, которые можно считать оценочным метатекстом по отношению к пониманию миссии:

Так или иначе, его миссия, дипломатично выражаясь, завершилась ничем (А. Андреев).

Есть ли какие-нибудь критерии, по которым ты можешь судить, что миссия выполнена? (А. Иванов).

Миссия, которая завершается ничем, есть фиаско. Во второй фразе речь идет о том, что информация о выполненной миссии должна содержать конкретные факты, а не общие суждения.

Таким образом, текстовые фрагменты, иллюстрирующие вербализацию концепта «миссия», раскрывают важность той задачи, которую решает описываемый субъект, показывают ее особую значимость, содержат явно выраженную либо имплицитную положительную оценку, но иногда ставят такую оценку под сомнение, и мы понимаем, что субъект речи ведет полемику со своими оппонентами.

Институциональное объяснение концепта «миссия»

Рассмотрим формулировки миссии различных учреждений.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова следующим образом определяет свою основную задачу:

Храня верность миссии Московского университета, определенной Императрицей Елизаветой I в Указе от 23 (12) января 1755 года об учреждении Московского университета как «просвещение народов... к пользе общего жития человеческого, ... к благополучию всего отечества», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова подтверждает ее истинность в историческом контексте XXI века.

Московский университет осознает, что дальнейшая реализация его Миссии потребует гармоничного применения глобальных образовательных тенденций на фундаменте национальной образовательной идентичности через развитие традиций Университета как интегратора научных, образовательных, экономических и социальных процессов и распространение культурной среды Университета как эталона российского общества (<https://www.msu.ru/projects/pr2020/docs/slovo.pdf>). Девиз университета – «Наука есть ясное познание истины, просвещение разума» (лат. «Scientia est clara cognitio veritatis, illustratio mentis»).

В этих формулировках акцентируется преемственность роли университета как источника благополучия страны, подчеркивается ценность знаний для процветания общества, просветительской деятельности этого учреждения (т.е. распространения знаний, расширяющих кругозор, а не являющихся основой профессиональной подготовки), учета достижений человечества в гармоничном единстве с национальными традициями, интеграции научного и образовательного процессов и показана значимость академического сообщества как эталона культурной среды для всего общества. Цитируемый текст, как можно видеть, является программным политическим документом, в котором определены ключевые идеологические позиции главного университета страны в наше время: ценность образования для общества, органическое единство верности традициям и движения вперед, просвещение широких масс, слияние образования с научным поиском, продвижение ценностей академического сообщества в сознание народа.

Миссия Гарвардского колледжа сформулирована следующим образом:

The mission of Harvard College is to educate the citizens and citizen-leaders for our society. We do this through our commitment to the transformative power of a liberal arts and sciences education. Миссия Гарвардского колледжа состоит в том, чтобы воспитывать граждан и будущих лидеров для гражданского общества. Мы осуществляем это, основываясь на нашей приверженности преобразующей силе гуманитарного и естественно-научного образования. Девиз Гарварда – Veritas (лат. Истина) (<https://www.studyusa.ru/ru/koleg/harvard-university>).

В определении миссии подчеркивается ключевая задача образовательного учреждения – подготовка политической элиты страны. Решение этой задачи основано на понимании образования как фактора развития общества, при этом подчеркивается паритетность гуманитарного и естественно-научного знания. Обратим внимание на отсутствие в этой лаконичной формулировке как просветительских целей, так и продвижения в общество ценностей академического мировосприятия. Можно сделать вывод о том, что такое понимание миссии одного из ведущих университетов США свидетельствует о приоритетах прагматической целесообразности бытия, определяющих сознание американцев.

Сравнение приведенных девизов учебных заведений свидетельствует о том, что их содержанием является поиск истины (системообразующая цель науки как социального института), при этом апелляция к латинскому языку является признанием существенного вклада средневековых ученых в развитие знания (мы помним о том, что в Средние века латынь была международным языком академического сообщества в Европе). Девизы в сжатом виде выражают ценностные приоритеты государств, общественных групп и личностей [23].

Иные приоритеты мы видим в формулировках производственных компаний.

Миссия компании «Газпром нефть» выражена следующим образом:

Наша цель — стать одной из лучших индустриальных компаний мира, определяющих прогрессивную трансформацию отрасли, делающих невозможное реальным и вдохновляющих своих последователей в России и за ее пределами. Компания работает под девизом: Развиваться, чтобы развивать мир. Созидать, чтобы гордиться созданным. Мы создаем ресурсы для будущего, обогащая мир энергией, знаниями и технологиями для уверенного движения к лучшему (<https://www.gazprom-neft.ru/company/about/strategy>).

В определении миссии как важнейшей цели компании выражены следующие ценности: осуществление прогресса, борьба за мировое лидерство в отрасли, труд на пользу России. Миссия уточняется в девизах: жизненная важность деятельности компании для общества и продвижение знаний и технологий.

Компания IBM (International Business Machines) формулирует свою миссию следующим образом:

IBM's mission statement is "to lead in the creation, development, and manufacture of the industry's most advanced information technologies, including computer systems, software, networking systems, storage devices, and microelectronics. We translate these advanced technologies into value for our customers through our professional solutions, services and consulting businesses worldwide." Миссия IBM состоит в том, чтобы лидировать в изобретении, развитии и производстве информационных технологий, в том числе программного обеспечения, компьютеров, систем хранения информации и микроэлектроники. Мы превращаем эти передовые технологии в ценность для наших клиентов благодаря нашим профессиональным решениям, услугам и консультированию для улучшения бизнеса наших клиентов по всему миру. (<http://panmore.com/ibm-vision-statement-mission-statement-analysis-recommendations>).

Формулировка миссии включает стремление к лидерству в отрасли, развитие технического прогресса, подчеркивание высокого профессионального уровня своих сотрудников и продвижение компании на мировой рынок. Отметим, что в этом концентрированном выражении целей и ценностей нет указания на принадлежность компании определенной стране. Идея деятельности на международном уровне выражена и в названии «Машины для международного бизнеса».

Вербализация ценностей в определении миссии соединяет в себе продвижение бренда организации (рекламный аспект) и утверждение приоритетов в миропонимании (политический аспект):

Миссия Facebook: *Предоставить людям возможность поделиться своей жизнью с другими и сделать мир более открытым и объединенным.*

Готовность быть открытыми для восприятия новой информации является одним из приоритетов современного общества, в котором динамика мышления рассматривается как важнейшее условие успеха. Это четко выражено в сравнении: *Minds are like parachutes, they function only when open (T. Dewar).* – Умы подобны парашютам, они функционируют только когда открыты. Подразумевается, что готовность к переменам способствует объединению человечества.

Миссия Google: *Удобно организовать всю информацию в мире и сделать ее доступной и полезной каждому.*

Мы живем в эпоху информационного взрыва. Возрастание информационного хаоса приводит к кризису цивилизации, поэтому требуется организация информационных потоков, которая сделает мир удобным, а информацию полезной. Компания позиционирует себя как активного участника такого преобразования мира.

Миссия Microsoft: *Предоставить каждому возможность полностью реализовать свой потенциал.*

Самореализация является высшей потребностью человека в известной схеме А. Маслоу. Подразумевается, что компания, избравшая такую формулировку своей миссии, служит высшим идеалам человечества. Обратим внимание на то, что полностью реализовать свой потенциал – это идеал, к которому можно стремиться, но его достижение для отдельного человека в принципе нереально, если исходить из метафункционального понимания личности: смысл жизни человека всегда выше ежеминутно решаемых задач. Приведенная формулировка миссии организации является по своему жанру идеологическим лозунгом.

Миссия Skype: *Стать платформой для общения людей в реальном времени.*

Данная формулировка миссии четко определяет реальные функции продвигаемого продукта, здесь видна рекламная, а не идеологическая характеристика своей идентичности.

Миссия YouTube: *Обеспечить быстрый и простой доступ к видео-контенту и предоставить возможность обмениваться видео друг с другом.*

Идея удобства как важной утилитарной ценности соответствует имиджу компании как организации, которая способна делать жизнь людей комфортной.

Миссия Twitter: *Мгновенно соединять людей повсюду.*

В приведенной формулировке миссии подчеркивается главная техническая характеристика этой социальной сети для публичного бесплатного обмена короткими сообщениями. Выражена идеологическая установка объединения людей как блага.

Миссия Apple: *Обеспечить студентов, педагогов, творческих профессионалов по всему миру лучшими персональными компьютерами благодаря использованию инновационных решений.*

Формулировка миссии известной компании включает заявку на первенство в избранном сегменте производства, с одной стороны, и содержит выраженную таргетизацию получателей информации – членов академического сообщества. Отсюда вытекает идеологическая установка, с которой трудно не согласиться: члены этого сообщества достойны самых лучших технологических продуктов современности.

Известные компании, работающие в области информационных технологий, задают важнейшие ориентиры бытия: открытость, объединение, самореализация, простота использования, содействие техническому прогрессу.

Заключение

Институциональный концепт «миссия» соединяет в себе три основные характеристики: выражает назначение определенного социального института, продвигает образ этого института в массовое сознание и определяет ключевые ценности социальной организации. Важнейшим актуальным признаком

концепта «миссия» в коллективном сознании является акцентирование важности той или иной оценочной позиции. Институциональная специфика продвигаемых ценностей в формулировках миссии состоит в продвижении преимущественно терминальных ценностей у образовательных учреждений и утилитарно-практических ценностей у организаций, обеспечивающих технологический прогресс. Политический смысл вербализации миссии заключается в заявке на проектирование будущего.

Список литературы

1. Habermas J. The Theory of Communicative Action. *Reason and the Rationalization of Society*. L.: Heinemann, 1984;1:465.
2. Dijk T.A. van. Ideology. A multidisciplinary approach. London: Sage, 1998:366.
3. Lemke J.L. Texts and discourses in the technologies of social organizations. *Critical discourse analysis. Theory and interdisciplinarity*. Ed. by G. Weiss, R. Wodak. New York: Palgrave Macmillan, 2003:130-149.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004:326.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика: учебное пособие. Екатеринбург: УрГПУ, 2006:267.
6. Солопова О.А. Ретроспективный анализ британского политического дискурса о будущем СССР. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019;4:124-134.
7. Трощенко Е.В. Координационные паттерны глобальных стратегий в условиях электронного участия пользователей в политической борьбе. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020;1:12-21.
8. Кочетова Л.А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013:404.
9. Ксензенко О.А. Как создается рекламный текст. Функционально-экспрессивные аспекты рекламного текста. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998:126.
10. Ухова Л.В. Теоретические проблемы исследования эффективности рекламного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2013:46.
11. Большой толковый словарь русского языка. Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998:1536. (БТС).
12. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow and London, 1978:1303. (LDCE).
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997:824.
14. Карасик В.И. Нарративное измерение лингвокультурных ценностей. *Язык и культура*. 2019;47:59-75.
15. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Пер. с англ. М.: Языки славянской культуры. 2001:288.
16. Радзиевская Т.В. Слово «судьба» в современных контекстах. *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М.: Наука, 1991:64-72.
17. Гак В.Г. Судьба и мудрость. *Понятие судьбы в контексте разных культур*. М.: Наука, 1994:198-206.
18. Топоров В.Н. Судьба и случай. Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994:38-75.
19. Чупрына О.Г., Баранова К.М., Меркулова К.М. Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018;3:120-125.
20. Воркачев С.Г. Что есть человек и что польза его: идея смысла жизни в лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2011:203.
21. Сериков В.В. Педагогическая реальность и педагогическое знание: опыт методологической рефлексии: монография. М.: Издательский дом Российского нового университета, 2018:448.
22. Тюпа В.И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010:320.
23. Барышников М.С. Семантика и прагматика девизов на монетах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009:24.

References

1. Habermas J. The Theory of Communicative Action. *Reason and the Rationalization of Society*. L.: Heinemann, 1984;1:465.

2. Dijk TA. van. Ideology. A multidisciplinary approach. London: Sage, 1998:366.
3. Lemke JL. Texts and discourses in the technologies of social organizations. *Critical discourse analysis. Theory and interdisciplinarity*. Ed. by G. Weiss, R. Wodak. New York: Palgrave Macmillan, 2003:130-149.
4. Sheygal EI. Semiotic of Political Discourse. Moscow: Gnosis, 2004:326. (In Russ.).
5. Budayev EV., Chudinov AP. Modern political linguistics: a manual. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2006:267. (In Russ.).
6. Solopova OA. Retrospective analysis of British political discourse about the future of the USSR. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2019;4:124-134. (In Russ.).
7. Troshchenkova EV. Coordination patterns of global strategies in users e-participation used for political. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2020;1:12-21. (In Russ.).
8. Kochetova LA. English advertising discourse in a dynamic aspect: a monograph. Volgograd: Volgograd State University Publishers, 2013:404. (In Russ.).
9. Ksenzenko OA. How an advertising text is made. Functional and expressive aspects of an advertising text. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publishers, 1998:126. (In Russ.).
10. Oukhova LV. Theoretical foundations of an effective advertising text investigation: a synopsis of Advanced Ph.D. (Philology). Yaroslavl, 2013:46. (In Russ.).
11. A Big Dictionary of the Russian Language. Ed. by S.A. Kuznetsov. Saint-Petersburg: Norint, 1998:1536.
12. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow and London, 1978:1303. (LDCE).
13. Stepanov YuS. Constants. A dictionary of the Russian culture. A experience of investigation. Moscow: School "Yazyki Russkoy Kultury" Publishers, 1997:824. (In Russ.).
14. Karasik VI. Narrative dimension of linguistic and cultural values. *Language and culture*. 2019;47:59-75. (In Russ.).
15. Wierzbicka A. Understanding of cultures through their key words. Moscow: Yazyki Slav'anskoy Kultury, 2001:288. (In Russ.).
16. Radzievskaya TV. The word "fate" in modern contexts. *Logical analysis of the language*. Cultural concepts. Moscow: Nauka, 1991:64-72. (In Russ.).
17. Gak VG. Fate and wisdom. *The notion of Fate in the context of different cultures*. Moscow: Nauka, 1994:198-206. (In Russ.).
18. Toporov VN. Fate and Chance. *The notion of Fate in the context of different cultures*. Moscow: Nauka, 1994:38-75. (In Russ.).
19. Chupryna OG., Baranova KM., Merculova MG. Fate as a concept in language and culture. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2018;3:120-125. (In Russ.).
20. Vorkachev SG. What is man, and whereto serveth he: The idea of the sense of life in language and culture: a monograph. Volgograd Paradigm, 2011:203. (In Russ.).
21. Serikov VV. Pedagogical reality and pedagogical knowledge: an experience of methodological reflection: a monograph. Moscow: Russian New University Publishers, 2018:448. (In Russ.).
22. Tyupa VI. Discourse formations: Essays on Comparative Rhetoric. Moscow: Yazyki Slav'anskoy Kultury, 2010:320. (In Russ.).
23. Baryshnikov MS. Semantics and pragmatics of mottos on coins: author. dis. ... cand. filol. sciences. Volgograd, 2009:24.

Сведения об авторах:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, пр. Ак. Волгина, 6, Москва, 117485, Россия.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

Адрес: Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, пр. Ак. Волгина, 6, 117485, Москва, Российская Федерация

Калыкова Эрвена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Калмыцкий государственный университет им. Городовикова, Элиста, Российская Федерация.

E-mail: ervenak@yandex.ru

Адрес: *Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, 11, 358000, Элиста, Республика Калмыкия, Российская Федерация*

Bionote:

Vladimir I. Karasik, Advanced Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ervenak@yandex.ru

Address: Pushkin State Russian Language Institute, 6 Ac. Volgin str., Moscow, Russia, 117485

Ervena A. Kalykova, Candidate of Philology, Docent of the Department of German Philology, Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation.

E-mail: ervenak@yandex.ru

Address: Gorodovikov Kalmyk State University, 11 Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, Russia, 358000

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMANTIC-GRAMMAR LINGUISTIC AND COGNITIVE STUDIES

Оригинальная статья

УДК 81'373.611

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-91-102

Дешифровальная модель и модель формальной разновидности эквивалентности
аббревиатуры в аббревиатурной группе «авто-»

Е.Ю. Аламайрех

*Донецкий национальный университет
(Донецкая народная республика, г. Донецк)*

ORCID ID: 0000-0002-1239-0136;

Researcher ID: 1068702;

e-mail: amayreh@mail.ru

Получена: 27.04.2020 /Принята: 18.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: В статье описываются принципы анализа формальной структуры эквивалентности в гнездах эквивалентности сложносокращённых слов на примере аббревиатурной группы «авто». Актуальность работы обусловлена тем, что в ней на основе синхронного эквивалентностного подхода к исследованию сложносокращённых слов системно показывается новая интерпретация характеристик формальной эквивалентности слова и коррелирующего с ним словосочетания. Результаты такого анализа являются средством прогнозирования эквивалентностных отношений для смежных аббревиатурных групп, что немаловажно при формировании методик составления словарей нового типа – толковых словарей аббревиатур, отличительной чертой которых является представление в них всех обнаруженных в текстах эквивалентных словосочетаний. Материалом для исследования выступили 252 гнезда эквивалентности, входящих в аббревиатурную группу «авто» и включающих 1621 аббревиатурную пару «сложносокращённое слово – эквивалентное словосочетание». Исследование проводилось с использованием описательного и количественного методов, а также методов дистрибутивного анализа и формализации. Автором определяются понятия «сложносокращённое слово», «аббревиатурное гнездо», «дешифровальный стимул», «гнездо эквивалентности» как базовые категории синхронного подхода к аббревиации, описываются разработанные в лаборатории методики синхронного анализа формальной эквивалентности: методика анализа дешифровального стимула, определяющая особенности структуры дешифровального стимула – стереотипа дешифровки сложносокращённого слова, и методика определения формальной разновидности эквивалентности, представляющая подробную схему соединения компонентов эквивалентного словосочетания в аббревиатуре. При конструировании моделей дешиф-

ровальных стимулов устанавливаются частеречные характеристики слов, входящих в дешифровальный стимул, и порядок их расположения в эквивалентном словосочетании. При конструировании моделей формальной эквивалентности, включающих в свой состав модель эквивалентного словосочетания и модель аббревиатуры, определяется соотношение конструкторов коррелирующих единиц, их частнограмматические характеристики и способ представленности в слове и словосочетании.

Ключевые слова: аббревиатура, аббревиатурный конструкт, гнездо эквивалентности, дешифровальный стимул, эквивалентность.

Для цитирования: Аламайрех Е.Ю. Модели дешифровального стимула и формальной разновидности эквивалентности аббревиатуры в аббревиатурной группе «авто». *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 91–102.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-91-102

Model of the decryption and model of the abbreviation formal diversity in the abbreviation group “auto-”

Yekaterina Yu. Alamayrekh

Donetsk National University

(Donetsk People's Republic, Donetsk)

ORCID ID: 0000-0002-1239-0136;

Researcher ID: 1068702;

e-mail: amayreh@mail.ru

Received: 27.04.2020 /Accepted: 18.05.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The article deals with the principles of the analyses of the formal structure of the equivalence in the families of the equivalence of the compound abbreviations by the example of the abbreviation group “auto”. The relevance of the research is determined by the fact that on the basis of the synchronic equivalent approach to the description of the compound abbreviations a new interpretation of the characteristics of the formal equivalence of the word and correlated word-combination is described systematically. The results of this study provide a means of predicting the equivalence relations for the adjacent abbreviation clusters that is important while composing the techniques of making the dictionaries of a new type – explanatory dictionaries of abbreviations, the distinctive feature of which is the presentation of all equivalent word-combinations detected in the texts. The material for the study is formed by 252 families of equivalence which form the abbreviation group “auto” and contains 1621 abbreviation doubles: “compound abbreviation” – “equivalent word-combination”. The research was carried out on the basis of descriptive and quantitative methods as well as descriptive analyses and formalization. The author defines such notions as “compound abbreviation”, “decryption inducement”, “family of equivalence” as the basic categories of the synchronic approach to the abbreviation. The methods of synchronic analysis of the formal equivalence devised in the Laboratory are described: the analyses technique of the decryption inducement that designates the structural peculiarities of the decryption inducement – the stereotype of the decryption of compound abbreviation, and the analyses technique of the formal diversity of the equivalency that is a detached scheme of the combination of the components of the equivalent word-combination in the abbreviation. While development of the models of the decryption inducements the part of speech characteristics of the words forming the decryption inducements and their order in the equivalent word-combination are taken into account. While designing the models of formal equivalence that include the model of the equivalent word collocations and the abbreviation model, the correlation of the constructs of the correlated units, their peculiar grammatical features and the representation status in words and word collocations are designated.

Keywords: abbreviation, abbreviation structure, family of equivalence, decryption inducement, equivalency.

For citation: Alamaireh E.Yu. Model of the decryption and model of the abbreviation formal diversity in the abbreviation group “auto”. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020, no 2, pp. 91–102 (In Russ.).

Введение

Объектом рассмотрения в предлагаемой работе являются отношения синхронной эквивалентности между сложносокращёнными апеллятивами и коррелирующими с ними словосочетаниями, **предметом** – взаимосвязь формальных структур аббревиатур и эквивалентных словосочетаний.

Сложносокращённый апеллятив мы определяем как нарицательную лексему, «связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и включающую в свой состав эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (содержащим в своём составе не менее двух фонем) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [1: 74]. Абброконструктом здесь называется сокращённый эквивалент какого-либо слова, входящий в состав аббревиатуры. Например, слово *автоэкспорт* содержит абброконструкт *авто-*, эквивалентный словам *автомобильный* и *автомобилей* в словосочетаниях *автомобильный экспорт* и *экспорт автомобилей*. Термин «абброконструкт» используется в работах Донецкой дериватологической школы вместо традиционных «морфемных» обозначений (абброморфема, префиксоид и под.), поскольку сокращённый компонент аббревиатуры хоть и «близок к морфеме, но и отличается от неё. Близость обусловлена его воспроизводимостью, а отличие – словной эквивалентностью: у морфемы нет той семантической определённости, какая есть у абброконструкта, и она не может развернуться в формально эквивалентное самостоятельное слово» [2: 104]. Используемый нами термин позволяет отделить ситуации эквивалентностной трактовки сокращённого компонента аббревиатуры от ситуаций его морфематизации. Например, в слове *зоокабинет* в силу наличия у него текстовых эквивалентов *зоологический кабинет* и *кабинет зоологии* мы трактуем компонент *зоо* как абброконструкт, а в слове *зоотехник*, не имеющем текстовых эквивалентов (конструкция *зоологический техник* встречается только окказионально), – как префиксоид. Различие абброконструктной и морфемной трактовки сокращённого компонента аббревиатуры обосновывается в работе В.И. Теркулова «Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания» [1].

Сложносокращённые апеллятивы образуют отдельный ономазиологический класс аббревиатур, противопоставляющийся инициальным аббревиатурам и сложносокращённым онимам в силу того, что они с точки зрения отношений производности: а) в отличие от инициальных аббревиатур, возникают не в результате сокращения слов исходного словосочетания, а в результате стереотипного замещения их абброконструктами, б) в отличие от сложносокращённых онимов, не конструируются осознанно, а создаются «стихийно» по стереотипным моделям универбализации. На уровне синхронных мотивационных отношений сложносокращённые апеллятивы, в отличие от инициальных аббревиатур и сложносокращённых онимов, имеют прозрачную внутреннюю форму и свободно дешифруются при помощи так называемых дешифровальных стимулов (см. ниже). Обоснование определения сложносокращённых апеллятивов как особого структурно-ономазиологического класса аббревиатур, отличного от инициальных аббревиатур и сложносокращённых онимов, даётся в работе В.И. Теркулова «Сложносокращённые апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур» [2].

В качестве **материала** для исследования выступают сложносокращённые апеллятивы, который входят в аббревиатурную группу «авто» (*автомобильный*), включающую 252 гнезда эквивалентности. Всего в гнездах эквивалентности данной аббревиатурной группы отмечается 1621 аббревиатурная пара «слово – эквивалентное словосочетание».

Под аббревиатурной группой здесь понимается группа сложносокращённых слов, имеющих одинаковый препозитивный абброконструкт, в нашем случае – *авто-*. Гнездо эквивалентности – это совокупность словосочетаний, синхронно мотивационно связанных с аббревиатурой. Например, гнездо эквивалентности слова *автожурнал* включает обнаруженные в актуальных текстах мотивационно связанные с ним эквиваленты *автомобильный журнал*, *журнал об автомобилях*, *журнал для автолюбителей*, *журнал для автомобилистов*, *журнал про автомобили*, *журнал об авто*, *журнал про авто*.

Исследование формальных отношений синхронной эквивалентности позволило определить стереотипные модели текстовой дешифровки сложносокращённых слов, которые в большинстве случаев не

исчерпываются эквивалентами, представленными в традиционных словарях сокращений. Работа по составлению Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка (далее – Словарь) показала возможность использования обнаруженных при анализе аббревиатурной группы «авто» моделей эквивалентности для прогнозирования отношений формальной эквивалентности в других аббревиатурных группах, в которых представлены как семантически смежные аббревиатурные конструкции, например *авиа*, *велo* и т.п., так и тождественные базисные компоненты, например *дорога*, *экспорт* и т.п. Исследование показало, что формальные модели эквивалентности представляют релевантные ономастические структуры. Эта закономерность также используется при составлении Словаря – при формировании шаблонов толкования значений.

Целью статьи является описание принципов создания моделей формальной эквивалентности синхронных аббревиатур – сложносокращённых апеллятивов.

Обзор литературы

Аббревиация в большинстве исследований определяется как способ диахронного словообразования, который представляет собой процесс сокращения одного или нескольких компонентов исходного словосочетания, приводящего к трансформации этих компонентов в конструкции новообразуемой лексики. Например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» аббревиатура определяется как «существительное, состоящее из усечённых слов, **входящих в исходное словосочетание, или из усечённых компонентов исходного сложного слова** (выделено нами. – Е.А.)» [3: 9]. Точно так же аббревиатуры рассматриваются в работах Д.И. Алексеева [4], Т.С. Сергеевой [5], Р. Lopez Rua [6] и многих других. Однако уже В.В. Борисов признаёт, что диахронного подхода для определения и описания аббревиатур недостаточно. Учёный, анализируя различия между сокращениями, не имеющими эквивалентов в современном языке (например, *lord*, которое восходит к англосаксонскому *hlafweard*), и словами, представляющими актуальные дублетные пары «слово – словосочетание», приходит к выводу, что «об аббревиации мы говорим тогда, когда в системе языка, в данный период его развития, сосуществуют полные и сокращённые формы» [7]). Исследования В.И. Теркулова [1; 2] показали, что синхронный и диахронный подходы необходимо разграничить: при диахронном подходе аббревиатурами следует считать только слова, возникшие в результате универбализации, то есть трансформации или «интеграции словосочетания в сложное слово» [8: 172], а при синхронном – слова, которые имеют на актуальном срезе языка текстовые эквиваленты – словосочетания, независимо от того, возникли ли они в результате универбализации этих словосочетаний, или же эти словосочетания являются вторичными образованиями, развёрнутыми на базе аббревиатур в результате псевдоунивербализации. Понятие псевдоунивербализации вводится в научный обиход представителями Донецкой дериватологической школы. Оно является продуктом расширенной трактовки понятия дезаббревиации, впервые системно описанного А.В. Зелениным [9]. В отличие от дезаббревиации, понимаемой как игровая дешифровка аббревиатуры (ГИБДД – «Государственная инспекция безопасности дорожного движения» – «Гони инспектору бабки (и) двигай дальше»), псевдоунивербализация определяется как процесс любого вторичного развёртывания универбата, в нашем случае – аббревиатуры, в словосочетание (*ветроэнергетическая установка* > [универбализация] > *ветроустановка* > [псевдоунивербализация] > *ветровая установка, ветряная установка*).

Таким образом, разграничение диахронных и синхронных аббревиатур – это разграничение отношений **производности** (диахрония) и **мотивированности** (синхрония). Мотивированность компонентов гнезда эквивалентности имеет вид текстовой эквивалентности, то есть семантической тождественности и формальной взаимосвязанности слова и словосочетания, подкрепляемых возможностью их свободной взаимозамены в текстах.

Вполне очевидно, что анализа требуют как особенности семантики слова и его эквивалента, так и особенности их формальной взаимосвязи. Более того, определение моделей формального соотношения компонентов аббревиатурной пары является основой для исследования особенностей интерпретации текстового значения аббревиатуры через её эквивалент.

Традиционно в работах по аббревиации формальное описание сводится к установлению различий между инициальными аббревиатурами (алфавитизмами и акронимами) и сложносокращёнными словами (слоговыми и частично сокращёнными аббревиатурами) на уровне уже произведённой единицы без установления семантической и формальной связи с коррелирующими словосочетаниями (см. работы Д.И. Алексеева [4], А.В. Андроновой [10], Charles W. Kreidler [11] и других).

Более соответствуют нашему видению моделирования отношений эквивалентности модели описания, предложенные представителями генеративной грамматики, которые использовали для интерпретации некоторых видов **композигов** (данный термин используется как родовое обозначение всех типов сложных слов) схемы синтаксического тождества словосочетаний и эквивалентных композитных единиц, например композитных адъективов [12: 11–13]. В этих исследованиях, к сожалению, обычно не учитывается, что словесное воплощение синтаксической конструкции имеет ряд формальных особенностей, тоже требующих описания. В работах представителей Донецкой дериватологической школы В.И. Теркулова [1; 2], А.И. Бровца [13], В.А. Рязановой [14; 15], К.Ю. Емельяновой [16], Е.С. Крестяниновой [17], Е.Н. Михайловой [18] и других предлагается новая модель описания формальных структур композигов и сложносокращённых слов, главной особенностью которой является то, что в ней не только определяется компонентная структура мотивирующей и мотивированной единиц, но и устанавливается их взаимосвязь и взаимозависимость. Именно такой подход и представлен в нашей статье.

Методы исследования

В исследовании были использованы: метод трансформации, применявшийся для прогнозирования эквивалентностных отношений; метод корреляционного анализа, применявшийся для установления формальных тождеств-различий между аббревиатурами и эквивалентными им словосочетаниями; метод формализации, позволивший создать формулы регулярного соответствия структур слов и эквивалентных словосочетаний.

Результаты и дискуссия

Формирование гнёзд эквивалентности отражает особенности функционирования сложносокращённых слов в синхронии: перед нами не отношения производности «словосочетание > слово», а явление актуальной дешифровки слова в текстах в результате использования дешифровальных стимулов (далее – ДС) – стереотипов замены аббрекконструкта словом или словосочетанием, воспринимающимся носителями языка как его абсолютные эквиваленты. Для аббрекконструкта *авто-* нами обнаружено более 200 ДС – дешифровальных токенов, например *автомобильный*, *для автомобиля*, *об автомобилях*, *на автомобиль*, *для автолюбителей* и т.д., объединяющихся в 43 дешифровальные леммы, например *автомобиль*, *автомобильный*, *автотранспортный*, *автолюбитель* и т.д.

Наличие у одного аббрекконструкта множества дешифровальных стимулов позволяет носителю языка разворачивать в тексте сложносокращённое слово разными способами в зависимости от цели и содержания высказывания. Например, слово *автомотор*, которое в классических словарях сокращений связывается только со словосочетанием *автомобильный мотор*, согласно данным картотеки Словаря имеет в текстах ещё семь эквивалентов: *мотор на авто*, *мотор для автомобиля*, *мотор для авто*, *мотор на автомобиль*, *мотор автомобиля*, *мотор авто*, *мотор автомашины*, которые позволяют говорящему уточнять значение аббревиатуры. В словосочетаниях *мотор автомобиля*, *мотор авто* и *мотор автомашины* эквиваленты аббрекконструкта *авто-* реализуют посессивное значение (принадлежность) и используются при описании автомобилей. В словосочетаниях *мотор для автомобиля*, *мотор для авто* эквиваленты реализуют дестинативное значение (назначение) и используются обычно в рекламных текстах магазинов автотоваров, как и эквиваленты *мотор на авто* и *мотор на автомобиль*, которые реализуют локативное значение (место). Таким образом, гнездо эквивалентности может быть также определено как «организация разнородных конструкций, которые неразрывно связаны с контекстами и находятся в постоянном процессе структурной адаптации к использованию» [19: 52].

Как видно из приведённых примеров, различие в интерпретации значения аббревиатуры коррелирует с формальным различием конструкций, в которых эта интерпретация осуществляется. В связи с этим констатируется, что для составления реестра возможных семантических трактовок значения аббревиатуры необходимо сначала составить реестр формальных структур эквивалентности. Принципы составления такого реестра описаны в работе В.И. Теркулова «Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания» [1]. Как пишет учёный, «формально-структурный анализ определяет формальные характеристики дешифровального стимула, аббревиатуры и эквивалентного словосочетания» [1: 89] и осуществляется в два этапа. На первом этапе определяется **общая дешифровальная модель**, в которой представляется общая схема дешифрующего словосочетания, рассмотренного в проекции на аббревиатуру, а на втором – **модель формальной разновидности эквивалентности**, в которой определяется формальное соответствие компонентов словосочетания и конструкторов аббревиатуры.

В дешифровальной модели устанавливается структурный (слово или словосочетание) и частеречный статус слов, входящих в дешифрующее словосочетание [15: 112].

Следует предварительно уточнить, что при описании дешифровальной модели учитываются два уровня эквивалентности слова и словосочетания – семантический, на котором значение всего ДС используется для трактовки абброконструкта, и формальный, на котором эквивалентом считается только тот компонент ДС, который является эквивалентом абброконструкта на уровне формы. Например, для пары *автомастер – мастер по ремонту автомобилей* семантическим эквивалентом абброконструкта *авто-* является словосочетание *по ремонту автомобилей*, а формальным – словоформа *автомобилей*. Формализация модели ДС представляет собой общую схему семантического эквивалента, в которой особый символ (х) даётся формальному эквиваленту.

Базовым компонентом дешифровальной модели является описание структуры ДС, для формализации которой в виде схемы используются символы:

х – формальный эквивалент абброконструкта; например, в паре *автобазар – автомобильный базар* символом **х** обозначается слово *автомобильный*, являющееся формальным эквивалентом абброконструкта *авто-*;

а – компонент эквивалентного сложного слова, не представленный в аббревиатуре; например, для ДС *автотехнический* в паре *автобатальон – автотехнический батальон* строится схема **х-а(ад)**, где **х** обозначает формально эквивалентный абброконструкту компонент *авто-*, а **а** – компонент *технический*, не представленный в структуре аббревиатуры *автобатальон*;

z – слово, входящее в сложное эквивалентное словосочетание, но не имеющее эквивалентов в структуре аббревиатуры; например, в паре *автопроизводитель – производитель автомобильной техники* для ДС строится схема **х-z**, где символом **х** обозначается формальный эквивалент абброконструкта *авто-* – слово *автомобильной*, а **z** – слово *техники*, не имеющее формальных эквивалентов в *автопроизводителе*.

Дополнительными компонентами схемы являются маркеры частеречной принадлежности. Отсутствие маркера указывает на то, что компонент ДС является существительным, например *авторессора – рессора автомобиля* (х). Маркер **ад** указывает на адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), например *автокомпьютер – автомобильный (х(ад)) компьютер*. Символ **предл** указывает на предлог, например *автокемпинг – кемпинг для автотуристов ((предл)х-а)*.

Кроме схемы ДС в дешифровальную модель включается схема конструкта, эквивалентного полному компоненту аббревиатуры, который обозначается символом **у**:

у – простое слово, например, слово *кластер* в паре *автокластер – автопромышленный кластер* (общая схема: **х-а(ад)-у**);

(х²у) – сложное слово, абброконструкт которого сохраняется в аббревиатуре, например слово *запчасти* в паре *автозапчасти – запчасти к автомобилю* (общая схема: **х²у-(предл)х**);

у-а – сложное слово, абброконструкт которого не сохраняется в аббревиатуре, например слово *видеорегилятор*, у которого опускается компонент *видео* в паре *авторегилятор – автомобильный видеорегилятор* (общая схема: **х-у-а**).

Следует различать базисную функцию конструкта исходного словосочетания, когда он выступает в качестве его главного компонента, и признаковую функцию, когда он заполняет позицию зависимого компонента. При этом указанные функции может выполнять как эквивалентный, так и не эквивалентный абброконструкту элемент. Например, в паре *автогорючее – автомобильное горючее* (схема **х-у**) базисным компонентом является *горючее* (**у** – не эквивалентный абброконструкту), а в паре *автобуфет – автомобиль-буфет – автомобиль (х – эквивалентный абброконструкту)*.

Итак, дешифровальная модель представляет собой объединение символов базисных (выступающих в качестве ономаσιологического базиса) и признаковых (выступающих в качестве ономаσιологического признака) компонентов эквивалентного аббревиатуре (дешифрующего) словосочетания. Например, пара *автомотор – мотор автомобиля* представляет модель **у-х**, где как базисный препозитивный, так и признаковый постпозитивный компоненты являются простыми словами

Наше исследование показало, что есть необходимость в добавлении некоторых новых символов для ранее не отмеченных типов ДС, которые соотносятся с составными абброконструктами, рассмотренными в работе И.Р. Смирновой «Ономаσιологические модели сложносокращенных слов с составным абброконструктом» [20]. В описание составных абброконструктов типа *автогидро-* (*автогидроподъем-*

ник), *автовидео-* (*автовидеорегистратор*) и подобных следует ввести символ x^2 для обозначения не препозитивного абброконструкта. Символом x^1 при этом обозначается препозитивный абброконструкт, в нашем случае – *авто-*.

1) Тогда, когда абброконструкт x^2 соответствует абброконструкту эквивалентного сложного слова, символ x^2 и символ слова, в которое он входит, берутся в скобки. Здесь возможны два варианта:

1. x^2 и x^1 входят в состав одного слова, например *автомотоклуб* – клуб *автомотоспорта* (модель $y-(x^1x^2)$);

2. x^1 входит в состав признакового слова, а x^2 – базисного, например *автоводоцистерна* – *автомобильная водоцистерна* (модель $x^1-(x^2y)$).

2) В тех случаях, когда абброконструкт x^2 соответствует слову эквивалентного сложного словосочетания, он не берётся в скобки, например *автотехцентр* – *автомобильный технический центр* (модель x^1-x^2-y).

Отмечаются ситуации, когда один ДС реализуется в нескольких дешифровальных моделях. Например, ДС $x(ад)$ может быть представлен в пяти моделях: $x(ад)-y$, $x^1(ад)-(x^2y)$, $x^1(ад)-x^2(ад)-y$, $x(ад)-y-a$ и $x(ад)-z(ад)-y$. В данном случае мы говорим о **группе дешифровальных моделей**, объединяющихся по тождественному ДС. Отмеченные для абброгруппы «авто» группы дешифровальных моделей представлены в таблице 1.

Таблица 1

Группы дешифровальных моделей для аббревиатурной группы «авто»

№	Группа	Разновидность	Пример
	$x(ад)$	$x(ад)-y$	<i>автоперевозки</i> – <i>автомобильные перевозки</i>
		$x^1(ад)-(x^2y)$	<i>автовидеорегистратор</i> – <i>автомобильный видеорегистратор</i>
		$x^1(ад)-x^2(ад)-y$	<i>автотехцентр</i> – <i>автомобильный технический центр</i>
		$x(ад)-y-a$	<i>автоперевозки</i> – <i>автомобильные грузовые перевозки</i>
		$x(ад)-z(ад)-y$	<i>автоподъёмник</i> – <i>автомобильный гидравлический подъёмник</i>
	x	$y-x$	<i>автоклуб</i> – клуб <i>автомобилистов</i>
		$x-y$	<i>автокафе</i> – <i>автомобиль-кафе</i>
		$(x^2y)-x^1$	<i>авторадиостанция</i> – <i>радиостанция автомобиля</i>
		$y-a-x$	<i>авторегистратор</i> – <i>видеорегистратор автомобиля</i>
		$x^2(ад)-y-x^1$	<i>автозапчасти</i> – <i>запасные части автомобиля</i>
	$(предл)x$	$y-(предл)x$	<i>автостоянка</i> – стоянка для <i>автомобилей</i>
		$(x^2y)-(предл)x^1$	<i>автоогнетушитель</i> – <i>огнетушитель для автомашины</i>
		$y-a-x$	<i>авторегистратор</i> – <i>видеорегистратор в автомобиль</i>
		$x^2(ад)-y-(предл)x^1$	<i>автозапчасти</i> – <i>запасные части для авто</i>
	$x-a/x^1x^2$	$y-x-a$	<i>автоколонна</i> – колонна <i>автотранспорта</i>
		$y-(x^1x^2)$	<i>автомотоклуб</i> – клуб <i>автомотоспорта</i>
	$(предл)x-a$	$y-(предл)x-a$	<i>автоинструктор</i> – инструктор по <i>автовожждению</i>
	$x-a(ад)/(x^1-x^2(ад))$	$x-a(ад)-y$	<i>автомастерская</i> – <i>авторемонтная мастерская</i>
		$(x^1x^2(ад))-y$	<i>автомототуризм</i> – <i>автомобильно-мотоциклетный туризм</i>
	$x(ад)-z$	$y-x(ад)-z$	<i>автоатлас</i> – атлас <i>автомобильных дорог</i>
		$y-x-a(ад)-z$	<i>автоаренда</i> – аренда <i>автотранспортных средств</i>
		$y-x(ад)-z(ад)-z$	<i>автокаталог</i> – каталог <i>автомобильных запасных частей</i>
		$y-x(ад)-z-a$	<i>автокаталог</i> – каталог <i>автомобильных запчастей</i>
	$(предл)x(ад)-z$	$y-(предл)x(ад)-z$	<i>автосоревнования</i> – соревнования по <i>автомобильному спорту</i>
		$y-(предл)x-a(ад)-z$	<i>автостоянка</i> – стоянка для <i>автотранспортных средств</i>
	$z-x$	$y-z-x$	<i>автоклуб</i> – клуб любителей <i>автомобилей</i>
		$y-z-a-x$	<i>автокаталог</i> – каталог запчастей <i>автомобилей</i>
		$y-z(ад)-z-x$	<i>автокаталог</i> – каталог запасных частей <i>автомобиля</i>
		$y-z-x-a$	<i>автокурсы</i> – курсы вождения <i>автотранспорта</i>

	(предл)z-x	y-(предл)z-x	автоинструмент – инструмент для ремонта авто
		y-(предл)z-z-x	автоинструмент – инструмент для ремонта и обслуживания автомобиля
		y-(предл)z-x-a	автомагазин – магазин по продаже автомобилей
		y-(предл)z-x-a(ад)-z	автослесарь – слесарь по ремонту автотранспортных средств
	z-(предл)x	y-z-(предл)x	автомагазин – магазин аксессуаров для автомобилей
		y-z-a-(предл)x	автопродажа – продажа запчастей на авто
		y-z(ад)-z-(предл)x	автокаталог – каталог запасных частей для автомобилей
		y-z-(предл)x-a	автокаталог – каталог товаров для автомобилей
	X	x-(предл)y-z(сущ)	автозак – автомобиль для перевозки заключённых

Под **моделью формальной разновидности эквивалентности** понимается детализация дешифровальной модели, указывающая на структуру формального соответствия компонентов словосочетания и слова.

Модель формальной разновидности эквивалентности включает два блока: блок словосочетания, в котором даются грамматические характеристики слов, входящих в это словосочетание, и блок сложносокращённого слова, в котором описывается способ представленности компонентов словосочетания в аббревиатуре.

Для блока словосочетания релевантными являются следующие характеристики:

1. Количество компонентов эквивалентного словосочетания. Для аббревиатурной группы «авто» отмечаются:

- а) двухкомпонентные эквиваленты: *автовышка – автомобильная вышка*;
- б) трёхкомпонентные эквиваленты (с предлогом): *автогонка – гонка на автомобилях*;
- в) трёхкомпонентные эквиваленты (из знаменательных слов): *автодвижение – движение автотранспортных средств*;
- г) четырёхкомпонентные эквиваленты (с предлогом): *автокаталог – каталог запасных частей для автомобилей*;
- д) пятикомпонентные эквиваленты (со служебными словами): *автоинструмент – инструмент для ремонта и обслуживания автомобилей*.

2. Тип синтаксических отношений между компонентами эквивалентного словосочетания. Как известно, «типы синтаксических отношений, реализующихся в сложном слове, являются гетерогенными и зависят от многих причин. Вследствие этого единство подхода к решению данной проблемы не может не вызывать необходимости дифференцированного анализа материала. Так сложные слова могут создаваться как на базе сочинительных (то есть равноправных), так и на базе подчинительных отношений» [21: 19]. Нами отмечаются следующие типы отношений:

- а) подчинительные отношения: согласование (*авторезина – автомобильная резина*), управление (*авторынок – рынок автомобилей*);
- б) сочинительные отношения (*автомастер – мастер по ремонту и обслуживанию автомобилей*).

3. Грамматические характеристики компонентов словосочетания, включающие частеречное определение компонента; его падежную форму; указание на его парадигматическую активность.

В рассматриваемых примерах нами отмечаются слова следующих частей речи: существительные (символ **Сущ**), например все слова в *мотор автомобиля (автомотор)*; прилагательные (символ **Прил**), например слово *автомобильный* в конструкции *автомобильный навигатор (автонавигатор)*; предлоги (символ **предл**), например *для* в конструкции *огнетушитель для автомобиля (автоогнетушитель)*; союзы (символ **союз**), например *и* в конструкции *Руководство по ремонту и обслуживанию автомобилей (авторуководство)*.

Для склоняемых существительных в схеме словосочетания к символу части речи добавляется падежный номер словоформы (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.). Например, формула Сущ2 указывает на то, что в словосочетании используется существительное в форме родительного падежа – *сборщик автомобилей (Сущ2) (автосборщик)*. Несклоняемые существительных получают оператор Нескл. Например, в *краска для авто* компонент *авто* обозначается комплексом операторов СущНескл.

Парадигматическая активность описывается путём сочленения номера падежа и оператора числа (**ед** – единственное, **мн** – множественное). Показатель именительного падежа (1) в сочетании с показателем числа указывает на объём парадигмы базисного слова. Оператор **ед** является знаком его изменяемости по всем падежам единственного и, там, где это возможно, множественного числа. Например, словосочетание *автомобильная свалка* (**Прил1ед+Сущ1ед**) во всех своих формах имеет соответствие в аббревиатуре *автосвалка*: *автомобильной свалки* – *автосвалки*, *автомобильных свалок* – *автосвалок* и т.д. Оператор **1мн** с указывает на то, что словосочетание и аббревиатура имеют парадигму *Pluralia tantum*. Например, для словосочетания *автомобильные принадлежности* (**Прил2мн+Сущ1мн**) эквивалент представлен только в формах множественного числа: *автопринадлежности*: *автомобильные принадлежности* – *автопринадлежности*; *автомобильных принадлежностей* – *автопринадлежностей* и т.д.

Номер косвенного падежа с оператором числа указывает на то, что в эквивалентной паре представлена только данная словоформа. Например, в словосочетании *владелец автомобилей* с эквивалентом *автовладелец* используется только токен *автомобилей* (**Сущ2мн**) леммы *автомобиль*.

Таким образом, схема эквивалентного словосочетания состоит из символов, определяющих все его компоненты. Например, *журнал для автомобилистов* (сложносокращённое слово *автожурнал*) реализует конструкцию **Сущ1ед+предлСущ2ед** (связь управления между главным словом, изменяемым по всем формам числа и падежа, и зависимым словом, застывшим в форме родительного падежа единственного числа).

Блок аббревиатуры включает указание на порядок следования, способ представления эквивалентов компонентов словосочетания в сложносокращённом слове и его словесное оформление.

Типология порядка следования и качественного соответствия конструкторов сложносокращённого слова предложена в работе В.И. Теркулова «Типология формальных эквивалентностных аббревиатурных трактовок сложносокращённого слова» [22: 86–87]. Выделяются следующие типы соответствия:

а) прямое соответствие компонентов: количество и порядок расположения компонентов аббревиатуры абсолютно совпадают с количеством и порядком расположения словосочетания, например *автоярмарка* – *автомобильная ярмарка*;

б) компонентное соответствие/ несоответствие: количество компонентов эквивалентных единиц не совпадает, например *автоподъёмник* – *автомобильный гидравлический подъёмник*;

в) метатезное соответствие: сохранение количества совпадающих компонентов эквивалентных единиц сопровождается их перестановкой в сложносокращённом слове, например *автопокрышка* – *покрышка автомобиля*;

г) компонентно-метатезное соответствие: компоненты эквивалентных единиц различаются и количественно и порядком следования, например *автополигон* – *полигон для испытаний автомобилей*.

Способ представления компонентов словосочетания в сложносокращённом слове – это указание на то, каким образом формально адаптируется в аббревиатуре элемент эквивалентного словосочетания. Для аббревиатурной группы «авто» нами отмечается три типа представленности:

1) конструктор аббревиатуры равен слову эквивалентного словосочетания, что отмечается

а) в базовой части частично сокращённых словах, например конструктор *пассажир* в аббревиатуре *автопассажир*, связанной эквивалентностными отношениями со словосочетанием *пассажир автомобиля* (**Сущ1ед**);

б) при юстапозитной трактовке аббревиатуры при помощи слова *авто*, например конструктор *авто-* в аббревиатуре *автообслуживание*, трактуемой через словосочетание *обслуживание авто* (**СущНескл**);

2) конструктор аббревиатуры равен части основы эквивалентного слова (оператор – Чосн), то есть является собственно абброконструктором, что отмечается при апокопированной эквивалентной замене слова; значимыми для описания являются три ситуации:

а) обозначения собственно абброконструктора *авто-*, например в паре *автоновости* – *автомобильные новости*;

б) обозначения других абброконструкторов, например абброконструктора *бат-* в слоговой аббревиатуре *автобат* – *автомобильный батальон*;

в) обозначения составного абброконструктора (используется комбинация операторов Чосн1+Чосн2), например абброконструктора *автомото-* в паре *автомотоклуб* – *автомобильно-мотоциклетный клуб*;

3) аббреконтрукт равен части слова (оператор – Чсл), что отмечается при аферезе, например, для конструкта **регистратор** слова *авторегистратор* в эквивалентной паре со словосочетанием *автомобильный видеореги́стратор*, где для слова *видеореги́стратор* отмечается афереза компонента *видео-*.

Итак, на основе установления типов конструктов сложносокращённых слов и их соответствия компонентам исходного словосочетания возможно построение моделей формальной эквивалентности «словосочетание – слово». Например, для пары *автомойка – мойка для автомобилей*, представляющей общую модель дешифровального стимула **у-(предл)х**, определяется модель формальной эквивалентности **Сущ1ед+предл+Сущ2мн – ЧоснСущ2мн+Сущ1ед (-предл)**.

Заключение

Анализ аббревиатурных пар аббревиатурной группы «авто» позволил определить базовые параметры методик синхронного анализа формальной эквивалентности: методики анализа дешифровального стимула, определяющей особенности структуры дешифровального стимула – стереотипа дешифровки сложносокращённого слова, и методики определения формальной разновидности эквивалентности, представляющей подробную схему соединения компонентов эквивалентного словосочетания в аббревиатуре. При конструировании моделей дешифровальных стимулов устанавливаются частеречные характеристики слов, входящих в дешифровальный стимул, и порядок их расположения в эквивалентном словосочетании. При конструировании моделей формальной эквивалентности, включающих в свой состав модель эквивалентного словосочетания и модель аббревиатуры, определяется соотношение конструктов коррелирующих единиц, их частнограмматические характеристики и способ представленности в слове и словосочетании. Указанные модели могут быть использованы как схемы прогнозирования отношений эквивалентности в других аббревиатурных группах, например *VELO*, *AVIA* и под.

Список литературы

1. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2017;6:73-97.
2. Теркулов В.И. Сложносокращённые апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур. *Русистика*. 2020;18(1):97-112. doi: 10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. Глав. ред. В.И. Ярцева. М.: Советская энциклопедия; 1990.
4. Алексеев Д.И. Сокращённые слова в русском языке. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та; 1979.
5. Сергеева Т.С. Аббревиатура в системе лексических сокращений. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота; 2013;6(24):174-179.
6. Lopez Rua P. On The Structure Of Acronyms And Neighbouring Categories: A Prototype-Based Account. *English Language And Linguistics*. 2002;1:30-61.
7. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М.: Воениздат; 1972.
8. Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Кучмистый В.А. Механизмы проверки и реверсии в образовании сложных слов английского языка. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2019;18(1):170-179. doi: 10.15688/jvolsu2.2019.1.14
9. Зеленин А.В. Дезаббревиация в русском языке. *Вопросы языкознания*. 2005;1:78-97.
10. Андропова А.В. Спорные вопросы типологии сложносокращённых слов. *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия филология*. 2003;1(3):117-123.
11. Kreidler Charles W. Creating New Words By Shortening. *Journal of English Linguistics*. 1974;1:24-36.
12. Геращенко П.В. Морфология – взгляд из синтаксиса. *Вопросы языкознания*. 2016;6:7-35.
13. Бровец А.И. Дешифровальный стимул аббревиатуры: когнитивная, диахронная и синхронная трактовки. *Русский язык в поликультурном мире*. Симферополь; 2019;1:244-251.
14. Рязанова В.А. Сопоставительный анализ гнезд эквивалентности мутантных групп «нефте» и «газо». *Наука и мир в языковом пространстве*. Макеевка: ДонНАСА; 2016:544-548.
15. Рязанова В.А. Мутантные аббревиатурно-композиционные группы в словообразовательной системе языка. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2017;6:108-116.
16. Емельянова К.Ю. Номинативное несоответствие сложносокращённых слов формально предписываемым им эквивалентам. *Новые горизонты русистики*. 2018;4:49-54.

17. Крестьянинова Е.С. Иерархия дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности: к постановке проблемы. *Новые горизонты русистики*. 2018;4:27–33.
18. Михайлова Е.Н. Модель прогнозирования релятивных дешифровальных стимулов. *Новые горизонты русистики*. 2018;6:74–80.
19. Нагель О.В. Функциональная специфика производных имён синкретичной зоны русского словообразования. *Вестник Томского университета*. 2016;6:50–67. doi: 10.17223/19986645/44/4.
20. Смирнова И.Р. О составном аббреконтрукте. *Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология*. 2019;2:62–70.
21. Газизова Р.Ф. Сложные слова и исходные словосочетания с глагольными компонентами в русском и сербохорватском языках. Саратов: Изд-во Саратовского университета; 1989.
22. Теркулов В.И. Типология формальных эквивалентностных аббревиатурных трактовок сложносокращённого слова. *Сталинградская звезда*. 2018;3:82–91.

References

1. Terkulov VI. Compound abbreviated words: synchronous and diachronous aspects of the description. *Bulletin of Moscow University. The Philology*. 2017;6:73–97. (In Russ.).
2. Terkulov VI. Complicated appellatives as an autonomous variety of abbreviations. *Russian Studies*. 2020;18(1):97–112. (In Russ.). doi: 10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112.
3. Linguistic encyclopedia dictionary. Ed. Yartseva VI. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija Publ.; 1990. (In Russ.).
4. Alekseev DI. Abbreviated words in Russian. Saratov: Saratov University Publ.; 1979. (In Russ.).
5. Sergeeva TS. Abbreviation in the system of lexical abbreviations. *Philological sciences. Issues of theory and practice*. Tambov: Gramota Publ.; 2013;6(24):174–179. (In Russ.).
6. Lopez Rua P. On The Structure of Acronyms And Neighbouring Categories: A Prototype-Based Account. *English Language And Linguistics*. 2002;1:30–61.
7. Borisov VV. Abbreviation and acronym. Military and scientific and technical reductions in foreign languages. Moscow: Voenizdat Publ.; 1972. (In Russ.).
8. Chekulay IV., Prokhorova ON., Kuchmistyy VA. The Mechanisms of Proversion and Reversion in Producing the Compounds of the English Language. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2019;18(1):170–179. (In Russ.). doi: 10.15688/jvolsu2.2019.1.14.
9. Zelenin AV. Disabbreviation in the Russian language. *Topics In The Study Of Language*. 2005;1:78–97. (In Russ.).
10. Andronova AV. Controversial Issues of Typology of Complicated Words. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. Philology Series*. 2003;1(3):117–123. (In Russ.).
11. Kreidler Charles W. Creating New Words By Shortening. *Journal of English Linguistics*. 1974;1:24–36.
12. Grashchenkov PV. Morphology – A View From Syntax. *In The Study of Language*. 2016;6:7–35. (In Russ.).
13. Brovets AI. The decryption stimulus of the abbreviation: cognitive, diachronous and synchronous interpretations. *Russian in a Multicultural World*. 2009;1:244–251. (In Russ.).
14. Ryazanova VA. A comparative analysis of the equivalence nests of the mutant groups “nefte” and “gazo”. *Science and the World in the Language Space*. Makeevka: DonNASA Publ.; 2006:544–548. (In Russ.).
15. Ryazanova VA. Mutant abbreviation-composite groups in the word-formation system of the language. *Bulletin of Moscow University. The Philology*. 2017;6:108–116. (In Russ.).
16. Emelyanova KYu. Nominateme discrepancy of compound abbreviated words with formally prescribed equivalents. *New Horizons of Russian Studies*. 2018;4:49–54. (In Russ.).
17. Krestyaninova ES. Hierarchy of decryption incentives in the equivalence nest: to the problem statement. *New Horizons of Russian Studies*. 2018;4:27–33. (In Russ.).
18. Mikhailova EN. The forecasting model of relational decryption stimulus. *New Horizons of Russian Studies*. 2018;6:74–80. (In Russ.).
19. Nagel OV. Functional specificity of Russian nominal derivatives referring to a syncretic zone of the Russian language word-building system. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2016;6:50–67. (In Russ.). doi: 10.17223/19986645/44/4.
20. Smirnova IR. About complex abbroconstruct. *Bulletin of Donetsk National University. Philology and psychology*. 2019;2:62–70. (In Russ.).

21. Gazizova RF. Compound words and source phrases with verb components in Russian and Serbo-Croatian languages. Saratov: Publishing House of the Saratov University; 1989. (In Russ.).
22. Terkulov VI. A typology of formal equivalence abbreviations of a compound word. *Stalingrad Carnation*. 2018;3:82-91. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Аламайрех Екатерина Юрьевна, аспирант кафедры русского языка, Донецкий национальный университет, кафедра русского языка.

E-mail: amayreh@mail.ru

Адрес: 283001, ул. Университетская, 24, г. Донецк, ДНР, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Bionote:

Yekaterina Yu. Alamayrekh, postgraduate of Russian Language Department, Donetsk National University, Russian Language Department.

E-mail: amayreh@mail.ru

Address: 283001, Donetsk, DPR, 24 Universitetskaya str., Donetsk National University

Оригинальная статья

УДК 81:159.955+37.025.7

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-103-112

**Особенности интерпретации идиом
на этапе наглядно-образного мышления в процессе когнитивной
деятельности субъекта (на материале произведения Л. Кэрролла
«Приключения Алисы в Стране Чудес»)**

Л.В. Калашникова

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

(Российская Федерация, г. Орел)

ORCID ID: 0000-0002-4809-5446;

Scopus Author ID: 57195526645;

e-mail: lkalashnikova@inbox.ru

Получена: 30.04.2020 /Принята: 21.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: Статья посвящена выявлению особенностей интерпретации идиом на этапе наглядно-образного мышления. Способность субъекта к восприятию внешнего сходства предметов делает невидимыми их скрытые особенности. В процессе когнитивной деятельности субъект учится воспринимать и интерпретировать окружающую действительность как совокупность предметов, ситуаций с целью самоидентификации. Общеизвестно, что одной из самых сложных форм метафорического мышления является способность субъекта к интерпретации переносного значения. По мере целенаправленного развития воображения приобретаемая способность к метафорическому мышлению влияет на понимание многих аспектов языка, в том числе корректную интерпретацию идиом. Целостное значение фразеологизмов, идиом вызывает серьезные затруднения в процессе усвоения языка ребенком. По причине ограниченного запаса фоновых знаний и соответствующих когнитивных структур ребенок пытается интерпретировать каждый компонент отдельно, теряя образность, но одновременно придавая идиоме или фразеологизму индивидуальное и необычное значение. Маленькие исследователи, руководствуясь предметным мышлением, воспринимают идиомы как предложения, где свободно сочетаются слова. Интерпретация идиом зависит от ряда внутренних и внешних факторов, а также наличия фоновых знаний об окружающей действительности и правилах успешного речевого взаимодействия. Разнообразные языковые средства отражают динамику детской речи в процессе формирования способности субъекта к интерпретации переносного значения. При взаимодействии с окружающей действительностью осознание собственного «Я» субъектом неизбежно порождает у него противоречия первичности познания реальности и новой информации. Объединение старой и новой информации ведет к созданию проблемной ситуации и ее осознанию. Не всегда новые факты укладываются в рамки известных понятий и алгоритмов поведения. Попытки разрешения проблемных ситуаций с помощью поиска и создания новых способов и методов решения, образов, значений, выявляющих новые свойства окружающего мира, свидетельствуют об активности субъекта в процессе познавательной деятельности.

Ключевые слова: метафорическое мышление, когнитивная деятельность, познание, идиомы, наглядно-образное мышление, субъект, фоновые знания, проблемная ситуация, восприятие, понимание.

Для цитирования: Калашникова Л.В. Особенности интерпретации идиом на этапе наглядно-образного мышления в процессе когнитивной деятельности субъекта (на материале произведения Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес»). *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 103–112.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-103-112

**Special Features of Idioms Interpretation
at the Stage of Eye-Mindedness in the Cognition Process of a Subject
(as exemplified in L. Carroll «Alice's Adventures in Wonderland»).**

Larisa V. Kalashnikova

*Orel State University named after I.S. Turgenev,
(Russian Federation, Orel)*

ORCID ID: 0000-0002-4809-5446;

Scopus Author ID: 57195526645;

e-mail: lkalashnikova@inbox.ru

Received: 30.04.2020 /Accepted: 21.05.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The article deals with the investigation of the specific features of idiom interpretation at the eye-mindedness stage. The ability of a subject to perceive the external resemblance of objects makes their hidden features invisible. In the cognitive process the subject learns to perceive and to interpret the outside world as the complex of objects, situations as a whole for self-identity and developing the capability to identify himself regarding this reality. It is a matter of common observation that one of the most complex forms of metaphorical thinking is the subject ability to interpret a figurative meaning. In the course of the imagination intentional development the acquired ability to think metaphorically influences the comprehension of many aspects of language, including the correct interpretation of idioms. Integrated meaning of phraseological units and idioms causes serious problems in the process of the child language acquisition. Due to limited background knowledge and corresponding cognitive structures, the child tries to interpret each component separately, losing the figurativeness, but at the same time giving the idiom or phraseological unit an individual and unusual sense. Young researchers, relying on objective thinking, perceive idioms as sentences where words are freely combined. The study revealed that the idioms interpretation depends on a number of internal and external factors, as well as the background knowledge about the reality and the rules of successful speech interaction. Various language means reflect the children's speech dynamics within the process of formation of the subject's ability to interpret a figurative meaning. When interacting with the surrounding reality, the subject's awareness of his personal "Ego" inevitably generates contradictions of the reality cognition priority and new information. Integration of the old and new information results in creation of a problem situation and its comprehension. Scarcely ever new facts fit the framework of known concepts and behavior algorithms. Efforts to resolve the problem situations by search and creation of the new ways and solution methods, images and senses discovering the outworld new features, show the subject's cognitive activity.

Keywords: metaphorical thinking, cognitive activity, cognition, idioms, eye-mindedness, subject, background knowledge, problem situation, perception, comprehension.

For citation: Kalashnikova L.V. Special Features of Idioms Interpretation at the Stage of Eye-Mindedness in the Cognition Process of a Subject. (as exemplified in L. Carroll «Alice's Adventures in Wonderland»). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020, no 2, pp. 103–112 (In Russ.).

Введение

Исследователи, благодаря Дж. Лакоффу и М. Джонсону [1], едины в понимании метафоры как явления, объединившего мир материальный и сознание [2].

В некоторых работах мы отмечали [3], что связующим звеном между словами и миром служат ментальные модели, которые инкорпорируют предыдущий опыт, идеи, стратегии, способы понимания. Познавая мир, человек использует их с разными целями: для умозаключений и предсказания хода событий; для того, чтобы принимать решения и следить за их исполнением, понимания явлений и объясне-

ния причины и следствия. Ментальные модели направляют его действия, придают смысл жизненному опыту. Они могут представлять разные типы ситуаций – действительные, возможные и воображаемые. Язык использует их для создания репрезентаций, аналогичных тем, что хранят опыт и знания, полученные в процессе познания [3].

Цель статьи:

Целью статьи является исследование языковой картины мира субъекта, направленное на выявление особенностей интерпретации идиом на этапе наглядно-образного мышления в процессе его когнитивной деятельности.

Обзор литературы

Проблема восприятия и понимания идиом – одна из интереснейших проблем современной отечественной (в частности, труды Добровольского Д.О., Караулова Ю.Н. [4], Кабаковой С.В. [5], Ковшовой М.Л. [6], Телии В.Н. [7] и др.) и зарубежной психолингвистики (Cowie A.P., Fernando C., Flavell R. Mackin R., McCarthy M., Palmer F.R. и др.).

Процесс познания и взаимодействия с окружающим миром сопряжен с многочисленными трансформациями, через которые проходит маленький исследователь. Действительность и проблемная ситуация оказывают влияние на знание, которое постоянно изменяется, поэтому необходимо приложить максимум усилий, чтобы направить потоки знания в нужное русло [8]. Активное усвоение ребенком языка тесно связано с гармоничным развитием всех познавательных процессов.

По мнению Гопник Э. [9] маленьким детям трудно фиксировать внимание на каком-то одном предмете или одной вещи. Сознание устроено так, что ребенок сразу воспринимает огромный объем информации о мире из самых разных источников. Обучаемость и пластичность мозга детей обусловлены отсутствием межфреймовых связей, которые обладают большой эвристической силой. Способность к метафорическому мышлению помогает ребенку познавать мир, осваивать информацию, способствует сращиванию отдельных областей знаний о действительности друг с другом, концептуализации системы индивидуальных представлений в картине мира и в конечном итоге к формированию новых фрагментов действительности в сознании. Будучи очень впечатлительными, дети еще не умеют наблюдать. Как показывают наблюдения, дети концентрируются на одной яркой детали предмета, при этом совершенно игнорируя его менее заметные особенности. Они легко, не задумываясь, создают метафоры на основе интуитивного чувства схожести, через построение нового фрейма вокруг одного признака. Прежде всего запоминается то, что так эмоционально взволновало их, впечатлило, вызвало искренний интерес, даже при наличии образности памяти. Возникшая однажды эмоция или чувство может стать импульсом для активной деятельности воображения.

Мышление очень конкретно и носит образный характер. Дети легко улавливают внешнее сходство предметов, но пока еще не умеют видеть их скрытые особенности. В процессе когнитивной деятельности субъект учится воспринимать и интерпретировать окружающую действительность как совокупность предметов, ситуаций для самоидентификации и формирования способности идентифицировать себя относительно этой действительности. Для маленького субъекта это очень сложная задача, справиться с которой ему под силу только с помощью восприятия.

Гопник Э. [9] высказала блестящую мысль: нельзя недооценивать детей в их развитии, это просто другая стадия, как например, гусеница – бабочка. Чтобы стать прекрасной бабочкой, гусеница должна сначала превратиться в куколку, и только потом явиться миру в своем прекрасном облике бабочки, которая, порхая с цветка на цветок, исследует мир цветов вокруг себя. В этот период дети очень восприимчивы ко всему новому, сознание особенно активно собирает информацию. Взрослые, миновав эту активную стадию, накопив фоновые знания об окружающем мире, обладая богатым набором множественных стереотипических ситуаций и сценариев поведения, начинают избирательно относиться к миру вокруг них. Дети – взрослые – стадии развития человечества, которые находятся в диалектическом единстве, одно обуславливает другое, накопление количества ведет к качественным изменениям.

Методы исследования

В качестве основных методов исследования в работе были использованы следующие: описательный метод, метод семантического анализа, концептуальный, концептуально-репрезентативный анализ и анализ содержания словарных дефиниций.

Для выявления признаков и характерных особенностей интерпретации идиом и постановки цели исследования был применен описательный метод. В ходе семантического анализа исследованы иди-

оматические выражения, способы представления знаний субъекта и их соответствие общепринятым знаниям об окружающей действительности. Анализ содержания дефиниций словаря «Oxford Learner's Dictionary», как составная часть концептуального и концептуально-репрезентативного анализа, проводился с целью сопоставления знаний, имеющихся у субъекта, и общеизвестных знаний. Метод концептуального анализа был эффективен при выявлении структур знания, стоящих за репрезентирующими их языковыми средствами в исследуемом фрагменте художественного произведения, принципов их организации и представления.

Результаты и дискуссии

Субъекту, обладающему наглядно-образным мышлением и небогатым когнитивным опытом, очень трудно справиться с обрушивающимся на него бесконечным потоком информации. В такие моменты субъект нуждается в особой поддержке, совете взрослых и дополнительной информации, которые помогают ему преодолевать трудности на пути приобретения знаний.

С маленькой героиней произведения «Alice's Adventures in Wonderland» (Carroll Lewis) Алисой постоянно происходят неожиданные и невероятные чудеса-трансформации: то она становится крошечной, то вырастает так, что достает головой до небес. Алиса учится самостоятельно делать умозаключения, принимать правильные решения в критических ситуациях, адекватно реагировать на смену внутренних и внешних условий. Рядом с ней нет взрослых, чей совет был бы для нее весьма полезным!

Не случайно Л. Кэрролл, проявив себя как тонкий детский психолог, приводит свою маленькую героиню за советом к умудренной жизненным опытом гусенице (Chapter V. «Advice from a Caterpillar»). Образ гусеницы метафоричен и несет глубокий смысл. Символ многоэтапной трансформации гусеницы, олицетворяющей субъектно-объектное (двумерное) сознание, в «куколку» (символ перехода) и бабочку, символизирующую трехмерное сознание, открытое познанию, — отражение большого потенциала и трудностей, которые нужно преодолеть на пути к успеху. Трансформация внутренняя и внешняя — метод поиска решения жизненно важных проблем, возможность включить, вызвать к жизни скрытые ресурсы. Внутренние изменения, происходящие с субъектом познания, под воздействием его прошлого опыта, направленного на реальность, влекут изменения обстоятельств, в которых он оказывается [10].

При встрече гусеница задает простой вопрос «Who are *you*?», на который Алиса не в состоянии ответить потому, что, постоянно сталкиваясь с необычным и загадочным, становясь то больше, то меньше, она не может идентифицировать себя относительно занимаемого пространства. Алиса определенно знала, кем она была утром (то есть на начальном этапе познания, что неудивительно: утро всегда ассоциируется с началом), но на момент встречи с гусеницей едва ли в этом была уверена, ведь с ней произошло так много изменений. Грамматическая конструкция *must have + Past Participle* в страдательном залоге показывает, что Алисе трудно осознать происшедшие с ней изменения. В русском языке выражение «должно быть» обозначает не только ранее совершенное действие, но и состояние неуверенности.

Просьба гусеницы «*Explain yourself*» — устойчивое сочетание «*объяснитесь*» (*to say what you mean in a clear way*). Алиса ответила «*I can't explain myself*» — свободное сочетание (не могу объяснить, что я собой представляю) и «*you see*» (*used when you are explaining something*), согласно Оксфордскому словарю «Oxford Learner's Dictionary» — идиомы — уникальный лингвистический феномен. Идиомы — общий тип фигуры речи, основанный на общих лингвистических определениях, идиома — комбинация слов, которая содержит значение, которое не может быть понято, основанное на буквальном определении отдельных слов. Идиомы характеризуются своей концентрированностью и сложностью понимания.

Кэрролл Л. очень тонко и умело воспользовался игрой слов, с одной стороны, ярко и живо выписывая своих персонажей, а с другой — обыгрывая индивидуальные особенности понимания идиом. Алиса, как и все дети ее возраста, воспроизводя идиоматическую единицу, опирается не на значение идиомы, а на текущую коммуникативную ситуацию, то есть контекст (языковое использование), обладающий физическими и коммуникативными параметрами (время, пространство, имена, знаки и символы). Изменение любого из этих параметров приводит к измененной среде интерпретации [11]. Буквально понимая вопрос и опираясь на свой сенсорный опыт и эмоции, Алиса сформировала фразу по предложенной модели и, рассуждая логически, заменила «*yourself*» на «*myself*»: если она непривычного размера, значит это вообще другая девочка. Считаем, что очень удачен перевод Демуровой Н.М. [12] «*быть в своем*» и «*чужом уме*».

Буквальное или образное понимание идиомы зависит от того, какой отдел головного мозга активирован во время понимания образного языка. Согласно предположениям нейролингвистов, менее зна-

комые для субъекта выражения обрабатываются в правом полушарии, знакомые – преимущественно в левом полушарии [11].

Исследователи детского словотворчества (Арушанова А.Г., Выготский Л.С., Гвоздев А.Н., Крутий Е.Л., Ушакова Т.Н., Цейтлин С.Н. Чуковский К.И., Шахнарович А.М., Щерба Л.В. и др.) едины в утверждении, что для ребенка идиомы, фразеологические единицы, представляющие собой целостные семантические комплексы, создают серьезные проблемы при овладении системой языка. По А.А. Залевской [13: 196-200], извлечение каждого отдельного компонента обеспечивает буквальное его понимание. Цейтлин С.Н. [14: 61] придерживается идеи, что буквальное понимание идиомы или фразеологизма происходит потому, что дети воспринимают их как обыкновенные свободные слова, оформленные в предложение.

Исследование семантической стороны детской речи позволяет проследить процесс овладения речью с учетом изменений взаимосвязей слова и значения. По мере развития вербального значения укрепляется взаимосвязь языка и мышления, формируется способность к обобщению знаний об окружающем мире [15: 130; 16].

Появление в речи ребенка фразеологизма или идиомы еще не дает основание полагать, что их значение понятно ребенку. Практически всегда каждый компонент идиомы воспринимается им как отдельное слово [15: 131]. По Цейтлин С.Н. [14: 62; 17], в случае буквального понимания фразеологизмов, идиом они теряют статус лексической единицы, а их интерпретация вызывает у детей трудности.

Всякий раз, при столкновении с трудностями, в процессе эмоционального переживания удач или неудач в ходе достижения цели, происходит установление нейронных связей между структурами сенсорного опыта, подкрепляемых эмоциональным фоном. Алиса растеряна, состояние неопределенности тревожит ее: она не понимает кто она, какого размера, как ей надо поступить; ей очень трудно справиться с потоком информации – столько превращений в один день! Для гусеницы, которая превращается в куколку, а затем в прекрасную бабочку, подобные изменения – обычное явление. Для девочки (субъекта) это очень необычно, более того противоречиво и неестественно.

Л. Кэрролл, сравнивая и противопоставляя разный сенсорный опыт трансформаций гусеницы (материальный мир) и девочки (субъект): «*I'm not myself, you see...*» (Алиса) – «*I don't see*» (гусеница), «*you'll feel it a little queer*» (Алиса) – «*Not a bit*» (гусеница); создает метафору метаморфоз сознания субъекта в процессе познания. Общеизвестно, что внутренние противоречия способствуют самопознанию и адекватной самооценке субъекта.

Если для Алисы изменения – что-то странное и необычное, тогда снова возникает логичный вопрос: «кто она?». И все вернулось к началу диалога, Алиса снова оказалась в тупике. Зацикленность диалога говорит о необходимости корректировки информации о мире и установления контакта в коммуникации.

Гусеница очень хорошо знает, кто она: сначала гусеница, затем куколка, далее бабочка; поэтому все трансформации, происходящие с ней, не вызывают у нее удивления: они постоянны, стабильны и предсказуемы; а вот Алиса не может объяснить все свои превращения. Гусеница дает Алисе мудрый совет «*Keep your temper*» [18].

В данном случае Алиса корректно определила значение идиомы («*Держи себя в руках*»), интерпретировав ее с учетом сложившейся ситуации, личного опыта и состояния. Не все так просто, как кажется! В Оксфордском словаре «Oxford Learner's Dictionary» среди значений слова «*temper*» имеется устаревшее значение. Оказывается, в староанглийском «*temper*» определялось как «*a proportionate mixture of elements or qualities*» (пропорциональное сочетание элементов или качеств).

Изменение личности в процессе познания должно быть гармонично. Из-за непонимания собственных изменений Алиса ощущает дисбаланс и желание услышать «*вдруг что-нибудь стоящее*». Ничего более ценного, чем совет, данный гусеницей, быть не могло. Познавая мир, человек меняется, меняется его мышление «*I can't remember things as I used*», привычное восприятие себя относительно окружающей действительности.

Если внимательно присмотреться, диалог Алисы и гусеницы представляет собой противоречие, достигаемое за счет противопоставлений и повторов, например, противоречие между формой и содержанием: «*That is not said right...*» – «*Not quite right...*» [18].

Алисе трудно понять, какого размера она должна быть на самом деле [19]. Частота и неожиданность этих изменений ее тревожит и даже раздражает. На сколько изменяется восприятие окружающей действительности [20], каким должен быть когнитивный опыт, не знает никто, кроме самого субъекта.

Гусенице с ее субъектно-объектным сознанием трудно это понять, поэтому она интерпретирует идиомы буквально.

Из-за постоянных противоречий Алиса теряет ощущение гармонии: «*she felt that she was losing her temper*» [18]. Для уверенности ей «*хотелось хоть капельку подрасти*» (перевод Демуровой Н.М.) [12], в чем сомневается гусеница: «*'Are you content now?' said the Caterpillar*». Значение слова «*content*» в Оксфордском словаре «*Oxford Learner's Dictionary*» – «*content (with something) happy and satisfied with what you have*». Происхождение слова уходит своими корнями в прошлое. Слово «*contentus*» (довольствующийся, удовлетворённый – лат.) имеет латинское происхождение, что значит «*satisfied*» пришло в поздний среднеанглийский язык, будучи заимствованным из старофранцузского языка. Причастие прошедшего времени образовано от формы «*continere*» от «*con-* («*altogether*») + «*tenerere*» («*to hold*»). У этого слова есть современное значение «довольный, гармоничный», и снова – мысль о гармоничном развитии. Алиса не удовлетворена своим состоянием. К ощущению нестабильности добавляется чувство самокритичности. Об этом можно судить по грамматической конструкции «*I should like to be a little larger*». Сам Л. Кэрролл называл такие слова «словами-вешалками», так как они несут в себе множественные смыслы. Глагол «*should*» употреблен в форме условного наклонения: о действии говорится, как о желаемом. Получается, что выражения из одной сферы употребления переносятся в другую. Они метафоричны: став немного больше, Алиса вырастет в своем познании, при этом немаловажную роль играет интерес и желание.

Степень восприятия собственного «я» индивидуальна и также может рассматриваться как результат познания и оценки самого себя. Героиня сказки Алиса уже имеет представление о себе, своих образах в условиях различных ситуаций, через общение с другими людьми, прежде всего взрослыми, через их мнения и оценки. Более того, она может соотносить себя с другими объектами. Для усиления эффекта противопоставленности мнений Кэрролл Л. использует антитезу, употребление антонимов очень выразительно подчеркивает это, акцентируя внимание на качестве *a wretched height – a very good height* [18].

В ходе приобретения опыта и формирования межфреймовых связей растет способность субъекта к алгоритмизации поведения. В сознании формируется определенная схема поведения, подкрепляемая как положительным, так и отрицательным опытом. Как результат субъект, располагая набором стандартных когнитивных структур, при решении проблемных задач умеет быстро принимать правильное решение, которое ведет к положительному результату [3]. Способность ориентироваться в пространстве – один из факторов гармоничного развития субъекта познания. На протяжении всего произведения маленькая девочка, изменяясь в размерах, пытается понять и сориентироваться «кто она» относительно других объектов. Вновь Л. Кэрролл прибегает к антитезе: *Keep your temper – was losing her temper; taller – shorter; one side – the other side, not used to it – you'll get used to it* [18].

Проблема определения «право-лево» – это степень установления контакта со своим телом, способность восприятия пространства, а также достаточная сформированность пространственных представлений. Понятие «право»-«лево» меняется в зависимости от угла зрения, особенно, если об этом говорят другие, а не сам субъект. Особое значение имеют разные факторы: форма воспринимаемого объекта (шляпка гриба круглая!), размеры, цвет, потребности, интересы, взаимосвязь и устойчивость признаков объекта, умение вычленив взаимоотношение частей и сторон объекта, константность восприятия и многие другие [21; 22; 23]. Сами слова необходимо правильно использовать для называния объектов в среде, запомнить их положение, кроме того, нужно различать, где действительно находятся объекты – справа или слева. Алиса неплохо ориентируется в «схеме своего тела», имеет представление о разграничении понятий «право-лево» [24: 840; 25]. Опираясь на свой когнитивный опыт, она принимает логичное решение, обхватив шляпку гриба и отломив по кусочку с каждой стороны.

Чтобы выяснить, который из кусочков гриба сделает ее немного больше, а который – меньше, Алисе пришлось откусить от каждого из них. Снова она стала очень маленькой, а потом вдруг большой. Приобретенный опыт частых и внезапных изменений позволил осознать все произошедшие метаморфозы и вспомнить, что она девочка, маленькая девочка.

Алиса прислушалась к совету мудрой гусеницы «меняться равномерно». Местоимение «*sometimes*» придает эффект пропорциональности «*growing sometimes taller and sometimes shorter*», как только Алиса достигла своего привычного роста, ощущение нестабильности пропало. Именно об этом и предупредила ее гусеница.

Сознание Алисы не успевало за происходившими с ней физическими метаморфозами, поэтому они казались ей загадочными. Это можно объяснить недостатком опыта. Став прежнего роста *«my right size»*, Алиса готова к решению новых и сложных задач. Новые знания через определенный период времени становятся опытом, который далее активно используется субъектом на практике. Алиса научилась образному пониманию идиом.

Заключение

Таким образом, анализ фрагмента дискурса произведения Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес», подтвердил положение о том, что одной из самых сложных форм метафорического мышления является способность субъекта к интерпретации переносного значения: обыгрывание как фразеологически связанного, так и собственно лексического значения. По мере целенаправленного развития воображения приобретаемая способность к метафорическому мышлению влияет на понимание многих аспектов языка, в том числе корректную интерпретацию идиом.

Буквальная или образная интерпретация идиом зависит от внутренних и внешних факторов. Внутренние факторы, относящиеся к идиоме, например, ее разложимость (прозрачность), которая существенно влияет на понимание идиом у детей; частотность или известность, синтаксическая аналитичность; наличие или отсутствие контекста, а также его информативность. К внешним факторам относят возраст, общее когнитивное развитие субъекта, способность субъекта использовать контекстную информацию, разнообразные источники знаний.

Принимая во внимание тот факт, что идиомы заключают в себе социально закрепленные, типизированные представления о явлениях действительности, а также являются оценочно-экспрессивными средствами и практически идентичны слову, для правильной интерпретации идиом субъект должен обладать фоновыми знаниями правил успешного речевого взаимодействия. Сюда можно отнести выбор коммуникативных стратегий, тактик, речевых средств; предупреждение конфликтной ситуации и т.д.

В исследуемом фрагменте, который практически представляет собой диалогическую речь, следует отметить, что с помощью повторов и антитезы Льюис Кэрролл достигает эффекта игры с идиомами, иллюстрируя динамику детской речи в процессе формирования способности субъекта к интерпретации переносного значения.

В своем произведении Кэрролл Л. создает изумительную систему, моделирующую этапы, которые проходит субъект в своем когнитивном развитии. Более того, в произведении можно найти ключи-подсказки, которые позволяют глубже понять те идеи, которые Л. Кэрролл вложил в свое произведение. Ими нужно только правильно воспользоваться. Постепенно, шаг за шагом, Алиса (в том числе и читатель) подводится к пониманию каждого события, явления, которые происходят с ней и окружающим ее миром. Дискурс фрагмента художественного произведения последовательно с помощью языковых средств отражает противоречия, которые испытывает и разрешает субъект познания.

Осознание собственного «Я» субъектом и его активное взаимодействие с окружающей действительностью (материальные предметы, социальные и духовные объекты, другие индивиды и так далее) неизбежно порождают эти противоречия.

Объединение старой и новой информации о мире ведет к созданию проблемной ситуации, ее осознанию и необходимости ее решения. Не всегда новые факты укладываются в рамки известных понятий и алгоритмов поведения. Попытки разрешения проблемных ситуаций с помощью поиска и создания новых необычных способов и методов решения, образов, значений, выявляющих новые неизвестные свойства окружающего мира, свидетельствуют об активности субъекта в процессе познавательной деятельности. Подобные попытки либо разрешаются положительно, и субъект приобретает новый ценный опыт для своего дальнейшего развития, либо они заканчиваются неудачей. В таком случае субъекту необходимо интегрировать весь свой прошлый опыт (как положительный, так и отрицательный), критически, с учетом объективных и субъективных факторов, оценить сложившуюся ситуацию, принять во внимание новые условия для решения задачи, которые в дальнейшем должны привести к искомому решению.

Несомненно приобретаемые знания очень ценны для субъекта. Всякий раз, решая очередную проблемную задачу, он поднимается на качественно новую ступень познания, получая возможность дальнейших интеллектуальных изысканий.

Список литературы

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: IL., 1980:420.
2. Щур Е. Метафора во плоти: почему поэтическое мышление основано на телесном опыте. Доступно по: <https://theoryandpractice.ru/posts/10027-metaphor-alive>. Ссылка активна на 31.03.2020.
3. Калашникова Л.В. Метафорические аспекты воображения. Роль воображения в решении познавательных задач на этапе наглядно-образного мышления. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2018;3(31):177-188. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-3(31)-177-188.
4. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности. *Вопросы языкознания*. 1993;2:5-15.
5. Кабакова С.В. Образное основание идиом (психолингвокультурологические аспекты): автореф. дис... канд. пед. наук. Москва, 1999:28.
6. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика ФЕ (когнитивные аспекты): автореф. дис... канд. пед. наук. Москва, 1996:22.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: 1996:289.
8. Пономарева Е.В., Пыльненькая Е.А., Булыгина И.В., Гончарова Н.Г. Проблемная ситуация как условие развития познавательной мотивации развития дошкольника. *Вопросы дошкольной педагогики*. 2017;3:63-68. Доступно по: <https://moluch.ru/th/1/archive/63/2354/>. Ссылка активна на 18.01.2020.
9. Гопник Э. Что происходит в голове у ребенка? Доступно по: <https://ideanomics.ru/lectures/13565>. Ссылка активна на 26.02.2020.
10. Siegler R.S. *Children's thinking* (2nd ed.). Prentice-Hall, Inc. 1991. DOI: <https://psycnet.apa.org/record/1993-97800-000>.
11. Понимание идиом. Доступно по: <http://ru.knowledgr.com/19263765/>) Ссылка активна на 01.03.2020.
12. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. Пер. с англ. Н.М. Демурова. Доступно по: <http://lib.ru/CARROLL/alisa.txt>. Ссылка активна на 26.02.2020.
13. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999:382.
14. Цейтлин С.Н. Детская речь. Ребенок осваивает фразеологизмы. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. Доступно по: https://lib.herzen.spb.ru/text/tseytlin_11_10_61_66.pdf. Ссылка активна на 26.02.2020.
15. Питеркина Ю.С. Фразеологизмы в детской речи. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009;108:128-133. Доступно по: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/108/piterkina_108_128_133.pdf. Ссылка активна на 04.04.2020.
16. Бородич А.М. Методика развития речи детей: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М., 1981:255.
17. Ляховская Ю.С. Активизация словаря детей старшего дошкольного возраста: дис. ...канд. пед. наук. Москва, 1968:19.
18. Carroll L. *Alice's Adventures in Wonderland*. Доступно по: <http://www.wonderland-alice.ru/translations/english/?curPos=4>. Ссылка активна на 26.02.2020.
19. Acredolo L.P. Development of spatial orientation in infancy. *Developmental Psychology*. 1978;14(3):224-234. DOI: <https://doi.org/10.1037/0012-1649.14.3.224>.
20. McCloskey M. *Oxford psychology series: Visual reflections: A perceptual deficit and its implications*. Oxford University Press. 2009;47. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195168693.001.0001>.
21. Corballis M.C., & Beale I.L. *The psychology of left and right*. Lawrence Erlbaum. 1976. DOI: <https://psycnet.apa.org/record/1977-05127-000>.
22. Farrell W.S. Coding left and right. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1979;5(1):42-51. DOI: <https://doi.org/10.1037/0096-1523.5.1.42>.
23. Valtonen J., Dilks D.D., McCloskey M. Cognitive representation of orientation: A case study. *Cortex*. 2008;44:1171-1187. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2007.06.005>.
24. Бурачевская О.В. Особенности восприятия пространства старшими дошкольниками с недоразвитием речи. *Молодой ученый*. 2015;8:840-846. Доступно по: <https://moluch.ru/archive/88/17551/>. Ссылка активна на 26.02.2020.
25. Gregory Emma, Barbara Landau, Michael McCloskey. Representation of Object Orientation in Children: Evidence from Mirror-Image Confusions. *Visual cognition*. 2011;19,8:1035-1062. DOI: <https://doi.org/10.1080/13506285.2011.610764>.

References

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: IL., 1980:420.
2. Shchur E. Metaphor quintessential: why is poetic thinking based on bodily experience. (In Russ.). Available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/10027-metaphor-alive>. Accessed March 31, 2020.
3. Kalashnikova LV. Metaphorical aspects of imagination. Imagination role in cognitive problem solution at the stage of eye-mindedness. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2018;3(31):177-188. (In Russ.). DOI: 10.29025/2079-6021-2018-3(31)-177-188.
4. Dobrovol'skij DO., Karaulov YuN. Idiomatics in the thesaurus of a language personality. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*, 1993;2:5-15. (In Russ.).
5. Kabakova SV. Figurative base of idioms (psycholinguocultural aspects): Cand. Dis. Moscow; 1999:28. (In Russ.).
6. Kovshova ML. Cultural ethnic specific character of phraseological units (cognitive aspects): Cand. Dis. Moscow; 1996:22. (In Russ.).
7. Teliya VN. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic and cultural aspects. Moscow, 1996:289. (In Russ.).
8. Ponamareva EV., Pyl'nen'kaya EA., Bulygina IV., Goncharova NG. Problem situation as a condition of cognitive motivation development of a pre-school child. *Voprosy doshkol'noj pedagogiki*. 2017;3:63-68. (In Russ.) Available at: <https://moluch.ru/th/1/archive/63/2354/> Accessed Jan. 18, 2020).
9. Gopnik E. What is going on in the child's head? (In Russ.) Available at: <https://ideanomics.ru/lectures/13565>. Accessed Febr 26, 2020.
10. Siegler RS. *Children's thinking* (2nd ed.). Prentice-Hall, Inc. 1991. DOI: <https://psycnet.apa.org/record/1993-97800-000>.
11. Idioms understanding. (In Russ.). Available at: <http://ru.knowledgr.com/19263765/> Accessed March 01, 2020.
12. Kehrroll L. *Alice's adventures in Wonderland*. Translation from English: NM. Demurova. (In Russ.) Available at: <http://lib.ru/CARROLL/alisa.txt> Accessed Febr 26, 2020.
13. Zalevskaya AA. Introduction to psycholinguistics. Moscow, 1999:382. (In Russ.).
14. Tseytlin SN. Children's speech. The child learns phraseology. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. (In Russ.) Available at: https://lib.herzen.spb.ru/text/tseytlin_11_10_61_66.pdf Accessed Febr 26, 2020.
15. Piterkina YuS. Phraseologisms in children's speech. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 2009;108:128-133. (In Russ.) Available at: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/108/piterkina_108_128_133.pdf. Accessed Apr 04, 2020.
16. Borodich AM. *Method of children's speech development: Manual for graduate students of pedagogical institute*. Moscow Publ., 1981:255. (In Russ.).
17. Lyakhovskaya YuS. The activation of the vocabulary of the senior preschool children: Cand. Dis. Moscow; 1968:19. (In Russ.).
18. Carroll L. *Alice's Adventures in Wonderland*. Available at: <http://www.wonderland-alice.ru/translations/english/?curPos=4>. Accessed Febr 26, 2020.
19. Acredolo LP. Development of spatial orientation in infancy. *Developmental Psychology*, 1978;14(3):224-234. DOI: <https://doi.org/10.1037/0012-1649.14.3.224>.
20. McCloskey M. Oxford psychology series: Visual reflections: A perceptual deficit and its implications. Oxford University Press. 2009;47. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195168693.001.0001>.
21. Corballis MC., & Beale IL. *The psychology of left and right*. Lawrence Erlbaum. 1976. DOI: <https://psycnet.apa.org/record/1977-05127-000>.
22. Farrell WS. Coding left and right. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1979;5(1):42-51. DOI: <https://doi.org/10.1037/0096-1523.5.1.42>.
23. Valtonen J., Dilks DD., McCloskey M. Cognitive representation of orientation: A case study. *Cortex*. 2008;44:1171-1187. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2007.06.005>.
24. Burachevskaya OV. Features of space perception by older preschoolers with speech disabilities (In Russ.) Available at: <https://moluch.ru/archive/88/17551/>. Accessed Febr 26, 2020.
25. Emma Gregory, Barbara Landau, Michael McCloskey. Representation of object orientation in children: Evidence from mirror-image confusions, *Visual Cognition*. 2011;19,8:1035-1062. DOI: [10.1080/13506285.2011.610764](https://doi.org/10.1080/13506285.2011.610764).

Сведения об авторе:

Калашникова Лариса Валентиновна, профессор кафедры английского языка, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, кафедра английского языка, г. Орел, Российская Федерация.

E-mail: lkalashnikova@inbox.ru

Адрес: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева»

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4809-5446>

Bionote:

Larisa V. Kalashnikova, Doctor of Philology, Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev, English Language Department, Professor; Orel, Russian Federation.

E-mail: lkalashnikova@inbox.ru

Address: 302026, Orel, 95 Komsomolskaya str., Orel State University named after I.S. Turgenev

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4809-5446>

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-113-124

**Questioning the Usage of Generic Masculine
and Reflection of Objective Reality
with Regard to the Function of Language
(Demonstrated on the Slovak and English Examples)**

Petra Jesenská

Matej Bel University

(Slovak Republic, Banská Bystrica)

ORCID ID: 0000-0001-8655-2671;

e-mail: petra.jesenska@umb.sk

Received: 16.04.2020 /Accepted: 29.04.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The English language uses dual gender which is an umbrella term for including fe/males, e.g. student, doctor, teacher, president, minister, opponent, etc. In Slavic languages, e.g. in the Slovak language it works differently. Suffixes reflect grammatical and natural gender of lexemes referring to occupation, activity or the position of a person in the public sphere. And so the gender is recognized by means of a masculine or feminine suffix. In effort to become economical with language and to avoid misunderstandings as well, generic masculine (GM), i.e. preferring dominant masculine gender wherever possible, was introduced in the past. It used to be working for some time without doubting or questioning GM. However, this is no longer true as far as females realize that there is no real existence without their real presence in language. And so what is inherently present in English due to its typological type of language known as analytical, must be reconsidered in some Slavic languages due to their flexive nature. This was investigated by several means: approach of professional language workers for dictionary, appearances of frequencies in the Slovak National Corpus, Google and Census which took place in 2011 in Slovakia. The Census reveals the real numbers of fe/males in their public positions (i.e. occupations and jobs). The analysis and further comparison bring both relevant information and uncover discrepancies between language and reality. It turns out that reality is manipulated via language which has appropriate means to include both genders in public discourse in order to avoid gender stereotypes which are present in more or less sexist society. Remark: In the paper Slovak examples are left without specific Slovak signs in order to avoid misinterpretation by formal publishing mistakes and problems.

Keywords: gender, generic masculine, gender stereotype, Slovak and English languages.

For citation: Jesenská P. Questioning the Usage of Generic Masculine and Reflection of Objective Reality with Regard to the Function of Language (Demonstrated on the Slovak and English Examples). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no 2, pp. 113–124 (In Engl.).

Оригинальная статья

УДК 811.111

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-113-124

**К вопросу об использовании общего мужского рода и отражении
объективной реальности в отношении функционирования языка
(на материале словацкого и английского языков)**

Петра Есенска

Университет Матей Бела

(Банска Быстрица, Словацкая Республика)

ORCID ID: 0000-0001-8655-2671;

e-mail: petra.jesenska@umb.sk

Получена: 16.04.2020 /Принята: 29.04.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: В английском языке используется двойной род, который является общим термином для обозначения женщин и мужчин, например, студент, доктор, учитель, президент, министр, оппонент и т.п. В славянских языках, например, в словацком, иная картина. Суффиксы обозначают грамматический и естественный род лексем, обозначающих род занятий, деятельность или положение человека в обществе. Таким образом, род передается посредством суффиксов женского или мужского рода. С целью экономии языковых средств, а также для того, чтобы не допустить недопонимания, ранее в сферу языкового употребления был введен общий мужской род, т.е. доминирующий мужской род в большинстве случаев. В течение некоторого времени общий мужской род использовался, не вызывая каких-либо вопросов или сомнений. Однако ситуация меняется, поскольку женщины осознают, что без их реального присутствия в языке они не существуют по-настоящему. Таким образом, то, что имманентно присутствует в английском языке благодаря его аналитическому типу, должно быть переосмыслено в некоторых славянских языках благодаря их флективному типу. Данный вопрос был исследован с использованием нескольких средств: работ профессиональных лексикографов, показателей частотности в Словацком Национальном Корпусе, сервисов Google и Переписи, прошедшей в Словакии в 2011 г. Перепись показала реальную численность мужчин и женщин, занимающих определенное место в обществе (например, их род занятий и виды работ). Сравнительный анализ позволил получить соответствующую информацию и выявить несоответствия между языком и реальным положением вещей. Выяснилось, что реальность подвергается манипуляции при помощи языка, который имеет соответствующие средства для включения обоих родов в общественный дискурс во избежание гендерных стереотипов, присутствующих в более или менее дискриминационном с гендерной точки зрения обществе. Следует отметить, что в статье словацкие примеры даны без соответствующих словацких знаков во избежание каких-либо искажений и других проблем.

Ключевые слова: гендер, общий мужской род, гендерный стереотип, словацкий язык, английский язык.

Для цитирования: Jesenská P. К вопросу об использовании общего мужского рода и отражении объективной реальности в отношении функционирования языка (на материале словацкого и английского языков). *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 113–124.

Introduction

At the beginning there was motivation and logically set of questions asked. The motivation was personal, however, supported by the experience of other females. Also negative perception of this topic by laymen as well as academics resulting in utter academic ignorance in many cases. Another motivation to examine this topic closer was the attempt of some academic circles to conserve the particular status quo without any further investigation of real language practice. Denying language development (reflecting human achievements in social, political, etc. spheres) is not a scientific approach at all and brings only injustice, anger and frustration on both sides. The questions that have been asked before the own research:

- 1) Does generic masculine reflect reality?
- 2) How is it possible to find out in a relevant and reliable way?
- 3) What is the function of language (if not reflecting reality)?
- 4) Can generic masculine be questioned (doubted) or not?

The aim of the article

The aim of this paper is to find out the real situation in the context of generic masculine use, overuse, or even misuse in the Slovak language developed on the comparison to the situation in the English language

which is taught at Department of English and American Studies at Matej Bel University where future English teachers, translators and interpreters are trained. The students of the English language are the ones who are to be language professionals, and that is why they ought to be well aware of the proper language use. Moreover, they are predominantly female students who should be aware of their gender and presence in language. There are usually females who refer to themselves in language as if they were males without any logical reason.

Literature review

As for primary research sources the *Slovak National Corpus* [1], *Slovak National Census 2011* [2] and *Slovak google search tool* [3] were used. All primary and secondary sources are listed in references following the article.

The functions of language were supported by the findings of Crystal [4], Ondruš and Sabol [5]. The role of language was backed up by the study of Dolník [6] and Crystal [4]. The information on gender stereotypes were taken mostly from Jesenská [7]. Černý [8] was cited because of the attitude towards denial of feminist approach to language. Groome [9] is the author who is well aware of gender stereotypes in Catholic church mostly. Ološtiak [10] was a useful source of systemic linguistics information. There were some other articles on this and related topics [11; 12; 13; 14].

Methods of research

The combination of various research methods has been chosen to investigate the current state of affairs. The study and analysis in the context of language function were supported by structural linguists attitudes, Buhler, Jacobson, Crystal, to name a few. Moreover, it was decided that in order to answer the aforementioned questions, relevant data must be collected "from somewhere". However, it does not sound any scientific. The existing three volumes of *the Dictionary of the Current Slovak Language* were investigated (as the last one is forthcoming this or next year). The Dictionary covers modern Slovak language with accurateness and appropriateness. It is large enough in order to be relevant and authoritative and even reliable source. However, we have not excerpted its data for language users, but the bibliographical information was taken into consideration (explained below in the Research part). *The Slovak National Corpus* (SNC) includes millions of words used in real texts (Slovak, English, German, etc.) from publicistic, academic, belles lettres styles. Those discourses represent an enormous collection of reliable data which were included for the means of our investigation. The Google search is another tool that enormously helped to reveal the current state. Both SNC and Google were used as sources of excerpt. The collected data were subject to the comparison with the *Census* that took place in Slovakia in 2011.

Research

The perception of language function has been changing in the course of time during the whole previous century. It logically depended on the level of knowledge at that time. It used to be extended, corrected, reformulated in dependence with the achievements of society, because these were reflected in language as well and the role of language has been changing and reinterpreting over and over again. In this context the language functions are relevant to be discussed. What is the function and/or the role of language in human society? The essential characteristics of language as a macro system (or super system, respectively) are its functionality, dynamisms, openness, and complexity. They cannot be evaluated in isolation, because they are inherent in language and as such work in mutual synergy. The category of functionality determines the existence of language in human society and its prime quality is the communicative function [10] very closely linked to dynamism and openness. However, Malinowski (anthropologist and linguist of the Polish origin) perceives the communicative function as secondary because according to him, phatic or social function of language is primary. Language is a dynamic entity only if it is open to new influences and gets into interaction with other languages as well. The interaction is then of twofold nature – the inter-lingual and extra-lingual. The inter-lingual interaction occurs between two or more languages usually when borrowing lexical units (elements, words, structures, etc.) from the source language into the target one. The extra-lingual relationships occur when there is an interaction between language and extra-linguistic reality. Every nation or ethnic group exists in a particular time and space without choosing these two entities. Language, besides communicative and aesthetic functions, fulfils also a national-identifying function (or representative according to Dolník [6]) and cultural-representative function (language as a carrier and storage of a particular culture). No need to assert that every language protects itself against non-functional borrowings from other languages in order to maintain its own natural stability and language/national/ethnic identity. Anyway, it is possible to agree with the opinion that language is a tool of communication serving to human needs. It fulfils various functions:

- a particular perception of language functions was introduced by Bühler (1934) in his organon model of language: depicting/representative function (communicative), expressive-emotional (expressive) function and appealing (conative) function;

- Jakobson (late 1930s) extends Bühler's functions, asserting that language disposes poetic (aesthetic), phatic (touching by means of words) and metalanguage functions;

- Malinowsky's understanding of language has been mentioned before with his primary/phatic (i.e. friendliness, solidarity, and co-operation) and secondary/communicative functions;

- Leech and Halliday's (1973) perceptions of language could be mentioned as well, but Slovak linguists Ondruš and Sabol (1984) [5] recognise

- a) a set of primary language functions: communicative (covering the whole Bühler's concept: representation+appeal+expressive) and cognitive;

- b) a set of secondary language functions: representative (national+cultural) and aesthetic.

David Crystal in 1997 [4] introduced his interpretation of language functions:

1. communicative function, i.e. exchange of facts and attitudes by means of language;

2. emotional function, i.e. expression of feelings through language;

3. social interaction;

4. language power and control over reality by means of language;

5. getting and storing facts by means of language;

6. cognitive function (language as a thinking tool);

7. language as expression of identity.

While expression of identity by means of language is classified according to the types of identity into:

- a) physical (individual) identity – expressed in relation between speaker's language and their age, gender, health, etc.;

- b) psychological identity – expresses relation between a speaker's language and their personality and other psychical/psychological factors;

- c) geographical identity – conditioned in local/regional background (e. g. various accents);

- d) ethnic and national identity – expressed in relation to other language communities, and nationalism, and

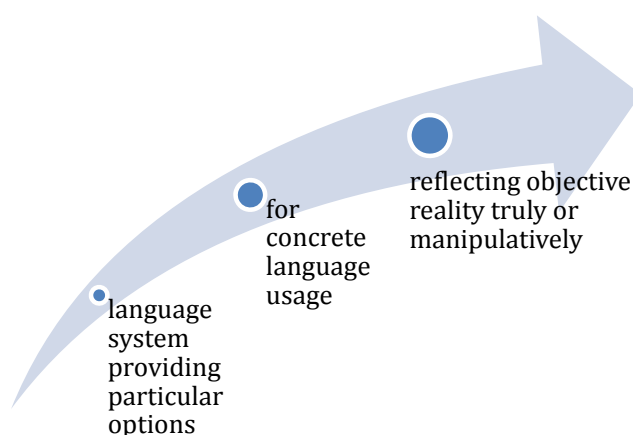
- e) social identity (social structure, status, roles, social solidarity and distinctive features).

All Crystal's functions somehow touch the investigated topic. In the context of our paper, the connection between language and power supported by control in society is obvious. This also occurs by means of language mechanism known as gender stereotype.

Gender stereotype

Language stereotype in general is very important in human communication. It is a mechanism very often applied to make communication possible, helping, and easier, i.e. more effective, e.g. at doctor's, making an order in a restaurant, writing emails, structured communication at various kinds of institutions. Stereotype makes communication economical and effective in public spaces (see the Picture 1 below). Stereotype disregarding gender needs of language users is known as gender stereotype preferring one gender only (usually masculine).

Picture 1 Language mechanism based on stereotype

Generic masculine

Slovak and Czech masculine gender is said to be superior to feminine and neutral genders, especially in the case of plural nouns and adjectives referring to generic expressions: *ucitel (teacher)*, *minister (minister)* and so on. In some cases these restrictions are rooted in language itself, e.g.: *rodic/parent (rodicia/parents)* – *rodicka (birth mother)* bears specific meaning. In cases such as *sirota (orphan)*, *osoba (person)*, etc. Gender is feminine for systemic reasons, i.e. because of grammar rules. Similarly *dievca (girl)* is neutral gender due to grammatical reasons (the same is in German *das Mädchen*), though *chlapec (boy)* maintains masculine gender, and the same is true in German (*der Junge*). Obviously, gender is not “just” grammatical category, but has to express something more, something that goes far beyond the language borders. Consider: English dual gender enables to cover both counterparts by the expression *parent*. Similarly in cases *orphan* or *person*. It can be used to refer to *chlapec (boy)* and *dievca (girl)* or *he (boy)* / *she (girl)*.

Neutral English dual gender includes both genders (as it was mentioned above) in cases such as *student* and *studentka*, in English *student*, Slovak *študenti a študentky*, i.e. *students*. Slovak needs two expressions in singular and plural (*študent/študentka*; *študenti/študentky*), where English makes with one word only (*student* in singular and *students* plural). It works the same in the following cases (at least formally): *teacher*, *citizen*, *soldier*, *manager*, *doctor*, *nurse*¹, *shop assistant*, *minister*, *MP*, *president*, *secretary*, *lawyer*, *judge*, *director*, *speaker*, *leader*, *farmer*, *miner*, *rescuer*, *politician*, *chancellor (vice-chancellor)*, *dean (vice-dean)*, *profesor*, *scientist*, *PhD student*, *docent*, *British/American/German/Slovak* etc.

But:

fireman (excluding females) / *fireperson* – including both genders, esp. as volunteers,

Cleaning lady – usually done by females,

Englishman and Englishwoman / *English person*,

Priest / *woman priest (priestess)*,

Actor / *actress*,

Dustman (UK formal: *refuse collector*),

Headmaster/headmistress – *mistress* usually connotes with sexual availability that is why it is preferred to be avoided,

Nurse – dual gender at first sight, but in reality usually referred to as *she*, *her*, *hers*, i.e. feminine because females dominate in this job. If we want to emphasise that this occupation is done by males, it must be said clearly using a concrete masculine reference, e.g. *He worked as a nurse in a psychiatric hospital*.

Černý [8] perceives language activities to avoid generic masculine as “aggressive and motivated by feminist perception of language” [8: 82]. He further says that using *they*, *their*, *them* in English as a generic reference is not natural and healthy for the English language. Let us stop here and investigate how natural and “neutral he” (acc. to him) really is. It is not possible to find out when generic masculine appeared in the Slovak language, but the year of introduction into the English language is well known. And his (resp. her) author is known as well. It was the British grammarian John Kirkby in his publication *Eighty Eight Grammatical Rules* from 1746 who introduced numbered rules of language usage, and the rule no 21 reads “the male gender is more comprehensive than the female and because its superiority as the norm of humanity should be reflected in English language” [9: 9]. Highly likely it was a plagiarism of girl-school supervisor Ann Fisher, whose popular and prescriptive *English grammar* came out in 1745 (this first edition did not maintain into our days). Since 1750 other 12 editions named *A Practical New Grammar* were published. English preferred pronouns *they*, *their* and *them* even in the 18th century (instead of generic masculine introduced and used ever since) in a way it is common and highly recommended in modern (or post-modern) English nowadays [7]. For instance, in 1759 Lord Chesterfield wrote: “If a person is born of a gloomy temper... *they* [italics by PJ] cannot help it” [15]. It turns out that it had taken some time for the new rule to be applied in language usage. At last, language users got used to it and expressed by eliminating female presence in language to minimum. It is in the 18th century when for the very first time expression *Mr. and Mrs. John Smith* [9] appears.

And so today English returns to the pronoun *they*, which used to be quite common, normal, standard, neutral and natural in language including both genders at that time. Is it important to investigate the circumstances of generic masculine appearance in (English or any other) language? What is it good for? Does it have a sense? In 1850, i.e. over 100 years after normative and prescriptive language handbooks were introduced in the En-

¹ E.g. *He worked as a nurse in a psychiatric hospital*.

English language, British parliament passed the law that “he legally stands for she” [9: 9]. One could say that it is all right due to the “well-known fact that neutral he” includes both genders. But in legal practice it worked like this: the same norm was enforced in English-speaking countries. A male was preferred, but not only in language, but in the eyes of law as well. Groome [9] mentions an example from 1879 (i.e. 19 years after passing the British law) in Massachusetts, when application to the *Massachusetts Medical Society* was turned down to all females arguing that only males are accepted, and it is only exclusively male, because *he* refers exclusively to *males*, and not to females. Groome appropriately notices that grammarians, law makers, doctors etc. at that time were exclusively males, and that is why those occupations were not accessible for females. It can be argued that “man-made or formulated language system” is no reason to be concerned about. It is only language, isn’t it? But we can see how a grammatical rule can have a strong political and legal impact on the whole group of citizens (English-speaking females in this case), disabling to get legitimate membership reasoning as a “wrong gender” [9].

The Rule of thumb, known as *No Rule so good as Rule of Thumb* meant a husband’s right to beat his wife with a stick no thicker than his thumb. This unwritten act (law) used to be legally applied even in the 20th century. Analogically, with Slovak proverb: *beating a wife is the same as ploughing your field*. Control over physically weaker gender was reasoned and supported in various languages and cultures (e.g. by non-existence of laws to protect females).

The satirical Picture 2 depicts the judge Sir Francis Buller (1746 – 1800), who supported the rule of thumb in a court case in 1782. The author of satire is James Gillray (1782), who introduced his nickname “Judge Thumb” under which the judge was known ever since.

Picture 2 JudgeThumb

Rowlandson’s Caricature Magazine, Vol. II, 1782, author: James Gillray
(Source: <https://www.phrases.org.uk/meanings/rule-of-thumb.html>)

It was a brief historical digression into a chain of circumstances having a strong impact on law and lives of millions of (not only) English-speaking females.

What is the approach towards modern Slovak language among language professionals nowadays? The answer can be found in prescriptive, and that is why influential dictionary published by a respected institution.

The situation in authoritative Slovak dictionary was checked. The three volumes of *Slovník súčasného slovenského jazyka* (SSSJ) / *Dictionary of Current Slovak Language* were investigated from the viewpoint of their compilers’ approach toward this topic. SSSJ is published by SAV (Slovak Academy of Sciences) which is the Slovak largest scientific and highly-esteemed workplace with the *Institute for the Slovak Language* which is in charge of the Slovak language research resulted in (besides other research activities) publishing dictionaries.

Frequencies of expressions *males/females* were examined in the Slovak National Corpus as well as in the Google search tool. Typical fe/male occupations were investigated as well. And all these pieces of information were subject to analysis and comparison with reality presented in Census 2011 (see Results and Discussion part below).

Results and Discussion

The results of SSSJ lexicographical compilers' approach reveal a changing tendency towards the generic masculine usage by compilers themselves. Their approach has been chosen intentionally because they are language professionals and so they are aware of how language is used properly. The volumes have been published gradually, Volume I A – G in 2006, Volume II H – L in 2011, and Volume III in 2015. Development of society in this context is obvious as far as discussions and debates on this topic have constantly been occurring since the late 1990s. That is why the years of appearance (publishing) of individual volumes are relevant for our research results. These are the pieces of information about the compilers (number of fe/males in working teams) and the way they referred to themselves that have been found inside the SSSJ volumes. The approach of compilers and then reality is depicted (notice the change of approach with the change of publication year):

SSSJ Volume I a – g (2006):

- hlavná redakcia = main editorship (2 females)
- autori (masculine gender used) = authors (name list of 12 females)
- editori (masculine gender used) = editors (2 females)

Comment: main editorship is an elegant way of avoiding personal reference, though it is quite impersonal in a way. Slovak lexeme *autori* and English *authors* are not identical in the context of gender, because while English *authors* include both genders, Slovak *autori* formally does not. And so semantically, after this information, the list of male names is expected.

SSSJ Volume II h – l (2011):

- vedecké redaktorky (feminine gender used) = main editors (2 females)
- autorky (feminine gender used) = authors (17 females)
- editorky (feminine gender used) = editors (3 females)

Comment: No impersonal editorship anymore. Instead feminine gender is used and compilers refer about themselves this way in the case of authors and editors. And so we can see that Slovak language truly reflects reality of utterly female working teams and thus making females visible and making their work visible as well. English translation, however, does not correspond, because of dual gender usage compared to Slovak feminine.

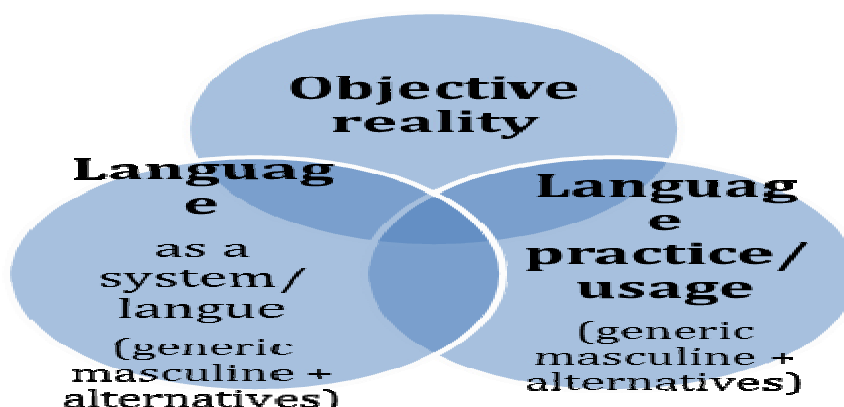
SSSJ Volume III m – n (2015):

- hlavná redaktorka (feminine) = main editor (1 female)
- autorský kolektív = the team of authors (5 females)
- editácia = editing (7 females).

Comment: all working teams in this volume are female. However, in the Slovak language it is not always reflected. Only main editor is referred to as a female, but authors and editors in Slovak are referred to by impersonal lexemes. This approach can be explained as a search for the most appropriate solution to inform readers about compilers' teams.

There are opinions denying the approach of avoiding generic masculine where possible. For instance, Černý [8] or Fronek [8] are Czech lexicographers and linguists who are in favour of generic masculine as much as possible in the Czech language (and in general as well) arguing that “feminist explanation of language” [8: 82] leads to “post-modern censorship” (as he calls it) and further on leads to the “rape of language” (ibid). Černý supports his argument by citing Fronek [8] who perceives the attempts to change language for the sake of good, equity, and justice as absurd. The Picture 3 below shows overlapping parts of gender reality with language system (as understood by Saussure) and its usage. They are not identical (i.e. only some parts overlap), and they cannot be.

Picture 3 Reality reflected in the language system (langue) and in real language practice (langage)

(Designed by PJ)

Frequencies of expressions *males/females* were searched for in the Slovak National Corpus (SNC) and in the Google search tool in order to be compared to reality found in Census 2011 (see Table 1).

Table 1 Reality compared to the frequencies of male (muz) and female (zena) in SNC and in Google

Male / Female Frequency and usage	Reality in SR found in Census 2011	Frequency in SNC	Frequency in google	Comparison: Real female dominance is reflected in SNC and Google. Females outnumber by 141. 492.
muz (male)	2, 627. 772	559. 962	37, 100. 000	
zena (female)	2, 769.264	653. 233	69, 900. 000	

Expl. SR – Slovak Republic, SNC – Slovak National Corpus, female dominance

The Census 2011 revealed that females slightly outnumber males (see the Table 1) and this fact is reflected in language as well, which was investigated and proved by frequencies in the Slovak National Corpus as well as in Slovak Google search tool. Slovak language is a flexive language and that is why this has to be taken into consideration in our research, i.e. all morphemic paradigms (plural number incl.) had to be searched for.

The expressions referring to the Slovak nationality (*Slovak* fe/male), citizenship (i.e. *s/he citizen*) were investigated to and this was different from the previous findings presented in the Table 1.

Table 2 Generic masculine overuse in Slovak cases: Slovak and citizen

Numeric ratio	Slovak (m)	Slovenka (f)	obcan (m)	obcianka (f)
SNC/google	218. 200 / 1, 890. 000	23. 585 / 1, 690. 000	278. 539 / 3, 560. 000	2. 344 / 32. 500
Reality	2, 023 256	2, 164. 215	2, 627. 772	2, 769. 264

M – masculine

F – feminine

As one can see in the table 2 above reality clashes the language used referring to nationality and citizenship. This can be understood and explained as a result of generic masculine application in order to make discourse economical, readable, and effective.

However, we demanded relevant numbers to find out the real *status quo*. That is why occupations viewed as typically female or male were investigated as well (see the Tables 3 and 4 below). And further on all these pieces of information were subject to analysis and comparison with reality presented in Census 2011 (see the Table 6 below).

Table 3 Typical female occupations reflected in the SNC and Google

Occupation Male/Female (English translation)	Males in SNC/in Google	Females in SNC/in Google
ucitel / učitelka (teacher)	134. 763 / 1, 600. 000	39. 795 / 1, 710. 000
zdravotný brat / zdravotná sestra (nurse)	57/ 321. 000	2. 667 / 604.000
upratovač / upratovačka (cleaning person)	448 / 19. 300	4. 471 / 160.000
sekretár / sekretárka (secretary)	20. 393 / 118. 000	8. 264 / 845. 000
predavač / predavačka (shop asistent)	9. 403 / 1, 060.000	9. 161 / 174.000
steward / stewardka (flight attendant)	960 / 36, 700. 000	228 / 10. 800
kuchár / kuchárka (cook)	16. 220 / 1, 600. 000	7. 072 / 576. 000

There are several facts obvious from the table 3 above. Typical female occupations are numerically represented in the SNC and Google quite surprisingly because females outnumber males in frequencies only in occupations, such as *teacher* (but only in Google – consequence of the same Czech film named *Učitelka* released at that time which influenced our research), *nurse*, and *cleaning person*. Males prevail even in such references to occupations as *flight attendant*, *cook*, and *teacher* (in SNC texts).

Table 4 Typical male occupations reflected in the SNC and Google

Occupation Male/Female (English translation)	Males in SNC/in Google	Females in SNC/in Google
premier / premierka (prime minister)	185. 068 / 6, 020.000	17.122 / 968.000
prezident / prezidentka (president)	385.336 / 28, 800.000	7. 607 / 293. 000
řidič / řidička (supervisor, manager)	2.035 / 68.500	6 / 7. 910
ředitel / ředitelka (director)	314.265 / 3, 060.000	68.004 / 997.000
manažer / manažerka (manager)	99.112 / 2,480. 000	12. 402 / 346.000
menežer / menežerka (manager)	57 / 2, 480. 000	15 / 1. 140
líder / líderka (leader)	109.129/ 178, 000.000	4.108 / 139. 000
leader / leaderka (leader)	1.134 / 49, 900.000	0 / 40. 900
spíker / spíkerka (speaker)	371 / 7, 820.000	25 / 3. 240
speaker / speakerka (speaker)	235 / 23, 500.000	3 / 20.900
farmař / farmařka (farmer)	13.505 / 615.000	186/ 118.000
hasič / hasička (fireperson)	49.439 / 1,100.000	686 / 124. 000
poziární / poziární (fireperson)	6. 821 / 112.000	34 / 550
baník / baníčka (miner)	30.752 / 2, 700.000	38 / 80. 500
voják / voják (soldier)	131. 807 / 1, 660. 000	719/ 79.000
farář / farářka (priest)	37. 266 / 730. 000	1.318 / 27.300
kněz / kněžka (priest)	119. 891 / 700. 000	1. 318 / 27. 300
kněz / kněžka (priest)	119. 891 / 700. 000	494/ 43.600
rabín / rabínka (rabbi)	7.506 / 1, 810. 000	229 / 3.260

But when we look at typical male occupations (see the Table 4), we can see that males prevail in SNC and Google in all occupations. Even the offer of “typical male occupations” is much broader compared to female possibilities. This was the reason why we tried something else. We investigated the situation in terms of neutral or indifferent occupations. Those were the occupations not considered by society typical either male or female (see the Table 5 below).

Table 5 Gender indifferent occupations in the SNC and google.sk

Occupation m/f (translation)	Males in SNC / in Google	Females in SNC / in Google
lekar / lekarka (doctor)	200 .002 / 3, 700. 000	13. 151 / 1, 460. 000
doktor / doktorka (doctor)	62. 651 / 108, 000. 000	10 .049/ 4 130. 000
pravnik / právnicka (lawyer)	41 463 / 1, 400 .000	3.847 / 911. 000
sudca / sudkyna (judge)	88. 307 / 551. 000	8.494 / 114 .000
minister / ministerka (minister)	335. 383 / 479, 000. 000	28.866 / 277. 000
poslanec / poslankyna (MP)	340 .784 / 3, 130.000	19.062 / 231. 000
politik / politicka (politician)	136. 413 / 217, 000.000	2.740 / 5, 330 .000

m – masculine, f – feminine, MP – Member of Parliament

As one can see males prevail again in all occupations regardless whether in the SNC or Google.

All previous data have been taken from the SNC and Google, but how can we compare to the reality? Counting of citizens and asking them questions about their gender and occupation (besides other information) revealed relevant data (see the Table 6 below) which could be subject to the analysis and comparison with our previous findings.

Table 6 Real numbers of fe/males in their occupations as found out during the Census 2011

Gender: m/f (English translation)	Real numbers acc. to The Census 2011	Numerically higher ratio of...
ucitelia (teachers) m	32. 277	More females about 55.139
ucitelky (teachers) f	87. 416	
vojaci (soldiers) m	10. 545	More males about 8. 693
vojacky (soldiers) f	1. 852	
riadiaci pracovníci (managers) m	80.183	More males about 31.682
riadiace pracovníčky (managers) f	48.501	
pracovníci v zdravotnictví (employees in healthcare) m	35.100	More females about 86.814
pracovnice v zdravotnictví (employees in healthcare) f	121.914	
lawmakers, high state workers, etc. – males	8.211	More males about 4.833
lawmakers, high state workers, etc. – females	3.378	
predavaci (shop assistants) m	55.179	More females about 64.691
predavacky (shop assistants) f	119.870	
upratovaci (cleaning persons) m	7.865	More females about 31.036
upratovacky a pomocníčky (cleaning persons) f	38.901	

m – masculine, f – feminine

Table 6 reveals that there are more female teachers, workers in health care (doctors, nurses), more shop assistants and cleaning ladies, but this reality is often not reflected in our language (see the tables 3, 4, 5) for various reasons, be it language economy (saving time, space, etc.) or gender stereotype. The consequences are enormous, not only on individuals, but on the one whole gender, and thus having a strong impact on the whole society. When looking at the tables 3 – 5 it is obvious that power and control over society is in the male hands. Thus, it is a male who sets norms (male norms usually), makes decisions (e.g. about abortions influencing female bodies – not males') and forms the whole society in accordance with his male experience and the image of the world and the way it should be treated.

Conclusion

In the case of Slovak authoritative dictionary *SSSJ Volumes I, II, and III* the shift from impersonal and masculine reference through the feminine reference to impersonal solution are observable in the context of discussed topic. The list of female compilers would be expected, however, one can see, this was the case in one volume only (Volume II from 2011). It turns out that lexicographers are very flexible in this. It is the evidence of language development as well as development in approaches towards the state language.

Research on the SNC and Google fe/male references compared to the census 2011 revealed that function of language is not to reflect reality, but to manipulate it and having control over society this way.

References

1. Slovak National Corpus (SNC). Available at: <https://bonito.korpus.sk/index.html>. Accessed April 20, 2020.
2. Census 2011. Available at: <https://census2011.statistics.sk/>. Accessed April 25, 2020.
3. Google. Available at: www.google.sk. Accessed April 20, 2020.
4. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge: CUP, 1997.
5. Ondruš Š., Sabol J. *Úvod do štúdia jazykov*. Bratislava: SPN, 1984.
6. Dolník J. *Jazyk a hodnotenie*. Banská Bystrica: UMB Filologická fakulta, 2009.
7. Jesenská P. *Prezentovanie rodových rol a stereotypov vo vybraných učebniciach anglického jazyka*. Banská Bystrica: FHV UMB v Banskej Bystrici, 2009.
8. Černý M. *HOMO LOQUENS. Vybrané kapitoly z lingvistické atopologie*. Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, 2009.
9. Groome TH. *Language for a "Catholic" Church. A Program of Study*. Revised and updated. Kansas City: Sheed & Ward, 1995.
10. Ološtiak M. Jazykový systém a cudzie antroponymá v slovenčine (na materiáli anglických antroponým). *Jazykovedný časopis*. 2001;52(2):81-99.
11. Vepreva IT., Pazio-Wlazlowska D. On the manifestation of modern men's hegemonic masculinity in marriage announcement texts (on the material of Polish and Russian). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2019;62:54-68. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/62/4.
12. Petrukhina EV., Dedova OV. The Internet as a source of linguistic information (for studying the dynamics of Russian word formation). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2019;57:137-159. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/8.
13. Simonova MV. Micromachism in the modern Spanish language and culture. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020;17(1):89-101. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.106>.
14. Balakina JV., Tovkes MYu. Linguistic means of constructing the image of a female-politician (on the example of the microblog twitter). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019;16(3):381-399. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.304>.
15. Nyland A. 1850 Act of Parliament Re: (B-Greek) Two in Bed. Available at: <http://lists.ibiblio.org/piper-mail/b-greek/2006-July/039333.html>. Accessed April 20, 2020.

Список литературы

1. Slovak National Corpus (SNC). Available at: <https://bonito.korpus.sk/index.html>. Accessed April 20, 2020.
2. Census 2011. Available at: <https://census2011.statistics.sk/>. Accessed April 25, 2020.
3. Google. Available at: www.google.sk. Accessed April 20, 2020.
4. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge: CUP, 1997.
5. Ondruš Š., Sabol J. *Úvod do štúdia jazykov*. Bratislava: SPN, 1984.
6. Dolník J. *Jazyk a hodnotenie*. Banská Bystrica: UMB Filologická fakulta, 2009.
7. Jesenská P. *Prezentovanie rodových rol a stereotypov vo vybraných učebniciach anglického jazyka*. Banská Bystrica: FHV UMB v Banskej Bystrici, 2009.
8. Černý M. *HOMO LOQUENS. Vybrané kapitoly z lingvistické atopologie*. Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, 2009.
9. Groome T.H. *Language for a "Catholic" Church. A Program of Study*. Revised and updated. Kansas City: Sheed & Ward, 1995.

10. Ološtiak M. Jazykový systém a cudzie antroponymá v slovenčine (na materiáli anglických antroponým). *Jazykovedný časopis*. 2001;52(2):81-99.
11. Вепрева И.Т., Пазио-Влазловская Д. О проявлении гегемонной маскулинности современных мужчин в тексте брачного объявления (на материале польского и русского языков). *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019;62:54-68. DOI: 10.17223/19986645/62/4.
12. Петрухина Е.В., Дедова О.В. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования). *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019;57:137-159. DOI: 10.17223/19986645/57/8.
13. Симонова М.В. Микромачизм в современном испанском языке и культуре. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020;17(1):89-101. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.106>.
14. Балакина Ю.В., Товкес М.Ю. Лингвистические средства конструирования образа женщины-политика (на материале микроблога Твиттер). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019;16(3):381-399. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.304>.
15. Nyland A. 1850 Act of Parliament Re: (B-Greek) Two in Bed. Available at: <http://lists.ibiblio.org/pipermail/b-greek/2006-July/039333.html>. Accessed April 20, 2020.

Bionote:

Petra Jesenská, PhD, Doctor of Pedagogy, Associate professor, Matej Bel University, Faculty of Arts, Department of English and American Studies; Banská Bystrica, Slovak Republic.

E-mail: petra.jesenska@umb.sk

Address: 97401, Banská Bystrica, 40 Tajovského str., Matej Bel University

Сведения об авторе:

Петра Есенска, PhD, доктор педагогических наук, доцент, Университет Матея Бела, Гуманитарный факультет, кафедра англистики и американистики; Банска Быстрица, Словацкая Республика.

E-mail: petra.jesenska@umb.sk

Адрес: 97401, Банска Быстрица, Тайовского 40, Университет Матея Бела

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

TEXT LINGUISTICS STUDIES

Оригинальная статья

УДК 81

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-125-132

Топос иронии в рецептивно-интерпретативном пространстве художественного текста постмодерна

Анна В. Кузнецова

*Южный федеральный университет
(Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону)*

ORCID ID: 0000-0002-3001-3377;

Researcher ID: B-3050-2017;

Scopus Author ID: 56511410600;

e-mail: avkuznetsova@sfedu.ru

Получена: 23.04.2020 /Принята: 21.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: В статье рассматривается основной смысло- и текстообразующий механизм организации художественного текста – тоpos иронии с позиций установления его роли в рецепции и интерпретации постмодернистского мировоззрения, воплощенного в таком тексте. Поскольку реальность не мыслится постмодерном вне языка (текста), постольку возрастает необходимость рецептивной компетенции и оперирования информацией, определенной конкретной сферой коммуникации и обладающей точностью. Реципиент фокусируется только на необходимой ему части информационного потока, поэтому текст является основой методологии мировосприятия. Культурные коды и культурные компетенции приобретают свойства регулятивных механизмов, способных осуществлять отбор воспринимаемых фактов. Актуальность статьи состоит в установлении тех коррелятивных связей и факторов, которые определяют рецепцию и интерпретацию художественного текста постмодерна. К таким факторам относим тоpos иронии, корректное декодирование которой обуславливается пресуппозициями, свойственными представителю определенного социо- и лингвокультурного коллектива. Всем художественным текстам постмодерна свойственен игровой характер, что, в свою очередь, определяет теперь фундамент художественного творчества вообще, а не только тех текстов, которые ставят комическое или лишь сатиру в составе комического в центр художественного мира, определяя ими эстетические задачи. Целью статьи является определение онтологического статуса тоposa иронии в рецептивно-интерпретативном пространстве художественного текста постмодерна. Тоpos иронии в художественном тексте постмодерна – тексто- и стилеобразующий принцип эстетической практики конкретного автора, целью которого является вовлечение в диалог реципиента, сотворчество в рецептивно-интерпретативной деятельности, «развертывание» самого художественного текста в координатах иронического и игрового сцена-

рия. Поскольку ирония является своего рода интеллектуальной провокацией, позволяющей автору выявить «своего» читателя, возникает также необходимость рассматривать тоpos иронии применительно к специфике того или иного социо- и лингвокультурного коллектива.

Ключевые слова: художественный текст, тоpos, ирония, пастиш, рецептивно-интерпретативное пространство, пресуппозиция, постмодерн.

Для цитирования: Кузнецова Анна В. Топос иронии в рецептивно-интерпретативном пространстве художественного текста постмодерна. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 125–132.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-125-132

Topos of irony in the receptive-interpretative space of the postmodern literary text

Anna V. Kuznetsova

Southern Federal University

(Russian Federation, Rostov-on-Don)

ORCID ID: 0000-0002-3001-3377;

Researcher ID: B-3050-2017;

Scopus Author ID: 56511410600;

e-mail: avkuznetsova@sfedu.ru

Received: 23.04.2020 /Accepted: 21.05.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The article is devoted to the main semantic and text-forming mechanism for organizing a literary text - the topos of irony from the standpoint of establishing its role in the reception and interpretation of the postmodern worldview embodied in such a text. Since reality is not conceived of postmodernly outside of the language (text), the need for receptive competence and the handling of information defined by a specific area of communication and possessing accuracy increases. The recipient focuses only on the necessary part of the information flow, so the text is the basis of the methodology of world perception. Cultural codes and cultural competencies acquire the properties of regulatory mechanisms capable of selecting perceived facts. The relevance of the article consists in establishing those correlative relationships and factors that determine the reception and interpretation of the postmodern literary text. These factors include topos of irony, the correct decoding of which is due to presuppositions characteristic of the representative of a particular socio-linguistic and cultural collective. All postmodern literary texts are characterized by a playful character, which, in turn, now determines the foundation of artistic creativity in general, and not just those texts that put comic or only satire as part of the comic in the center of the art world, determining their aesthetic tasks. The purpose of the article is to determine the ontological status of the topos of irony in the receptive-interpretative space of the postmodern literary text. The topos of irony in the postmodern literary text is the textual and style-forming principle of the aesthetic practice of a particular author, the purpose of which is to engage the recipient in the dialogue, co-creation in receptive and interpretive activities, “unrolling” the literary text itself in the coordinates of the ironic and game scenario. Since irony is a kind of intellectual provocation that allows the author to identify “his” reader, there is also the need to consider the topos of irony in relation to the specifics of a socio-linguistic and cultural collective.

Keywords: literary text, topos, irony, pastish, receptive-interpretative space, presupposition, postmodern.

For citation: Kuznetsova Anna V. Topos of irony in the receptive-interpretative space of the postmodern literary text. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no 2, pp. 125–132 (In Russ.).

Введение

Специфика рецепции и интерпретации художественного текста представляет собой одну из актуальных проблем филологии и эстетики, что обуславливает появление новых концепций в этой сфере. Формирование и трансляция культуры, её воспроизводство в следующих поколениях происходит посредством языка, который, как и культура в целом, как искусство и литература, представляет собой семиотическую систему. Корректная рецепция художественного текста обусловлена не только языковыми и графическими единицами и средствами, но и «коммуникативным фоном», на котором осуществляется как само текстообразование, так и его декодирование. Именно поэтому важное значение в процессе художественной рецепции приобретают пресуппозиции (фоновые знания), обеспечивающие глубину смыслов текста, не будучи выражены в нем вербально; адекватная реализация когнитивного потенциала художественной семантики поддерживается компонентами «предварительного знания» в индивидуальном и общенациональном языковом сознании. Как знания реалий и культуры, которыми обладают обе стороны творческого процесса – продуцент и реципиент художественного текста – пресуппозиции детерминируют координаты рецептивно-интерпретативного пространства, в котором текст реализует основные функции: информативную, коммуникативную, функцию консервации и сохранения культуры. Такой «широкий культурный контекст» необходим для репрезентации вербализованного и фонового знания, запечатленного в художественном тексте. Вербализация не всегда осуществляет целостное манифестирование когнитивных компонентов, в норме художественный текст демонстрирует конкретное в каждом случае соотношение вербального и невербального представления информации. Определенная историческая эпоха определяет тот культурный код, определяющий специфику восприятия реальности и концепцию мира в целом.

Последние десятилетия одной из актуальных проблем гуманитарной научной парадигмы является проблема постмодернизма, что обуславливает потребность в уяснении его специфики и роли в формировании современной культуры. Кроме того, важно установить те коррелятивные связи и факторы, которые детерминируют рецепцию и интерпретацию художественного текста постмодерна, в частности, топоса иронии как основного текстообразующего фактора в эпоху постмодерна. Особое значение приобретает корректное декодирование иронии на основании тех пресуппозиций, которые свойственны представителю определенного социо- и лингвокультурного коллектива.

Цель статьи состоит в определении онтологического статуса топоса иронии в рецептивно-интерпретативном пространстве художественного текста постмодерна.

Обзор литературы

Для социокультурного процесса XX – XXI вв. оппозиция бытия и сознания фактически теряет смысл, что обуславливает формулирование постулата о первичности текста, выдвигая на первый план определение границ текста и реальности. Сформулированная постструктурализмом концепция «смерти автора» [1; 2] приводит в конечном счете к осмыслению мира как текста и текста как реальности.

Художественная рецепция – процесс творческий, в который закономерно включен жизненный, эстетический и эмоциональный опыт личности, а особенности рецепции художественного текста связаны с определенным «горизонтом ожидания», возрастными особенностями читателя, его духовным и художественным опытом.

Одним из перспективных направлений изучения механизмов рецепции и интерпретации художественного текста является выявление его приоритетных топосов. Отметим в этой связи, что классическая идея о топосе как одной из составляющих хронотопа (т.е. «место», пространство, понятое буквально) развита наукой о литературе, однако в ее терминосистеме есть для этого значения более удачный термин – локус: «некоторые точки пространства, которые культура народа, отражающая это сознание, – регулярно или в определенный момент времени – фиксирует как значимые реалии бытия. Такие локусы наделяются в культуре символическим значением: их номинации связывают мир денотатов с миром психической реальности, в последнем денотаты таких имен обрастают набором ассоциаций, характерных для коллективного сознания, сами же номинации в языковом сознании наделяются соответствующими коннотациями» [3].

Представляется, что наиболее точным и потенциально эвристическим является понимание топоса как структурно-смысловой модели построения высказывания, что позволяет уточнить когнитивно-коммуникативный статус этого феномена: «Топос – коммуникативный инструмент, <...> путь, которым может идти рассуждение и, следовательно, путь развертывания, амплифицирования текста» [4]. Следо-

вательно, топос трактуется как текстообразующий фактор, а в рамках методологии рецепции и интерпретации художественного текста понятие топоса получает перспективное развитие.

Исходным тезисом в толковании смысла термина *постмодернизм* следует считать его понимание в качестве мировоззрения, выражающего основные тенденции, векторы развития и ориентиры социума на определенной ступени развития. Постмодернизм представляет собой совокупность различных подходов и концепций в различных научных парадигмах, которые, тем не менее, обладают некоторыми общими чертами. Постмодернистское мировоззрение основывается на тезисе о невозможности описания мира как целого и, следовательно, о несостоятельности таких теорий, которые заявляют об истинном знании о мире. Не являясь по своей природе направлением или течением в рамках форм общественного сознания, постмодернизм отражает в целом мировоззрение эпохи постмодерна.

Базисом постмодерна становятся новейшие электронные технологии, и новейшие технические средства массовой коммуникации, сформировавшие собственное информационное пространство [5]. Существование в этом культурном пространстве различных позиций, ракурсов рассмотрения проблем обусловило возникновение производных характеристик постмодерна: фрагментарность, децентрация, изменчивость, контекстуальность, неопределенность, ирония, симуляция [6; 7; 8]. Множественность мнений и интерпретаций в сфере постмодерна позволяет квалифицировать создаваемое им информационное пространство как поликультурное [9; 10].

Методы исследования: дедуктивно-индуктивный метод, интерпретативный метод, метод логико-лингвистической и филологической интерпретации.

Результаты и дискуссии

Взаимоотношения автора и текста, представленные многообразием жанров, изобразительно-выразительных средств и других важных компонентов художественного текста, обуславливают возникновение новых направлений в сфере его изучения, а гуманитарная парадигма XX – XXI вв. в целом характеризуется существенным интересом к когнитивному и прагматическому потенциалу текста. Реальность не мыслится вне языка (текста): необходимость рецептивной компетенции и оперирования точной и определенной конкретной сферой информацией в этой связи очевидна. Ввиду фиксирования рецептивной способности индивидуума только на необходимой ему части информационного потока, именно текст становится основой методологии мировосприятия, а культурные коды и культурные компетенции выступают в качестве регулятивных механизмов, осуществляющих отбор воспринимаемых фактов.

Эстетика и теория литературы изучают теперь не только реципиента, потенциально присутствующего в художественном тексте прямо или косвенно, но и социальный опыт рецепции. Отправной точкой в данном случае является тезис о различиях в рецептивных установках реальных читателей и социостратных групп в целом, к которым они принадлежат. Изучение художественной рецепции определяет значимый для современного культурного пространства онтологический статус функциональной категории массового читателя. Как коллективный реципиент, массовый читатель в процессе литературно-художественной коммуникации, как непосредственной, так и дистантной по отношению к продуценту художественного текста как в пространстве, так и в историческом времени, демонстрирует эстетические компетенции, в том числе в сфере выбора тех или иных художественных текстов как предпочтений круга чтения. Безусловно, художественные интересы массового читателя всегда выходят за рамки так называемой тривиальной литературы, зачастую ориентирами являются качественная, эстетически значимая беллетристика и высокая классика. Колебания литературных репутаций, изменение статуса автора или произведения зачастую зависят от изменений общественных настроений, вкусов читающей публики, значимое влияние имеют те или иные философские течения, а также новые явления культуры и искусства.

Как сфера лингвокогнитивной деятельности, художественная рецепция вписывается в парадигму утвердившихся в эстетике элитарной и антиэлитарной концепциями, постулирующими сопоставимость природы искусства и литературы с конкретным социальным стратом и, соответственно, предполагаемым адресатом художественного сообщения. Абсолютизация диспропорции между тем, что задано в художественном тексте, и тем, что может быть хотя бы приблизительно воспринято и понято широкой аудиторией, приводит к односторонности обоих направлений в понимании процесса восприятия, поскольку эта диспропорция мыслится как универсальная константа, принципиально не устранимая. Диалогическая природа литературы и искусства диктует их постоянную потребность в художественной рецепции, возможно более адекватном понимании, поливариантной интерпретации, что обуславливает лабильность границ между элитарностью и антиэлитарностью.

Рецептивно-интерпретативное пространство художественного текста неизмеримо усложняется в эпоху постмодерна, а изучение поликультурного пространства этого периода приобретает научную доказательность при учете постулатов «диалога культур» М.М. Бахтина, который посредством анализа проблемы Другого приходит к значимому для филологической научной парадигмы выводу: автор должен «утвердить чужое «я» не как объект, а как другой субъект» [11, с. 12]; диалог обретает в этой связи характеристики фундаментальной экзистенциальной и онтологической категории. Диалог, по М.М. Бахтину, – «живое», подлинное «событие бытия», он характеризуется незавершенностью, т.к. «когда диалог кончается, всё кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться» [11, с. 153]. Личность – двусторонняя сущность, представляющая собой единство индивидуального и всеобщего. Следовательно, только диалог мнений формулирует понимание мира и осознание себя в нем.

Многоуровневая структура поликультурного информационного пространства постмодерна является результатом действия социальных коммуникаций, при этом выделяются ментальная, информационная, институциональная подструктуры, каждая из которых коррелирует с определенным типом подпространства. Кроме того, поликультурное пространство постмодерна ограничено также социальными параметрами ввиду влияния на него результатов генезиса и функционирования культуры, что позволяет оценивать в исследовательской перспективе трансформационные процессы, происходящие в обществе.

В противоположность архаическому мифу, который не знает противопоставления реальности тексту, литература XX – XXI вв. обыгрывает отношения энтропии между ними на различных уровнях. Таким образом, оппозиция «текст – реальность» сменяется иерархией текстов в тексте [12], что может быть квалифицировано как гиперриторическое построение, ориентированное на «основной текст», некий инвариант, задающий направление развития интертекстуальности, некоего «перехода» в другие тексты, выполняет задачу описания одной реальности или создания другой реальности, т.е. другого текста. Бесконечное множество реальностей, репрезентированных текстами, создает семантическое пространство постмодернистских текстов как некую «первородную материю», на ней строится гипертекст – постмодернистская вселенная. Всё современное искусство и литература стремится к осознанию границы между текстом и реальностью, причем акценты в данной антиномии зависят от философских и культурных установок личности. Коммуникативная стратегия таких текстов обеспечивается различными операциями, убеждающих читателя в существовании множественных миров, «стирающих» границы между вымыслом и реальностью. В этой связи языковая игра и ирония становятся приоритетными в организации художественного текста, обуславливая специфику его рецептивно-интерпретативного пространства.

Вводя понятие языковой игры, Л. Витгенштейн называет её формой жизни [13], т.к. вся жизнь человека в культурном пространстве – совокупность языковых игр, что обусловлено постоянным развитием процесса семиотизации и мифологизации реальности. Возросший интерес к феномену языковой игры [14; 15; 16] не случаен. Так, для научной парадигмы современной лингвистики актуален вопрос о продуцировании дискурса как соотношении стандарта, нормы, языкового стереотипа и таких возможностей аномалий, которые заданы системой языка, однако возникают только в конкретной речевой реализации, если продуцент дискурса сознательно избирает позицию «человека играющего», в терминологии Й. Хейзинги [17].

Языковая игра воплощается в рамках иронической парадигмы, и, следовательно, мы имеем здесь дело именно с актуализацией топоса иронии. Изучение топоса иронии как системного фактора, организующего текст, неотделимо от выявления импликационала художественного текста, с одной стороны, и возможности адекватного декодирования иронии, с другой. Смена художественных стилей и направлений всегда порождает увеличение пародий, что приводит к намеренному снижению образа предыдущей культурной эпохи. Комическое подражание создает основу для формулирования новых творческих принципов. Однако уже в рамках эпохи романтизма сущностно необходимым становится не только пародирование сложившейся литературной традиции, но и ироническое осмысление бытия как такового. Бытие предстает как некий артефакт, не вполне соответствующий идеалу, не во всем удовлетворяющий требованиям к шедевр. В мировой культуре ирония постепенно осознается не только как форма редуцированного смеха, но и как принцип мышления и творчества, универсальный по своему характеру. Именно поэтому уже так называемая романтическая ирония стремится отменить различные нормативные ограничения и каноны, выступая как выражение сущности бытия, как онтологическая категория. Именно ирония позволяет человеку обрести утраченную универсальность, путем снятия условных разграничений критического и поэтического, древнего и современного возвращая её бытию.

Ироническое постмодернистское мирозерцание ставит в центр художественной практики пастиш (от итал. *pasticcio* – стилизованная опера-попурри, опера, составленная из отрывков других опер, смесь), который осознан современной культурой не только как литературный жанр, но и как фило-софское понятие, метод соотнесения между собой текстов, жанров и стилей. Таким образом, именно пастиш констатирует интертекстуальность современной культуры, с одной стороны, её синкретизм – с другой. Пастиш как результат эволюции пародии в условиях постмодернизма приобретает совершенно иную семантическую наполненность: пародия в традиционной литературе предполагает наличие идеала, «высокого стиля», что в современной культуре оказывается под вопросом. Именно такой топос иронии, такое ироническое «развертывание» текста свойственно художественным текстам постмодерна, и ярким примером здесь могут служить «Сто лет одиночества» Г.Г. Маркеса, «Женщина французского лейтенанта» Дж. Фаулза, «Имя розы» У. Эко, «Ада, или Эротиада» В. Набокова. Б. Акунин строит целые литературные проекты, прибегая к ироническому переосмыслению интертекстуальных включений и реализации разноуровневых прецедентных феноменов: таковы романы об Эрасте Фандорине, трилогия о Пелагии. В романе «Внеклассное чтение» не только сюжетная и мотивная структура художественного текста может быть корректно интерпретирована на основании когнитивно-семантических доминант топоса иронии. Автор намеренно отсылает своего читателя, апеллируя к его общекультурной компетентности, к заглавиям художественных текстов, составляющих русскую и европейскую классику, когда дает названия главам своего романа: первая глава названа «Рассказ неизвестного человека», что, разумеется, создает отсылку к прецедентному тексту А.П. Чехова, название второй главы «Как вам это понравится?» является реминисценцией к комедии У Шекспира, в названиях глав значимы прецедентные тексты Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», Дж. Мильтона «Потерянный рай», «Большие надежды» Ч. Диккенса, «Лекарь поневоле» Ж.-Б. Мольера, «Человек-невидимка» Г. Уэллса, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Солнечный удар» И.А. Бунина и многие другие.

Но идеал в постмодерне, несомненно, все же должен существовать, поэтому пастиш в современной культуре – квинтэссенция не пародии, а автопародии. Сочетая в одном текстовом пространстве два или более фрагмента, различные содержательно и стилистически, автор создает «квазипародийный эффект», при помощи которого каждый фрагмент «преодолевают иронически» другие, будучи преодоленными каждым из них. Именно благодаря этому пастиш создает координаты семантического пространства тотальной автопародии. Постмодерн демонстрирует размытость границ стилей, декларирует еще большую, нежели в романтизме, творческую свободу, следствием чего становится огромное количество идиостилей. Сама «норма» письма теперь невозможна, на первом плане оказывается форма идиолекта. Пародия заменяется пастишем, который принципиально отличен от нее: пастиш не имеет ни утверждающего, ни отрицающего пафоса, он отражает нейтральную практику подражания без сатирического начала. Так происходит потому, что постмодерн вовсе не уверен в наличии некоей лингвистической нормы, сосуществующей с языком аномалии.

Заключение

Рецептивно-интерпретативное пространство художественного текста с необходимостью предполагает наличие некоей эстетической установки – системы ожиданий реципиента, которые предшествуют самому процессу восприятия. Культурный топос может быть представлен как система смысловых «блоков», часть из которых является своего рода «репликами» на элементы предшествующих топосов, что обеспечит преемственность культурного процесса в целом. Топос изначально несет в себе потенциал калькирования и тиражирования, что способствует проявлению его «склонности» к пародированию. Именно игра, в том числе пародийная, определяет те параметры, которые задают вектор развития культуры в целом. Игровой канон, который свойственен всем художественным текстам постмодерна, обнаруживает метаязыковую природу игры: другими словами, игра и ирония определяют фундамент художественного творчества вообще, а не только тех текстов, которые ставят комическое или лишь сатиру в его составе в центр художественного мира, определяя ими эстетические задачи. Топос иронии в художественном тексте постмодерна – тексто- и стилеобразующий принцип эстетической практики конкретного автора. Основной целью продуцента художественного текста является вовлечение в диалог реципиента, а «развертывание» самого художественного текста в координатах иронического и игрового сценария определяет и особенности рецепции и интерпретации художественного текста постмодерна.

Список литературы

1. Барт Р. Смерть автора. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994:384-391. Доступно по: . Ссылка активна на 04.04.2020.
2. Фуко М. Что такое автор? Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М., Касталь, 1996:448. Доступно по: http://lib.ru/COPYRIGHT/fuko.txt_with-big-pictures.html. Ссылка активна на 07.04.2020.
3. Лассан Э. О локусах культуры как реализации пространственных координат сознания (Облака и обрывы русской культуры). Доступно по: <http://ling.x-artstudio.de/> Ссылка активна на 05.04.2020.
4. Хазажеров Г.Г. Топос vs. Концепт. Доступно по: www.khazagerov.com/. Ссылка активна на 05.04.2020.
5. Kuznetsova E.O., Shafazhinskaya N.E., Kamenets A.V. Change of Postmodern Paradigm in Cultural studies and Socio-cultural Practice. *Rupkatha Journal On Interdisciplinary Studies In Humanities*. 2020;12(1).
6. Adeniyi E. Paratactic Narrative Mode and Taxonomic Conundrum of a Postmodern Verse Novel: Reading from Bernardine Evaristo's *Lara*. *Critique-Studies In Contemporary Fiction*. 2020;61(2):157-170. <https://doi.org/10.1080/00111619.2019.1697639>.
7. Clare R. Metaffective fiction: structuring feeling in post-postmodern American literature. *Textual Practice*. 2019;33(2-SI):263-279. <https://doi.org/10.1080/0950236X.2018.1509269>.
8. Osmukhina O.Yu.; Gudkova S.P. Detective Genre in the West and in Russia. *Tarih Kultur Ve Sanat Arastirmalari Dergisi-Journal of History Culture And Art Research*. 2020;9(1):315-324. DOI: 10.7596/taksad.v9i1.2313.
9. Khoreva L.G. Buddhist And Ancient Mythologems In The Works Of V. Pelevin As A Reflection Of The Modern Picture of The World. *Vestnik Slavianskikh Kultur-Bulletin Of Slavic Cultures-Scientific And Informational Journal* . 2019;54:257-264.
10. Wang W.M. Postmodern Play with Worlds The Case of At Swim-Two-Birds. *Possible Worlds Theory And Contemporary Narratology: Frontiers of Narrative*. 2019:132-156.
11. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015:416.
12. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1964;1:194.
13. Витгенштейн Л. Философские исследования. *Витгенштейн Л. Философские работы*. М.: Гнозис. 1994;1:612.
14. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. Герменевтики. Пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988:704.
15. Руднев В. Прочь от реальности. Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000:432.
16. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999:544.
17. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. М.: Азбука-классика. Non fiction, 2018:440.

References

1. Bart R. Death of the author. Bart R. Selected works: Semiotics. Poetics. M., 1994:384-391. Available at: <http://www.philology.ru/literature1/barthes-94e.htm>. Accessed April 04, 2020.
2. Foucault M. What is an author? Foucault M. The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years. Transl. from French. M.: Castal, 1996:448. Available at: Accessed April 07, 2020.
3. Lassan E. On the loci of culture as the realization of the spatial coordinates of consciousness (Clouds and cliffs of Russian culture). Available at: <http://ling.x-artstudio.de/>. Accessed April 05, 2020.
4. Khazagerov GG. Topos vs. concept. Available at: www.khazagerov.com/. Accessed April 05, 2020.
5. Kuznetsova EO., Shafazhinskaya NE., Kamenets AV. Change of Postmodern Paradigm in Cultural studies and Socio-cultural Practice. *Rupkatha Journal On Interdisciplinary Studies In Humanities*. 2020;12(1).
6. Adeniyi E. Paratactic Narrative Mode and Taxonomic Conundrum of a Postmodern Verse Novel: Reading from Bernardine Evaristo's *Lara*. *Critique-Studies In Contemporary Fiction*. 2020;61(2):157-170. <https://doi.org/10.1080/00111619.2019.1697639>.
7. Clare R. Metaffective fiction: structuring feeling in post-postmodern American literature. *Textual Practice*. 2019;33(2-SI):263-279. <https://doi.org/10.1080/0950236X.2018.1509269>.

8. Osmukhina OYu.; Gudkova SP. Detective Genre in the West and in Russia. *Tarih Kultur Ve Sanat Ara-stirmalari Dergisi-Journal of History Culture And Art Research*. 2020;9(1):315-324. DOI: 10.7596/taksad.v9i1.2313.
9. Khoreva LG. Buddhist And Ancient Mythologems In The Works Of V. Pelevin As A Reflection Of The Modern Picture Of The World. *Vestnik Slavianskikh Kultur-Bulletin of Slavic Cultures-Scientific And Informational Journal*. 2019;54:257-264.
10. Wang W.M. Postmodern Play with Worlds The Case of At Swim-Two-Birds. *Possible Worlds Theory And Contemporary Narratology: Frontiers of Narrative*. 2019:132-156.
11. Bakhtin M. Problems of poetics of Dostoevsky. Moscow: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2015:416.
12. Lotman YuM. Lectures on structural poetics. *Transactions on Sign Systems*. Tartu, 1964;1:194.
13. Wittgenstein L. Philosophical research. *Wittgenstein L. Philosophical work*. Moscow: Gnosis, 1994;1:612.
14. Gadamer G-G. Truth and Method: Fundamentals of Philosophy. hermeneutics: Transl. from Germ. Total ed. and entry. art. B.N. Bessonova. Moscow: Progress, 1988:704.
15. Rudnev V. Away from reality. Research on the philosophy of the text. Moscow: Agraf, 2000:432.
16. Sannikov VZ. Russian language in the mirror of a language game. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999:554.
17. Huizinga J. Homo ludens. The playing man. Moscow: Azbuka-klassika. Non fiction, 2018:440.

Сведения об авторе:

Кузнецова Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

E-mail: avkuznetsova@sfedu.ru

Адрес: 344006, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Bionote:

Anna V. Kuznetsova, Doctor of Philology, Professor of the Department of National literature, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: avkuznetsova@sfedu.ru

Address: Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia, 344006

Оригинальная статья

УДК 81-2

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-133-146

**Некоторые лингвистические особенности английских
и русских рэп-текстов: сопоставительное исследование
на материале текстов микрожанра грайм**

А.С. Мухтарова

*Новороссийский филиал ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный
университет» (Российская Федерация, г. Новороссийск)
ORCID ID: 0000-0002-6589-029X; e-mail: nastya-sam-97@mail.ru*

О.А. Алимуратов

*ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
(Российская Федерация, г. Пятигорск)
ORCID ID: 0000-0002-8686-8374; e-mail: alimuole@mail.ru*

Получена: 17.04.2020 /Принята: 12.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: Статья посвящена сопоставительному анализу лингвистических характеристик англоязычного и русскоязычного песенного дискурса конца XX – начала XXI вв. на материале произведений в жанре рэп. Сегодня рэп является одним из наиболее популярных музыкальных жанров во всём мире. Данный музыкальный жанр динамично развивается, осмысляя различные стороны современной жизни, имеющиеся у людей проблемы, в связи с чем он обладает достаточно широкой аудиторией. Актуальность исследования определяется необходимостью углубления лингвистического понимания креолизованных текстов, лакунарностью концепции жанров поликодовых текстов, а также высокой степенью интертекстуальности исследуемых текстов. Материалом для исследования послужили англоязычные и русскоязычные тексты рэп-произведений таких исполнителей, как Skepta, Oxxxymiron. Источником текстов послужил сайт Genius. Особое внимание в работе уделяется классификации поджанров и микрожанров рэпа с выделением микрожанра грайм, который был взят в качестве ключевого для исследования. Опираясь на результаты эмпирического анализа дискурсивного материала, авторы утверждают, что в русскоязычном и англоязычном грайме можно найти ряд общих и дифференциальных черт. Среди общих черт названы использование прецедентных имен, эксплицитных цитаций, употребление метафор, антитез, повторов, игры слов, сленгизмов, обценной лексики и эдлибов. В англоязычном грайме не найдены аллюзии на мифологию, библейский текст или иные литературные произведения, которые частотно присутствуют в треках русскоязычного исполнителя. Авторы делают вывод о том, что в русскоязычном грайме различные способы реализации интертекстуальности представлены в более широком спектре, чем в англоязычном грайме.

Ключевые слова: рэп-текст, сопоставительное исследование, текст, микрожанр, грайм, музыкальный жанр, русский язык, английский язык.

Для цитирования: Мухтарова А.С., Алимуратов О.А. Некоторые лингвистические особенности английских и русских рэп-текстов: сопоставительное исследование на материале текстов микрожанра грайм. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 133–146.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-133-146

**Some linguistic peculiarities of the English
and Russian rap texts: a comparative study drawing
on the material of texts of grime microgenre**

A.S. Mukhtarova

Novorossiysk branch of Pyatigorsk State University

(Russian Federation, Novorossiysk)

ORCID ID: 0000-0002-6589-029X; e-mail: nastya-sam-97@mail.ru

O.A. Alimuradov

Pyatigorsk State University

(Russian Federation, Pyatigorsk)

ORCID ID: 0000-0002-8686-8374; e-mail: alimuole@mail.ru

Received: 17.04.2020 /Accepted: 12.05.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The article is devoted to a comparative analysis of the linguistic characteristics of the English- and Russian-language song discourse of the late XXth – early XXIst centuries drawing on the material of music works of rap genre. Today, rap is one of the most popular music genres around the world. This musical genre is developing dynamically, comprehending various aspects of modern life, people's problems, and therefore it has a fairly wide audience. The topicality of the research is determined by the need to deepen the linguistic understanding of creolized texts, the lacunarity of the concept of genres of polycode texts, as well as a high degree of intertextuality of the studied texts. The English and Russian-language texts of rap music works by such artists as Skepta, Oxxxymiron have served as the material for the research. The Genius website was the source of the texts. Special attention is paid to the classification of subgenres and microgenres of rap with the allocation of the grime microgenre, which has been taken as the key genre for the study. On the basis of the results of the empirical analysis of the discursive material, the authors claim that the Russian- and English-language grime microgenres have some common and differential features. Common features include the use of precedent names, explicit citations, the use of metaphors, antitheses, repetitions, pun, slangisms, obscene lexis, and edlibs. In the English-language grime, there are no allusions to mythology, biblical text, or other literary works that are frequently present in the tracks of the Russian-speaking artist. The authors conclude that various ways of implementing intertextuality are represented in a wider spectrum in the Russian-language grime than in the English-language grime.

Keywords: rap text, comparative study, text, microgenre, grime, music genre, Russian language, English language.

For citation: Mukhtarova A.S., Alimuradov O.A. Some linguistic peculiarities of the English and Russian rap texts: a comparative study drawing on the material of texts of grime microgenre. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020, no 2, pp. 133–146 (In Russ.).

Введение

На сегодняшний день рэп является наиболее популярным музыкальным жанром во всём мире. Количество прослушиваний альбомов измеряется миллионами, рэп-исполнители получают многочисленные награды и премии, их произведения занимают места в различных хит-парадах, а доходы – одни из самых высоких в шоу-бизнесе. Рэп как музыкальный жанр динамично развивается, осмысляя различные стороны современной жизни. За счёт этого аудитория, к которой апеллирует рэп, достаточно широка. Раньше к рэпу относились как к музыке, в которой хвастались деньгами, машинами, «прожиганием»

жизни, но такое отношение к данному музыкальному жанру можно оправдать консерватизмом. Сегодня рэп – это явление, осмысляющее современность и её проблемные аспекты.

Поскольку рэп начали читать по всему миру на родном языке, этот жанр подстроился под местные реалии и национальные особенности. Вместе с тем, несмотря на свою популярность, с лингвистической точки зрения рэп по сей день изучен довольно фрагментарно. Поскольку рэп-текст представляет собой разновидность поликодового (креолизованного) текста, **актуальность** настоящего исследования определяется необходимостью углубления лингвистического понимания креолизованных текстов, а также лакунарностью концепции жанров поликодовых текстов. Актуальность работы обусловлена и высокой степенью интертекстуальности исследуемых текстов. Их изучение в данном аспекте может внести определенный вклад в разработку общелингвистической теории интертекстуальности.

Цель статьи

В качестве основной цели настоящего исследования выступает изучение английских и русских рэп-текстов, в частности, текстов, принадлежащих к микрожанру грайм, в сопоставительном аспекте.

Обзор литературы

Сопоставительное исследование рэп-текстов, представленное в настоящей статье, начнем с краткого исторического экскурса. Считается, что рэп как музыкальный жанр зародился в 1970-х годах в афроамериканских кварталах Бронкса [см., в частности: 1]. Этот жанр трактуется как «речитативное исполнение стихов под ритмическую музыку» [2] и характеризуется *преобладанием ритмики над рифмой* и очень тесным взаимодействием текстовой и музыкальной составляющих. Вполне резонно будет предположить, что рэп как жанр возник не на пустом месте, а прошёл долгий путь, прежде чем появился в том виде, в котором мы привыкли его видеть.

Так, например, шаманы неизменно использовали (и продолжают использовать) напевы разных типов ритмической организации. Сложно сказать, когда появились первые шаманские напевы. Во Франции в начале XX века нашли наскальные изображения шамана, исполняющего ритуальный танец, датированные верхним палеолитом (40–10 тысяч лет до н.э.), а исторические документы, в которых упоминаются шаманские напевы, датируются XVI в. н.э. [3].

Немаловажен ритмический рисунок и в кричалках и речевках (военных, спортивных и других). Речевки представляют собой небольшое рифмованное сочинение, состоящее из двух, четырёх и более строк. Они могут носить различный характер: шуточный, лирический, патриотический или даже пропагандистский. Отличительной чертой речёвок выступает быстрый темп исполнения и чёткая ритмическая организация, что позволяет облегчить запоминание высказываний большими массами людей и сплотить их при выполнении общего дела (например, болельщики поддерживают любимую команду, военные – выполняют тренировочные упражнения и т.д.).

Вышеперечисленные факторы нашли отражение и в музыкальной сфере: во второй половине XX века музыкальные коллективы все больше внимания стали уделять именно ритмической составляющей своих композиций. Так, например, в 1977 году вышло знаковое произведение группы Queen “We will rock you”. Показательно, что при написании и исполнении текста авторы решили отойти от строгого соблюдения рифмы и сделать ставку на ритмику:

(1) *Buddy, you're a boy, make a big noise*
Playing in the street, gonna be a big man someday
You got mud on your face, you big disgrace
Kicking your can all over the place, singin'
We will, we will rock you
We will, we will rock you [4].

Примерно в эти же годы молодые люди из неблагополучных районов Бронкса вывели ритмическую составляющую музыкальных произведений на совершенно новый уровень, подарив миру музыкальный жанр, который изменил представление людей о том, как должна звучать песня. Именно в 1970-е годы зародился хип-хоп – новый музыкальный жанр, который впоследствии стал прародителем рэпа [подробнее см.: 5].

Всем известно, что с английского языка ЛЕ *rap* переводится как «лёгкий удар, стук, ритмично постукивать»; соответственно, любой, кто хотя бы раз сталкивался с рэп-текстом, без труда может определить, что именно *ритм* – *основная интегративная составляющая данного вида текста*. Важно, что в данном направлении конкретный ритмический рисунок ярко выражен и в музыке, и в напи-

санном тексте, и в звучании целостного произведения (это особенно очевидно в ходе так называемой «читки»).

Несмотря на то, что многие не считают ни хип-хоп, ни рэп музыкой в привычном понимании, игнорировать нотную грамоту в процессе создания рэп-композиций недопустимо. Это объясняется тем, что ритмический рисунок в треке создаётся благодаря битам, или долям. Сильная доля подчёркивается ритмическими остановками, динамическими и громкостными акцентами, которые и создают привычные для рэперов и MC минуса (запись музыкального произведения, в которой отсутствует одна или более партий, обычно вокал или солирующий инструмент; [2]), на которые хорошо «ложатся» рэп-тексты, построенные с упором как раз на ритмику. Таким образом, для того, чтобы увязать между собой текст и музыкальный трек, необходимо соблюдать единство ритмического рисунка в этих двух компонентах. Именно поэтому мы говорим о том, что ритмика представляет собой именно *интегративное* свойство рэп-композиций.

Методы и материал исследования

Многоаспектное изучение обозначенного объекта обусловило использование комплексной методики анализа эмпирического материала. Для достижения поставленных целей в качестве основных были использованы методы системного анализа, дефиниционного анализа и лингвистического сопоставления.

Материалом для исследования послужили англоязычные и русскоязычные тексты рэп-произведений следующих исполнителей: Skepta, Oxxxumiron. Источником текстов послужил сайт Genius [4]. Общее количество проанализированных треков составило 73 на русском языке и 68 на английском (более 6 п.л. текста), из них в основном тексте статьи цитируются 10 треков.

Результаты и дискуссия

Как уже упоминалось ранее, рэп, а если быть точнее, хип-хоп, зародился в одном из неблагополучных гетто Нью-Йорка – Бронксе – в 70-х годах минувшего столетия. В основном там проживали афроамериканцы. На фоне сложной структуры общества, быстрой урбанизации Бронкса и смешения культур острая необходимость самореализации и самопозиционирования всё отчётливее давала о себе знать, особенно среди молодого населения. К этой необходимости стоит также добавить проблемы, копившиеся десятилетиями: неблагоприятную в целом экономическую ситуацию, царящую в гетто (многим приходилось работать на нескольких работах), ярко выраженную дискриминацию по расовому признаку, неполные семьи и такие социальные «болезни», как подростковая преступность, доступность оружия и наркотиков – и становится ясно, что ответ общественности не заставил себя ждать [6].

Потребность «выпускать пар» привела к тому, что начались «переделы территории» и непрерывающаяся борьба между «своими» и «чужими». Регулярные перестрелки, нападения, физическое насилие стали привычными для жителей Бронкса. Но в какой-то момент ситуация изменилась: некоторые группировки нашли способ решать конфликты без использования грубой силы, и отстаивание собственных прав и свобод, протестные движения в обществе приобрели другой облик. У молодёжи появился способ продемонстрировать свой настрой и потенциал, но при этом не причинять вреда другим и не ставить под угрозу собственную жизнь и здоровье. Афроамериканцы начали переходить к решению социальных и территориальных проблем и вопросов власти посредством мирной *культурной сублимации* в жанре хип-хопа [5].

Хип-хоп, по сути, представляет собой огромный культурный пласт, который включил в себя граффити – форму стрит-арта, рисунки, выполненные на стенах; танец – хип-хоп и его разновидности (брейк-данс, локинг, поппинг и др.); стиль одежды; музыку – хип-хоп и его разновидности (от «лёгких» стилей, таких как поп-рэп, до агрессивных «синтетических» жанров – хардкор-рэп, хорроркор и др.) [см. подробнее, в частности: 7; 8].

Для самоидентификации и различения «своих» и «чужих» у каждой из семей появились свои эмблемы и цвета. Молодые люди, относящие себя к каким-либо семьям, противопоставляли себя не только друг другу, но и массовой культуре, поскольку основные противоречия возникали именно с остальной частью общества, и у большинства группировок формирующейся субкультуры было множество сходных черт. Зачастую они отстаивали права на сокращение трудового дня, повышение заработных плат, снижение стоимости арендной платы и др. и имели сходное мировоззрение (ценили равенство, различные свободы и власть). Всё это привело к тому, что хип-хоп движение стало отождествляться с требованиями перемен [5]. Несмотря на то, что физическое насилие не ушло с улиц Бронкса раз и навсегда, борьба за признание и уважение соседей приобрела более мирный и креативный характер.

И хотя хип-хоп был ещё новым и в какой-то мере революционным музыкальным жанром, он надолго закрепился как в американской культуре, так и в культуре мировой. В середине 80-х годов произведения в жанре хип-хоп и рэп начали «взбираться» на вершины хит-парадов.

Примерно в это же время хип-хоп и рэп культура приходит и в Россию. Всё началось с того, что в СССР начали нелегально ввозить хип-хоп аудио-кассеты. Они не были доступны большому кругу лиц, поэтому изначально рэп развивался как андерграундное направление. Определенный недостаток опыта российских исполнителей сказался на том, что изначально рэперы лишь пытались подражать американцам, не воспринимая этот музыкальный жанр как искусство, как культуру. В основном, его использовали для завоевания репутации на улицах, ввиду чего тематика первых рэп-произведений была достаточно ограниченной. Куплеты строились вокруг секса, заработка денег, деталей быта, бесконечного пьяного веселья и наркотиков [9].

В середине 1990-х годов творчество рэп-исполнителей стало распространяться по России благодаря выпуску кассетных альбомов, проведению первых рэп-фестивалей и коммерциализации рэпа. Так, например, стали появляться творческие объединения, или лейблы, а их лидеры выступали в роли продюсеров для молодых исполнителей. Важно отметить, что в 90-х гг. тематика российских рэп-произведений расширилась. В треках начали поднимать вопросы социального неравенства, любви, чести, дружбы, творчества и его смысла. Постепенно в рэпе начинает проявляться присущая русскому человеку тяга к философии: философские по содержанию и проблематике тексты в духе русского рока приспособились к новым музыкальным формам, то есть к рэпу, сохранив при этом русскую самобытность [10]. Так, например, А. Коробов-Латынцев справедливо считает, что «Достоевский, Толстой, русская философия, которые умерли в схоластической рутине, воскресают в русском рэпе, потому что в нём ставятся наши самые важные вопросы» [цит. по: 10].

Кроме того, на фоне усиления протестных движений в конце 90-х – начале 2000-х годов увеличивается количество произведений искусства, затрагивающих общественно-политические проблемы. Основными мотивами исполнителей указанного периода становятся недовольство текущей ситуацией, недоверие к представителям власти, критика представителей правоохранительных органов [9]. К 2010 году российская рэп-культура представляется уже вполне оформившейся, однако она по-прежнему широко заимствует образцы американской рэп-культуры, сочетая их при этом с той проблематикой, которая близка русскому человеку. Возникает большое количество рэп-коллективов, которые начинают работать над созданием и/или продвижением зарождающихся поджанров рэпа. Этот музыкальный жанр перестал быть исключительно андерграундным и во многом превратился в продукт массового потребления, коим остаётся до сегодняшних дней. Вместе с тем рэп не стал исключительно поп-музыкой, поскольку и в настоящее время появляются исполнители, творчество которых является андерграундным: они поднимают острые проблемы современного общества и таким образом продолжают традицию протестного рэпа.

Тот же путь прошёл рэп и в других европейских странах. В Германии, Великобритании, Норвегии, Исландии, Швеции и других государствах рэп зародился в 80-90-х гг. прошлого столетия. Среди поклонников нового направления значительно большим авторитетом пользовались американские рэперы, а собственных самобытных исполнителей на начальном этапе было сравнительно немного. Показательно, что рэперы во всех странах изначально равнялись на родоначальников направления и поднимали в треках неизменно актуальные темы бедности, богатства, собственного достоинства и т.д. Тем не менее в течение десятилетия на рэп-сцене появились исполнители, создававшие самобытный контент, отличавшиеся уникальным стилем и национальными особенностями [11; 12].

Далее рассмотрим жанровое многообразие рэп-произведений в английской и русской лингвокультурах. Ввиду того, что в настоящем исследовании мы рассматриваем рэп **как музыкальный и текстовый жанр**, терминологически будем обозначать более частные разновидности рэпа как *поджанры* и *микро-жанры*.

М.М. Бахтин справедливо отмечал, что, начиная с античных времён активно исследовались лишь литературные и риторические жанры, в то время как природа жанров повседневного общения оставалась за границами исследований. В качестве единицы речевого общения Бахтин рассматривает не что иное как высказывание, а потому «к речевым жанрам следует относить и короткие реплики бытового диалога, и бытовой рассказ, и письмо, и стандартную военную команду, и разнообразный мир публицистических выступлений». Следовательно, практически в каждой сфере деятельности присутствует

широкий спектр речевых жанров, который растёт «по мере развития и усложнения данной сферы», а каждому речевому жанру соответствуют определённые функциональные стили [13].

Вместе с тем Т.В. Анисимова подчеркивает, что определения М.М. Бахтина недостаточно для того, чтобы описать жанр однозначно и непротиворечиво. Жанр как речевое явление не обладает стилистическим, композиционным и тематическим единообразием. Т.В. Анисимова определяет жанр как модель речевого поведения отдельной языковой личности, ориентированную на разные параметры коммуникативной ситуации [14]. Справедливости ради отметим, что такое определение жанра также представляется достаточно спорным. Оно «уводит» исследователя от интегративных признаков определенного формата коммуникации к закономерностям речевых проявлений конкретной языковой личности, в связи с чем жанр становится атрибутом именно языковой личности, что несколько сомнительно.

В.В. Дементьев рассматривает жанр как одну из базовых единиц организации дискурса. По его мнению, жанр – это «единица такого высокого уровня, когда стираются границы между языковым и речевым», которая составляет буферное пространство между «отчужденной» от человека системой языка и её реальным использованием. Следовательно, одна из важнейших функций жанра – «служить опознанию адресатом интенции» [15]. Таким образом, в основе жанра лежат устойчивые, типичные комбинации определённых значений параметров коммуникативной ситуации [цит. по: 15].

По нашему мнению, определение жанра у В.В. Дементьева больше всего подходит для изучения жанрового многообразия рэп-произведений, так как из такого определения, по сути, напрямую вытекает крайне важный для нас тезис о том, что каждому жанру присущ определенный набор жанрообразующих признаков, которые в совокупности могут сформировать базис для отграничения одного жанра от другого. Вместе с тем нельзя не признать, что границы между жанрами достаточно размыты, поэтому общепринятой типологии речевых жанров до сих пор не существует. Однако В.В. Дементьев, наряду с другими исследователями, предпринимают попытки классифицировать жанры не только «извне», но и «изнутри», то есть показать, «как относятся друг к другу жанры внутри данной группы, какие, соответственно, здесь существуют поджанры, субжанры и т.д.» [см., в частности: 15]. При рассмотрении произведений в жанре «рэп» внутренняя классификация совершенно необходима, поскольку, как показывает анализ, данный жанр подразделяется на определенное количество поджанров и на десятки коррелирующих, но обладающих достаточно четкими отличиями микрожанров (см. Рис. 1).

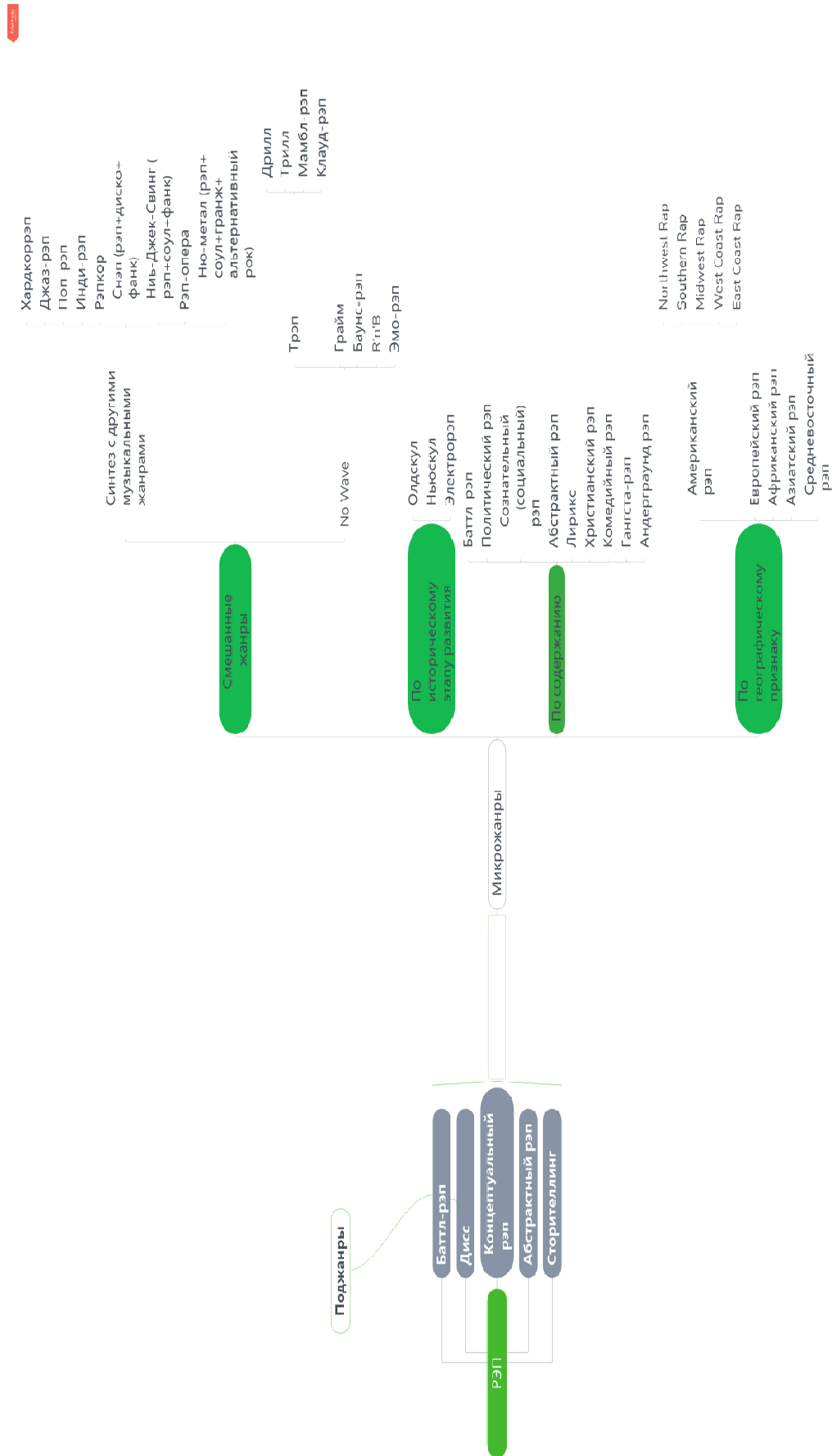

Рис. 1. Классификация поджанров и микрожанров рэпа

Анализ немногочисленных существующих на сегодняшний день чисто лингвистических, а также лингвокультурологических исследований рэпа свидетельствует о том, что строгой и общепринятой классификации поджанров и микрожанров данного музыкального направления не существует. Тем не менее, мы полагаем, что в рэп-дискурсе существуют определенные поджанровые формации, которые можно сепарировать от других по достаточно явным признакам: по школам рэпа, по степени интеграции рэпа с другими музыкальными направлениями, по музыкальной и тематической составляющей и даже по географическому признаку. В свою очередь, поджанры рассматриваемого жанра можно подразделить на более частные микрожанры, основываясь на частно-лингвистических и стилевых характеристиках. В настоящей публикации мы сконцентрируем внимание, главным образом, на отдельных микрожанрах рэпа.

В аспекте сопоставления подчеркнем, что отраженные на схеме поджанры рэпа встречаются как в англоязычной, так и в русскоязычной лингвокультурах. Преобладающее большинство поджанров (за редким исключением) зародилось в различных частях США, но ввиду глобализации они быстро распространились по всему миру, в том числе и в России, приобрели национальную окраску и модернизировались. На сегодняшний день немало представителей рэп-культуры из России и стран СНГ вышли на международную рэп-арену. Нередки стали коллаборации русскоязычных и англоязычных рэп-исполнителей, работающих в различных микрожанрах рэпа.

В нашем исследовании мы остановимся на отличительных особенностях трех микрожанров и одного поджанра рэпа, эксплицируя на этом материале релевантные для жанровой дифференциации лингвокультурные параметры. Соответственно, далее речь пойдет о характеристиках *грайма*, *политического рэпа*, *концептуального рэпа* и *клауд-рэпа*. Концептуальный рэп, который мы классифицируем именно как поджанр, полагаем, действительно представляет собой более крупную формацию по сравнению с граймом, политическим рэпом или клауд-рэпом. Музыкальные произведения данного поджанра могут обладать рядом дифференциальных лингвистических характеристик, однако, как нам представляется, наиболее важной их чертой, позволяющей объединить их, является спаянность определенной концептуальной темой. Именно поэтому нам представляется нецелесообразным далее дробить данный поджанр на более мелкие формации в рамках настоящего исследования.

Следует сразу отметить, что исполнители редко являются приверженцами одного поджанра или микрожанра. В стремлении выделиться на фоне других исполнителей они смешивают различные музыкальные и текстовые формы, чтобы добиться нового звучания и привлечь новых слушателей. Более того, есть исполнители, которые записывают альбом в одном микрожанре, а спустя некоторое время выпускают следующий совсем в другом.

Остановимся на особенностях выделенных нами микрожанров.

Грайм (*с англ. grime* – грязь) – это музыкальный микрожанр, зародившийся, как ни странно, не в Америке, а в Британии в 1990-х гг. Он характеризуется мощной читкой под бит темпом 140 ударов в минуту. Атмосфера треков, по большей части, мрачная и агрессивная. Это определяется тем, что музыкальный жанр грайм зародился в рабочих кварталах Восточного Лондона в среде людей, чей голос не был отражен в популярной культуре. Изначально грайм представлял собой низкокачественную музыку от продюсеров из небогатых районов, пишущих при помощи базовых пакетов дешёвых программ для сэмплирования [16; 17]. Несколько ниже в настоящей статье мы сопоставим лингвистические особенности произведений современных исполнителей в жанре грайм: Skepta (англоязычный рэп-исполнитель) и Охххуmіgоn (русскоязычный исполнитель).

Политический рэп отделился от других поджанров и микрожанров рэпа, прежде всего, за счёт своей тематики. Стиль читки, сэмплирование минуса, особенности темпа не регламентируются, но поднимаемые в треках вопросы затрагивают острые социально-политические проблемы общества. Основные мотивы политического рэпа – недовольство социально-политической ситуацией, недоверие к представителям власти, критика представителей правоохранительных органов и т.д. Иными словами, политический рэп – это рефлексия общественно значимых событий и явлений в интимных переживаниях исполнителя [9].

Концептуальный рэп – это музыкальный поджанр, характеризующийся наличием определенной концепции и её обыгрыванием на протяжении трека, целого альбома или нескольких альбомов одного и того же исполнителя. Таким образом, концептуальный рэп является примером единства сквозных тем или историй на уровне целого поджанра. Чаще всего в современной музыке можно встретить понятие

«концептуальный альбом» – сборник треков, связанных одной центральной темой или идеей, которая является очевидной и ясно выраженной исполнителем [18]. Именно на основе такого принципа и строятся произведения поджанра «концептуальный рэп». С течением времени данный поджанр обрёл характерные черты, отличающие его от других жанровых разновидностей рэпа. Концепты, вербализуемые в произведениях данного поджанра, многомерны и не имеют чётко очерченных границ. Это позволяет рэп-исполнителям доносить идею до слушателей разными способами на протяжении долгого времени, привлекая их внимание к поднимаемым темам, причём не только за счёт музыкальных, но и за счёт текстуальных средств (различного рода аллюзии и цитации, метафтонимия и др.).

Клауд-рэп – относительно новый микрожанр рэпа, характеризующийся очень яркими музыкальными и лингвистическими особенностями: спокойными, медленными, так называемыми «облачными» инструментальными партиями, которые сопровождаются развлекательной, не исполненной смысловой нагрузки лирикой. Темп композиций в жанре клауд-рэп обычно составляет 140 – 150 ударов в минуту, просодия читки монотонна. Тексты представляют собой абсурдные сочетания не связанных друг с другом по смыслу фраз о наркотиках, расширении сознания и, порой, о восхвалении самого себя. Если говорить о музыке, то клауд-рэп характеризуется хоровым звучанием синтезаторов, бессловесных вокальных вставок на одной длинной ноте и наличием элементов эмбиента (стиль электронной музыки, основанный на модуляциях звукового тембра, характеризующийся атмосферным, обволакивающим, ненавязчивым звучанием [19]).

Рассмотрим далее сходные и дифференциальные лингвистические черты грайма в русскоязычном и англоязычном рэпе на примере треков таких исполнителей, как Skepta и Oxxxumiron.

Начнём со сходств. И у Skepta, и у Oxxxumiron'a встречаются различные виды аллюзий, цитация, метафоры, антитеза, повторы, сленгизмы, обценная лексика и эдлибы.

В треках Skepta можно найти немало примеров употребления *прецедентных имен собственных*:

(1) *These days man will murder a man for a box of grade*

*Every time the .38 barrel spins **Martin Luther** turns in the grave* (Skepta. Castles [20]).

Упоминая Мартина Лютера, исполнитель говорит слушателям о том, что в районе, где он живёт, происходит немало жестоких убийств. Каждый раз, когда умирает очередной человек, Мартин Лютер, который боролся за мир и гармонию, но стал жертвой политического убийства, переворачивается в могиле. Однако Skepta не показывает своего личного отношения к этому.

(2) *Мне нужен врач, лучше на дом и немедленно*

*Ватсон, **Фрейд**, **Курпатов**, **Пеппер*** (Oxxxumiron. Признаки жизни) [21].

В цитируемом треке Oxxxumiron перечисляет несколько фамилий, имеющих прямое или косвенное отношение к врачебной профессии. Интересно, что не все из перечисленных врачей существовали в реальности: доктор Ватсон – персонаж рассказов о Шерлоке Холмсе Артура Конан Дойла. Вместе с тем, далее Oxxxumiron использует три аллюзии на имена реально существовавших людей: Зигмунд Фрейд – известный австрийский психолог и психиатр, Андрей Курпатов – российский психотерапевт и телевизионный продюсер, Вильям Пеппер – американский врач, один из крупнейших деятелей медицинского образования в США в XIX в. Используя аллюзии на эти имена, исполнитель говорит о том, что он болен, и ему нужна хоть какая-нибудь помощь неважно от кого – от вымышленного персонажа, от ныне живущего или уже умершего врача.

Если продолжить сопоставлять англоязычный и русскоязычный грайм на предмет наличия аллюзий, то можно обнаружить, что аллюзии в русскоязычном рэпе более разнообразны. В частности, у Oxxxumiron'a можно встретить многочисленные аллюзии на библейский текст:

(3) *Я могу скрыться из вида в лес или переносить числа релиза*

*Уйти в монастырь, **защить себе рот***

Сменить имя, прикинуться активистом ИГИЛа¹

Выйти на связь, хоть и в списке убитых

После 40 лет скитаний в пустыне

Но взять все голосования в сети –

*Мой девиз – **возвращение блудного жиды*** (Oxxxumiron. Машина прогресса) [22].

Исполнитель иронизирует над постоянным откладыванием сроков выхода собственных произведений. Но даже несмотря на то, что он может подолгу не выпускать треки, Oxxxumiron всё так же заво-

¹ Запрещенная организация в Российской Федерации.

евывает всевозможные премии и лидирует в разнообразных опросах и голосованиях в сети Интернет. Говоря обо всём этом, Oxxxymiron использует аллюзию на Библию, а именно на историю, согласно которой Моисей водил евреев 40 лет по пустыне. Исполнитель подразумевает, что даже если он исчезнет на 40 лет, а потом вернётся, он всё равно не окажется забытым. Кроме того, в данном отрывке рэп-текста нам встретилась скрытая отсылка «зашить себе рот». Эта аллюзия напоминает слушателям о протесте питерского художника Петра Павленского, когда он зашил себе рот в поддержку панк-группы Pussy Riot. Oxxxymiron, используя эту аллюзию, намекает на то, что, даже если он зашьёт себе рот, его всё равно будут слушать.

Кроме того, у Oxxxymiron'a присутствуют аллюзии на литературные произведения:

(4) *Мне снится то глава «Ампира „В“»*

То в эфире ТВ живая голова Эльвиры Т (Oxxxymiron. Darkside) [21].

Здесь Oxxxymiron использует аллюзию на роман Виктора Пелевина 2006 г. «Ампир „В“», повествующий о том, что человеческим миром управляют вампиры, во главе которых стоит Великая Мышь. К ней присоединяют множество голов, которые управляют разными национальными объединениями вампиров. Присоединяемая голова при этом должна принадлежать одной из молодых вампирок. По нашему мнению, именно с ней Oxxxymiron сравнивает начинающую российскую певицу Эльвиру Т, вновь используя её сценическое имя в качестве прецедентного. Таким образом исполнитель выражает своё негативное отношение к современной поп-индустрии.

Помимо вышеперечисленных аллюзий в треках Oxxxymiron'a достаточно частотны аллюзии на мифологию:

(5) *Тут свободное плаванье, ты доплыл и всего-то пята кровоточит*

Тут повсюду подводные камни, но я слышал, вода камень точит (Oxxxymiron. Неваляшка) [21].

Исполнитель имплицитно отсылает слушателя к древнегреческой мифологии, используя фразу «пята кровоточит». Он намекает на Ахиллеса – одного из храбрейших воинов, считавшегося практически непобедимым, у которого было единственное уязвимое место – пятка. Благодаря данной аллюзии Oxxxymiron говорит, что порой может показаться, что человек достиг цели, но какая-то незначительная, на первый взгляд, деталь может существенно повлиять на успех, поэтому расслабляться не стоит. В следующей строке Oxxxymiron использует цитацию, ещё один инструмент создания интертекстуальной связи: «вода камень точит» – известная пословица. Обращаясь к ней, исполнитель говорит о том, что, упорно трудясь, можно обойти все подводные камни.

Примеры цитации можно найти и в англоязычном грайме:

(6) *For one whole year never got music money or money off white*

But I know that Rome weren't built in a day (Skepta. Ace Hood Flow) [20].

Skepta цитирует известную пословицу «Rome wasn't built in a day», чтобы показать, что он планомерно и неуклонно движется к успеху. На тот момент, когда он выпускал трек, он не зарабатывал миллионы благодаря своему творчеству, но уже тогда он был уверен: больше усилий, и он сможет «построить Рим».

И в англоязычном, и в русскоязычном грайме встречается немало **метафор**, причем большинство из них развернутые:

(7) *And I don't give a shit who's got a deal*

Cause if the game was a tray full of ice cubes

I'm the coldest and the hardest still (Skepta. Ace Hood Flow) [20].

В цитируемом отрывке Skepta говорит о том, что он весомый игрок на рэп-арене и подтверждает это с помощью метафоры «if the game was a tray full of ice cubes I'm the coldest and the hardest still». Исполнитель использует эту метафору, чтобы унижить своих конкурентов и показать слушателям превосходство над ними. Аналогичный метафоричный посыл можно увидеть и у Oxxxymiron'a:

(8) *Судишь меня? Удостоверься, не мажор ли ты*

Я был голодным МС, съел других и стал прожорливым (Oxxxymiron. Признаки жизни) [21].

Oxxxymiron говорит о том, что другие исполнители (то есть МС) не являются для него преградой. Он может попросту их «съесть» и занять лидирующие позиции в рэп-игре без особых усилий (ведь он «прожорливый»). Метафора голода вербализуется в рассматриваемом примере преимущественно именами прилагательными.

Помимо метафор в текстах Skepta можно найти большое количество **сравнений**:

(9) *Yeah, when I came in the game I kept my eyes wide open like fish in the sea* (Skepta. Simple Life) [20].

Исполнитель говорит о том, что, когда он пришёл в рэп, он держал глаза широко открытыми, «словно рыба в море», т.е. был настороже и внимательно наблюдал за другими «игроками».

Оба исполнителя активно используют **антитезу** в своих треках:

(10) *Trynna live my dream, so I sleep less*

*Thinking, F*CK THE WORLD, cus im trynna cheat death* (Skepta. Tour Bus Massacre) [20].

В приведённых строках мы видим антитезу и игру слов: «dream» переводится с английского языка как «сон» и как «мечта». Можно предположить, что исполнитель имеет в виду, что, стремясь осуществить мечту, он жертвовал своим сном (то есть больше трудился). В то же время «Trynna live my dream, so I sleep less» можно трактовать и как антитезу, если принять, что лексическая единица *dream* актуализирована в значении «сон».

(11) *Эдем или ад, где бы я ни был – Disneyland и Гулаг*

Бэтл-рэп – это флаг, легенда тут Big L, а не Pac (Охххумігон. Пролив Дрейка) [21].

В цитируемом тексте Охххумігон'а мы также видим антитезу, в рамках которой противопоставляется хорошее и плохое: Эдем и ад, Disneyland (парк развлечений) и Гулаг – подразделение, осуществлявшее руководства местами заключения. В следующей строке Охххумігон противопоставляет известных рэп-исполнителей, показывая, кто из них – легенда, а кто – проходящее и уходящее «явление». Кроме того, в этой же строке нельзя не отметить использование прецедентных имен – *Big L* и *2Pac*.

В треках Охххумігон'а также, как и в англоязычном грайме, есть место **игре слов**:

(12) *Антипод, как дезодорант, ***** [конец] не за горами*

Чёрный флоу, хоть не загорал, твой – лесоповал. (Охххумігон. Пролив Дрейка) [21].

Используемая Охххумігон'ом игра слов относится к фонетической разновидности: «Антипод, как дезодорант», т.к. при произнесении «д» в конце слова в русском языке звук [д] оглушается и звучит как [т]. Таким образом, «антипод» будет звучать как «анти-пот», то есть «против пота», а средство против пота – не что иное как дезодорант.

Анализ показывает, что и в англоязычном, и в русскоязычном грайме достаточно высока доля сленгизмов (*blue cheese, nigga, zoot, buzz, icy, jack move; бацать, врубаться, рубить стафф, лабать, хас-лить, мутить вес*).

Стоит также отметить, что и в англоязычном, и в русскоязычном грайме встречаются **как лексические, так и синтаксические повторы** (однако стоит подчеркнуть, что доля повторов в рамках анализируемого микрожанра не столь высока, как в клауд-рэпе):

(13) *21st century king sitting with a crown*

21st century king sitting on a throne (Skepta. You Know Me) [20].

Skepta использует приём анафорического синтаксического повтора, чтобы создать особую рифмо-ритмическую картину трека и обратить большее внимание слушателей на королей XXI века.

(14) *Я знаю – это крокодиловы слёзы*

Я знаю – всё необратимо, но всё же

Я знаю – нет альтернативы, и всё же

Скажи – зачем у крокодила есть слёзы? (Охххумігон. Крокодиловы слёзы) [23].

Охххумігон также использует повтор для создания особой рифмо-ритмической картины трека. Но, по нашему мнению, здесь повтор также создает как бы «фоновую рамку» для остального содержания. Используя анафору, Охххумігон акцентирует внимание слушателя на необратимости событий и на отсутствии альтернативы иного исхода.

Останавливаясь на дифференциальных лингвистических особенностях рэп-текстов микрожанра грайм, следует отметить, что в треках русскоязычного исполнителя частотно встречаются **вкрапления** на английском, французском и латинском языках:

(15) *А город утопает в зелени*

Кто-то выплывает, кто-то утопает – c'est la vie (Охххумігон. Хитиновый покров) [21].

(16) *Но мне наперед щас ясно: не заберёт нас ваш Хоев ковчег, check* (Охххумігон. Ultima Thule) [21].

(17) *Но я путь к ней найду ли*

К своей неуловимой Ultima Thule? (Охххумігон. Ultima Thule) [21].

По нашему мнению, Охххумігон использует вкрапления на разных языках, с одной стороны, чтобы показать слушателям свою эрудированность, а с другой, для того, чтобы акцентировать «космополитич-

ность» рэп-текстов, продемонстрировать тот факт, что поднимаемые в таких текстах проблемы актуальны не только для носителей русского языка. Помимо этого, использование иноязычных вкраплений позволяет также повысить экспрессивность рэп-текстов, цементировать их рифмо-ритмическую структуру, тем самым усиливая их воздействие на слушателя.

Наконец, и в англоязычном, и в русскоязычном грайме встречаются эдлибы – случайные выкрики и слова, разбавляющие основной текст и участвующие в формировании рифмо-ритмического рисунка текста (опять же, в несколько меньшем количестве, чем, например, в клауд-рэпе).

Skepta нередко использует эдлиб «mental»:

(18) *Now me and Jme, top 30, back to back on the iTunes site, mental* (Skepta. Ace Hood Flow) [20].

«Фирменный» эдлиб Оххххуmigon'a – «бrrprr»:

(19) *Бррря, это восточный Лондон* (Оххххуmigon. Восточный Мордор) [21].

Заключение

В русскоязычном и англоязычном грайме можно найти ряд общих и дифференциальных черт. К общим чертам можно отнести использование прецедентных имен, эксплицитные цитации, употребление метафор, антитез, повторов, игры слов, сленгизмов, обценной лексики и эдлибов. Однако в англоязычном грайме нам не удалось найти аллюзий на мифологию, библейский текст или иные литературные произведения, которые в изобилии присутствуют в треках русскоязычного исполнителя. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в русскоязычном грайме различные способы реализации интертекстуальности представлены в более широком спектре, чем в англоязычном грайме. Другие выявленные выразительные средства представлены в сопоставляемых языках примерно в одинаковом соотношении.

Таким образом, можно констатировать, что рэп как музыкальный жанр отмечен в русской и английской лингвокультурах определенной иерархией жанровых разновидностей, среди которых можно вычленить как поджанры (относительно крупные жанровые формации, объединенные отдельными общими чертами как на уровне текстовой организации, так и на уровне музыки), так и микрожанры (более частные жанровые образования, произведения в рамках которых обладают конкретными общими и дифференциальными чертами).

Список литературы

1. Tristan Michael Pelton. Rap/Hip Hop. Доступно по: <https://www.blackpast.org/african-american-history/rap-hip-hop/>. Ссылка активна на 01.04.2020.
2. DelaiRap. Рэп-словарь. Доступно по: <https://delairap.com/uchebnik/slovar-rap/>. Ссылка активна на 01.04.2020.
3. Добжанская О.Э. Шаманский обряд Нганасан: опыт этномузыковедческого исследования: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. Новосибирск, 1997:18.
4. Genius. We will rock you. Доступно по: <https://genius.com/Queen-we-will-rock-you-lyrics>. Ссылка активна на 01.04.2020.
5. T-Kid, Celia San Miguel. The nasty terrible T-Kid 170. Germany: From Here to Fame, 2005:192.
6. Cooper M. Street Play. Berlin: From Here To Fame, 2006:122.
7. Луков В.А. Хип-хоп культура. *Знание. Понимание. Умение*, 2005;1:147-151.
8. Пырова Т.Л. Формирование хип-хоп культуры: от социального контекста до академического феномена. *Культура и искусство*, 2017;12:92-97.
9. Фролова Е.В. Рэп как форма социально-политической рефлексии в современной российской культуре. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015:52.
10. Цаплин Р.С. Художественные особенности текстов рэп-группы «макулатура»: феномен и поэтика. Челябинск: ЮУрГУ, СГ-215, 2017:87.
11. Немецкий рэп: краткий экскурс в историю. Доступно по: <https://outstyle.org/article/nemeckij-ryep-kratkij-yekskurs-v-istoriyu>. Ссылка активна на 01.04.2020.
12. Французский рэп: появление, эволюция и обретение своего «я». Доступно по: <https://outstyle.org/article/francuzskij-ryep-poyavlenie-yevoluciya-i-obretenie-svoego-ya>. Ссылка активна на 01.04.2020.
13. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров: собрание сочинений в семи томах. М.: Русские словари, 1996;5:159-206.
14. Анисимова Т.В. Стилистика и риторика об оценке самостоятельности речевых жанров. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 2: Языкознание, 2012;1(15):246-249.

15. Дементьев В.В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи. *Вопросы языкознания*, 2015;6:78-107.
16. Grime – голос Туманного Альбиона. Доступно по: <https://stoneforest.ru/look/culture/music/grime-golos-tumannogo-albiona/>. Ссылка активна на 01.04.2020.
17. The New Yorker. True grime. Доступно по: <https://www.newyorker.com/magazine/2005/03/21/true-grime>. Ссылка активна на 01.04.2020.
18. Butts R. 'More than a collection of songs: the concept album in country music'. *Mid-American Folklore*, 1988;16/2:90-99.
19. Феоктистов Ф.П. Тенденции современной электронной музыки в контексте постмодернизма. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 2016;5(73):127-131.
20. Skepta. Blacklisted (Музыкальный альбом). Neesha, 2012.
21. Охххymiron. MiXXXtape II: Долгий путь домой (Музыкальный альбом). Porchy, 2013.
22. Ка-тет feat. Охххymiron. Террариум (Музыкальный альбом). Ripbeat, 2017.
23. Охххymiron. Вечный жид (Музыкальный альбом). NMDC, 2011.

References

1. Tristan Michael Pelton. Rap/Hip Hop. Available at: <https://www.blackpast.org/african-american-history/rap-hip-hop/>. Accessed April 01, 2020.
2. DelaiRap. Rap dictionary. Available at: <https://delairap.com/uchebnik/slovar-rap/>. Accessed April 01, 2020.
3. Dobzhanskaya OE. Shamanic rite of Nganasan: an experience of the ethnomusicological research: abstract of PhD thesis on Art Criticism: 17.00.02. Novosibirsk, 1997:18.
4. Genius. We will rock you. Available at: <https://genius.com/Queen-we-will-rock-you-lyrics>. Accessed April 01, 2020.
5. T-Kid, Celia San Miguel. The nasty terrible T-Kid 170. Germany: From Here to Fame, 2005:192.
6. Cooper M. Street Play. Berlin: From Here To Fame, 2006:122.
7. Lukov VA. Hip-hop culture. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2005;1:147-151.
8. Pyrova TL. The formation of hip-hop culture: from social context to academic phenomenon. *Culture and Art*, 2017;12:92-97.
9. Frolova EV. Rap as a form of socio-political reflection in the modern Russian culture. Moscow: HSE publishing house, 2015:52.
10. Tsaplin RS. Literary features of the texts of the rap group "Makulatura": the phenomenon and poetics. Chelyabinsk: SUSU, SG-215, 2017:87.
11. German rap: a brief history. Available at: <https://outstyle.org/article/nemeckij-ryep-kratkij-yekskurs-v-istoriyu>. Accessed April 01, 2020.
12. French rap: the emergence, evolution and finding your own "self". Available at: <https://outstyle.org/article/francuzskij-ryep-poyavlenie-yevolyuciya-i-obretenie-svoego-ya>. Accessed April 01, 2020.
13. Bakhtin MM. The problem of speech genres: collected works in seven volumes. Moscow: Russian dictionaries, 1996;5:159-206.
14. Anisimova TV. Stylistics and rhetoric on assessing the independence of speech genres. *Volgograd State University Bulletin. Ser. 2: Linguistics*, 2012;1(15):246-249.
15. Dementiev VV. The theory of speech genres and actual processes of the modern speech. *Topics in the study of language*, 2015;6:8-107.
16. Grime – the voice of Foggy Albion. Available at: <https://stoneforest.ru/look/culture/music/grime-golos-tumannogo-albiona/>. Accessed April 01, 2020.
17. The New Yorker. True grime. Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2005/03/21/true-grime>. Accessed April 01, 2020.
18. Butts R. 'More than a collection of songs: the concept album in country music'. *Mid-American Folklore*, 1988;16/2:90-99.
19. Feoktistov FP. Trends of modern electronic music in the context of postmodernism. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2016;5(73):127-131.
20. Skepta. Blacklisted (Music album). Neesha, 2012.
21. Охххymiron. MiXXXtape II: the Long way home (Music album). Porchy, 2013.

22. Ka-tet feat. Oxxxymiron. Terrarium (Music album). Ripbeat, 2017.

23. Oxxxymiron. Wandering Jew (Music album). NMDC, 2011.

Сведения об авторах:

Мухтарова Анастасия Сергеевна, студент Новороссийского филиала, Пятигорский государственный университет, г. Новороссийск, Российская Федерация.

E-mail: nastya-sam-97@mail.ru

Адрес: 353920, Новороссийск, ул. Куникова, 47-Б. Новороссийский филиал ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Алимурадов Олег Алимурадович, доктор филологических наук, доцент, сор, кафедра западноевропейских языков и культур, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Российская Федерация.

E-mail: alimuole@mail.ru

Адрес: 357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9. ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Bionote:

Anastasia S. Mukhtarova – Student of Novorossiysk branch, Pyatigorsk State University, Novorossiysk, Russian Federation.

E-mail: nastya-sam-97@mail.ru

Address: 353920, Novorossiysk, 47-B Kunikov str., Novorossiysk branch of Pyatigorsk State University

Oleg A. Alimuradov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, the West-European Languages and Cultures Chair, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation.

E-mail: alinka02691@mail.ru

Address: 357532, Pyatigorsk, 9 Kalinin Ave, Pyatigorsk State University

Оригинальная статья

УДК 1751 82 82-1/-9

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-147-156

**Визуально-графические особенности текста в книге
Е. Мнацакановой «Шаги и вздохи»**

А.Е. Япишина

*Южно-Уральский государственный университет
(Российская Федерация, г. Челябинск)
e-mail: ro.roy@yandex.ru*

Получена: 27.04.2020 /Принята: 13.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: Статья посвящена изучению визуально-графических особенностей текста в творчестве Мнацакановой на материале стихотворений из книги Е.А. Мнацакановой «Шаги и вздохи», вышедшей в Вене в 1982 г. Обоснована актуальность изучения визуальной поэзии. Дан краткий обзор статей и диссертаций, в которых освещается творчество поэтессы. При этом выявлен значительный пробел в изучении её творчества – малоизученность визуального аспекта при наличии пласта работ, в которых отмечается визуально-аудиальный характер поэзии Е.А. Мнацакановой, отказавшейся от традиционной грамматической структуры в пользу традиционной музыкальной структуры. Рассмотрены два типа визуально-графических приёмов, наиболее ярко проявившихся в книге «Шаги и вздохи» – во-первых, расположение текста на странице, среди которых выделены следующие приёмы: сплошная запись текста, членение текста на несколько вертикальных потоков, фрагментарность, отступы, пробелы, голофрастические конструкции и, во-вторых, шрифтовая акциденция, внутри которой рассмотрено использование иноязычного и прописного шрифтов. Комплексные методы исследования позволили прийти к выводу, что визуально-графические приёмы, используемые Мнацакановой, обусловлены визуально-аудиальным характером её творчества и «стерео-скопично-фоничным» мышлением поэтессы. Также выявлены три функции, которые визуально-графические приёмы, рассмотренные автором статьи, выполняют в тексте: партитурная, т.е. организующая звуковой строй стихотворения при помощи отступов, пробелов, голофрастических конструкций, смыслообразующая, т.е. создающая дополнительную смысловую акцентуацию с помощью шрифтовой акциденции и функция целостного восприятия текста, обеспечивающая возможность многонаправленного чтения (запись сплошного текста, членение текста на несколько вертикальных потоков).

Ключевые слова: современная поэзия, визуальность, графика, визуальная поэзия, звуковая поэзия, Е. Мнацаканова.

Для цитирования: Япишина А.Е. Визуальные особенности текста в книге Е. Мнацакановой «Шаги и вздохи». *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 147–156.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-147-156

**The Text's Visual Features
in the E. Mnatsakanova's Book «Steps and Sights»**

Angelina E. Yapishina
South Ural State University
(Russian Federation, Chelyabinsk)
e-mail: ro.roy@yandex.ru

Received: 27.04.2020 /Accepted: 13.05.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The article is devoted to the study of visual and graphic features of the E. A. Mnatsakanova's texts in the book "Steps and Sighs" published in Vienna in 1982. The relevance of studying visual poetry is substantiated. A brief review of articles and dissertations, which highlight the work of the poetess, is given. At the same time, a significant gap was revealed in the study of her work - the poorly studied visual aspect in the presence of a layer of works in which the visual-auditory nature of poetry by E. A. Mnatsakanova was noted, which abandoned the traditional grammatical structure in favor of the traditional musical structure. Two types of visual-graphic techniques are considered that are most clearly manifested in the book "Steps and Sighs" - firstly, the location of the text on the page, among which the following techniques are highlighted: continuous writing of text, dividing the text into several vertical streams, fragmentation, indentation, spaces, holophrastic constructions and, secondly, typeface accidents, within which the use of foreign and uppercase fonts is considered. Comprehensive research methods led to the conclusion that the visual-graphic techniques used by Mnatsakanova are due to the visual-auditory nature of her work and the "stereo-scopic-phonic" thinking of the poetess. Also identified are three functions that the visual-graphic techniques considered by the author of the article perform in the text: organizing the sound structure of the poem with the help of indents, spaces, holophrastic constructions, meaning-forming, i.e. creating additional semantic accentuation using font accentuation and the function of holistic perception of the text, providing the possibility of multidirectional reading (writing solid text, dividing text into several vertical streams).

Keywords: modern poetry, visibility, graphics, visual poetry, sound poetry, E. Mnatsakanova.

For citation: Yapishina A.E. The text's visual features in the E. Mnatsakanova's book «Steps and sighs». *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020, no 2, pp. 147–156 (In Russ.).

Введение

Мы живем в эпоху визуального бума и принимаем участие не только в восприятии визуальной информации, но и ее создании. Она стала частью нашего быта и повседневного общения, превратилась в мощный фактор политических практик и коммерческой активности. Визуальная информация проникает во все сферы человеческой жизни и активно вторгается в сознание современного человека.

Доминирование визуальных форм в культуре нарастает одновременно с утратой доверия к слову. Именно «выскальзывание из-под власти слова», по словам Е. Сальниковой [1], и становится основной причиной перехода в 1990-х гг. к визуально ориентированной культурной парадигме, иначе – визуальному повороту, вследствие чего мир начинает восприниматься человеком как образ. Эта мысль также находит подтверждение и обоснование в целом ряде работ современных исследователей. Назовем в их числе М. Крышталева, А. Зенкову, Л. Чакину.

Благодаря визуальному повороту, русская поэзия одновременно с развитием технических средств становится полем для визуально-графических экспериментов. Причиной тому – неактуальность и несовременность для некоторых поэтов уже сложившейся системы поэтических знаков, в связи, с чем начинаются поиски новых инструментов структурирования поэтического текста. Ключевым запросом к поэтическому тексту теперь становится его способность подчеркнуть не передаваемые на слух смысловые оттенки. Данную задачу решает визуальная поэзия.

Вслед за Ю. Гиком мы понимаем визуальную поэзию как «синтетический жанр, находящийся на стыке между визуальными искусствами и литературой» [2], то есть синтезирующий литературные и художественно-изобразительные стратегии. Главное отличие визуальной поэзии от других поэтических жанров заключается в том, что она всегда требует зрительного восприятия, ведь визуальный компонент стихотворения несёт в себе определённую смысловую нагрузку.

К одному из первых визуальных поэтов в России литературоведы относят поэта XVII в. Симеона Полоцкого, создававшего фигурные стихи, в том числе на религиозные темы. Однако, по мнению М. Матвеевой, необходимо строго разграничивать визуальную поэзию и визуализацию текста, под которой она подразумевает недостаточное «слияние» текста и изобразительных возможностей [3]. Предтечами же русской визуальной поэзии принято считать футуристов. А. Крученых, Д. Бурлюк, В. Каменский экспериментировали с такими формами, как графика, коллажи, книги-альбомы, но по-настоящему приблизились к созданию визуальной поэзии В. Хлебников, чьё главное достижение – в опытах изобретения новой знаковой системы языка, то есть собственного алфавита. Эксперименты в области создания знаковых систем характерны для современной визуальной поэзии, поэтому можно утверждать, что В. Хлебников значительно опередил своё время, заложив фундамент данного жанра.

В 20-е гг. визуальная поэзия ещё продолжает своё развитие в творчестве конструктивистов, в частности, А. Чичерин открывает возможность замещения текста пиктограммами, создаёт поэму «Звонок к дворнику», которая состоит только из рисунков. Однако в то же время другие работавшие в жанре визуальной поэзии авторы эмигрируют (И. Зданевич), уходят в подполье (А. Крученых) или умирают (В. Хлебников), в связи с чем жанр визуальной поэзии на некоторое время прекращает активно развиваться.

Возрождение жанра происходит только в 60–70-е гг. в творчестве поэтов Лианозовской группы. Одним из её представителей является Всеволод Некрасов, главная особенность поэтики которого – пустоты, организующие пространство страницы. Среди произведений другого представителя Лианозовской школы, Генриха Сапгира, значим для визуальной поэзии цикл «Изостихи», в котором рисунки являются дополнением к текстам и пересказывают их сюжет.

В основном, визуальная поэзия 60–70-х гг. развивалась в «подполье». Обрести широкую известность удалось лишь А. Вознесенскому с книгой «Тень звука», в которой поэт буквально рисует словами, изображая различные объекты и действия.

Другие поэты, разрабатывавшие в своем творчестве принципы визуальности, писали также в эмиграции. Так, с 70-х годов за рубежом формируется целая плеяда авторов, экспериментировавших в жанре визуальной поэзии: А. Очеретянский (США), В. Котляров-Толстый (Франция). В их числе и Е. Мнацаканова (Австрия) – поэт, значительно расширивший возможности визуальной поэзии, чья уникальность заключается в том, что она, подобно Хлебникову, выработала свою собственную знаковую систему языка.

Елизавета Аркадьевна Мнацаканова (1922 – сент. 2019) – русская поэтесса, переводчица, эссеистка, художница, музыковед. Училась в МГУ на филологическом факультете (1945-1947), в 1950 г. окончила Московскую консерваторию, в 1953 г. – аспирантуру при ней. Публиковала исследовательские работы по творчеству композиторов: Моцарта, Брамса, Малера. Переводчица поэзии Гёльдерлина, Тракля, Целана, Брахмана и др. С 1975 г. жила в Вене, писала на русском и немецком языках.

Формально тексты Мнацакановой принадлежат культуре андерграунда. В частности, В. Аристов упоминает поэтессу в одном ряду с Г. Айги и В. Соснорой, которые «особенно явственно связывают авангард начала XX в. с современностью» [4]. Конечно, такие поэтические приёмы, используемые Мнацакановой, как перераспределение слова, анаграмматизм, использование голофрастических конструкций – это очевидное продолжение и развитие принципов авангардистского письма, однако разговор о её поэзии непродуктивен даже в контексте неофициальной литературы, ведь, как замечает К. Корчагин, «нельзя сказать, что поэтесса была близка к кому-либо из неофициальных поэтов (творчески или биографически)» [5]. Обособленность Мнацакановой от литературных направлений и школ подтверждается её же словами из интервью и эссе: «Я никаких школ не понимаю и не знаю, и не принадлежу ни к каким школам» [6], «Живя и работая в обстановке почти полной изоляции (это был мой свободный выбор), как бы абсолютного вакуума, я и не рассчитывала на интерес к своему творчеству и не желала его» [6]. Не случайно С. Сендлер, американская исследовательница русской литературы, сравнивает образ Мнацакановой с образом В. Хлебникова, также стоящего особняком среди поэтов Серебряного века [7].

Другие исследователи творчества Мнацакановой (В. Руднев, В. Аристов, К. Корчагин, И. Гулин) отмечают, что она поэт-одиночка, не встраивающийся в «чужие концептуальные схемы» [8]. Так, современники-авангардисты считали её творчество слишком консервативным, традиционалисты – слишком радикальным. На наш взгляд, именно поэтому в антологии «Самиздат века» её стихи помещены в раздел «Вне групп».

Невозможность и нежелание Мнацакановой вписаться ни в одну из литературных традиций говорит о самобытности и уникальности творчества поэтессы. Главной особенностью поэтического мира Мнацакановой исследователи считают визуально-аудиальный характер её поэзии, но прежде всего, как утверждает поэтесса О. Седакова, стихи Мнацакановой нужно «видеть глазами», так как они стремятся «выразить невыразимое» – полифонию.

Цель статьи

В данной статье автор исследует визуально-графические приёмы в книге Е. Мнацакановой «Шаги и вздохи», раскрывает их роль и специфику.

Обзор литературы

Е.А. Мнацаканова стала известна в русском литературном сообществе сравнительно недавно – в 2004 году, после присуждения ей премии Андрея Белого и выхода первой книги «Arcadia», изданной в Москве. Причиной неизвестности поэтессы в современной русской литературе стала её закрытость от внешнего мира. Именно в начале 2000-х гг., после вручения Мнацакановой премии, наблюдается всплеск интереса к её творчеству: в России стали появляться первые статьи-обзоры её творчества, а также проводиться конференции, посвященные её поэзии. Работы Мнацакановой интересуют и зарубежных исследователей.

Джеральд Янчек, американский литературовед-славист, во вступительном слове к поэме «Осень в лазарете невинных сестер» говорит о том, что «<чтение поэмы> только глазом или только вслух обкрадывает восприятие... безмолвный взгляд способен быстро охватить всю картину, в то время как одному читающему голосу это недоступно» [9]. С. Бирюков также пишет, что «... ей <Е. Мнацакановой> удалось объединить две стихии: музыку и поэзию» [10]. Об этой черте творчества Мнацакановой – спаянности аудиального и визуального – рассуждают и другие исследователи: И. Гулин, Т. Грауз, К. Корчагин. Данная особенность, на наш взгляд, берёт начало в «стерео-скопично-фоничном», по словам самой поэтессы, восприятии мира: «чтение партитур для симфонического оркестра полностью перестраивает мышление, делает его стерео-скопично-фоничным, объемным, многолинейным» [6].

При этом в исследованиях и статьях, посвященных творчеству Мнацакановой, крайне мало внимания уделяется непосредственно аспекту визуальности её творчества, а если и уделяется, то говорится о самом очевидном приёме, связанном с профессиональным занятием Мнацакановой музыкой – расположении текста на странице в партитурной форме. В частности, о связи поэзии Мнацакановой с музыкальными партитурами рассуждают В. Руднев, Дж. Янчек, И. Гулин, Т. Грауз и др. Кроме того, об этом пишет и С. Бирюков в монографии «Року укор», в которой выделяет основной приём творчества Мнацакановой – секвенционность [11: 347] (секвенция в технике музыкальной композиции – приём, характеризующийся последовательному повторению данной мелодической фразы или гармонического оборота на другой высоте). Он также отмечает и другие музыкальные приёмы, перенесённые Мнацакановой в поэзию, например, «прорастание лейтмотивов в лейттемы – характерный приём симфонического развития» [12].

Так, визуальный аспект творчества Мнацакановой остаётся малоизученным, однако его важность подтверждается словами самой поэтессы, неоднократно сравнивавшей в своих эссе слова и буквы с живописью (т.е. искусством для глаза): «Каждая Буква – волшебная картина, нарисованная так тщательно, так искусно – так тщательно, так любовно, что радостно *смотреть и видеть*» [6: 28]; «Но Буквы имеют свою судьбу. *Нарисованные* с любовью, радостью и мучениями, они когда-нибудь займут своё, им предназначенное место, в незримых и неизмеримых пределах Гармонии» [6: 29]. Отсюда можно сделать вывод об особом отношении Мнацакановой к фиксированному на бумаге тексту. «НАПИСАННОЕ, НАПЕЧАТАННОЕ живёт...» [13: 13], – пишет Мнацаканова во вступительном слове к своей книге «Новая Аркадия». Следует принять во внимание и тот факт, что творческий опыт Мнацакановой включает в себя и создание книг-альбомов, сочетающих вербально-графический и живописный элементы, в частности, поэтессой были созданы книги «Das Hoheild», «у смерти в гостях» (1976 – 1977), «Das Buh Sabeth» (1972 – 1988) и др., что также свидетельствует о том, что Мнацаканова – визуальный поэт.

Методы исследования

В процессе работы были использованы структурно-описательный метод в целях последовательного описания, обобщения и систематизации информации с опорой на структуру выбранных для анализа объектов, аналитический, контекстуальный. Также автором статьи был использован биографический метод, поскольку визуально-графические приёмы творчества Е. Мнацакановой отчасти обусловлены биографией поэтессы.

Результаты и дискуссия

Т. Семьян в монографии «Визуальный облик прозаического текста» выделяет три типа визуально-графических приёмов: приём расположения текста на плоскости страницы, приём шрифтовой акциденции, интеграция вербального и иконического компонентов [14]. Классификация Т. Семьян (за исключением интеграции вербального и иконического компонентов, т.к. данный приём в книге не применяется), а также диссертация Д. Суховой «Графика современной русской поэзии» [15], в которой исследователь рассматривает элементы визуальной выразительности в поэзии, определяют методику анализа произведений Е. Мнацакановой в данной статье. Требуют изучения такие визуально-графические приёмы текстов поэтессы, как расположение текста на странице, шрифтовая акциденция, вставка иноязычных фрагментов, отступы, пробелы между буквами и словами, неполная запись слов, включение фрагментов черновика.

В данной статье мы проанализируем ключевые визуальные особенности текста книги стихов Е. Мнацакановой «Шаги и вздохи», выпущенной в 1982 году в Вене. В нее вошли произведения 70-х – начала 80-х гг. Книга состоит из 4 частей: I. Времена неба, II. BEIM TODE ZUGAST, III. DAS BUCH SABETH, IV. Шаги и вздохи [6].

Рассмотрим **варианты расположения Мнацакановой текста** на плоскости страницы и их функцию в тексте. Среди таких вариантов мы выделим сплошную запись текста, членение текста на несколько вертикальных потоков, фрагментарность, отступы, пробелы, голофрастические конструкции, иноязычный шрифт.

Расположение текста на пространстве страницы прежде всего маркирует родовую принадлежность текста. Стихотворный текст, как правило, располагается в центральной части страницы, при этом происходит актуализация белого поля страницы как рамки [14]. Отметим, что тексты первой части книги – «Времена неба», за исключением стихотворения «Гаснет свет», расположены в центральной части листа, что не оставляет читателю сомнений в их жанрово-родовом определении. Расположение на странице текстов второй-четвертой частей обнаруживает их принадлежность к литературе неклассического типа, в которой визуальные признаки литературных родов и жанров неочевидны и синкретичны.

Одним из таких приёмов расположения текста является **сплошная запись текста** [14], характеризующаяся удлинением строк:

МАТЬ поздним вечером баюкает ДОЧЬ* КОЛЫБЕЛЬЮ дочери служит старое кресло-качалка. ДОЧЬ не спит: жесткие подлокотники старого кресла больно бьют ее по ногам при каждом движении матери. Но МАТЬ не замечает этого, а ДОЧЬ не умеет сказать, она еще слишком мала. В комнате очень темно, большое окно раскрыто, на улице - летняя ночь [6: 184].

Сплошная запись текста в данном случае стирает грань между стихом и прозой, что не просто характерно для современного поэтического языка, а коррелирует с «синкретическим» творческим мышлением самой Мнацакановой, под которым мы подразумеваем неразрывность в её сознании музыки и слова. Кроме того, наличие в данном отрывке глаголов третьего лица настоящего времени, описывающих действие персонажей МАТЕРИ и ДОЧЕРИ, а также описание интерьера отсылают нас к драматической форме, а именно записи авторской ремарки.

Другим, и наиболее частотным, приёмом расположения текста у Мнацакановой является «**двухколонник**» [14] и его вариации (трёх- и четырёхколонник), или «**членение текста на несколько вертикальных потоков**» [16: 176], как называет этот приём Н. Фатеева в статье «Форма записи текста и грамматика в поэзии Елизаветы Мнацакановой» [16]. Д. Суховой выделяет две функции такой записи текста на странице: комментирование или развитие имеющегося текста и использование соседнего столбика «для создания параллельного текста, диалогически связанного с первоначальным» [15]. В стихотворениях Мнацакановой этот приём задаёт возможность многонаправленного, поливариантного чтения, при котором новые семантические связи образуются как сверху вниз, так и снизу вверх, как слева направо, так и справа налево, тем самым создавая полифонию:

т о т е т
(трехголосный)

<i>nolino</i>	послушай	но
<i>nolino</i>	цезарь	ли об
<i>liobli</i>	мы живем	ли вис
<i>visci</i>	подсудно	ци

[6: 129].

Использование Мнацакановой приёма членения текста на несколько вертикальных потоков обусловлено концепцией творчества поэтессы – «описанием мировой гармонии» [13], возможной только в случае «объёмного» восприятия мира. И, конечно, нельзя не отметить связь такого расположения текста на странице с партитурными записями, которую отмечала сама поэтесса: «Ведь когда дирижер смотрит на страницу партитуры, он читает ее не сверху — вниз и не снизу — вверх, но читает, объемлет ее зрением всю в целом, а также каждую строку одновременно и в соединенном звучании с другими строками» [13: 187].

Отчетливо просматривается в произведениях поэтессы такой модернистский приём, как **фрагментарность**. Несмотря на то, что Мнацаканова отрицала принадлежность своего творчества к какой-либо литературной традиции, исследователи всё равно отмечают связь её поэзии с творчеством авторов модернизма: Дж. Джойс, С. Беккет, Э. Паунд. С. Бирюков считает Е. Мнацаканову авангардным поэтом, чей авангардизм заключается в отказе от традиционной стиховой и грамматической структуры в пользу традиционной музыкальной структуры. Как нам видится, связь творчества поэтессы с модернизмом и авангардизмом обнаруживается на уровне визуального облика текста. Стихотворение «Диалог 2» [6: 192] поэтесса дробит на пронумерованные части, обозначая реплики матери и дочери не традиционными для этого знаками препинания, а цифрами. На наш взгляд, этот приём восходит к визуальной модели модерниста В. Розанова, чьи идеи явились, по мнению Т. Семьян, «катализатором визуальной дискретности прозаического текста неклассического типа» [14: 64].

1. о мать, о мать, те сны, те сны, -
странны, о мать, страшны для вечно любящих
неспящих, мать, для движущихся, мать, о мать,
о мать!
2. аа, дочь, ааа, дочь, тесны, тесны,
теесныааа владения недвижных, вечно неподвижных, неподвижных,
дочь, дочь,
дооочь _____

[6: 192].

Е. Мнацаканова свободно обращается с пространством страницы, используя различные **отступы**: от начала строки и в середине текста. Д. Суховой отмечает, что отступы в современной поэзии в меньшей степени связаны с формальной визуальной текстовой упорядоченностью и имеют глубокую семантику [15]. На примере стихотворения Андрея Полякова исследователь показывает, что начальный отступ может замещать начальное многоточие, указывая на неожиданное, случайное начало речи [15]. На наш взгляд, эту же функцию выполняет отступ у Мнацакановой в стихотворении из второй части книги – «BEIM TODE ZUGAST».

сметь у
мереть у
смерти у
спеть у
мения
смер
ти
нет

[6: 38].

Также Д. Суховой утверждает, что отступы в середине поэтического текста подчеркивают или за-
тушевывают аллитерации, акцентируя внимание читателя на звучании стиха [15]. Как для музыканта,
звучание для Мнацакановой чрезвычайно важно, и слоги и слова в её стихотворениях являются «нот-

ными знаками», из которых и складывается интонационный рисунок. Так, например, в стихотворении «Колыбельные сморщенным» [6: 184] отступами выделены слова, организующие ритм стихотворения, а также рифмующиеся друг с другом. Можно утверждать, что отступы выполняют партитурную функцию в стихах Мнацакановой, т.е. преимущественно организуют звуковой рисунок текста.

беспредельные флейты
- продольно -
беспросветные ленты
- дороги -
беспечальные флейты
- надолго -
надолго
надолго
в дорогу

[6: 183].

Особое внимание стоит уделить функции **пробелов** в творчестве Мнацакановой. Под пробелом мы понимаем «текстовый символ, изображаемый пустой позицией, который подчеркивает наличие «белого» пространства страницы» [14: 76]. В прозе, в частности, в творчестве А. Белого, А. Веселого, Б. Пильняка, А. Ремизова пробелы могут выполнять функцию перехода к новому смысловому плану, смены сюжетных блоков, временной промежуток между двумя сюжетными блоками. В современной поэзии функция пробела чаще всего заместительная. При тенденции к отсутствию знаков препинания в поэтическом тексте авторы используют непунктуационные инструменты членения текста. В первой части книги Мнацаканова использует пробелы именно в качестве знаков препинания:

мелодия лютни
лети над столетьем
минуй
лихолетья
мгновенную даль

мелодия лета лети
мимо света лети
милу ветра лети
мимо века лети

на струне
кифары
неутомимого
кафра

лети мелодия летняя
на стреле
моей неутолимой
лютни

[6: 26].

В то же время функция пробелов в поэзии Мнацакановой смыслообразующая. Некоторые стихи поэтессы выглядят намеренно «разбросанными» по пространству листа. Слова и слоги – ключевые «строительные единицы» [9] её текстов – оказываются случайно разорванными и так же случайно сцепленными, однако при пристальном взгляде читателю открывается основанная на паузах, зияниях и пустотах авторская система интонирования. Кроме того, пустоты в стихах Мнацакановой выполняют партитурную функцию и обеспечивают многонаправленное чтение и многомерное восприятие её текстов.

№ 1

ее
сек
ня музыка
я

расколов небо надвое надвое
надвое надвое
рас рас
ко лов небо крив
на на над
двое двоим морем
небо над над над над
вое волей вое миром
на
двое
двое
двое
двое
двое

[6: 111].

Не только пробелы структурируют поэтическую речь Мнацакановой. **Голофрастические конструкции** соединяют отдельные слоги и слова в звуковой образ, делая их новыми элементами партитуры. При этом каждый такой элемент многозначен:

настанет март как будто март настанет [6: 107].

Слово «настанет» В. Руднев в статье «Стихосложение Е. Мнацакановой» называет инкорпорирующим просодически-смысловым единством, готовым распасться на компоненты «нас там нет» [9]. Данная конструкция полисемантическая, в ней мы слышим и надежду на встречу, и горечь утраты, и мольбу о возрождении [9].

Рассмотрим далее особенности **шрифтовой акциденции**.

Использование **иноязычного шрифта** – один из приёмов шрифтовой акциденции, используемых Мнацакановой. Т. Семьян в монографии «Визуальный облик прозаического текста» пишет, что «маркированные иноязычным шрифтом слова воспринимаются как зрительный раздражитель, визуальный знак другого культурного кода» [16: 137]. Функция, которую выполняет иностранная лексика в поэзии Мнацакановой – интонационно-партитурная.

laudemus на прогулке *laudemus*
 над проулком над
 про про
 улком гулкой
 узком гулко
 гулком гулко
laudate
 о когда-то
 гулко гулко
 вмартв вместв
 марте месте
 вместевмарте
part
apart
 á part
aparte
 о когда-то
 о когда-то о когда-то
 повстречались лаудамус лаудате
 лаудате лаудате
 над
 про
 улком
 гулко узком
 узком узким
 la
udate *crimosa*
 грозы
 марта *lax* в марте
 date
 вместе мертвы вместе в марте
 вмартв в марте вмертве
 мертвы *iubilare* в марте вместе

[6: 83].

В приведенном фрагменте стихотворения в одном звуковом ряду переплетены русские, латинские, французские, испанские и немецкие слова. Созвучны друг другу русское «гулкий» и латинское «*laudate*» – «похвала», паронимичны английские «*part*» (часть) и «*apart*» (кроме), французское «*à part*» (часть) и испанское «*aparte*» (кроме). При этом смысл пар этих слов взаимоисключающий. Многоязычие стихотворений Мнацакановой даёт возможность сделать вывод о том, что поэт, говоря на разных языках, говорит на одном – поэтическом, в котором доминирует звуковое начало.

Среди приёмов шрифтовой акциденции у Мнацакановой ярко выражено **использование прописных букв**. В прозаических работах поэтессы, например, во вступлении к последней книге Мнацакановой, «Новая Аркадия», в «Маленьком рассказе» [13: 24-25] прописные буквы применяются для акцентуации важных для автора смыслов. Так, во вступлении выделены слова, связанные с чтением и письмом: ЧИТАТЕЛЬ, НАПИСАННОЕ, НАПЕЧАТАННОЕ, ПИСЬМЕННОЕ, а также с одиночеством: ОДИНОЧЕСТВО, ОДИН, ОДНО. Таким образом, между двумя группами лексики устанавливается связь, отражающая мировоззрение Мнацакановой, всегда стремящейся к обособленности и одиночеству в творчестве.

Д. Суховой отмечает, что в словах, записанных прописными буквами, может актуализироваться мистическое или иконическое значение слов [15]. Так, в книге «Das Buh Sabeth» [6: 79-169] повторяется выделенное заглавными буквами слово МАРТ. Многочисленное повторение этого слова и его семантических вариантов в данном цикле (март-мрак-смерть) отсылают нас к поэзии заговоров.

С другой стороны, выделенные прописными буквами слова актуализируют тему цикла – смерть и возрождение, неразрывность жизни и смерти, ведь слово МАРТ одновременно имеет множество значений.

В. Руднев в статье «Стихосложение Елизаветы Мнацакановой» [9] уподобляет стиховую систему поэтессы инкорпорирующим языкам, «где имеет место простое нанизывание основ, где нет грамматики, смысл слова-предложения синкретичен, а мышление на таком языке мифологическое» [9]. Такое «нанизывание» и повторение слов, на наш взгляд, ведёт к многозначности элементов её поэзии.

Так, март – это первый месяц весны, связанный с возрождением: «НАСТАНЕТ МАРТ КАК БУДТО МЕРТВ ВОССТАНЕТ» [6: 181], и одновременно он оказывается семантически связан со смертью и мраком: «НАГРЯНЕТ МРАК КАК БУДТО МАРТ НАСТАНЕТ» [6: 181], «настанет с мартом март смарт как будет смерть нагрянет» [6: 181]. Сопоставление «марта» со «смертью» происходит и через реминисценцию на строку из стихотворения Тарковского: «НА СВЕТЕ МАРТА НЕТ» [6: 181] (ср. «На свете смерти нет...»). Слова у Мнацакановой, как мы увидели, не существуют изолированно, а актуализируют смыслы: «март-мрак-смерть», утверждая тем самым неразрывность жизни и смерти. Таковому восприятию читателем её поэзии способствует выделение прописными буквами ключевого слова МАРТ, способного к метаморфозам.

Выделен большими буквами и рефрен в стихотворении «Песнь песней» [6: 149-169]: «ЛЮБОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ». Прописной шрифт здесь также выполняет функцию смысловой акцентуации. Неповторное повторение указывает в тексте на то, что любовь продолжается, вопреки смерти.

Заключение

Проанализировав два типа визуально-графических приёмов в книге Е. А. Мнацакановой «Шаги и вздохи» – расположение текста на странице и шрифтовая акциденция, мы пришли к выводу, что использование поэтессой рассмотренных нами визуально-графических приёмов, во-первых, организует звуковое оформление стихотворения, т.е. выполняет партитурную функцию (отступы, пробелы, голофрастические конструкции), во-вторых, создаёт дополнительную смысловую акцентуацию (использование иностранного шрифта, прописные буквы), в-третьих, помогает целостному восприятию текста и обеспечивает возможность многонаправленного чтения (запись сплошного текста, членение текста на несколько вертикальных потоков). При этом набор визуально-графических приёмов, используемых Мнацакановой, объясняется визуально-аудиальным характером её творчества и «стерео-скопично-фоничным» мышлением самой поэтессы.

Список литературы

1. Сальникова Е.В. *Феномен визуальности и эволюция визуальной культуры*. М.; 2012.
2. Гик Ю.Л. Визуальная поэзия: теория и практика. Доступно по: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=12664>. Ссылка активна на 20.04.2020.
3. Матвеева М.С. Визуальная поэзия – биологический вид творчества. Статья первая. *Гуманитарная парадигма*, 2018;4:64-84.
4. Аристов В.В. О книге стихов Е. Мнацакановой «Arcadia». *ARCADIA: Стихи. Из лекций. Статьи*. 2004;7-9.
5. Корчагин К., Ларионов Д. Чтение партитур. Доступно по: <http://os.colta.ru/literature/events/details/37507/>. Ссылка активна на 19.04.2020.
6. Мнацаканова Е.А. *Шаги и вздохи. Четыре книги стихов*. Вена; 1982.
7. Stephanie Sandler. Visual Poetry after Modernism: Elizaveta Mnatsakanova. *Slavic Review*. 2008;63:610-641.
8. Самохоткин А. Фрагменты поэмы Елизаветы Мнацакановой. Интервью с автором. Доступно по: <https://syg.ma/@samokhotkin/fraghmienty-poemy-ielizaviety-mnatsakanovoi-intierviu-s-avtorom>. Ссылка активна на 19.04.2020.
9. Руднев В.П. Стихосложение Елизаветы Мнацакановой. Доступно по: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj4546/rudnev.shtml>. Ссылка активна на 19.04.2020.

10. Мнацаканова Е.А. Осень в лазарете невинных сестёр. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/osen-v-lazarete-nevinnyh-sester.html>. Ссылка активна на 20.04.2020.
11. Бирюков С.Е. Року укор. СПб.; 2003:347-348.
12. Бирюков С.Е. Поэзия: модули и векторы. Словомузыка Елизаветы Мнацакановой. Доступно по: <http://www.topos.ru/article/3315>. Ссылка активна на 20.04.2020.
13. Мнацаканова Е.А. Новая Аркадия. М.; 2018.
14. Семьян Т.Ф. Визуальный облик прозаического текста. Челябинск; 2006.
15. Суховой Д.А. Графика современной русской поэзии: дис. ... д-ра филол. наук. СПб.; 2008: 288. Доступно по: <http://levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOVEI/disser/index.html>. Ссылка активна на 19.04.2020.
16. Фатеева Н.А. Синтез целого: На пути к новой поэтике; 2010:176-180.

References

1. Salnikova EV. *The phenomenon of visuality and the evolution of visual culture*. Moscow; 2012. (In Russ.).
2. Geek YuL. Visual poetry: theory and practice. Available at: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=12664>. Accessed Apr 19, 2020. (In Russ.).
3. Matveeva MS. Visual poetry is a biological type of creativity. *Article One Humanitarian Paradigm*, 2018;4:64-84. (In Russ.).
4. Aristov VV. About the book of poems by E. Mnatsakanova "Arcadia". *ARCADIA: Poems. From the lectures. Articles*. 2004:7-9. (In Russ.).
5. Korchagin K., Larionov D. Reading scores. Available at: <http://os.colta.ru/literature/events/details/37507/>. Accessed Apr 19, 2020. (In Russ.).
6. Mnatsakanova EA. *Steps and sighs. Four books of poetry*. Vienna, 1982. (In Russ.).
7. Stephanie Sandler. Visual Poetry after Modernism: Elizaveta Mnatsakanova. *Slavic Review*. 2008;63:610-641.
8. Samokhotkin A. Fragments of a poem by Elizabeth Mnatsakanova. Interview with the author. Available at: <https://syg.ma/@samokhotkin/fraghmienty-poemy-ielizaviety-mnatsakanovoi-intierviu-s-avtorom>. Accessed Apr 19, 2020. (In Russ.).
9. Rudnev VP. The poem of Elizabeth Mnatsakanova. Available at: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj4546/rudnev.shtml>. Accessed Apr 19, 2020. (In Russ.).
10. Mnatsakanova EA. Autumn in the infirmary of innocent sisters. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/osen-v-lazarete-nevinnyh-sester.html>. Accessed Apr 19, 2020. (In Russ.).
11. Biryukov SE. *Reproach to fate*. St. Petersburg, 2003:347-348. (In Russ.).
12. Biryukov SE. Poetry: modules and vectors. Word Music Elizabeth Mnatsakanova. Available at: <http://www.topos.ru/article/3315>. Accessed Apr 19, 2020. (In Russ.).
13. Mnatsakanova EA. New Arcadia. Moscow, 2018. (In Russ.).
14. Semyan TF. The visual appearance of a prosaic text. Chelyabinsk, 2006. (In Russ.).
15. Sukhovey DA. Graphics of modern Russian poetry: dis. Dr. filol. sciences. St. Petersburg, 2008:288. Available at: <http://levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOVEI/disser/index.html>. Accessed Apr 19, 2020. (In Russ.).
16. Fateeva NA. Synthesis of the Whole: Toward a New Poetics; 2010:176-180. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Япишина Ангелина Евгеньевна, аспирант 2 курса, Южно-Уральский государственный университет, кафедра русского языка и литературы, г. Челябинск, Российская Федерация.

E-mail: ro.roy@yandex.ru

Адрес: 454080, Челябинск, Проспект Ленина, 76. ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)»

Bionote:

Angelina E. Yapishina, 2nd year graduate student, South Ural State University, Department of Russian Language and Literature, Chelyabinsk, Russian Federation.

E-mail: ro.roy@yandex.ru

Address: 454080, Chelyabinsk, 76 Lenin Ave. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "South Ural State University (NRU)"

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

LITERARY STUDIES

Оригинальная статья

УДК 821.112.2-2

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-157-166

Становление концепта «инаковость» в раннем творчестве Р. Музиля

Н.Ю. Конышева

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет (Российская Федерация, г. Челябинск),*

ORCID ID: 0000-0002-8431-5119; e-mail: natashakonysheva@mail.ru

Получена: 30.04.2020 /Принята: 19.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: «Иное состояние» – это утопия соединения противоположностей рационального и иррационального. Идея «инобытия», легшая в основу всего творчества Р. Музиля, оформилась в целостную концепцию познания, созерцания и поиска. В статье описан путь становления концепта в ранних дневниках, первом романе и новелле раннего периода творчества. Общее поле семантики концепта, которое распространяется на ранние произведения Музиля, по-разному оформляется и обрастает дополнительными смыслами внутри отдельного произведения. В раннем творчестве Музиля можно выделить этапы становления концепта: в дневниках – формулирование идеи инаковости (возможность опыта иррационального); в романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» – постановка и решение проблемы поиска слова и языкового выражения концепта; расширение аспектов идеи в новелле «Созревание любви». В романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» актуальны смысловые аспекты концепта в понимании другого как 1) непохожего на окружающих; 2) другого «я».

В новелле «Созревание любви» эти аспекты сохраняются, кроме того, «инаковость» становится позитивной утопией нерационального состояния в любви – смысл, который наиболее актуален в позднем творчестве. В раннем творчестве отражён путь становления концепта от семантики к поиску форм выражения. Языковое оформление «инаковости» включает контекстную синонимию, метафоризацию, эвфемизацию, невербальное выражение.

Ключевые слова: «инобытие», «иное состояние», «инаковость», концепт, концептуализация, рациональное, иррациональное.

Для цитирования: Конышева Н.Ю. Становление концепта «инаковость» в раннем творчестве Р. Музиля. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.* 2020. №2. С. 157–166.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-157-166

Formation of the concept «difference» in early works of R. Musil

N.Yu. Konysheva

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

(Russian Federation, Chelyabinsk),

ORCID ID: 0000-0002-8431-5119; e-mail: natashakonysheva@mail.ru

Received: 30.04.2020 /Accepted: 19.05.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: «Other condition» is a utopia of opposites of rational and irrational. The idea of «otherness», which is the basis of the whole creation of Musil took shape in a holistic concept of knowledge and search. The way of the formation of the concept in early diaries, the first novel and the novel of the early creation are described in this article. The general field of the concept of semantic, which extends to early works of Musil, formalizes differently and gets additional meanings inside of the separate creation. In early creation of R. Musil we can distinguish three phases of the formation of the concept. In diaries it's the formulation of the idea of the otherness: the possibility of an irrational experience; in novel «The confusions of young Torless» it is the statement and the solving of the problem of word search and linguistic expression of the concept; and finally it's the conceptualization of the idea in the novel «The Perfecting of a Love». In novel «The confusions of young Torless» semantic aspects of the concept are actual: 1) exceptionality of the hero, who is different in relation to other; 2) the evolution of the character that is «different» in relation to yourself; 3) «different», that is contraposed.

In the novel «The Perfecting of a Love» «difference» becomes an utopia of a non-rational state in love, the meaning, which is actual also in late creation. The early creation reflects the way of the formation of the concept from semantics to search of forms of the expression. Language formalization of «difference» includes context synonymy, metaphorization, euphemization, non-verbal expression.

Keywords: otherness, other condition, difference, concept, conceptualization, rational, irrational.

For citation: Konysheva N.Yu. Formation of the concept «difference» in early works of R. Musil. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020, no 2, pp. 157–166 (In Russ.).

Введение

В начале 20-х годов «один из самых трагических» [1: 234] писателей своего времени Р. Музил трижды фиксирует в своих дневниках запись о «попытках найти другого человека». В определённом смысле эти слова стали выражением содержания всего творчества писателя: от первых литературных поисков до поздней интеллектуальной прозы. Понятие «инобытия», «иноного состояния» (der andere Zustand) осмысливается Музилом в дневниках, в эссеистике, в романах и концептуализируется в позднем творчестве как «инаковость».

Целью статьи является определение этапов становления концепта «инаковость» в раннем творчестве Р. Музиля, анализ актуальных смысловых аспектов.

Обзор литературы

Автор, чье творчество осмысливается на протяжении вот уже почти века разносторонне, начиная от состава текстов (например, последний роман, вышедший после смерти писателя, – предмет изучения с точки зрения реализованности замысла, как в книге А.В. Белобратова «Метод и роман»), реализации в художественном мире писателя его инженерного и математического мышления (например, рациональный подход в сумме с поэтическим познанием как способ разрешения противоречий анализирует В. Курц), связи романов с той или иной философской школой и места автора-психолога, «впервые разработавшего литературные подходы к действительно психологическому определению души» [2]

(К. Брюнинг) активно обращается к проблеме внутренней самоидентификации личности, самоопределения себя как Другого.

«Инаковость» – основное понятие мировоззренческой системы Музиля. Оно обсуждается исследователями в разной степени (М. Вагнер-Эгельхааф – как состояние, которое религиозно мотивировано и имеет этические, художественные последствия; М. Шмитц – как утопия братско-сестринской любви [3]; Х. Бростхаус и А.В. Белобратов с точки зрения развития авторского замысла, А.В. Карельский – как воплощение авторской утопии). Э. Кайзер и Э. Уилкинс в уже классическом «Введении в творчество Музиля» (1962) одни из первых указывают на единство концепции «инобытия» во всех произведениях писателя: пограничное состояние между рациональным и иррациональным перерождается то в сексуальное неистовство, то в гносеологический кризис, то в «поэтическое познание» [4], балансирующее между точным и неопределимым. О «родстве» героев Музиля, переживающих невыразимое состояние, начиная с мсье вивисектора, пишет французский исследователь Э. Ренье-Сервранкс в работе «Роберт Музиль. Постоянство и развитие тем, мотивов и структур в поэзии» (1972). Идея двойственности рассматривается в работе в контексте музильевской символики дня и ночи, света и тени, которая не сводится к позитивным и негативным принципам. «Соединение рационального и иррационального – проявление двух родственных друг другу состояний, единой умственной способности» [5: 39]. Обоснованно в своих работах В.В. Шервашидзе называет «инобытие» Музиля «двоемирием», в котором противопоставлены мир «действительности» и мир «возможности», где утверждённый порядок вещей подвержен авторской иронии [6: 66].

Суть концепции иного состояния и её сюжетное воплощение анализирует А.В. Карельский в своих статьях по австрийской литературе: для героев произведений Р. Музиля утопия инобытия – это состояние любви, добра, мироощущения, созерцания, приближения к Богу, восторга, это отказ от привычной вековой логики и утверждение опыта, «отрешение от прежнего образа жизни, от всех буржуазных норм и свойств, от канонов морали и рассудка. Проблемный подход демонстрирует работа современного учёного М. Дайка «Иное состояние» в романе Р. Музиля «Человек без свойств»: утопия или воплощение?» (2009). Утопия, обретение иного состояния – то, к чему стремятся все герои Музиля. Оно не образует вторую реальность, а представляет собой состояние переживания, в котором опыт реальности сливается с эстетическим, чувственным, невыразимым опытом. В качестве фаз переживания «другого состояния» автор выделяет воспоминания детства, переживание любви, обретение цельности души и цельности чувства [7].

Материал и методы исследования

Проанализировав большое количество биографических работ, посвященных творчеству Музиля, мы делим его на два этапа: ранний (1898–1919) и поздний (1920–1942) [8]. Материалом данного исследования послужило раннее творчество Р. Музиля: дневники и эссе периода 1898–1919 гг., роман «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» (1906), новелла «Созревание любви» (1911).

Методологически данное исследование базируется на семиотическом подходе и концептном анализе, который к раннему творчеству писателя не применялся. Опираясь на труды С.А. Аскольдова, В.Г. Зусмана, Н.Э. Сейбель, мы исходим из того, что концепт концентрированно отражает ментальные, логические и эмоционально-образные смыслы, выраженные лексически.

Результаты и дискуссия

«Иное состояние» – это утопия соединения мистики и яви, слияния противоположностей рационального и иррационального, бодрствующего ума и чувствования ночи, состояние, противопоставленное чувству реальности. Концепция «инобытия» Роберта Музиля впервые получила образное воплощение в «Парафразах» (1900–1901 г.) – кратких пассажах в духе импрессионизма. Главный персонаж отрывков – молодой человек, напоминающий мсье вивисектора, одинокая, загадочная для окружающих фигура. Своей таинственностью и мистицизмом образ соотносится с идеей невыразимого состояния. Примерно в это же время Музиль начинает вести дневник, который называет «Листками из ночной тетради мсье вивисектора». Герой дневников Музиля формулирует идею соединения рационального и иррационального начал. Каждое из них устойчиво соотносится со временем суток: рациональное – день, иррациональное – ночь – одни из главных символических образов Музиля, отражающих фундаментальную двойственность жизни: «Днём мы являемся членами того или иного общества, с теми или иными обязательствами, мы вынуждены жить по законам, которые признает наш разум. Ночью мы оставляем все альтруизмы снаружи, другая сторона нашей личности требует своего права» [9: 10].

День характеризует человека с позиции социальных ролей. Ночь – вне социальной, моральной и психологической взаимосвязи. Герои-подростки первого романа Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса», покидая привычный «дневной» образ мальчиков из привилегированных семей, нарушают ночью школьные правила, запреты родителей, законы нравственности. День – нединамичное, бездейственное, непродуктивное для Тёрлеса время исполнения общественных обязанностей: уроки, игры, одинаковый распорядок дня в интернате, каждодневное общение с учителями и одноклассниками, – все это не вызывает особого интереса, а представляет необходимость. Наступление сумерек вносит беспокойство в обыденную жизнь, главным вопросом поиска, понимания, смятения Тёрлеса становится другая, чувственная область. Если правдивость днем герою представляется, как если бы она была в свете разума, большей частью ясной и понятной, то вечером она становится странной и загадочной для него. Столкновение, череда дня и ночи, перетекания одного в другое в ранних эссе и первом романе формируют другие контрастные образы: навязанного долга и личного желания, привычного, узнаваемого и увиденного, воспринятого иначе.

Вопросы самого Музиля, его героев о другой области, скрытой за повседневными образами, возникают в произведениях неоднократно. В каждом случае является проблемой, сложностью, предметом объектом поиска, а в позднем творчестве остаётся нерешенной задачей. Становление концепта «инаковость» начинается с ранних дневниковых заметок.

Исследователи отмечают, что поиски языкового выражения «иного состояния» были тяжелой задачей, чем объясняется наличие до пяти вариантов некоторых глав романа «Человек без свойств» [10: 134]. В частности, об этом пишет А.В. Белобратов в монографии «Метод и роман». Кроме того, проблемы языка начинают остро звучать в австрийской литературе и искусстве XX века. Скептический подход к языку состоял в том, чтобы задуматься над обозначениями, несоответствием между обозначением и обозначаемым. Обосновать идею иного состояния Музиль пытается с психологической, метафизической и мистической точки зрения, соответственно, в текст второго романа вошли обширные цитаты и теоретические экскурсы, что существенно осложнило повествовательную линию. Полностью понятие концептуализируется только во втором томе романа. Раннее творчество Музиля (1898–1919) отражает путь становления концепта.

Впервые идея возможностей иного восприятия, не только рационального возникает в эскизе «Век стилизаций» 1899 года, и представлена она двумя значимыми тезисами. Во-первых, размышляя над таинственностью повседневности, Музиль приходит к выводу, что для большинства людей она не имеет смысла. Для них вещи обыденной жизни, такие как улица, являются вопросом, не стоящим размышлений. Музиль пишет о переменчивости взглядов, соединении одного с другим, об интересе к пограничным состояниям духа, когда повседневная реальность оказывается лишь оболочкой более глубокой истины. Во-вторых, уже здесь Музиль выделяет факты, которые с легкостью становятся объектом логического осмысления либо не поддаются рациональному упорядочению. Позже второй тезис оформится концептуально в «Очерке поэтического познания» и художественно в «Тёрлесе».

Сложность идеи иного состояния обусловила и сложности формулировки. В ранних дневниках и эссе идея сопровождается метаязыковым комментарием, выражается контекстуально. Так, герой «Ночной тетради» говорит о том, что он *«впервые»*¹ воспринял свою комнату как нечто *цельное*» [9: 8]. Для характеристики нового пограничного состояния Музиль находит синонимичные слова и сочетания слов: *«другая сторона личности»*, *«себялюбие»*, [9: 10] *«контраст ощущений»* [9: 14]. Проблема языкового выражения «иного состояния» – проблема не только Музиля, но и его героев. Языковая задача совершенно чётко обозначена в «Листках из ночной тетради мсье вивисектора»: чтобы «ни одно слово извне не нарушило прекрасного единообразия моего нынешнего ощущения» [9: 10].

В романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» данная проблема звучит наиболее остро. Главный герой, переживающий состояние на границе рационального и иррационального, ищет приемлемые формы, чтобы выразить его словами. На этапе смятения и непонимания самым удобным и безоценочным вариантом становится эвфемизация – нейтральная по смыслу и эмоциональной нагрузке форма выражения. Продуктивные и частотные лексическо-морфологические единицы – числительные: «во мне было *второе*, которое смотрело на все это не глазами разума [11: 145]; неопределённые местоимения и прилагательные со значением «неопределённости»: «его природа получила *что-то смутное*»

¹ здесь и далее курсив наш. – Н.К.

[11: 14], «Он ждал *чего-то*, что никогда не происходило. Чего?... *Чего-то* неожиданного, *невиданного*» [11: 18].

Несмотря на «невыносимое многословие» [12: 128] новеллы «Созревание любви» и высокую описательность переживания героиней беспокойного, странного состояния, здесь идея тоже полностью не концептуализируется. Общее направление языкового оформления «инаковости» близко первому роману: неопределённые местоимения и прилагательные со значением неопределённости («что-то смутное добралось до сознания, какая-то мысль, какая-то идея...» [13: 33]). Таким образом, и здесь идея ещё последовательно эвфемизируется.

Достигая пределов «произносимого», герои Музиля оказываются на пороге постоянного переступания границ вековой морали, мистико-рационалистического переживания «иного состояния», чувства невыразимого, о котором пишет Л. Витгенштейн в своем философском трактате: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно; о чем нельзя говорить, о том следует молчать» [14: 3]. Дифференциация бытия вещей и бытия слов приводит к отрицанию языка. Большинство философов XX века исходят из этого принципиального и категоричного для них тезиса. Распад целостности бытия ведет к кризису и распаду языка.

Способы выражения иного состояния зависят от дискурса персонажа. Тёрлесом «инаковость» нередко называется словами, если имеется в виду непохожесть и исключительность самого героя: «он чувствовал в себе что-то исключительное, выделяющееся» [11: 8]. На этапе осмысления героем чувства меняется и лексика. Вместо слов со значением неопределённости появляются слова с семантикой уникальности, каких-либо выдающихся способностей, свойственных одному и несвойственных остальным. Отчётливость и ясность в значении слова при поиске концептонима вносится героем со степенью осмысления состояния. Чем больше оно перестаёт быть загадкой, тем конкретнее слово, обозначающее его. Однако языковая проблема остаётся нерешённой до конца романа. К примеру, представ пред комиссией учителей, Тёрлес так и не смог внятно объяснить, выразить состояние, которое он испытывал, рассказать о причинах своего поведения.

Задача не разрушить единство невыразимого ощущения, поставленная в дневниках, часто решается в произведениях невербально:

«Тёрлес хотел что-то сказать, отпустить какую-нибудь грубую шутку, он чувствовал, что все сейчас зависит от того, чтобы сказать какое-нибудь безразличное, пустое слово, но он не издал ни звука» [15: 33].

«И опять Клодина промолчала. То, что в ней было нечто, не поддающееся выражению, поскольку оно находилось за границами слов, – все это она ощущала сильнее, когда молчала» [13: 45].

Вместо того, чтобы произнести, герои Музиля выражают свою позицию молчанием, которое интерпретируется остальными превратно, так как само слово «не фиксирует твёрдые понятия, а рождает пульсирующие смыслы» [16: 392]. «Молчание как форма коммуникации» [17: 19] и способ выражения иного состояния обретает важное значение. Существеннее становится не слово, а осмысленное молчание как максимально безболезненный и нейтральный способ коммуникации, как внутреннее единство героя.

Значительна мыслительная традиция, ставящая концепт в такие взаимосвязи, как:

- исключительность героя, то есть другой по отношению к окружающим (Б. Вальденфельс, Э. Гуссерль, Э. Левинас, Х. Ортега-и-Гассет);
- эволюция характера, то есть «другой» по отношению к себе (Г. Гегель; Ж. Лакан);
- «другой» в значении противопоставленный, «другой есть тот, кто не является мной и которым я не являюсь» [18: 252] (Ж.-П. Сартр);

Аспекты оппозиции «я – другой» обсуждаются в работах Н.А. Бердяева, Э. Гуссерля, Ж. Бодийяра, Э. Левинаса, Ж. Лакана, М. Бубера, Х. Ортеги-и-Гассета, Ж.-П. Сартра. Классическая философия (Л. Фейербах, Р. Декарт, Г. Гегель) определяет Другого как второе Я, как инобытие.

Концепции Э. Левинаса, Э. Гуссерля [19; 20] раскрывают отношения «я – другой» в двух аспектах: 1) осознание своей уникальности, познание Другого через собственную проекцию; 2) осознание инаковости определяет отношения «я – другой» и помогает самораскрыться.

Несмотря на множество концепций, разными философами отмечается необходимость познания Другого как путь к самопознанию. Понятие Другого как главной составляющей самопознания вводит Г. Гегель в «Феноменологии духа» [21]. Этот тезис Гегеля соотносится с главным аспектом смысла инаковости – другое восприятие, противопоставленное рациональному, является ключевым объектом поиска всех интеллектуальных персонажей Музиля и Тёрлеса как молодого, взрослеющего героя.

В раннем творчестве Музиля возможность интуитивного приобретения опыта, не скованного вековыми условностями, в противовес рациональному, становится одной из главных доминант представления Музиля об «ином состоянии»: «открыть все шлюзы для чувства, распахнуть сердце любви и вере; жить не расчетом, а озарением; не практической деятельностью в реальном мире, а прикосновением к неизречённым тайнам «инобытия» [22: 185]. «Инаковость» предполагает *другое* восприятие предметов, событий, явлений («*другие* способы познания и способности к познанию, кроме тех, какими располагает рациональный человек» [23: 1029]). Тёрлес настолько глубоко впечатлен мыслями о двойственности восприятия, что это помогает ему явственнее увидеть свои собственные заблуждения и осознать их тесную связь с двумя сферами математики, рациональной и предполагаемой иррациональной. Тёрлес обнаруживает, что даже в таком рациональном мире математической точности есть неочевидная, иррациональная сторона, противоположный мир, неподвластный логике и точности вычислений. Принятие героем двойственного мира – мира взрослых, их морали, спокойствия и находящегося за ним совершенно непонятного мира тревожных переживаний подкрепляется параллелью со сферой математической науки. Тёрлес чувствовал, что разрывается между двумя мирами: буржуазным, в котором все урегулировано и разумно, и авантюрным, полным тьмы, тайны и неожиданностей. На примере мнимых величин герой узнаёт, что есть и иной, мнимый результат восприятия действительности, не только взгляд разума, взгляд за пределы формы. С этого момента Тёрлес начинает воспринимать все вещи, процессы и людей как нечто двойственное. Метод, применимый к математике, так же легко применим и к жизни: «доказать реальность нереального математически» [22: 168]. Уже на данный момент герой распознает глубину математики, её значение за пределами простого вычисления, знает, насколько математические вопросы тесно связаны с религиозными и метафизическими. Ситуация кражи, которая, как казалось Тёрлесу, должна иметь однозначную оценку и последствия, получает совершенно иной итог. Точка зрения родителей, несогласных с категоричным мнением Тёрлеса, становится первым этапом выхода за границы вековой условности: «Он не мог представить, что его родители могли думать иначе» [15: 54]. Сложности восприятия неоднозначных ситуаций, таких, как кража Базини денег, побуждают Тёрлеса по-другому, не односторонне подходить к оценке явлений и фактов, которые не делятся только на положительные или отрицательные. Новые способы и способности познания предлагают проверку действительного возможным, отрицание логики и утверждение опыта: «смотреть то глазами разума, то другими», – приходит Тёрлес к выводу [15: 146].

Гибкость в понимании и токовании жизни, которой учится Тёрлес в первом романе, в новелле «Созревание любви» иллюстрирует Клодина. Высшая ступень переживания иного состояния – иное, невыразимое, немотивированное состояние в любви. Клодина – замужняя женщина, любящая своего супруга, но переживающая скованность, ограниченность чувства в этом браке. Как и Тёрлес, она выражает несогласие предписанным вековым нормам, законам и условностям, внутри которого мелкое воровство денег в интернате, запретная гомосексуальная связь с одноклассником (роман «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса») или измена мужу (новелла «Созревание любви») – частный пример, случай, выходящий за пределы общепринятого. Для Музиля является важным запретный характер такого случая, но важен не потому, что это протест общепринятой морали, а значим как созерцание самого себя, как сосредоточенность на своём переживании и состоянии в этом переживании. На первый взгляд кажется, что смысл заключается в жертвенном поступке, в принятии унижительного сексуального переживания, которое одновременно притягивает и отталкивает. Однако более глубокий смысл заключается в том, чтобы через это переживание осознать свою идентичность. В новелле Музиль вновь стремится объединить противоположное, потому неверность Клодины мыслится ей самой как что-то, за счёт чего достигается совершенство любви, утопия иного состояния.

Познание идентичности героя происходит через понимание того, что находится за пределами этой идентичности, то есть в соотношении героя с окружающими: взаимодействие Тёрлеса с одноклассниками, отношения Клодины с незнакомыми мужчинами. Родители отправляют своего сына за город обучаться в элитном интернате для мальчиков, атмосфера которого герою чужда и неприятна. Так, концепт образует пространственную оппозицию «дом – интернат», которая на протяжении всего романа не исчезает, но соотношение ее компонентов меняется в зависимости от того, насколько иначе герой начинает воспринимать окружающую его атмосферу и своё положение внутри неё. Концентрированно концепт в данном смысловом аспекте содержится в начале романа и лексически представлен как с помощью ключевых слов с семантикой инаковости, чуждости, так и образно, через контекстуаль-

ною синонимию: «негостеприимная чужбина» [11: 8]; «другая, животная, давящая атмосфера» [11: 18]; «другой, глухой, бушующий, страстный, разрушительный мир» [11: 49]; «это был мир сам по себе, эта тьма» [11: 25]. Тёмный, пугающий, жестокий, пошлый мир, в котором происходят отвратительные, неясные, не всегда объяснимые события, – всё это вызывает чувство отчуждённости и неприятия. Первоначальной причиной такого резкого неприятия герой считает тоску по дому и родителям. Истинной причиной несоответствия становится особый характер чувственности Тёрлеса, иное состояние, к которому он попытался приблизиться. В связи с этим в «Душевных смутах воспитанника Тёрлеса» опыт принятия «инаковости» заключается во встрече с женским началом. Этот семантический аспект решается в отношениях Тёрлеса и Базини. Физически Базини выглядит иначе, чем остальные мальчики: «прекрасно сложен; на теле почти отсутствовали следы мужских форм, он был целомудрен, строен до худобы, как юная девушка» [15: 95]. Инаковость Базини подчёркивается не раз в его внешности контекстуально (большая голова, неуклюжие движения и т.д.) и выражениями, в состав которых входят слова со значением инаковости, непохожести («ему показалось, что девушка не могла быть другой» [11: 104]). Уродство, душевная, нравственная, физическая неполноценность вызывает в глазах окружающих насмешку, жалость, отвращение. Последователь З. Фрейда, сам Р. Музиль, говоря о бисексуальной природе человека, избегает негативной оценки Базини, несмотря на то, что благотворность отрицательного опыта в его концепции познания не безоговорочна. Для Тёрлеса Базини в своей андрогинной сущности прекрасен, герой видит в нем что-то, что привлекает его, гармоничное сочетание мужского и женского. Принятие «иноного состояния» через андрогинность, через эротический опыт возвышают смятения героя до эстетизма и наслаждения, несмотря на запретный характер связи героев.

Подобное состояние испытывает героиня новеллы. Для Клодины соотношение себя с другим – вопрос, в котором она до последнего момента сомневается, отвечая на него то отрицательно, то утвердительно, испытывая то желание, то отвращение. Так же, как и в случае с Тёрлесом, этот опыт не отделим от познания и нравственности. Для Клодины такой опыт ставит под сомнение её верность мужу, но в то же время является высшей ступенью созревания чувства, завершением любви. Отличие переживаемого героями невыразимого состояния в том, что Тёрлес пришёл к нему случайно, Клодина намеренно.

Осуществив попытку приблизиться к переживанию утопии иноного состояния, герои меняют и отношение к происходящему, иным становится результат восприятия. «Этическое измерение того, другого состояния заключается в том, что традиционные различия философии морали теряют свою актуальность и становятся возможными новые, нетрадиционные действия» [24: 709]. Кража, которую герой сначала воспринял как что-то недопустимое, теперь воспринимается им не так категорично. «Когда я услышал об этом впервые, мне показалось это чем-то чудовищным... чем-то невообразимым... <...> А потом я ни о каких наказаниях уже не думал, смотрел на него совсем с *другой* стороны» [15: 142]. Другие возможности восприятия приводят и к *другому* результату восприятия. Улица не обязательно что-то прямое, полное света, она так же может быть извилистой, тёмной, загадочной, с подземными переходами и узкими ответвлениями, «она может быть ещё чем-то *другим*?» [9: 13]).

Инаковость, с одной стороны, – всеобщее неприятие, отверженность (Базини), с другой – исключительность, уникальность (Тёрлес, Клодина). В дневниках Музиля пишет о превосходстве человека, умеющего совместить рациональное с иррациональным, над теми людьми, которые видят улицу только улицей и ничем иным. Немногие имеют мировоззрение, из которого все кажется странным, неясным, не таким, как оно есть в действительности. Этот смысл в романе и новелле сохраняется, получает развитие и лексически предстаёт в романе виде метафоры, перифразы, синонимии. Превосходство Тёрлеса другие герои воспринимают и оценивают через призму своего социального положения. Базини говорит об «особом способе» [11: 118] Тёрлеса мучить его, учитель математики об «остроумии» [11: 142], Божена о неопытности и юности. В новелле этот аспект в меньшей степени актуален, Музиль не подчёркивает в Клодине такую уникальность, как делает это в «Тёрлесе», но и здесь, и в романе обрётённая героями способность размышлять постоянно ставит их в ситуацию глубокого переживания, вызванного непониманием со стороны учителей, родителей, одноклассников, прохожих на вокзале, попутчиков в поезде и т.д.

Наконец, «инаковость» – это соотношение человека с самим собой, ego и alter-ego, понимание «другого» как другого «Я». Определяющим вопросом в соотношении «тождественного» и «иноного» становится осознание своей идентичности. Индивидуальность мыслящего человека раннего творчества Музиля состоит в обрётённой способности гармоничного сочетания пограничных состояний. Эволюционируя от незнания к знанию, от неприятия к примирению с обстоятельствами, с самим собой, герои меняются.

Взаимная связь аспектов концепта приводит их к активному переосмыслению своего alter ego, которое составляет определяющий элемент сознания, побуждает к саморефлексии и осмыслению собственных и чужих действий. Это явно выражено в романе посредством вводных слов «с одной стороны», «с другой стороны», которыми сопровождаются внутренние его монологи Тёрлеса («Странная способность заставляла его воспринимать события, людей, предметы, а порой и самого себя так, что у него при этом возникало чувство, с одной стороны, неразрешимой непонятности, с другой – необъяснимого, ничем не оправданного родства» [9: 26]). Клодина воспринимает другое «я» как вторую жизнь, как отдельно-го человека, к которому «можно попытаться приспособиться» [12: 56]. В более эксцентричной форме соотношение alter ego героя Музиля, близкого автору, описано в эссе «О книгах Роберта Музиля» 1913 г. Беседа двух писателей и геолога литературы о книгах Р. Музиля на самом деле является монологом автора по сути и диалогом индивидуальностей героя по форме. Но и в дневниках, и в художественной прозе, и в эссе Музиль подчеркивает необходимость связи одной грани индивидуальности и другими. Разрыв двух миров – буржуазного, в котором царит порядок, и авантюрного, стихийного, неупорядоченного – вызвал разницу рационального и иррационального восприятия. Связь смысловых границ концепта сохраняется как внутри отдельного произведения, так и между произведениями автора.

Заключение

Сложность диалектических отношений «своего» и «чужого» в «инаковости» отразились не только в образах персонажей, но и в творческой биографии самого Музиля. По первым художественным опытам Музиля становится ясно, что «иное состояние» – это форма презентации автора и его героев. Большинство персонажей музильевских текстов – авторские самопроекции в разной степени. Изображая путаницы персонажей, Музиль имел в виду и свои поиски и заблуждения и сам едва ли мог отличить одну область познаваемого от другой, с трудом находил способы выражения иного состояния. Идеи и представления предшественников писателя, его учителя в литературе и философии, с одной стороны, и духовные потребности самого автора, его писательский опыт, с другой, они создают пограничную зону, в которой влияние тесным образом соединяется с авторскими стремлениями и поисками.

В «Человеке без свойств» Роберт Музиль пишет: «...Человек, который хочет истины, становится ученым; человек, который хочет дать волю своей субъективности, становится, вероятно, писателем; а что делать человеку, который хочет чего-то промежуточного между тем и другим?» [25: 238] На этот вопрос писатель начинает искать ответ с самых ранних литературных опытов и на протяжении творческого пути не прекращает поиски, пытаясь раскрыть иррациональные корни человеческого поведения, которое называет «иным состоянием». Идея инобытия последовательно развивается в раннем творчестве Музиля и ложится в основу концепта «инаковость».

Языковой образ концепта широк и разнообразен. Его повторяющиеся смыслы, а именно: 1) отличительность, непохожесть героя, то есть другой среди окружающих; 2) внутреннее изменение характера, то есть другой по отношению к себе – выражаются чаще образно, контекстуально и метафорически, хотя слова со значением чуждости, непохожести, отличительности не раз произносятся главными героями романа «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» и новеллы «Созревание любви».

Оформление «инаковости» как концепта в раннем творчестве Музиля не происходит, но формируется идея инобытия, вобравшая в себя многие границы смыслов концепта. На этой основе можно определить общее направление становления концепта: образование смыслового поля – поиск путей выражения семантики.

Список литературы

1. Павлова Н.С. О свойствах романа «Человек без свойств». *Природа реальности в австрийской литературе*. М.: Языки славянской культуры, 2005:234–267.
2. Brüning K. Die Rezeption der Gestaltpsychologie in Robert Musils Frühwerk. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2015:335.
3. Schmitz M. Bewußter Utopismus und «Anderer Zustand». Die Konzeption des Möglichkeitsdenkens in Robert Musils Roman «Der Mann ohne Eigenschaften». München: GRIN Verlag, 1998:172. Доступно по: <https://www.hausarbeiten.de/document/106226>. Ссылка активна на 16.02.
4. Kaiser E., Wilkins E. Robert Musil: Eine Einführung in das Werk. Stuttgart, Klett, 1962:367.
5. Reniers-Servranckx A. Robert Musil. Konstanz und Entwicklung von Themen, Motiven und Strukturen in den Dichtungen. Bonn: Bouvir Verlag Herbert, 1972:317.

6. Шервашидзе В.В. Утопия «тысячелетнего царства» в романе Р. Музиля «Человек без свойств». *Вестник РУДН. Серия «Литературоведение»*. 2013;1:66–72.
7. Dajka M. Der andere Zustand in Robert Musils «Der Mann ohne Eigenschaften». VDM Verlag Dr. Müller, 2009:72.
8. Коньшева Н.Ю. Хронологические границы раннего творчества Р. Музиля. *Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей VIII Междунар. науч. конф. молодых ученых (8 февраля 2019 г.)*. Общ. ред. Ж.А. Храмушина, А.С. Поршнева, С.А. Иванова, С.К. Пестерев; Урал. федер. ун-т. Ч. 2: Современные проблемы изучения истории и теории литературы. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2019;2:143–148.
9. Musil R. Aus den Tagebüchern. Ausw. von Karl Markus Michel. Berlin: Suhrkamp V., 1963:189.
10. Белобратов А.В. Метод и роман: Роберт Музиль. Л.: ЛГУ, 1990:160.
11. Musil R. Die Verwirrungen des Zöglings Törless. Hamburg: Rowohlt, 1992:159.
12. Музиль Р. Португалка: Новеллы. Пер. с нем. А. Карельского, И. Алексеевой. СПб.: Азбука-классика, 2004:224.
13. Хильшер Э. Поэтические картины мира. Пер. с нем. Е. Грин. М.: Художественная литература, 1979:195.
14. Белобратов А.В. Музиль и Витгенштейн, или Литература и философия. *Вопросы философии*, 1998;5:113–119.
15. Музиль Р. Душевные смуты воспитанника Тёрлеса. Пер. с нем. С. Апта. СПб.: Азбука-классика, 2000:200.
16. История австрийской литературы XX века. Конец XIX – середина XX века. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2009;1:632.
17. Сейбель Н.Э. Австрийский роман Zwischenkriegszeit: монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006:414.
18. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000:639.
19. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. СПб.: Университетская книга, 2000:416.
20. Гуссерль Э. Картезианские размышления. Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука: Ювента, 1998:315.
21. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Система наук. Часть 1. Пер. Г. Шпета. СПб.: Наука, 1999;1:444.
22. Карельский А.В. Утопии Роберта Музиля. *Метаморфозы Орфея: беседы по истории западных литератур*. М.: РГТУ, 1999;2:303.
23. Musil R. Essays und Reden. Kritik. *Gesammelte Werke: in 9 Bd.* Hrsg. von A. Frise. Hamburg: Rowohlt, 1978;8,9:1694.
24. Wagner-Egelhaaf M. Anderer Zustand. Robert-Musil-Handbuch. Berlin, Boston: de Gruyter, 2016:708–710.
25. Музиль Р. Человек без свойств: роман. Пер. с нем. С. Апта. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2015:1088.

References

1. Pavlova NS. About the properties of the novel «The Man Without Qualities». Moscow: Languages of Slavic culture; 2005:234–267. (In Russ.)
2. Brüning K. The reception of Gestalt psychology in Robert Musil's early work. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition; 2015:335. (In Ger.)
3. Schmitz M. Conscious utopianism and «another state» – the conception of thinking about possibility in Robert Musil's novel «The Man Without Qualities». München: GRIN Verlag; 1998:172. Available at: <https://www.hausarbeiten.de/document/106226> Accessed Apr 16 February 2020). (In Ger.)
4. Kaiser E., Wilkins E. Robert Musil: An introduction to the work. Stuttgart, Klett; 1962:367. (In Ger.)
5. Reniers-Servranckx A. Robert Musil. Consistency and development of themes, motifs, and structures in the seals. Bonn: Bouvir Verlag Herbert; 1972:317. (In Ger.)
6. Shervashidze VV. Utopia of the “millennial kingdom” in the novel by R. Musil «The Man Without Qualities». Tomsk: Vestnik RUDN; 2013:66–72. (In Russ.)

7. Dajka M. The other state in Robert Musil's «The Man without Qualities». VDM Verlag Dr. Müller; 2009:72. (In Ger.)
8. Konysheva NY. Chronological frameworks of r. Musil's early creativity: Ekaterinburg: UMTS-UIP; 2019:143–148. (In Russ.)
9. Musil R. From the diaries. Berlin: Suhrkamp, V.; 1963:189. (In Ger.)
10. Belobratov AV. Method and Novel: Robert Musil. L.: LGU, 1990:160. (In Russ.)
11. Musil R. The confusions of young Torless. Hamburg: Rowohlt; 1992:159. (In Ger.)
12. Hilscher E. Poetic pictures of the world. Moscow: Fiction; 1979:195. (In Russ.)
13. Musil R. Die Portugiesin. SPb.: Azbuka-Klassika; 2004:224. (In Russ.)
14. Belobratov AV. Musil and Wittgenstein, or Literature and philosophy. 1998;5:113–119. (In Russ.)
15. Musil R. The confusions of young Torless. SPb.: Azbuka-Klassika; 2000:200. (In Russ.)
16. The history of Austrian literature of the XX century. T. 1. The end of the XIX – mid XX centuries. Moscow: IMLI im. A.M. Gorky RAS. 2009:632. (In Russ.)
17. Seibel NE. Austrian novel Zwischenkriegszeit. Chelyabinsk: publishing house of Chelyabinsk state pedagogical University; 2006:414. (In Russ.)
18. Sartre J-P. Being and nothing: The experience of phenomenological ontology. Moscow: Republic; 2000:639. (In Russ.)
19. Levinas E. Favorites. Totality and the Infinite. SPb.: University book; 2000:416. (In Russ.)
20. Husserl E. Cartesian meditations. SPb.: Science: Juventus. 1998:315. (In Russ.)
21. Hegel GVF. Phenomenology of the spirit. SPb.: Science. 1999:444. (In Russ.)
22. Karelskij AV. Utopia by Robert Musil: The metamorphoses of Orpheus: conversations on the history of Western literatures. Moscow: RSUH. 1999:303. (In Russ.)
23. Musil R. Essays and speeches. Review: collected works: in 9 Vol. Hamburg: Rowolt; 1978;8,9:1694. (In Ger.)
24. Wagner-Egelhaaf M. Other condition. Berlin, Boston: de Gruyter; 2016:708–710. (In Ger.)
25. Musil R. The Man without Qualities. Moscow: Foreigner, Azbuka-Atticus; 2015:1088. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Конышева Наталья Юрьевна, аспирант кафедры литературы и МОЛ Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинская область, Российская Федерация.

E-mail: natashakonysheva@mail.ru

Адрес: 454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69. ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Bionote:

Natalya Yu. Konysheva, postgraduate of the Department of Literature and teaching methodology in Literature, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Russian Federation, Chelyabinsk.

E-mail: natashakonysheva@mail.ru

Address: 454080, Russian Federation, Chelyabinsk region, Chelyabinsk, 69 Lenin str. South Ural State Humanitarian Pedagogical University

Оригинальная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-167-175

**Образ человека другой национальности
в фантастических произведениях Олега Дивова**

М.Н. Крылова

*Азово-Черноморский инженерный институт –
филиал Донского государственного аграрного университета
(Российская Федерация, г. Зерноград)
ORCID ID: 0000-0003-0231-4778;
e-mail: krylovamn@inbox.ru*

Получена: 10.03.2020 /Принята: 08.04.2020/Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: В статье на основании анализа трех романов современного российского писателя-фантаста Олега Дивова – «Лучший экипаж Солнечной», «Техподдержка» и «Родина слонов» – выявляется оригинальное отношение автора к проблеме национальной и этнической принадлежности человека. Целью исследования стал анализ образа человека иной национальности в книгах О.И. Дивова и представление человека другой национальности в контексте образа «Другого». Были поставлены задачи выявления авторских трактовок образа человека иной национальности, обнаружения интерпретаций данного образа в различных произведениях. Научная новизна исследования обеспечивалась как новизной введённого в научный оборот текстового материала, так и подходом к проблеме образа «Другого» в современной литературе с точки зрения необязательности соблюдения принципов толерантности и политкорректности, точнее, новых способов соблюдения данных принципов. В рассмотренных произведениях писателя фигурируют герои разных национальностей, причем национальные различия между ними не скрываются, а, наоборот, рельефно выделяются, выносятся на передний план. Представители каждой из национальностей (русские, евреи, немцы, американцы, французы, чукчи и др.) изображаются как люди, обладающие неоспоримыми достоинствами, и в то же время – иронично, с юмором. Писатель не демонстрирует каких-то стабильных национальных предпочтений: в романе «Лучший экипаж Солнечной» прославляется в первую очередь русские, а в романе «Родина слонов» – чукчи. Несмотря на насмешки, отражающие стереотипное восприятие той или иной нации, описание ни одной из них не становится националистическим. Автор создает оригинальную концепцию восприятия героев другой национальности, противостоящую популярной в современной культуре толерантности, показывающую важность национальных отличий и ненужность их замалчивания.

Ключевые слова: образ, Другой, национальность, этнос, этнический, фантастическая литература, Олег Дивов.

Для цитирования: Крылова М.Н. Образ человека другой национальности в фантастических произведениях Олега Дивова. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 167–175.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-167-175

**The image of a person of another nationality
in the fantastic works of Oleg Divov**

Maria N. Krylova

*Azov-Black Sea Engineering Institute –
a branch Don State Agrarian University
(Russian Federation, Zernograd)
ORCID ID: 0000-0003-0231-4778;
e-mail: krylovamn@inbox.ru*

Received: 10.03.2020 /Accepted: 08.04.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The article is devoted to the analysis of the image of a person of a different nationality, who is created in his works by the modern Russian science fiction writer Oleg Divov. Based on the analysis of the author's three novels, "The Best Solar Crew," "Technical Support" and "Elephants' Homeland," his original attitude to the problem of the national and ethnic affiliation of a person is revealed. The aim of the study was to analyze the image of a person of a different nationality in the books of O.I. Divov and to represent a person of a different nationality in the context of the image of the "Other". The tasks were set to identify the author's treatment of the image of a person of a different nationality, to detect interpretations of this image in various works. The scientific novelty of the study was provided both by the novelty of the text material introduced into the scientific circulation, and by the approach to the problem of the image of the "Other" in modern literature from the point of view of the optionality of observing the principles of tolerance and political correctness, more precisely, new ways of observing these principles. In the reviewed works of the writer, heroes of different nationalities appear, and the national differences between them are not hidden, but, on the contrary, stand out in relief, are brought to the fore. Representatives of each of the nationalities (Russians, Jews, Germans, Americans, French, Chukchi, and others) are portrayed as people with undeniable merits, and at the same time – ironically, with humor. The writer does not demonstrate any stable national preferences: in the novel "The Best Solar Crew", Russians are glorified first of all, and in the novel "The Land of Elephants" – the Chukchi. Despite ridicule, reflecting the stereotypical perception of a particular nation, the description of none of them becomes nationalistic. The author creates an original concept of perception of heroes of a different nationality, opposing the popular in modern culture of tolerance, showing the importance of national differences and the uselessness of silencing them.

Keywords: image, Other, nationality, ethnos, ethnic, fantastic literature, Oleg Divov.

For citation: Krylova M.N. The image of a person of another nationality in the fantastic works of Oleg Divov. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020, no 2, pp. 167–175 (In Russ.).

Введение

Одним из важных для человека идентификационных решений является представление о себе и других, не входящих в ближнюю сферу собственного «Я». Противопоставление «Я» и «Другого» сформировалось в классической философии. Г.В.Ф. Гегель выделил понятия «нечто» и «иное», находящиеся в отношениях диалектического единства. Наличие иного трактуется им как необходимое для определения индивидуумом собственной сущности [1: 124].

«Другой» может отличаться от «Я» по множеству параметров, каждый из которых способен вызывать у личности различные реакции – от толерантности до неприятия. Показателями инаковости являются физиологические параметры (рост, возраст, вес, пол, наличие или отсутствие физических увечий и др.), образование, уровень интеллекта, происхождение, семейное положение, традиционный или не-

традиционный характер сексуальных предпочтений и т. д. Одним из наиболее значимых для личности является критерий национальности, этнических различий между людьми. Национальность определяет многие качества, по которым люди отличаются друг от друга, – внешний вид (иногда расу), язык, исторические и культурные корни, традиции, менталитет, психологические особенности и т. д. К сожалению, мириться с этими отличиями для многих сложно, что обуславливает множество конфликтов на национальной почве, произошедших в последние десятилетия, – от Нагорного Карабаха до Украины, а также тенденции национализма, наблюдаемые во всем мире.

Как отмечают специалисты-политологи, «существует устойчивая корреляция между переходным состоянием общества и подъемом национализма и этнополитической мобилизацией» [2: 6]. Действительно, на постсоветском пространстве период острого, порой болезненного восприятия национальных отличий пришел на смену периоду интернационализма, практиковавшегося в советское время, – для кого-то искреннего, для кого-то вынужденного, но в любом случае приведшего к национальному угнетению и даже ассимиляции. В западной науке появились исследования, авторы которых считают национализм закономерным явлением современности, связанным с вестернизацией общества [3], находят в нем элементы здравого смысла, обусловленность расовыми и культурными категориями [4].

Внимание к образу «Другого» активизировалось в современной науке в связи с глобализационными тенденциями, свойственными общественному развитию. В результате глобализации различия между людьми принято сегодня нивелировать, не замечать, вернее, делать вид, что их нет. Но от этого они не исчезают, просто изменяется ракурс их понимания и специфика воплощения в сознании человека и в результатах его деятельности. Эти различия отражаются в произведениях масс-культуры, ориентированных на восприятие широкого круга реципиентов. Одной из форм современной масс-культуры является популярная художественная литература, в том числе получившая широкое распространение фантастическая литература.

Цель статьи

Целью настоящего исследования стал анализ образа человека иной национальности в книгах О.И. Дивова «Лучший экипаж Солнечной», «Техподдержка» и «Родина слонов» с точки зрения трактовки писателем образа «Другого».

Олег Игоревич Дивов (родился в 1968 году) – один из российских фантастов, творчество которых привлекает свежестью стиля, оригинальностью сюжетов и необычностью трактовок поднимаемых авторами проблем. Произведения О.И. Дивова в настоящий момент только входят в круг внимания исследователей. В.С. Мартынов анализирует трактовку автором проблемы справедливости [5], Т.Н. Бреева и Л.Ф. Хабибуллина рассматривают произведения автора в жанре фэнтези и выявляют их сходство с фольклором [6]. Книги того же жанра (например, «Ночной смотрящий») привлекают и И.В. Лебедева, который выявляет их связь с готическим романом [7]. Образная структура прозы О.И. Дивова, в том числе ключевые образы его произведений, в литературоведении пока не рассматривались.

Обзор литературы

Затем понятия «Я» и «Другой» разрабатывались в философии Г. Зиммеля, обосновавшего изначальную потребность личности во враждебности и утверждении себя через отрицание другого [8: 501-504]. В современной науке соотношение «Я» и «Другого» оценивается как важный компонент представлений личности о структуре собственной идентичности. Образ «Другого» анализируется в первую очередь философами [9], [10] и др., а также культурологами [11], историками [12], политологами [13], лингвистами [14] и представителями других гуманитарных дисциплин. В междисциплинарном пространстве сформировалась новая наука имагология, нацеленная на «изучение образа “чужого” (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи» [15: 251]. Имагология опирается на труды французского исследователя-компаративиста М.-Ф. Гийяра, в частности, его книгу «Сравнительное литературоведение» [16]. Основу имагологии составили труды по сравнительному литературоведению, и свое применение она нашла в первую очередь в сфере анализа литературных произведений.

Образ «Другого» анализируется современными литературоведами на материале различных художественных текстов. А. А. Тюрин обращается к анализу образа азиатского «Другого» в русской путевой литературе второй половины XIX – начала XX века [17]. С. С. Сокурова и А. А. Коновалов выявляют особенности образа «Другого» (кавказца) в русской литературе XIX века при изображении событий Кавказской войны и отмечают, что «образ кавказца впервые в русской культуре был представлен не

только как противник, но и как партнер для диалога» [18: 144]. Как видим, образ «Другого» в художественном тексте воспринимается литературоведами в первую очередь с точки зрения его принадлежности к иной национальности, что созвучно с направлением нашего исследования. Актуальность анализа образа «Другого» в художественном тексте связана с необходимостью перехода «от понимания другого к пониманию самого себя» [19: 75].

Методы исследования

В ходе исследования применялся комплекс методов: метод наблюдения использовался с целью выявить особенности образов героев разной национальности в творчестве писателя; метод анализа служил основой истолкования причин авторского подхода к образу человека, «Другого» с точки зрения нации и этничности; метод интерпретации стал узловым для решения задачи оценки восприятия и трактовки О.И. Дивовым образа человека другой национальности.

Результаты и дискуссия

В современных условиях решение проблемы человека другой национальности и отношения к нему в тексте фантастической книги очень интересно и показательно, особенно с учетом того влияния, которое имеет литература такого плана на миропонимание современной российской молодежи. Художественная литература становится одним из факторов формирования у молодых людей представлений и стереотипов, в том числе о людях той или иной национальности.

Роман О.И. Дивова «**Лучший экипаж Солнечной**» (1998) – классический космический роман-боевик. Действие происходит в будущем, когда на Земле произошла ядерная война и большая часть территории превратилась в непригодные для жизни районы. В ходе этой войны была уничтожена и Россия, поэтому русских в мире почти не осталось: «*От силы пятьсот тысяч*» [20: 46]. Герои произведения – отважные астронавты, спасающие Землю и от внутренних врагов – недобросовестных политиков, и от внешних – жителей колоний, расположенных на других планетах Солнечной системы, и даже от чужих – пришельцев из космоса. Проблема национальности имеет в произведении несколько реализаций.

Во-первых, интернациональными являются экипажи космических кораблей, изображаемых писателем. Космические войска принадлежат не какой-то отдельной стране, а Земле в целом, поэтому составы экипажей интернациональны. Однако тема национальной принадлежности каждого из персонажей важна для автора и обязательно оговаривается. Читатель постепенно узнает, кто из героев является евреем, кто – русским, кто – выходец из Германии или Франции, а кто – из Америки.

Постепенно становится понятно, что на Земле после произошедшей катастрофы несколько изменились отношения между нациями. Кстати, мы узнаем, что в этой войне, как и в современных войнах, США пострадали меньше всего: «*...В далекой сытой Америке вообще намечался перманентный рай земной*» [20: 64].

Каждая из упоминаемых в произведении наций в какой-то момент повествования вышучивается, каждая при этом в другой момент повествования восхваляется, и никто не отрицает профессионализма и храбрости астронавтов любой национальности: «*И вообще, лучшие всех корабли водят евреи!*» [20: 108]. Негативные и позитивные характеристики представителей какой-либо нации в тексте романа причудливо переплетаются. К примеру, в качестве негатива немцам припоминают фашизм: «*Вот ща как дам по толстой фашистской заднице! – пробасил кто-то, и голоса стихли*» [20: 108], но признают высокое качество их техники: «*Наши лазеры слабее, а немцы делают машинки тяжелые, но очень мощные*» [20: 259]. Автор старательно и многократно показывает, что ассимиляции и стирания границ между нациями в изображаемом им мире будущего не произошло. В одной из сцен романа французы и немцы устраивают соревнование по управлению космическим кораблем, и каждый присутствующий при этом астронавт открыто поддерживает представителей той или иной нации: «*Сейчас люфтваффе покажет твоему французику, как водят корабли*», «*В задних рядах уже распевали по-французски*» [20: 108]. Противостояние представителей двух национальностей изображается как игра, как развлечение, а не как неразрешимая глобальная проблема. Герои воспринимают национальные отличия легко, но при этом такие отличия, само их существование для них очень важны.

В обрисовке наций и создании образа человека другой национальности в романе совершенно нет толерантности. Писатель признает, что все люди относятся к какой-то нации и могут гордиться этим, вышучивая представителей других наций и этносов. Но при этом национальность не имеет значения, если речь идет о важном – помощи другу, поддержке товарища, любви: «*Какая разница, кто ты по национальности... Тебе было плохо. Как я мог пройти мимо?*» [20: 69]. Такое парадоксальное положение

связано, как нам кажется, со спецификой созданного О.И. Дивовым мира: после апокалипсиса людям стало почти все равно, к какой нации кто из них относится. Глобальная катастрофа показала неважность национальных (и, кстати, религиозных тоже) отличий. Оказалось, что у человечества есть гораздо более важные проблемы и цели, например, необходимость элементарно выжить.

Во-вторых, на фоне этого благодушного отношения к представителям разных национальностей писатель все же показывает особую роль русских. Русскими являются два главных героя – техник Энди (Andrey) Вернер и адмирал, настоящее имя которого (Uspensky Oleg Igorevich) давно забыли и которого называют просто *Раиен* (от английского *Russian* – ‘русский’). Об исторической миссии русского народа говорит, к примеру, адмирал Раиен: *«Никакие мы, русские, не особенные. <...> Мы же буферная зона между Европой и остальным миром. Нас захватывали раз сто, поработали, истребляли. А мы вставали раз за разом – и в морду гадам»* [20: 207]. То есть при всём равноправии наций, которое изображает в романе О.И. Дивов, он предлагает всё же по-особенному воспринимать русских. Они показываются не как лучшая нация, а как нация, ставшая сильнее по историческим причинам, а также как нация, принявшая на себя основной удар во время ядерной войны. В изображении русских как особенных большое значение имеют весьма положительные образы адмирала Раиена и техника Вернера, особенно адмирала, которого просто обожают все подчинённые, который символизирует свободу и справедливость, способен всегда найти лучшее решение проблемы и заботится о каждом члене команды, независимо от его национальности.

Кстати, в ходе повествования выясняется, что русский народ уничтожен не полностью и на территории бывшей России (в Вышнем Волочке, Новгороде, Пскове и других городах) без ведома правящих миром «Директоров» образовались оазисы нормальной жизни, где стихийно создались государства, ведётся «чистое» хозяйство, подрастают неиспорченные новые поколения: *«Двести миллионов живут сами по себе»* [20: 357]. Русские оказались способны возродиться и создать на руинах цивилизации *«тихие русские селения, где пасли настоящих коров и рожали здоровых детей, симпатичные города с их неторопливым и толковым жизненным укладом...»* [20: 371]. Оказалось, русским для нормальной жизни вообще не нужно правительство, а дух предпринимательства у них в крови: *«Кроме того, все вокруг было пропитано духом настоящего частного предпринимательства»* [20: 365]. Мы видим здесь идеализм писателя и его огромную веру в силу русского народа.

Интересный вариант решения проблемы образа человека другой национальности мы видим в романе О.И. Дивова *«Техподдержка»* (2019). Действие произведения происходит в Африке, где российский маркетолог Леах Филимонов, приехавший продать местному правительству боевой шагход БШМ-К «Избушка», вынужден спасать свою жизнь, путешествуя на данном шагходе и пытаясь разобраться, что за война идет вокруг. В Африке будущего, по О.И. Дивову, соперничают представители трех наций – русские, американцы и местные чернокожие. Высказывания по поводу представителей любых наций, встречающиеся в тексте, абсолютно и даже вызывающе нетолерантны: *«...Русский человек... выругается матом, достанет початую бутылку водки с газетной затычкой, хряпнет из горлышка...»* [21: 198]; *«Американцы всегда на меня бочку катят, что бы ни случилось...»* [21: 44]; *«Когда будет надо – выскочат негритосы с ракетами»* [21: 123]. При этом сказать, что какая-то из наций превозносится или унижается, нельзя. Негативные высказывания в адрес представителей какой-то национальности снова, как и в романе «Лучший экипаж Солнечной», выглядят как игра. Большая их часть вложена в уста каких-то героев романа, то есть автор показывает, что в мире будущего, который он изображает, в том, чтобы «проехаться» по адресу какой-то нации, нет ничего страшного. За это героев не объявляют некорректными, не штрафуют и не порицают.

И существование разных национальностей в мире будущего, и наличие трений между ними подается автором как естественное, причем заслуживает внимания умение писателя изобразить мир, где человек другой национальности не воспринимается как чужой, враждебно настроенный, потенциально опасный. Это просто другой человек, и его этнические отличия не более важны, чем, к примеру, иной цвет волос или глаз.

Наиболее интересно, на наш взгляд, образ человека другой национальности представлен в романе О.И. Дивова *«Родина слонов»* (2017). Это реалистическое по сути повествование, в котором автором сделано только одно фантастическое допущение – предположение о том, что мамонты могли не вымереть, остаться в Якутии и на Чукотке, разводиться местными жителями как рабочий скот. И полностью изменить жизнь целой нации – чукчей.

Обращение писателя к чукче и его образу в качестве образа человека другой национальности заслуживает внимания и уважения. Чукча в представлениях нашего современника, россиянина, – это персонаж анекдота, не очень умный и образованный, отсталый и смешной. При этом для ученых несомненно, что образ чукчи, представленный в анекдотах, не так уж прост. Т.А. Брачун пишет по этому поводу: «Образ чукчи относится к числу тех, которые выполняют роль амальгамы, благодаря которой осуществляется рефлексия человека цивилизации» [22: 56]. Есть также исследования, пусть и немногочисленные, посвященные истории и психологии данного этноса. Та же Т.А. Брачун отмечает «высокую культуру организации и стратегии военных действий чукотских воинов в “русско-чукотской войне”» [23: 2]. Однако, пожалуй, нет другого этноса в России, который так нуждался бы в реабилитации, как чукчи, и эту реабилитацию они в романе «Родина слонов» О.И. Дивова в полной мере получают.

Повествование наполнено рассказами «о чукотской воинской доблести» [24: 53], о способности чукчей понимать огромных животных, с которыми волею судьбы они оказались тесно связаны, об их чуткости по отношению к природе и всему живому. Воспитание мамонтов чукчи понимают как возвращение детей, стремятся усовершенствовать этот процесс с помощью новых подходов и методик. И достигают в разведении огромных животных невероятных успехов: «...Мы научили их учиться, и им понравилось» [24: 134].

Чукчи изображаются гораздо более воинственным народом, чем русские: «Тут даже русским хватало бы повода для драки, а чукчи за такое вообще голову открутить могут» [24: 6]. Их сила – в умении сочетать храбрость с хитростью, а доброту – с чувством юмора и скромностью. А еще они высоко ценят свой этнос, искренне гордятся тем, что они чукчи, и стараются поддерживать реноме народности: «Чукчи скромные ребята, – и ты очень стараешься поддерживать этот имидж» [24: 41]; «...С национальной гордостью на Чукотке порядок. Отчего бы не погордиться собой, если твои предки – самые отмороженные бойцы в истории» [24: 52]. То есть мнение самих героев-чукчей о своём этносе очень высоко.

Об отсталости также не может быть и речи: герои романа получили прекрасное образование в лучших вузах России (они операторы-животноводы, ветеринары, зоотехники, зооинженеры, генетики, психологи, методисты и т. п.), они свободно и с юмором используют сложную специальную терминологию. Но это не заставило их оторваться от своих корней: в романе воспеваются основательность чукчей, отражённая в их традиционной культуре: «Чукчи очень твердо стоят на земле, у них даже национальные танцы, если присмотреться – никакого вам легкомысленного порхания и воспарения в небеса, а совсем наоборот; они будто втаптываются в землю, чтобы держаться на ней покрепче» [24: 50], а также их независимость и сила: «Чукчи – единственный народ, не покоровшийся русской военной силе» [24: 53].

Портрет народа, который получается у О.И. Дивова, можно сравнить, к примеру, с портретом современных кавказцев: «Чукчи заводной народ, они легко возбуждаются и потом не могут успокоиться» [24: 77]. В итоге авторской работы над новым образом народа на страницах книги возникает совсем другой этнос, которого мы в современной России не знаем. По замыслу автора, раскрыть свои природные достоинства чукчам удалось именно благодаря тому, что не вымерли мамонты, и нашлось в связи с этим применение для многочисленных талантов этого народа.

Представление о непонимании чукчей со стороны русских в тексте присутствует. Упоминается, что некоторые «бюрократы» и «чинуши» на материке воспринимают народ как «каких-то нелепых чукчей, которые разводят на краю земли волосатых слонов» [24: 75]. Однако это непонимание не такое, как в нашей сегодняшней реальности: в нем нет оттенка презрения и высокомерия.

При этом в тексте есть и шутки над чукчами, которые исходят чаще всего от них самих. Например, девушка-чукча говорит своему брату Умке: «Да иди ты... в море! – сказала Валентина. – Тоже мне нашелся... Чукча!» [24: 34]. Над тем же персонажем подтрунивает отец: «Он у нас, понимаешь ли, великий и ужасный чукча по фамилии Умкы...» [24: 43]. Встречаем шутки и в авторских комментариях слов и поступков героев, например, по поводу применения ими слова «однако»: «Чукчи говорят однако в трех случаях: если хотят прикинуться чукчами, если охота подиутить над русскими или когда все пропало...» [24: 22]. Понятие «прикинуться чукчами» в тексте фигурирует неоднократно: «Отдел продаж битый час прикидывался чукчами, пересиживая с каменными лицами истерику директора» [24: 102]. Писатель показывает, что чукчи прекрасно знают о стереотипах, которыми окружен их народ, и не хотят их развеивать, наоборот, готовы использовать в повседневной жизни и в организации общения с другими людьми, для «хитрого» достижения своих целей.

Восхваление чукчей и незлые шутки над ними комбинируются в тексте, и в результате создается наполненный насмешкой и при этом достойный восхищения образ чукчи как смелого, умного, доброго, самоироничного человека. У читателя даже возникает предположение, что биография, генетика или место жительства автора могут быть связаны с чукотским народом, однако несложно узнать, что О.И. Дивов родился в Москве, в интеллигентной семье, и с историей чукотского народа не связан. Его образ чукчи выполнен словно игра: писателю приятно и интересно изобразить недотепу из анекдотов целеустремленным, деловым, грамотным человеком. Ему нравится использовать данную ему фантастическим жанром возможность менять стереотипы, и именно чукча становится объектом ценностных трансформаций не случайно: автор выбирает для реабилитации самый незащищенный, презируемый и непонятый российский этнос.

Заключение

Позиция О.И. Дивова по отношению к образу человека другой национальности и трактовка соответствующей проблемы в его произведениях могут быть оценены как протест против все более распространяющейся в мире тенденции не замечать национальных / этнических различий между людьми. Действительно, под прикрытием толерантности и политкорректности современного человека учат, что национальность не важна, что ее можно и нужно не замечать. Однако мы знаем, к чему может привести подобная позиция, какими бы благими намерениями она ни объяснялась: неизбежен рост национального самосознания и протестное движение, которое может в итоге превратиться в неконтролируемые и разрушительные действия. Позиция автора, транслируемая в художественном тексте, такова: национальности есть, и это прекрасно. Это одна из особенностей, которая делает людей разными, а значит, интересными друг для друга. Замалчивать, не замечать национальные отличия нельзя, напротив, о них надо говорить, а если есть проблемы, то их надо своевременно решать.

В условиях глобализации, распространяющейся в современном мире и диктующей постепенное устранение различий между людьми, созданная автором концепция восприятия человека другой национальности может показаться нетолерантной и неполиткорректной. Однако, на наш взгляд, это попытка изобразить национальное объективно, без маскировки тех особенностей, которые очень важны для современного человека. Более того, автор транслирует мысль о том, что игнорирование национальных отличий – непродуктивный путь развития представлений о нациях и этносах.

В этом отношении творчество О.И. Дивова – интересный образец современной популярной художественной литературы. Оригинальная трактовка проблемы человека другой национальности выделяет романы автора на фоне массива русской фантастической книги, привлекает к ним внимание. Читатель, как нам кажется, чувствует потребность в литературе, которая показывает, что расовые и национальные проблемы можно решить иначе, не теми способами, которые предлагаются современной цивилизацией. Не пропагандой политкорректности, не возведением в норму правила не замечать национальность другого человека, а шуткой, доброй иронией по поводу национальных отличий. И такой способ, возможно, более действен и в большей степени будет способствовать формированию у подрастающего поколения – основных читателей О.И. Дивова – реальной, а не только вербальной политкорректности.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
2. Работнов А.М., Янкевич П.Ф. Политические, социальные, экономические и правовые проблемы национального единства России на современном этапе: монография. Ярославль: ЯГПУ, 2005.
3. Conversi D. Modernism and nationalism. *Journal of Political Ideologies*. 2012;17,1:13-34. DOI: 10.1080/13569317.2012.644982.
4. Narayan Y. Intersectionality, nationalisms, biocoloniality. *Ethnic and Racial Studies*. 2019;42,8:1225-1244. DOI: 10.1080/01419870.2018.1518536.
5. Мартыанов В.С. Проблема справедливости в российской фантастике. *Русская фантастика на перекрестье эпох и культур: Мат. Междунар. науч. конф.* М.: Изд-во МГУ, 2007:283-291.
6. Бреева Т.Н., Хабибуллина Л.Ф. «Русский миф» в славянском фэнтези. М.: Флинта, 2016.
7. Лебедев И.В. Проблема жанровой классификации фэнтези как вида приключенческой литературы. *Знание. Понимание. Умение*. 2015;3:362-368. DOI: 10.17805Дри.2015.3.33.
8. Зиммель Г. Избранное. В 2 т. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996;2.

9. Алебастрова А.А. Метафоричность «Другого» в философии одиночества. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2012;3(3):29-32.
10. Зарова Е.Д. Конституирование идентичности: от метафизики и коммуникации с «Другим» к современным межцивилизационным взаимодействиям. *Известия Саратовского университета. Новая серия*. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009;9,3:12-16.
11. Дорогавцева И.С. Тенденции репрезентации другого в современной российской культуре: образ врага. *Вопросы культурологии*. 2010;11:55-60.
12. Чернобров Д.В. Идентичность в современном международном конфликте: периодизация истории конфликтов через призму «Другого». *Вестник МГИМО Университета*. 2013;3(30):86-91.
13. Лившин А.Я., Ложкина А.С. «Образ власти» и «образ другого» в 1930-е гг.: политические задачи и пропаганда. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2012;35:17.
14. Никаева Т.М. Этнические стереотипы в языковом сознании молодежи Якутии. *Общественные науки*. 2017;6:338-346.
15. Ощепков А.Р. Имагология. *Знание. Понимание. Умение*. 2010;1:251-253.
16. Guyard M.-F. *La littérature compare*. Paris: PUF, 1951.
17. Тюрин А.А. Образ азиатского «Другого» в русской путевой литературе второй половины XIX – начала XX века. *Новая локальная история по следам интернет-конференций. 2007-2014*. Ставрополь: СКФУ, 2014:290-296.
18. Сокурова С.С., Коновалов А.А. Образ Другого и социокультурный диалог: Кавказская война в русской литературе XIX в. *Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых*. 2019;22:139-145.
19. Соловьев О.Б. От понимания другого к пониманию самого себя: феномен сознания в русской литературе начала XX века. *Критика и семиотика*. 2011;15:75-81.
20. Дивов О.И. *Лучший экипаж Солнечной*. М.: Эксмо, 2007.
21. Дивов О.И. *Техподдержка*. М.: Эксмо, 2019.
22. Брачун Т.А. Анекдоты о чукчах как специфическое явление современной культуры. *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2011;3(58):56-61.
23. Брачун Т.А. «Миф агрессивности» чукчей: опыт культурно-философского анализа. *Гуманитарные и социальные науки*. 2009;5:2-12.
24. Дивов О.И. *Родина слонов*. М.: Эксмо, 2017.

References

1. Hegel GVF. *Phenomenology of the spirit*. Moscow: Nauka, 2000. (In Russ.).
2. Rabotnov AM., Yankevich PF. Political, social, economic and legal problems of the national unity of Russia at the present stage: a monograph. Yaroslavl: YAGPU, 2005. (In Russ.).
3. Conversi D. Modernism and nationalism. *Journal of Political Ideologies*. 2012;17, 1:13-34. DOI: 10.1080/13569317.2012.644982. (In Eng.).
4. Narayan Y. Intersectionality, nationalisms, biocoloniality. *Ethnic and Racial Studies*. 2019;42,8:1225-1244. DOI: 10.1080/01419870.2018.1518536. (In Eng.).
5. Martyanov VS. The problem of justice in Russian science fiction: Russian science fiction at the crossroads of eras and cultures. *Materials of the Intern. scientific conf*. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2007:283-291 (In Russ.).
6. Breeva TN., Khabibullina LF. "Russian myth" in Slavic fantasy. Moscow: Flint, 2016. (In Russ.).
7. Lebedev IV. The problem of genre classification of fantasy as a type of adventure literature. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2015;3:362-368. DOI: 10.17805, 2015.2015.3.33 (In Russ.).
8. Simmel G. Favorites. In 2 vols. T. 2: Contemplation of life. Moscow: Yurist, 1996;2. (In Russ.).
9. Alebastrova AA. Metaphoricality of the "Other" in the philosophy of loneliness. *International Research Journal*. 2012;3(3):29-32 (In Russ.).
10. Zarova ED. Constitution of identity: from metaphysics and communication with the "Other" to modern inter-civilization interactions. *News of Saratov University. New series*. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2009;9,3:12-16 (In Russ.).
11. Dorogavtseva IS. Trends in the representation of another in modern Russian culture: the image of the enemy. *Cultural Studies*. 2010;11:55-60 (In Russ.).

12. Chernobrov DV. Identity in the modern international conflict: periodization of the history of conflicts through the prism of the “Other”. *Vestnik MGIMO University*. 2013;3(30):86-91 (In Russ.).
13. Livshin AY., Lozhkina AS. “Image of power” and “image of another” in the 1930s: political tasks and propaganda. *Public Administration. Electronic bulletin*. 2012;35: 17 (In Russ.).
14. Nikaeva TM. Ethnic stereotypes in the linguistic consciousness of the youth of Yakutia. *Social Sciences*. 2017;6:338-346 (In Russ.).
15. Oshchepkov AR. Imagology. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2010;1:251-253 (In Russ.).
16. Guyard M-F. La littérature compare. Paris: PUF, 1951. (In Eng.).
17. Tyurin AA. The image of the Asian “Other” in Russian travel literature of the second half of the XIX – early XX centuries: *New local history following the traces of Internet conferences. 2007-2014*. Stavropol: SKFU, 2014:290-296 (In Russ.).
18. Sokurova SS., Kononov AA. The Image of the Other and Sociocultural Dialogue: The Caucasian War in Russian Literature of the 19th Century. *Izvestia SOIGSI. School of young scientists*. 2019;22:139-145 (In Russ.).
19. Soloviev OB. From understanding another to understanding oneself: the phenomenon of consciousness in Russian literature at the beginning of the twentieth century. *Criticism and semiotics*. 2011;15:75-81 (In Russ.).
20. Divov OI. The best crew of the Solar. Moscow: Eksmo, 2007. (In Russ.).
21. Divov OI. Tech support. Moscow: Eksmo, 2019. (In Russ.).
22. Brachun TA. Jokes about the Chukchi as a specific phenomenon of modern culture. *Humanitarian and socio-economic sciences*. 2011;3(58):56-61 (In Russ.).
23. Brachun TA. “The myth of aggression” of the Chukchi: the experience of cultural and philosophical analysis. *Humanitarian and social sciences*. 2009;5:2-12 (In Russ.).
24. Divov OI. Homeland of elephants. Moscow: Eksmo, 2017. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Крылова Мария Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Азово-Черноморский инженерный институт – филиал ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», г. Зерноград, Российская Федерация.

E-mail: krylovamn@inbox.ru

Адрес: 347740, Ростовская обл., г. Зерноград, ул. Ленина, 21. Азово-Черноморский инженерный институт

Bionote:

Maria N. Krylova, PhD in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Foreign Languages, Azov-Black Sea Engineering Institute – a branch of the Don State Agrarian University; Zernograd, Russian Federation.

E-mail: krylovamn@inbox.ru

Address: 347740, Rostov region, Zernograd, 21 Lenin str. Azov-Black Sea Engineering Institute

Оригинальная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-176-184

Проблема диалога в «шекспировском тексте» Ю.О. Домбровского

А.В. Макарычев

Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С.П. Королева

(Российская Федерация, г. Самара)

ORCID ID: 0000-0002-7945-3859;

e-mail: ale-makarychev@yandex.ru

Получена: 28.04.2020 /Принята: 22.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: Статья посвящена исследованию «шекспировского текста» Ю.О. Домбровского с позиций бахтинского диалогизма. Уточняется само понятие «шекспировского текста», обозначается и анализируется «шекспировский текст» Домбровского, включающий художественные произведения – трилогию новелл о Шекспире («Смуглая леди», «Вторая по качеству кровать», «Королевский рескрипт») и две главы новеллы «Смуглая леди» («Королева» и «Граф Эссекс»), которые первоначально входили в ее состав, но позднее были опубликованы отдельно, а также две научно-критические статьи – ««РетлендБэконСоутгемптонШекспир»: о мифе, антимифе и биографической гипотезе» и «Итальянцам о Шекспире». В ходе исследования автор устанавливает, что в «шекспировском тексте» Домбровского преобладают темы деспотии власти, которая не хочет слышать народ, цензуры, лишаящей художника свободы слова и роли художника в несвободном обществе. Особое внимание уделяется проблеме взаимодействия Шекспира и монологически-авторитарного общества в созданном писателем художественном мире. Автор выдвигает гипотезу о том, что в трилогии новелл о Шекспире Домбровский обратился к таким проблемам тоталитарного режима, как цензура, жестокость и деспотия власти, с относительно «безопасной» дистанции – эпохи Шекспира. Отмечается присутствие в «шекспировском тексте» Домбровского особой ситуации двойного диалога: с современной писателю действительностью, властью и культурой диалог ведется через шекспировскую эпоху. В статье доказывается сходство Домбровского как биографического автора с изображенным им Шекспиром, отмечается наличие общих черт у обоих писателей (сакрализация творчества, импульсивный характер, пристрастие к спиртному, эпилептические припадки т.д.). Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Домбровский, предпринимая попытку диалога с монологически-авторитарной властью, обретает голос через искусство, подобно «своему» Шекспиру. Пути решения проблемы художника и власти Домбровский связывает с искусством как единственно возможным в условиях тоталитаризма способом выстраивания диалога – не столько с властью, которая не способна его услышать, сколько с самим собой.

Ключевые слова: Юрий Домбровский, новеллы о Шекспире, «Смуглая леди», «Вторая по качеству кровать», «Королевский рескрипт», «шекспировский текст», Шекспир, диалог, диалог культур, Бахтин.

Для цитирования: Макарычев А.В. Проблема диалога в «шекспировском тексте» Ю.О. Домбровского. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 176–184.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-176-184

The problem of the dialogue in “Shakespeare’s text” by Yuri Dombrovsky

Aleksii V. Makarychev

Samara National Research University

(Russian Federation, Samara)

ORCID ID: 0000-0002-7945-3859;

e-mail: ale-makarychev@yandex.ru

Received: 28.04.2020

/Accepted: 22.05.2020

/Published online: 25.06.2020

Abstract: The article is devoted to the study of the “Shakespearean text” by Yuri Dombrovsky from the standpoint of Bakhtin dialogism. Clarifies the concept of “Shakespearean text” refers to and analyzes “Shakespearean text” by Dombrovsky, including artistic works – a trilogy of novels about Shakespeare (“Dark Lady” “Second-highest quality bed”, “Royal Rescript”) and two chapters of the novel “Dark Lady” (“Queen” and “Count Essex”), originally entered into its composition, but later was published separately, as well as two scientific and critical articles – “‘RetlandBaconSouthamptonShakespeare’: about the myth, anti-myth and biographical hypothesis” and “To Italians about Shakespeare”. The study author states that “Shakespearean text” by Yuri Dombrovsky dominated themes of tyranny and government that does not want to hear the people, of censorship, depriving the artist’s freedom of expression and the role of the artist in an unfree society. Special attention is paid to the problem of interaction between Shakespeare and monologue-authoritarian society in the artistic world created by the writer. The author hypothesizes that in the trilogy of short stories about Shakespeare, Dombrovsky addressed such problems of the totalitarian regime as censorship, cruelty and despotism of power from a relatively “safe” distance – the age of Shakespeare. The author notes the presence of a special situation of double dialogue in “Shakespearean text” by Yuri Dombrovsky: the dialogue is conducted through the Shakespearean era with the contemporary writer’s reality, power and culture. The article proves the similarity of Dombrovsky as a biographical author with the Shakespeare he portrayed, and notes the presence of common features in both writers (sacralization of creativity, impulsive character, addiction to alcohol, epileptic seizures, etc.). The conducted research allows us to conclude that Dombrovsky, attempting a dialogue with the monologue-authoritarian power, finds a voice through art, like “his” Shakespeare. Dombrovsky connects the ways of solving the problem of the artist and power with art as the only way to build a dialogue in the conditions of totalitarianism – not so much with the authorities, who are not able to hear it, as with themselves.

Keywords: Yuri Dombrovsky, novellas about Shakespeare, “The Dark Lady”, “The Second-best Bed”, “The Royal Rescript”, “Shakespeare’s text”, Shakespeare, dialogue, dialogue of cultures, Bakhtin.

For citation: Makarychev A.V. The problem of the dialogue in “Shakespeare’s text” by Yuri Dombrovsky. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020, no 2, pp. 176–184 (In Russ.).

Введение

У. Шекспир занимает особое место в творчестве Ю.О. Домбровского. Помимо трех новелл о жизни драматурга и двух изданных позже глав, писатель также опубликовал статью «“РетлендБэконСоутгемптонШекспир”: о мифе, антимифе и биографической гипотезе» в журнале «Вопросы литературы», где обратился к проблеме создания биографического текста, затронул так называемый «шекспировский вопрос», а также отразил свой опыт работы над новеллами о Шекспире. Уже после смерти писателя, в 1988-м году, в журнале «Юность» была опубликована статья «Итальянцам о Шекспире» [1: 296-305].

Кроме перечисленного выше, в текстах Домбровского часто можно встретить отсылки к творчеству Шекспира. Так, например, существует рассказ «Леди Макбет», изначально, в 1974-м году, опублико-

ванный как самостоятельное произведение, а в 2010-м вышедший уже в составе романа в повестях и рассказах «Рождение мыши». Исследованию «шекспировского текста» в этом рассказе посвящена большая часть статьи О.Ю. Анцыферовой [2]. Помимо явной отсылки в названии рассказа «Леди Макбет», в романе «Рождение мыши» упоминаются персонажи шекспировских пьес Дездемона, Гамлет и, наконец, сам Шекспир [3]. Другие отсылки к творчеству английского драматурга можно найти в рассказах «Только одна смерть» [1] и «Ручка, ножка, огуречик...» [1], а также в главном романе Домбровского «Факультет ненужных вещей» [4]. Столь очевидное влияние произведений Шекспира на Домбровского создает необходимость научной рефлексии данного явления.

Цель статьи

Еще в 1991-м году в статье «Гамлет, отомсти!», сопровождавшей публикацию в журнале «Континент» не изданных ранее глав новеллы «Смуглая леди», Г. Анисимов и М. Емцев упоминали замечание поэта Олега Чухонцева о том, что в «шекспировской» трилогии новелл Ю.О. Домбровский под Шекспиром подразумевает самого себя [5: 37]. В уже упомянутых нами статьях также поднимается вопрос об экстраполяции Домбровским своего опыта на Шекспира и на эпоху, в которой он живет. Действительно ли Домбровский использовал фигуру Шекспира для решения своих внутренних вопросов, и не является ли его трилогия попыткой говорить о том, что происходит с ним в тоталитарном государстве (новеллы писались предположительно с 1946-го [1: 365] по 1967-й гг. [4: 34], т.е. до и во время четвертого заключения писателя)? И главное: с кем он об этом говорит? Для ответа на поставленные вопросы мы считаем необходимым обратиться к бахтинскому принципу диалога с целью исследовать и описать характер диалогизма новелл о Шекспире Ю.О. Домбровского.

Обзор литературы

На данный момент существует четыре наиболее доступных источника, затрагивающих как непосредственно трилогию Ю.О. Домбровского о Шекспире, так и более общие вопросы, касающиеся «шекспировского текста» в произведениях писателя. Как уже упоминалось, одной из первых работ, затрагивающих новеллы Домбровского о Шекспире, была статья Г. Анисимова и М. Емцева [5], в которой авторы сообщали подробности биографии Домбровского во время его работы над трилогией, а также анализировали только что изданные на тот момент главы новеллы «Смуглая леди». Б.Н. Гайдин в своей работе «У. Шекспир в тезаурусе Ю.О. Домбровского» [6] исследовал влияние У. Шекспира на творчество Ю.О. Домбровского, применив тезаурусный подход в своем исследовании. При этом исследователь охватывает не только трилогию, но и другие рассказы и статьи Домбровского о Шекспире, уделяя большое внимание биографии писателя и раскрывая множество подробностей его жизни. В.В. Каблуков в статье «Домбровский о Шекспире» [7] обратился к поэтике новелл о Шекспире. О.Ю. Анцыферова в своей статье «Шекспировский текст Юрия Домбровского» [2] в большей степени исследует рассказ «Леди Макбет» и делает предположение о том, что Домбровский экстраполировал на Шекспира собственную жизнь. Помимо этого, для плодотворной научной рефлексии творчества Домбровского нам необходимо обратиться к исследованиям политического дискурса [8].

О принципе диалогизма скажем, что теория М.М. Бахтина сегодня распространилась на огромное количество гуманитарных наук: от литературоведения [9] и философии [10] до психологии [11] и педагогики [12], что свидетельствует об универсальности данного принципа.

Методы исследования

Исследование базируется на сравнительно-историческом и герменевтическом методах, концепции диалога культур М.М. Бахтина и некоторых последующих ее интерпретациях. В ходе изучения «шекспировского текста» Ю.О. Домбровского мы обращаемся к предшествующим работам Ю.О. Анцыферовой, Д. Быкова, Б.Н. Гайдина, В.В. Каблукова и некоторых других исследователей, затрагивающих сходную проблематику.

О творчестве Ю.О. Домбровского написано не так много, на сегодняшний день даже не существует крупной литературоведческой работы, которая бы охватывала весь корпус текстов писателя, несмотря на то, что Домбровский давно стоит в одном ряду с другими классиками русской литературы XX века. На данный момент одним из ведущих исследователей творчества писателя является Дмитрий Быков. Ему принадлежит ряд работ о Домбровском, среди которых статья к изданию романа «Рождение мыши» [13], к новому переизданию романа «Державин» [14] и к двухтомнику избранных произведений Домбровского [15]. Д. Быков изучает структуру текстов и исторические контексты, развитие идей и мотивов и особенности сюжетно-композиционной организации, а также специфику нарративов.

В нашей работе мы опираемся на понятие «шекспировского текста» русской литературы, подразумевающее под собой произведения русских писателей, которые содержат элементы, отсылающие к творчеству Шекспира и мифу о нем [16].

Исследования «шекспировского текста» Юрия Домбровского Б.Н. Гайдиным [6] и О.Ю. Анцыферовой [2] включают в себя выявление и анализ «шекспировских» аллюзий и ассоциаций, связанных с биографией и творчеством английского классика в произведениях Ю.О. Домбровского. Центральными текстами для исследований подобного рода становятся следующие: трилогия новелл о Шекспире, статьи ««РетлендБэконСоутгемптонШекспир»: о мифе, антимифе и биографической гипотезе» и «Итальянцем о Шекспире», рассказ «Леди Макбет».

Для более подробного анализа биографии Домбровского, для последующего ее соотнесения на событийном и идейном уровнях с образом Шекспира из трилогии, мы используем статьи И. Дуардовича, которые вышли в журнале «Вопросы литературы» за 2019 год [17; 18].

Для нашей работы также необходимо обратиться к классическим работам М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, посвященным проблеме диалога культур [19; 20], а также статьям Г.В. Дьяконова [21] и Л.А. Радзиховского [22], посвященным отдельным вопросам монологической и диалогической речи. Вслед за М.М. Бахтиным и Ю.М. Лотманом под диалогизмом мы понимаем равноправие существования двух выраженных точек зрения «Я» и «Другого».

Результаты и дискуссия

Диалог художника и власти часто становился объектом рефлексии в русской литературе. Для Ю.О. Домбровского, испытывавшего на себе тяготы и гонения тоталитарного режима, эта тема всегда была одной из наиболее острых и болезненных тем в его творчестве. Подтверждение этому мы находим и в словах его вдовы, отмечавшей в беседе с критиком И. Сурат, что главными для писателя всегда были «вопросы права и несправедливости, потеря государственной совести» [23].

Тема диалога художника и власти возникает в трилогии новелл о Шекспире, а квинтэссенцией в этом смысле является рассказ «Королевский рескрипт», в котором английский драматург является на прием к королю и возникает сама возможность диалога между драматургом и монархом. Последнему так понравилась пьеса Шекспира, что он захотел поговорить о ней с автором. Казалось бы, в этот момент и должен состояться диалог художника с властью, но этого не происходит. Монарх делится своими наблюдениями над пьесой с ее автором, находя ее политической, а потому полезной, ведь его народ недостаточно думает о происхождении и сути власти монарха; вместо этого англичане тяготеют к парламентской власти, которая без короля ничто. Поэтому его подданным следует держаться власти короля как своего спасенья. Король идет все дальше и дальше, настаивая на границе допустимого в отношении Бога и требуя от автора исправления фрагментов, касающихся нечистой силы и ведьм, в описании которых он, как считает король, допустил ряд ошибок. Шекспир отвечает благодарностью за похвалу и за указания на неточности, после чего удаляется.

С формальной точки зрения между героями рассказа в этом эпизоде происходит диалог. Однако здесь не реализуется принцип диалогизма, так как в данном фрагменте не возникает точки зрения, альтернативной мнению короля: со стороны Шекспира и также присутствующего при разговоре Пембрука есть только «этикетная» благодарность. В рассматриваемом эпизоде речь героев рассказа Домбровского сближается с монологической, поскольку монолог изначально предполагает завершенность мнения, в отличие от диалога, находящегося в постоянной незавершенности идеи, ее движении и развитии. Домбровский обнажает авторитарную природу монолога [10: 18], что мы и наблюдаем в указанном фрагменте. Не вслушиваясь в слова собеседника и даже не предполагая какой-либо альтернативы своим словам, король пытается заменить чужую мысль своей, настаивая на том, что Шекспиру нужно исправить ведьм в «Макбете», а королевский библиотекарь найдет ему необходимые источники.

Монолог и есть главная черта авторитарной системы, которая не предполагает иной точки зрения. Не зря Шекспир молчит, находясь в описанной ситуации. Однако невозможность диалога в авторитарной системе, как это ни парадоксально, не исключает его полностью. Как подметил исследователь Л.А. Радзиховский, изучая работы М.М. Бахтина, монолог является своеобразным «подвидом» диалога, его «большой репликой» [22]. И если с авторитарной системой невозможно вести прямого диалога, то Шекспир у Домбровского ведет его через искусство. Это делается очевидным в конце рассказа «Смуглая леди», когда после всех политических событий, произошедших ранее, у него возникает, наконец, долгожданный образ Гамлета. И, в конце концов, именно искусство приводит драматурга к королю, от которого он и слышит «большую реплику» в этом диалоге.

Становится понятно, почему так сакрально отношение Шекспира к искусству, которое (в сущности своей) и является его собственным голосом в этом монологически-авторитарном обществе. В этом Шекспир Домбровского очень похож на своего автора, который не переставал творить, даже будучи несвободным (роман «Рождение мыши» был написан во время четвертого заключения) или прикованным к постели (после возвращения с Колымы в 1943 году во время работы над романом «Обезьяна приходит за своим черепом» Домбровский из-за болезни лишился возможности ходить).

Но это далеко не единственная сходная черта между Домбровским и его Шекспиром. Мы считаем, что Юрий Осипович Домбровский воспринимал творчество как возможность вести диалог с монологически-авторитарным государством, жестокость и глухота которого на момент создания «шекспировской» трилогии для писателя были очевидны.

Если верить вдове писателя К.Ф. Турумове-Домбровской, новеллы о Шекспире были написаны в 1946 году. К этому времени у Юрия Осиповича за плечами осталось три заключения, а сам он жил Алма-Ате, зарабатывая разными видами деятельности: читал лекции о Шекспире, поскольку очень хорошо разбирался в его творчестве и прочитал практически «все основное» [1: 297], написанное на тот момент о Шекспире на пяти языках, вел занятия в театральной студии [5: 36]. Скорее всего, подобный опыт позволил писателю прочно ассоциировать себя с Шекспиром и вложить в свои новеллы о нем так волнующие его темы цензуры (известна строгость английской цензуры в эпоху Шекспира), несвободы, деспотии власти и т.д. В результате этого многие исследователи обращают внимание на сходство автора и его персонажа [2: 313; 5: 37; 6: 35].

Мы бы хотели развить свой тезис и более подробно рассмотреть некоторые общие черты Домбровского и его Шекспира. С самого начала обращает на себя внимание импульсивный характер английского драматурга в интерпретации Домбровского. Первая же сцена, где мы его видим, – это драка, в которой Виллиам дерется сразу с двумя соперниками. Подобное экспозиционное решение очень ярко демонстрирует читателю импульсивность и агрессивность характера персонажа. Но куда более Шекспир импульсивен в эпизодах, связанных с выпивкой. Это чаще происходит в моменты тяжелых эмоциональных разговоров, например, в «Смуглой леди» в сцене общения между Шекспиром и Пембруком – друзьями, которых рассорила общая любовница, когда Шекспир пьет вино залпом и принимает решение: «Напиться, что ли?» [1: 126]. Или в новелле «Вторая по качеству кровать», когда Шекспир возвращается в свой дом и останавливается в гостинице «Золотая корона» у своего друга Волка, с которым также принимается выпивать. В этом эпизоде у друзей возникают неприятные разговоры, во время которых Виллиам требует выпивки, не принимая отказа от своего друга. Волк останавливает Шекспира, но тот не хочет его слушать.

Подобное поведение было свойственно самому Домбровскому. Например, писатель, понимал, что не может контролировать свои импульсивные желания, если за ним не приглядывает жена. О пристрастии писателя к спиртному известно достаточно широко [17]. В мемуарах друга Домбровского Вульфовича упоминается случай, когда жены писателя не было в городе долгое время и он, обеспокоенный ее отсутствием, сетовал на потерю времени и средств. Понимая, что только она может помочь ему остановиться в растратах, он настаивал на том, что ее срочно пора вызывать [24].

Другая деталь в образе Шекспира, которой писатель уделяет много внимания, – это его болезнь. Эпилептические припадки своего героя Домбровский описывает очень подробно. Известно, что Домбровский сам всю жизнь страдал эпилепсией. Интересно заметить, что у Домбровского Шекспир, так же как и сам он, злоупотребляет алкоголем, игнорируя свою болезнь. Так, в одном из эпизодов новеллы «Вторая по качеству кровать» Шекспира пытается остановить его друг Волк, говоря, что не хочет потом с ним возиться. Сам Домбровский не прекращал пить до самой смерти, настаивая на своей живучести [17].

Учитывая сходство описанных черт персонажа с самим писателем и внимание, уделенное частоте их проявления и деталям, мы можем предположить, что Домбровский весьма точно ассоциировал себя со своим персонажем. Мы также считаем необходимым рассмотреть мир, в который Домбровский помещает своего персонажа, с позиций права и бесправия, свободы и несвободы. Своего рода «правовыми» темами трилогии можно назвать цензуру и взаимодействие власти и людей.

Тема цензуры главным образом представлена в новелле «Смуглая леди» и двух ее главах, опубликованных отдельно: «Королева» и «Граф Эссекс». В «Смуглой леди» заговорщики заказали в театре «Глобус» постановку «Ричарда II» накануне восстания, что явно не нравится королеве и ее окружению.

Бэкон называет эту постановку «возмутительной» [1: 259]. По словам графа Эссекса, пьеса была разрешена, однако Шекспиру все равно угрожает опасность, о чем и предупреждает его Пембрук, уверяя, что не так важно, что постановка пьесы была заказана, важен факт участия в ней. Следовательно, цензура в этой правовой системе зависит больше от ситуации, чем от самого факта одобрения текста.

Обратим внимание на сцену заказа этой самой пьесы: в театр «Глобус» пришли двое, уточнили у Шекспира, какая будет постановка на следующий день, и, несмотря на доходность пьесы, потребовали заменить ее менее успешным «Ричардом II». Хотя визитеры и обещают покрыть все расходы, важно то, как они просят о подобной услуге – начинают с вежливого вопроса, а заканчивают требованием: «Так вот, ... вы поставите все-таки «Ричарда Второго» [1: 120]. Примерно подобным образом выглядит сцена задержания Зыбина в «Факультете ненужных вещей». Также следует интерпретировать и просьбу пришедших к Шекспиру джентльменов, требующих без разговоров исполнить волю королевы. Получается, что воля стоящих у власти важнее желания граждан.

Вернемся к сцене, описанной практически в самом начале нашей работы, – разговору Шекспира с королем в новелле «Королевский рескрипт». Здесь, в сущности своей, тоже происходит процесс цензурирования. Король просит драматурга не затрагивать в своих произведениях «авторитета Единого», однако он выстраивает просьбу с использованием властной речи, вставляя такие конструкции, как: «Я не хотел бы...»; «Я ценю это» [1: 242-243]. Король учитывает только свои желания, не пытаясь узнать альтернативную точку зрения и не приемля ее.

Следует показать, как подобная власть относится к людям и регулирует ситуацию. Для этого обратимся к трем фрагментам, в которых представлены три уровня власти. Король из «Королевского рескрипта» говорит о своих поданных, которые, как ему говорит Пембрук, не понимают всей прелести правления монарха, а не парламента, на что король отвечает, что просто повесит их. В «Смуглой леди» глашатаи распространяют информацию о том, что все, кто поддерживает мятежников, будут казнены. А в новелле «Вторая по качеству кровать» оксфордский лорд-канцлер запрещает студентам посещать харчевню, иначе он будет всех «ловить и судить своим судом», чему можно верить, поскольку, по словам другого персонажа, Волка, «человек он крутой, и суд у него короткий» [1: 175]. Как можем заметить, действия и высказывания представителей власти на разных уровнях резки и импульсивны, а жизнь и безопасность граждан не воспринимаются ими как нечто серьезное. Тем интереснее рассмотреть отношение общества к такой власти. Для этого обратимся к новелле «Королевский рескрипт», где, на наш взгляд, очень ярко изображается отношение общества к власти и ее символам.

В этом произведении повествование преимущественно ведется от лица молодого врача по фамилии Гроу, которого нанимает на работу зять Шекспира, чтобы тот помогал ему присматривать за больным драматургом. И именно через этого персонажа читатель узнает многочисленные слухи, которые распространяют жители Стратфорда о том, что Шекспир общался с королем Иаковым I и как реликвию хранит полученное от него послание, которое дает ему массу возможностей и за которое его в городе любят и уважают, поскольку не у каждому дано хранить письма короля. Зять Шекспира, доктор Холл, рассказывает Гроу об этом письме с подобострастием – и к власти, и к Шекспиру, ей отмеченному. Что интересно: чем меньше знаком с Шекспиром персонаж, тем большей становится сила рескрипта в его рассказе. Так, если зять драматурга говорит о письме короля как о некотором достижении, которое само по себе уже делает человека особенным, то случайно встреченный Гроу в трактире кузнец, знающий Шекспира только через своего дядю, уже по-другому представляет рескрипт, называя его королевской хартией, которая дает большие привилегии, но никто не знает, что в ней написано. В его интерпретации королевское письмо наделяется некоторой таинственностью и силой, превращаясь из официального документа в почти мифический артефакт. Апогея этот миф достигает пятьдесят лет спустя, когда им интересуется историк, считающий, что письмо и последовавший разговор с монархом изменили Шекспира, после чего он отправился на родину, чтобы провести последние годы в мирных трудах и размышлениях. Само это письмо названо историком «драгоценнейшим манускриптом» [1: 190].

На самом деле письмо монарха оказалось просто запиской с предписанием явиться в нужный день и час, а разговор с Иаковым I оказался довольно небольшим монологом короля о глупом английском народе и необходимости внесения некоторых правок в текст «Макбета».

В описанной Домбровским Англии диалог между властью и народом невозможен. Власть на разных уровнях находится как бы отдельно от остальных людей, полностью замыкаясь на самой себе. Представители власти не хотят и не способны думать о воле других, сводя все взаимодействие с людьми к

требованию исполнения своей воли, что не способствует установлению и развитию диалога. Кроме того, власть очень импульсивна и способна на резкие и необдуманные действия, которые могут стоить другим людям жизни, тем самым она демонстрирует свое полное пренебрежение людьми, позволяя себе их не слышать.

Но интересно, что люди и сами не стремятся к диалогу; они способствуют сакрализации символов власти, даже если на самом деле эти символы ничтожны и не значат практически ничего. А потому власти и нет необходимости выстраивать диалог, поскольку людям это не нужно и, более того, им необходима вера в силу власти.

В своей трилогии Домбровский пытается осмыслить трагическое существование художника в атмосфере бесправия и всеобщего подчинения. Шекспир при этом становится своеобразным посредником, недостающим звеном диалога. Власть может требовать вносить некоторые изменения в его творческий процесс, но при этом не может не замечать его, подобно другим людям. В свою очередь люди могут не интересоваться его творчеством, но при этом они не способны не заметить человека, который отмечен с властью, а отмечен он как человек, способный вести с ней диалог средствами искусства.

Заключение

Ю.О. Домбровский испытал на себе всю жестокость сталинского режима, и он прекрасно понимал, что живет в тоталитарном обществе, уже определившим для себя единственную истину, которую никто не вправе обсуждать или оспаривать.

В монологической среде художнику ничего не остается, как пытаться вступить в диалог с властью при помощи искусства. Домбровский сделал это с относительно «безопасной» дистанции, перенес волнующие его вопросы в эпоху Шекспира. Именно поэтому драматург в его произведениях так похож на него самого. Но фигура Шекспира используется писателем для того, чтобы осмыслить не только свое положение, но и состояние общества, пассивного, с благодарностью принимающего авторитарную власть, которая не беспокоится о людях и способна делать все, что ей заблагорассудится.

Через «своего» Шекспира Домбровский обретает голос, чтобы говорить о вещах, волнующих его самого: деспотичный правитель, который не слушает, а пытается подстроить голос художника под себя; представители власти, которые могут поступить с человеком так, как считают нужным; цензура, лишая художника свободы слова, и, конечно, судьба художника в несвободном обществе.

Список литературы

1. Домбровский Ю.О. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Рассказы разных лет; Новеллы о Шекспире; Приложение; Комментарии. М.: ТЕРРА, 1992;3:368.
2. Анцыферова О.Ю. Шекспировский текст Юрия Домбровского. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2013;1(21):130-134.
3. Домбровский Ю.О. Рождение мыши: роман в повестях и рассказах; [предисл. Д. Быкова]. М.: ПРОЗАИК, 2012:512.
4. Домбровский Ю.О. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. (Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская, худ. В. Виноградов). М.: ТЕРРА, 1993:704.
5. Анисимов Г.А., Емцев М.Т. «Гамлет, отомсти!». *Континент*. 1991:36-40.
6. Гайдин Б.Н. У. Шекспир в тезаурусе Ю.О. Домбровского. *Горизонты гуманитарного знания*. 2018;4:27-58. DOI: 10.17805/ggz.2018.4.3.
7. Каблуков В.В. Ю. Домбровский о Шекспире. *Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение»*. Филология. 2008;5. Доступно по: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Kablukov_Dombrovskiy/ Ссылка активна на 24.05.2020.
8. Tyutelova L.G., Shevchenko V.D., Shevchenko E.S. Role of artistic communicative strategies in modern day politics. *Proceedings of the 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop, ComSDS*. 2018:66-71.
9. Ларкович Д.В. Диалогические интенции в лирической поэзии Г.Р. Державина. *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2019;19:37-47. DOI: 10.17223/23062061/19/3.
10. Сауткин А.А. Принцип диалогизма М.М. Бахтина как методологическое основание для исследования социокультурной идентичности. *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2014;3(23):16-25.

11. Маслова А.А. Понимающая психотерапия как теоретическая основа методики развития коммуникативной компетентности подростков. *Консультативная психология и психотерапия*. 2017;4(25):147-155. DOI: 10.17759/cpp.2017250409.
12. Santamaria M. Ther people's voices: A reflective inquiry into power and voice within the classroom and the implications of researching one's own practice. *Ensaio*. 2019;27:755-776. DOI: 10.1590/S0104-40362019002702206.
13. Быков Д.Л. Рождение горы. Домбровский Ю.О. Рождение мыши: роман в повестях и рассказах; [предисл. Д. Быкова]. М.: ПРОЗАиК, 2012:5-20.
14. Быков Д.Л. Един Державин. Домбровский Ю.О. Державин, или Крушение империи. Оренбург: Оренбургское книжное изд. им. Г.П. Донковцева, 2018.
15. Быков Д.Л. Цыган. Факультет прекрасных вещей Юрия Домбровского. Домбровский Ю.О. Избранное. В 2 т.; предисл. Дм. Быкова. М.: Книжный Клуб 36.6. 2009:5-16.
16. Демичева Е.С. «Шекспировский текст» в русской литературе второй половины XX — начала XXI в.: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 2009:190. Доступно по: <https://www.dissercat.com/content/shekspirovskii-tekst-v-russkoi-literature-vtoroi-poloviny-xx-nachala-xxi-v>. Ссылка активна на 24.05.2020.
17. Дуардович И. Юрий Домбровский: Миф vs «Нестерпимая быль». *Вопросы литературы*. 2019;2:234-277. DOI: 10.31425/0042-8795-2019-2-234-277.
18. Дуардович И. Юрий Домбровский: арест в Мертвом переулке. *Вопросы литературы*. 2019;3:240-271. DOI: 10.31425/0042-8795-2019-3-240-271.
19. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979:320.
20. Лотман Ю.М. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина. *Пушкин и его современники*. 1970:101-110.
21. Дьяконов Г.В. Концепция диалога М.М. Бахтина как методология научно-гуманитарного мышления и мировоззрения. *Феномен человека в психологических исследованиях и в социальной практике. Материалы Международной конференции (Смоленск, 23-25 октября 2003 г.). Под ред. В.А. Сониной*. Смоленск: Изд-во Смоленского госуниверситета, 2003:22-27.
22. Радзиховский Л.А. Проблема диалогизма сознания в трудах М.М. Бахтина. *Вопросы психологии*. 1985. Доступно по: <http://www.voppsy.ru/issues/1985/856/856103.htm> Ссылка активна на 24.05.2020.
23. Сурат И. Другой Домбровский. *Октябрь*. 2011;8. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/october/2011/8/drugoj-dombrovskij.html>. Ссылка активна на 24.05.2020.
24. Вульфвич Т. Разговоры с Юрием Домбровским. *Знамя*. 1997;6:123-147.

References

1. Dombrovsky YO. Collected works: in 6. Vol. 3: Stories of different years; Short Stories about Shakespeare; Appendix; Comments. Moscow: TERRA, 1992;3:368. (In Russ.).
2. Antsyferova OY. Shakespeare's text by Yuri Dombrovsky. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign Philology*. 2013;1(21):130-134. (In Russ.).
3. Dombrovsky YO. The Birth of Mouse: a novel in tales and short stories. Moscow: PROZAiK, 2012:512. (In Russ.).
4. Dombrovsky YO. Collected works: in 6 vols. Moscow: TERRA. 1993;5:704. (In Russ.).
5. Anisimov GA., Yemtsev M.T. Hamlet, take your revenge! *Continent*. 1991:36-40 (In Russ.).
6. Gaidin BN. U. Shakespeare in the thesaurus of Yuri Dombrovsky. *Horizons of humanitarian knowledge*. 2018;4:27-58. DOI: 10.17805/ggz.2018.4.3. (In Russ.).
7. Kablukov VV. Yuri Dombrovsky about Shakespeare. *Electronic magazine «Knowledge. Understanding. Skill»*. *Philology*. 2008;5. (In Russ.). Available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Kablukov_Dombrovskiy/. Accessed May 24, 2020.
8. Tyutelova LG., Shevchenko VD., Shevchenko ES. Role of artistic communicative strategies in modern day politics. *Proceedings of the 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop, ComSDS*. 2018:66-71.
9. Larkovich DV. Dialogic intentions in the lyric poetry of G.R. Derzhavin. *Text. Book. Book Publishing*. 2019;19:37-47. (In Russ.). DOI: 10.17223/23062061/19/3.
10. Sautkin AA. The principle of dialogism of M.M. Bakhtin as a methodological basis for the study of socio-cultural identity. *Bulletin of Volgograd state University*. 2014;3(23):16-25. (In Russ.).

11. Maslova AA. Understanding psychotherapy as a theoretical basis for the development of teenagers communicative competence. *Advisory psychology and psychotherapy*. 2017;4(25):147-155. (In Russ.). DOI: 10.17759/cpp.2017250409.
12. Santamaria M. Ther people's voices: A reflective inquiry into power and voice within the classroom and the implications of researching one's own practice. *Ensaio*. 2019;27:755-776. DOI: 10.1590/S0104-40362019002702206.
13. Bykov DL. Birth of the mountain. The birth of a mouse: a novel in tales and short stories. Moscow: PROZAIK, 2019;5-20. (In Russ.).
14. Bykov DL. One Derzhavin. Derzhavin, or The collapse of the Empire. Orenburg: Orenburg book publishing house named after G.P. Donkovceva, 2018. (In Russ.).
15. Bykov DL. Gypsy. Faculty of fine things of Yuri Dombrovsky. Dombrovsky, YO. Selected. In 2 volumes. Moscow: Book Club 36.6. 2009;5-16. (In Russ.).
16. Demicheva ES. «Shakespeare's text» in Russian literature of the second half of the XX-beginning of the XXI century. Volgograd. 2009:190. (In Russ.). Available at: <https://www.dissercat.com/content/shekspirovskii-tekst-v-russkoi-literature-vtoroi-poloviny-xx-nachala-xxi-v>. Accessed May 24, 2020.
17. Duardovich I. Yuri Dombrovsky: Myth vs "Unbearable byl". *Questions of literature*. 2019;2:234-277. (In Russ.). DOI: 10.31425/0042-8795-2019-2-234-277. (In Russ.).
18. Duardovich I. Yuri Dombrovsky: the arrest in the Dead lane. *Questions of literature*. 2019;3:240-271. (In Russ.). DOI: 10.31425/0042-8795-2019-3-240-271. (In Russ.).
19. Bakhtin MM. Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow: Soviet Russia, 1979:320. (In Russ.).
20. Lotman Y.M. On the structure of the dialogical text in Pushkin's poems. *Pushkin and his contemporaries*. 1970:101-110. (In Russ.).
21. Diakonov GV. The Concept of dialogue of M. M. Bakhtin as a methodology of scientific and humanitarian thinking and worldview. *Human Phenomenon in psychological research and social practice. Proceedings of the International conference*. Smolensk: publishing house of the Smolensk state University, 2003:22-27. (In Russ.).
22. Radzikhovsky LA. The problem of dialogism of consciousness in the works of MM. Bakhtin. *Question of psychology*. 1985. (In Russ.). Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1985/856/856103.htm>. Accessed May 24, 2020.
23. Surat I. Another Dombrovsky. *October*. 2011;8. (In Russ.). Available at: <https://magazines.gorky.media/october/2011/8/drugoj-dombrovskij.html> Accessed May 24, 2020.
24. Vulfovich T. Conversations with Yuri Dombrovsky. *Banner*. 1997;6:123-147. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Макарычев Алексей Вячеславович, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, г. Самара, Российская Федерация.

E-mail: ale-makarychev@yandex.ru

Адрес: 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34. ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»

Bionote:

Aleksei V. Makarychev, postgraduate student, Samara National Research University, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations; Samara, Russian Federation.

E-mail: ale-makarychev@yandex.ru

Address: 443086, Samara, 34 Moskovskoye shosse, Samara National Research University

Оригинальная статья

УДК 1751 82 82-1/-9

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-185-194

**Нарративная категория *точка зрения* в романе Л. Элтанг
«Каменные клены»**

М.С. Мозжерина

Южно-Уральский государственный университет

(Российская Федерация, г. Челябинск)

e-mail: marina_m90@list.ru

Получена: 24.04.2020 /Принята: 18.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: В настоящей статье рассматривается нарративная категория *точка зрения*: даны вводные теоретические замечания, раскрывающие и уточняющие это понятие в рамках современной теории нарратива, а также анализ данной категории в романе Лены Элтанг «Каменные клены». В нарратологии *точка зрения* является одной из ведущих категорий; она синонимична понятиям «фокализация», «перспектива» и «нарративная модальность» и непосредственно связана с нарратором произведения. В данной статье рассматриваются различные подходы к трактовке понятия *точка зрения*, рассматриваются сходства и различия, разные теоретические подходы к терминам «перспектива», «фокализация», «нарративная модальность». Анализ теоретических трудов, посвященных этой проблеме, также дает возможность заключить, что одна из ведущих ролей при построении нарратива отдается нарратору. В романе Л. Элтанг «Каменные клены» сталкиваются множество различных точек зрения (соответственно, несколько нарраторов): в тексте представлены несколько субъектов речи и несколько различных нарративных линий. Были рассмотрены основные нарративные и стиливые принципы, а также особенности нарративной организации романа «Каменные клены». Комплексные методы исследования позволили определить, что в романе Л. Элтанг «Каменные клены» сталкиваются множество различных точек зрения: в тексте представлены несколько субъектов речи и несколько различных нарративных линий; коммуникативная основа нарративного произведения, «мозаичность» повествования, разноуровневые авторские загадки и детективная сюжетная основа романа активизирует роль читателя «Каменных кленов», которому отдается функция одного из нарраторов произведения. В статье подчеркивается, что в романе формируется необъективный, ложный нарратив, разрушающий принципы классического повествования.

Ключевые слова: нарратив, точка зрения, фокализация, нарративная модальность, роман, мемуарная литература, детектив, нарратор.

Для цитирования: Мозжерина М.С. Нарративная категория *точка зрения* в романе Л. Элтанг «Каменные клены». *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 185–194.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-185-194

**Narrative category point of view
in the novel «Stone maples» by L. Eltang**

Marina S. Mozzherina
South Ural State University
(Russian Federation, Chelyabinsk)
e-mail: marina_m90@list.ru

Received: 24.04.2020 /Accepted: 18.05.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: This article examines the narrative category point of view: it introduces theoretical remarks that reveal and clarify this concept in the framework of the modern theory of narrative, as well as an analysis of this category in Lena Eltang's novel "Stone Maples". In narratology, the point of view is one of the leading categories; it is synonymous with the concepts of "focalization", "perspective" and "narrative modality" and is directly related to the narrator of the work. This article discusses various approaches to the interpretation of the concept of point of view, discusses the similarities and differences, different theoretical approaches to the terms "perspective", "focalization", "narrative modality." An analysis of the theoretical works devoted to this problem also makes it possible to conclude that one of the leading roles in the construction of a narrative is given to the narrator. In L. Eltang's novel "Stone Maples", many different points of view (respectively, several narrators) are encountered: several subjects of speech and several different narrative lines are presented in the text. The main narrative and style principles, as well as the features of the narrative organization of the novel "Stone Maples" were examined. Integrated research methods allowed us to determine that in L. Eltang's novel "Stone Maples" there are many different points of view: several subjects of speech and several different narrative lines are presented in the text; the communicative basis of the narrative work, the "mosaic" narrative, multilevel author puzzles and the detective story base of the novel activate the role of the reader of "Stone Maples", who is given the function of one of the narrators of the work. The article emphasizes that a biased, false narrative is formed in the novel, destroying the principles of classical narration.

Keywords: narrative, point of view, focalization, narrative modality, novel, memoirs, detective story, narrator.

For citation: Mozzherina M.S. Narrative category point of view in the novel «Stone maples» by L. Eltang. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2020, no 2, pp. 185–194 (In Russ.).

Введение

Нарратив в настоящее время является понятием сверхлитературным. Осмысляясь современным литературоведением отчасти как синоним терминов «рассказывание» и «повествование», нарратив и нарратология выходят за пределы только лишь вербализованного знакового комплекса.

Современное учение о нарративе включает обязательное понятие — «событие рассказывания», которое Н.Д. Тамарченко определяет как «общение между субъектом высказывания в художественном произведении и его адресатом-читателем, в ходе которого или посредством которого произведение изображает и оценивает свой предмет» [1: 206]. Изучая нарратив, мы не сможем ограничиться только тем, о чем говорится в тексте; нам обязательно нужно знать, как, кем, где и т. д. говорится. Получается, само «событие рассказывание»: это некое слияние «двух событий — референтного (некоторая история, или фабула) и коммуникативного (дискурс по поводу этой истории)» [2: 8]. Соответственно, ключевая роль здесь отдается субъекту высказывания — нарратору.

Мир художественного произведения, изображенное, вымысел — это всегда картина, которую читатель видит чьими-то глазами. Это не глаза автора, это мир глазами того человека, который рассказывает ту или иную историю. Будь он ее участником, свидетелем, слышал он ее от кого-то или всегда и незримо наблюдает за ней — мы фокусируемся, следим и обращаем внимание только на то, что «показывает» нам субъект речи (термин Н.Д. Тамарченко): «Нарратор, таким образом, является конструктором, составленным из симптомов повествовательного текста» [3]. Значит, фигура нарратора и сам процесс наррации являются одними из ключевых факторов, определяющих создание нарративного произведения. Таким образом, определяя нарратора как неотъемлемый конструирующий элемент нарратива, нам следует уделить отдельное внимание понятию «точка зрения».

Цель статьи

В данной статье рассматриваются основные особенности нарративной организации, а также стилистические особенности романа «Каменные клены» современной писательницы Л. Элтанг. В частности, представлен подробный анализ нарративной категории «точка зрения» и сопутствующей ей категории нарратора.

Обзор литературы

Изначально представление о точке зрения как об отдельном понятии сложилось в искусствоведении; рассуждая о категории «точка зрения», исследователи опираются на такие труды, как «О точке зрения в искусстве» Х. Ортега-и-Гассета и «Обратная перспектива» П. Флоренского. Б. А. Успенский в своем труде, посвященном проблеме точки зрения в литературоведении, говорит о роли этой категории во всех репрезентативных видах творчества: «Она представляется центральной проблемой композиции произведения искусства — объединяющей самые различные виды искусства. Без преувеличения можно сказать, что проблема точки зрения имеет отношение ко всем видам искусства, непосредственно связанным с семантикой (...), — например, таким, как художественная литература, изобразительное искусство, театр, кино — хотя, разумеется, в различных видах искусства эта проблема может получать свое специфическое воплощение» [4]. Точку зрения Успенский рассматривает как авторскую позицию, с которой ведется повествование; соответственно, исследовав различные авторские позиции, отношения между ними, функции каждой в тексте, можно описать и саму структуру художественного текста.

В своем изначальном, неметафоричном значении точка зрения так или иначе связана с положением в пространстве. Однако на данный момент в литературоведении это понятие определяется, трактуется и классифицируется со многих и различных сторон. Рассмотрев существующие подходы к определению и классификации понятия «точка зрения», Н.Д. Тамарченко дает ему следующую трактовку: «...точка зрения в литературном произведении — *положение «наблюдателя»* (повествователя, рассказчика, персонажа) *в изображенном мире* (во времени, в пространстве, в социально-идеологической и языковой среде), *которое, с одной стороны, определяет его кругозор* — как в отношении «объема» (поле зрения, степень осведомленности, уровень понимания), так и в плане оценки воспринимаемого; *с другой — выражает авторскую оценку этого субъекта и его кругозора*» [1: 221].

Термины «точка зрения», «фокализация» и «перспектива», по сути, являются синонимичными, но, опять же, имеют в своей основе разные подходы к трактовке и применению понятий. Введенный Ж. Женеттом термин «фокализация» углубил представления о сложной структуре самого повествования: данный термин более абстрактен и менее связан с автором и физическим положением в пространстве, чем «точка зрения» или «фокус наррации». В. Шмид не акцентирует внимание на разнице этих понятий: «Ведь нарратор в повествовательном тексте всегда присутствует, сколь бы безличным он ни был. А потому при последовательно проводимом анализе «нейтральная» («ничья») точка зрения или «нулевая фокализация» немислимы» [3]. «Точку зрения» он называет «центральной категорией нарратологии» и дает ей следующее определение: «Мы определяем это понятие как образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу событий» [3].

Другие зарубежные исследователи также выделяют точку зрения и нарратора как ведущие организующие нарративные категории. Например, М. Fludernik в монографии *An Introduction to Narratology* рассматривает разные подходы и трактовки понятий *point of view*, *narrative perspective* и *focalization*, соотнося их понимание и роль в тексте и связывая их с понятием нарратор: «In the English-speaking world it is traditional to speak of *point of view*, which corresponds to *narrative perspective* (Ger. *Erzählperspektive*). Traditionally, the aim is to make a distinction between narratives in which the story is filtered through the consciousness of a character (reflector figure) and those in which there is a view from 'outside' (defined in different ways). (...) As far as *perspective* is concerned, an outside (and unrestricted) view of the fictional world (= external perspective) stands in contrast to a view from within, which is limited to the knowledge and the perceptions of the reflector figure (= internal perspective)» [5: 37].

В.И. Тюпа разделяет эти понятия: фокализация, по его мнению, скорее является следствием определенной точки зрения. Точка зрения, как рассуждает ученый, это «промежуточная инстанция, формируемая нарратором, но предназначенная для «наррататора» (адресата наррации)» [2] (читателя, в случае литературного произведения, или же иного другого воспринимающего искусство субъекта). В своих исследованиях он рассуждает о понятии «нарративная модальность», заявляя его как «развитие более традиционного понятия “точка зрения”» [6]. Нарративная модальность, таким образом, менее связана

именно с конкретным пространственным положением субъекта речи, но связана с его позицией (по аналогии с риторическим понятием «пафос речи»).

Так или иначе, рассмотренные выше понятия («точка зрения», «фокализация», «нарративная модальность») неотделимы от нарратора, т. е. непосредственно субъекта речи. Его точка зрения напрямую и непосредственно влияет на точку зрения (в уже более метафоричном смысле) адресата текста — имплицитного читателя и, затем, читателя реального. Разные точки зрения, разные формы речи, разные ракурсы и кадры нарративного материала формируют тот перцептивный ответ, который возникает у читателя текста.

Методы исследования

В процессе исследования были использованы методы синтеза и классификации семиотического материала, нозматический и семиотический анализ художественного литературного текста. В процессе обработки эмпирического материала были использованы методы контекстологического анализа, наблюдения и описания различных фрагментов миметического текстового образца.

Результаты и дискуссия

Лена Элтанг — современная российская писательница. Родилась в Ленинграде в 1964 году, окончила факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Жила в Париже, Лондоне и Копенгагене; в 1991 году переехала в Вильнюс, столицу Литвы, где и живет в настоящее время. Творчество Лены Элтанг — многогранно и необычно, непривычно для массового читателя. И проза, и стихи Элтанг были тепло встречены в литературной среде: критики называют романы Лены Элтанг лучшими за последние несколько лет. На настоящий момент она — автор пяти романов («Побег куманики» 2006 г., «Каменные клены» 2008 г., «Другие барабаны» 2011 г., «Картахена» 2015 г., «Царь велел тебя повесить» 2017 г.).

Роман «Каменные клены» выходит в 2008 году, а в 2009 становится победителем премии «Новая словесность». Как и дебютный роман писательницы, «Побег куманики», второй роман Элтанг называют литературой интеллектуальной, сложной, «идеальным чтением “не для всех”, а для публики “продвинутой”» [7], также требующей «немалой работы души» [8]. Роман встречают множеством отзывов, критических статей, вариантов интерпретаций. Критики отмечают полифонию романа, его художественность, мастерство написания: «Тут есть настоящая музыка фразы, тонкость образа, объемность культурной атмосферы (...). А главное: здесь есть настоящее, симфоническое многоголосие, которое поначалу кажется какофонией, но постепенно выстраивается в достаточно стройный психологический сюжет» [9]; «...псевдодетективный костяк, окутанный густым мифологическим и интертекстуальным облаком, позволяет включить расплывающийся, лишенный четких границ текст Элтанг в один ряд как с романами Джойса и Вирджинии Вулф, так и с сочинениями постмодернистов, играющих цитатами и массовыми жанрами» [7].

Ведущая особенность романа «Каменные клены» — отсутствие в тексте одного нарратора. Текст представляет нам нескольких субъектов речи, которые выступают в роли повествователей. Различные сюжетные линии, формы повествования и нарраторы заменяют и дополняют друг друга, переплетаются воедино, организуя уникальный нарративный тон произведения.

Центральная линия романа — загадочная история Саши Сонли, главной героини, хозяйки небольшого пансиона в Уэльсе, никому не понятной девушки из России. Повествовательное «полотно» создают дневники Саши Сонли и главного мужского персонажа — Луэллина Элдербери, а также письма нескольких других персонажей (Сашиной мачехи, ее бывшего жениха, Эдны Александрины — младшей сестры Александры, соседки Луэллина). Взаимоотношения между персонажами сложны и запутанны, пары, образуемые героями, «как в танцах, периодически меняются партнёрами» [10].

Жизнь Александры, таинственная, мистическая, привлекает внимание всех жителей маленького уэльского городка Вишгарда: в ее пансионе происходят непонятные события, Сашу считают ведьмой, ее обвиняют в неприятностях ее соседей, и даже в убийстве собственной сестры. В основе сюжета — около-детективная история, расследование пропажи сводной младшей сестры Александры, Эдны Александрины Сонли. Все жители небольшого уэльского городка негласно обвиняют в убийстве саму Сашу. Станный, одинокий, отчужденный образ жизни главной героини и загадочные события, происходящие в Сашином пансионе, дают право соседям считать Сашу ведьмой, чего она сама, впрочем, не отрицает: «Дура ты, Саша, дура. А еще ведьма» [11: 38]; «Они считают меня ведьмой, а значит — со мной можно поступать как душе угодно. Разумеется, я ведьма, а кто же еще» [11: 15]. Волна неприят-

тия и непонимания становится привычной для героини; она не отрицает обвинений, нападок и лжи в свою сторону, признаваясь в том числе в мифическом убийстве: «я ее здесь похоронила, написала она и ткнула пальцем в сторону холмика, если это вас интересует, порвала на мелкие кусочки и зарыла — лучшего она и не заслуживала» [11: 99]. Во всех примерах, взятых из текста романа «Каменные клены», курсив авторский.

Роль детектива берет на себя Луэллин Элдербери, инструктор по вождению из Лондона, услышавший историю о Саше и ее младшей сестре в местном баре. Заключив своеобразное пари, Луэллин обещает вернуться в город и «провести расследование»: «заметано, сказал я, поднимаясь с ясеновой скамейки, займусь вашей деревенской убийцей, как только найдутся три свободные дня, а теперь мне нужно выспаться — лондонский автобус уходит в половине восьмого» [11: 23].

Основой романа является дневник Саши Сонли, в котором описывается художественное настоящее, а также главы Лицевого травника, в котором описывается прошедшее. Романное настоящее — это конкретное время, которое начинается в конце июня 2008 года и длится, по сути, один месяц: последняя запись в дневнике Саши (в рамках романа) была сделана 29 июля. Хронологический порядок именно дневниковых записей не нарушен, и сюжет романа улавливается в основном благодаря дневнику Саши Сонли. Персонаж, ведущий дневник, неизбежно привлекает читательский и исследовательский интерес, поскольку создает дополнительное, «частное» повествование внутри повествования «общего». Дневник Саши словно «группирует» вокруг себя остальные своеобразные главы произведения.

Одной из предпосылок, объясняющих желание, а иногда и необходимость, Александры создавать тексты, записывать информацию и описывать происходящее, становится первое событие романа: сцена, где героиня находит своих собак мертвыми возле своего дома. В очередной раз столкнувшись с такой уже привычной для себя жестокостью живущих рядом с ней людей, Александра решает в очередной раз поступить так, как когда-то поступала ее мама: «Когда мама расстраивалась, она переставал разговаривать — просто молчала и все, будто рот у нее запекся сургучом. Она писала нам с папой записки на клочках бумаги... (...) Мама откуда-то знала, что нужно замолчать, когда действительность поворачивается к тебе спиной. Вот и я замолчу» [11: 9]. С этого момента Саша не произносит ни слова, а все, что она хочет донести до окружающих людей и своих собеседников, она записывает в блокноте, который постоянно носит с собой. Соответственно, мы можем предположить, что свой дневник она начала создавать именно в этот момент. Решение героини замолчать является тем событием, которое задает и мемуарный характер глав, и общий нарративный дискурс произведения.

У дневников и писем, формирующих повествовательную базу романа, есть еще одна объективная предпосылка: Лицевой травник, описывающий события прошлого, детства и юности Саши и ее сестры. На первый взгляд, он создан абстрактным и сторонним повествователем: «С тех пор, как мама умерла, а умерла она в восемьдесят седьмом году, в декабре, когда Саше исполнилось тринадцать лет, прошлое стало похоже на сломанные часы из стекла, в которых можно подкручивать стрелки рукой» [11: 84]. Повествование строится от третьего лица; субъект говорения является всеведующим и вездесущим — иными словами, отвлеченным повествователем, которого читатель вряд ли может «материализовать», представить, но который непосредственно близок как автору и героям, так и художественному миру романа.

«Лицевой травник» в романе «Каменные клены» — книга, которая остается Саше Сонли от ее матери: «Хороша бы я была, оставшись без травника — ведь это последний способ разговаривать с мамой, другого мне в жизни не выдумать, да и нету никакого другого» [11: 15]. Каждая глава относится к определенному году, все главы Травника охватывают период с 1979 по 2000 год. И если составителем Лицевого травника является мама Александры, то сами главы, очевидно, написаны другим лицом. Как правило, точка зрения повествователя здесь — это точка зрения Саши: «Отец гладил маму по голове и поглядывал на Сашу, как будто подмигивая, на самом деле у него дергался левый глаз, но Саша этого еще не знала и подмигивала ему в ответ» [11: 103]. И только к концу произведения читатель может догадаться, что автором глав, описывающих прошлое Саши и ее семьи, также является сама Александра: «Зачем я пишу дневники, да еще начинаю второй, не кончив первого? / Затем, что первый я пишу для мамы, а второй для Луэллина» [11: 292]; «Какое странное чувство писать о прошлом в *этот* дневник. Как будто кидаешь письмо в неправильный почтовый ящик, перепутав казенные надписи» [11: 316].

Еще одна способность, которая достается Саше Сонли от матери — способность, даже, можно так сказать, необходимость, писать, сочинять, письменно излагать свои мысли, вести дневник. На протяжении всего романа (в рамках одной из нарративных линий) мы наблюдаем пересечение этих двух точек

зрения: «Моя голова теперь похожа на мамину, и у меня появилась еще одна причина назвать «Клены» кленами: это дерево мгновенно пустеет от холодного ветра, за один осенний день может осыпаться, даже за один осенний час» [11: 381]. Заговоры и заклинания, собранные мамой в Лицевом травнике, словно вызывают в памяти Александры определенные места из ее прошлого и прошлого ее семьи. Перелистывая и перечитывая Травник, Саша «листаёт» страницы своего прошлого. Каждый заговор, стоящий в начале главы Травника, имеет свое значение, и это значение напрямую связано с последующим содержанием: например, данный «эпиграф» предваряет одну из глав, описывающих отношения Саши с ее бывшим женихом Дэффидом Монмутом: *«Есть трава воронец, любовная, растет на борových землях, цвет бел, корень красен. Угодна давать женам и девам — горети по том человеке начнут. Вельми надо знать человеку»* [11: 59]. На свое прошлое Саша смотрит будто со стороны, говоря о себе в третьем лице; записывая и описывая эти события, Саша не просто вспоминает, а как будто пытается осознать их, проанализировать, понять.

Таким образом, героиня создает два дневника: один описывает настоящее, а второй — прошедшее. Дневник, в котором она пишет о настоящем, относится к 2008 году и описывает те события, которые составляют сюжет произведения. Из него мы узнаем о том, как загадочен для окружающих образ Александры; о том, что ее считают ведьмой; что младшая сестра Саши не живет с ней, а возможно, и вовсе мертва; что в городе появляется загадочный Луэллин Элдербери, которого явно интересует и история Александры, и она сама. Данная нарративная линия пишется от первого лица, Саша является непосредственным участником событий, происходящих здесь и сейчас, к тому же дневник предполагает максимальную открытость и откровенность — следовательно, у читателя просто нет повода не верить рассказчику. Александра Сонли в романе является как повествователем — более отстраненным, описывающим события своего прошлого со сторонней позиции наблюдателя, так и рассказчиком — непосредственным участником событий настоящего, достоверным, эмоциональным.

Обозначив в лице Александры основного (но не единственного) нарратора произведения, Элтанг создает вариативность и некую калейдоскопичность событий: повествование постоянно перемещается из настоящего в прошлое, переносится от одного периода времени к другому, иногда располагая читателя в настоящей временной петле, сложной и запутанной. Но читатель теряется не только во времени: постоянная смена фокуса событий создает слишком много вопросов к достоверности описываемых фактов, в том числе главного: а имеет ли место убийство на самом деле? Где сейчас младшая сестра Александры? Какие еще тайны хранит загадочная Саша Сонли? Поиском ответов на эти вопросы и занят главный мужской персонаж романа — Луэллин Элдербери.

Дневник Луэллины, наравне с главами Лицевого травника и дневником Саши Сонли, составляет нарративную основу романа. Персонаж также пишет дневник, рефлексировав, возвращаясь к своему прошлому, анализируя свое настоящее; письмо для него — также своего рода необходимость. Однако данные главы имеют несколько явных визуальных особенностей: отсутствие заглавных букв (в начале предложений, при использовании имен собственных и т. д.), отсутствие завершающих предложение и выделяющих прямую речь знаков препинания, курсив, маркирующий прямую речь, к тому же один абзац в тексте Луэллины как правило равняется одному предложению: «а ты мне больше нравился, когда приходил без этой облезлой кошки, сказал я, подзывая патрика двумя поднятыми пальцами, но я же терплю» [11: 20]; «... по дружбе, говорит уайтхарт и треплет меня по плечу, мы отдали твои часы коллеге джоунзу, ты пропадал четыре лишних дня, лу!» [11: 193]. Подобное визуальное оформление больше всего напоминает непосредственное и быстрое, эмоциональное письмо: невнимание к правилам оформления текста, разграничения предложений и расстановке знаков препинания, а иногда — еще и появление единичных ошибок в написании слов: «чорт, вот это я зря сказал!» [11: 23].

В маленьком Уэльском городке он оказывается проездом и так же случайно узнает об Александре Сонли и том, что произошло между ней и ее младшей сестрой. Эта загадка и желание ее разгадать манит Луэллину; в сюжетной линии Саши Сонли он выступает в качестве следователя, детектива, инспектора — именно так и начинает звать его Александра и другие жители города, приняв за настоящего полицейского. Она сразу понимает, что он появляется не просто так: он приехал, чтобы проникнуть в ее тщательно охраняемую ею самой и скрываемую ото всех жизнь; и именно тогда она решает обмануть его, запутать, сбить со следа: «Однако ничего не поделаешь, мне придется запутать вас, как несуществующие питанцы из Спарты запутали Геродота, а если не выйдет, я сделаю так, что вы сами запутаетесь, и вам станут мерещиться взаврадашние кости летучих змей на берегу Красного моря» [11: 90].

В истории Саши Луэллин — сторонний наблюдатель, лицо на первый взгляд незаинтересованное: он здесь, чтобы раскрыть преступление, те факты, которым он является свидетелем, которые он вносит в свой дневник, также должны быть максимально правдивыми. Схема расчетливого и стороннего свидетельствования рушится тогда, когда Луэллин начинает испытывать чувства к Александре и когда он становится сначала неосознанным, но затем по-настоящему зависимым читателем ее дневника: «*вы понимаете?* — она усмехнулась мне прямо в лицо на последней странице своего дневника, а я-то читал его с трепетом медвежатника, вскрывающего сейф с ожерельем брисингов!» [11: 297].

В своем романе Элтанг разрушает некоторые ведущие принципы детективной схемы, положенной в основу сюжета: роль детектива здесь исполняет инструктор по вождению, а его стремление раскрыть Сашины секреты — это спор, в сущности, с самим собой, желание быть ближе к ее манящему, мрачному, загадочному миру; разгадка тайны в детективе должна строиться на логических умозаключениях, к которым приходит и автор, и читатель романа. Однако постоянная смена нарратора и времени повествования значительно усложняет восприятие сюжета; каждое новое обстоятельство должно приблизить нас к разгадке «преступления», однако оно ставит перед читателем еще больше вопросов, оставляет все больше пробелов, заставляет сомневаться в предыдущих событиях, призывает искать ответ на следующих страницах.

Мы не можем назвать персонажей, которые рассказывают нам о событиях романа, повествователями: они не повествуют об истории — они проживают ее, живут внутри нее. Каждая самобытная глава здесь является глубоко личным переживанием, т. к. «главы» здесь — это дневниковые записи и письма героев друг другу. В романе сталкиваются различные мнения о событиях и их анализы, абсолютно разные восприятия одних событий. Персонажи могут находиться внутри одной комнаты и внутри одного диалога, но при этом сначала мы видим событие глазами Александры Сонли, затем — Луэллина Элдербери, и один и тот же сюжетный момент приобретает совершенно разные черты, мотивы и нюансы. Роман «играет» с читателем, оставляя многие моменты фабулы на веру или воображение своего читателя. Текст постоянно подтверждает или опровергает реальность различных сюжетных фактов, в том числе — события, ради которого строится и детективная схема: убийства Сашиной младшей сестры: «Когда Младшая появилась на пороге, я чуть поднос с посудой не выронила — мне показалось, что вернулась моя мачеха Хедда, и все начинается сначала, как в фильме ужасов» [11: 248]. В итоге главный вопрос, который задает себе читатель: было ли само преступление? И какую загадку, тайну, мы пытаемся открыть?

Роман представляет нас несколько вариаций одного события и множество взглядов на него; иногда различные точки зрения помогают восстановить истинный порядок событий, иногда — все больше запутывают. Однако детективная схема в романе не акцентируется, временами приобретая значение лишь вербальной и смысловой игры, составляя в единую схему все детективные элементы.

Загадка и игра — один из центральных мотивов в «Каменных кленах»; он одновременно создает и сюжет романа, и задает ту форму взаимодействия, которая возникает между автором и читателем. «Играя» с текстом, погружаясь в него, читатель пытается собрать из фрагментов нарратива единую картину. Некая «мозаичность» текста будто и не предполагает правильного варианта, ведь у каждого читателя может получиться свой правильный вариант. Исходя из этого, данный текст имеет еще одного нарратора, формирующего окончательный сюжетный облик произведения — своего читателя.

Понимая и рассматривая коммуникативный акт как природу литературы, нарратология активизирует функции читателя художественного текста, отдавая ему одну из ведущих ролей в процессе понимания и трактовки текста: «Нарратология, стремясь избежать крайностей этих позиций, не отбрасывает самого понятия «глубинной структуры», лежащей, как считают ее представители, в основе всякого художественного произведения, но главный акцент делает на процессе реализации этой структуры в ходе активного «диалогического взаимодействия» писателя и читателя» [2]. Сложный «фрагментарный» нарратив и детективная основа «Каменных кленов» активизируют читателя, предоставляя ему простор и для воображения, и для своей собственной интерпретации текста. Читатель оказывается неосознанно «втянутым» в игру, заданную Элтанг в начале романа и выдержанную до самого финала.

В игру вступает и Александра, узнав, зачем явился к ней Луэллин. Желание запутать молодого человека, не дать ему постичь сокрытые в глубине своего сознания тайны заставляет ее играть по новым правилам: зная, что Луэллин читает ее дневник, она превращает свои записи в сознательно созданное письменное произведение. Ее дневник перестает быть доверительным и искренним внутренним мо-

ноголом; она пишет о том, о чем хочет писать, представляя реальность так, как нужно ей и как должен увидеть ее Луэллин, приукрашивая и дополняя фактические события, и где проходит грань между правдой и вымыслом, догадаться сложно: «Зачем Луэллин приезжает сюда — чтобы разоблачить меня? (...) Он верит в то, что я пишу, я пишу то, что он хочет прочесть, мы оба заняты делом, а значит, я не могу остановиться» [11: 293]. По сути, Саша пишет уже не дневник — она создает самобытное литературное произведение, выступая в качестве художественного нарратора внутри общего нарратива. Соответственно, Луэллин в рамках романа — и создающее, и воспринимающее сознание; и адресат речи, и нарратор.

В.И. Тюпа определяет нарратора как фигуру, «связывающую воедино фрактальные участки нарративного текста и выступающую олицетворением интенциональности рассказываемой истории» [12; 13; 14; 15]. Отсутствие в романе «Каменные клены» единого нарратора провоцирует внешний повествовательный хаос: хронологический порядок «глав» нарушается, читатель «перескакивает» с одного десятилетия на другое, с точки зрения одного нарратора на другую, одно и то же событие предстает сначала истинным, затем — однозначно ложным. Но именно это разнообразие форм и субъектов речи в романе Элтанг и создает его сложное нарративное полотно: «И соотношение формально выделенных частей текста, и соотношение точек зрения разных субъектов изображения (...) говорят об одном и том же: о различном восприятии и оценке изображаемого события. *Столкновение разных восприятий одного события и создает особое событие рассказывания*» [1: 211].

Каждый дневник — это отдельная линия, отдельная история со своим «повествователем». Каждая точка зрения и каждый субъект речи в романе глубоко субъективны. Текст романа представляет собой не просто рассказ о случившихся событиях; герои пишут письма и дневники, т. е. анализ, осмысление, впечатление от этих событий. Мемуары пишутся всегда в максимально доверительной и откровенной манере, т. к. они либо вообще не рассчитаны на то, чтоб их читали, либо адресованы близким людям. С другой стороны, герои Элтанг не пишут дневников. Дневник теряет характер чего-то настоящего, личного и интимного, если его автор обращается адресно и ориентируется на конкретного читателя: «для чего она писала дневник по ночам, сочиняя свои бестолковые книжные грехи? чтобы я попал в кабалу к этому тексту, к мелко посаженным буквам, похожим на птичек на проводах, чтобы я впал в замешательство, пристрастился к зеленым и красным чернилам, как опиумный страдалец, как последний дурак» [11: 377]. Написанный специально для кого-то, дневник перестает быть таковым, он теряет искренность и достоверность; мы не можем доверять героям (нарраторам) Элтанг. Предложенный ими взгляд на происходящие события не является истинным, объективным, поэтому никак не может помочь читателю выстроить логическую событийную схему.

Заключение

Дневники героев Элтанг — это рефлексия, анализ, восприятие, осмысление: себя, своих поступков и своего места в мире. Попытка через текст, через свои мысли и слова найти гармонию — и внутри, и снаружи себя. Каждый персонаж романа — это и автор, и действующее лицо, и сторонний наблюдатель, и нарратор своей личной сюжетной композиционной линии. Дневники героев теряют основные характеристики именно дневниковых записей: в них нет искренности, достоверности, они созданы с ориентацией на читателя и стороннее восприятие. Таким образом, единое полотно романа состоит из множества композиционных линий — линейных текстов, каждый из которых имеет и своего субъекта речи, и свою фабульную наполненность, и особенную визуальную выразительность. «События рассказывания» каждого текстового компонента отличают «главы» друг от друга и составляют общую, особенную и индивидуальную, нарративную ткань романа. В «Каменных кленах» формируется необъяснимый, ложный нарратив, разрушающий принципы классического повествования.

В романе соединяется множество точек зрения, отражающих отличающиеся, разнохарактерные взгляды на общее фабульное событие. В рамках детективного сюжета несколько взглядов и мнений должны помочь в формировании общей картины, в разгадке тайны, однако повествовательные линии, ведущиеся разными нарраторами, разнятся, иногда даже опровергая друг друга. Коммуникативная основа нарративного произведения, «мозаичность» повествования, разноуровневые авторские загадки и детективная база романа активизирует роль читателя «Каменных кленов», которому отдается функция одного из нарраторов произведения.

В романе Элтанг множественность точек зрения задана не ради прояснения и кристаллизации сюжета, а ради активизации самой категории *точка зрения*. Столкновение в романе множества различных,

в том числе и разногендерных, точек зрения, «дробит» нарратив и усложняет саму детективную ситуацию, делая ее каледоскопичной и вариативной.

Список литературы

1. Тамарченко Н.Д. Теория литературы: в 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Академия; 2007.
2. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь: Твер. гос. ун-т; 2001.
3. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры; 2003.
4. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука; 2000.
5. Fludernik M. An Introduction to Narratology. Routledge; 2009.
6. Тюпа В.И. Что такое «нарративная модальность»? Доступно по: <https://www.opennar.com/single-post/2016/03/27/Что-такое-нарративная-модальность>. Ссылка активна на 20.03.2018.
7. Урицкий А. Переводные картинки, или Борьба с небытием. *Новое литературное обозрение*. 2010;104:27-30.
8. Топоров В. Сколько стоит шедевр. *Взгляд*. 2006;5.11;20-23.
9. Липовецкий М. Три карты побега. Доступно по: <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details/15612/>. Ссылка активна на 19.03.2020
10. Семьян Т.Ф. Поэтика романа Лены Элтанг «Каменные клёны». *Проблемы поэтики и стиховедения: мат. VII Международной научн.-теоретич. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и 100-летию со дня рождения выдающегося ученого, Героя Советского Союза Малика Габдуллина (4—6 мая 2015)*. 2015:195-197.
11. Элтанг Л. Каменные клёны. М.: АСТ; 2008.
12. Тюпа В.И. Кто такой нарратор? 2015. Доступно по: <https://www.opennar.com/single-post/2015/11/20/Кто-такой-нарратор>. Ссылка активна на 19.03.2018.
13. Alber J., Iversen S., Nielsen H.S., Richardson B. Unnatural Narratives, Unnatural Narratology: Beyond Mimetic Models. Ohio State University Press. 2010;2:113-136.
14. Ортега-и-Гассет Х. О точке зрения в искусстве. Доступно по: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega10.txt>. Ссылка активна на 08.04.2020.
15. Тюпа В.И. Нарративная стратегия романа. *Новый филологический вестник*, 2011;18:8-24.

References

1. Tamarchenko ND. Theory of literature: in 2 vols. T. 1. *Theory of artistic discourse*. Ed. N.D. Tamarchenko. Moscow: Academy; 2007. (In Russ.).
2. Tyupa VI. Narratology as an analyst of narrative discourse ("Bishop" by A. P. Chekhov). Tver: Tver. state un-t; 2001. (In Russ.).
3. Schmid B. Narratology. Moscow: Languages of Slavic culture; 2003. (In Russ.).
4. Uspensky BA. Poetics of composition. St. Petersburg: ABC; 2000. (In Russ.).
5. Fludernik M. Introduction to narratology. Routledge, 2009.
6. Tyupa VI. What is a narrative modality? Available at: <https://www.opennar.com/single-post/2016/03/27/What-is-a-narrative-modality> Link is active on 03/20/2018. (In Russ.).
7. Uritsky A. Translations of the picture, or the Fight against non-existence. *New Literary Review*. 2010;104:27-30. (In Russ.).
8. Toporov V. How much is a masterpiece. *Sight*. 2006;5.11;20-23. (In Russ.).
9. Lipovetsky M. Three escape cards. Available at: <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details/15612/> Link active on 03/19/2020 (In Russ.).
10. Semyan TF. Poetics of Lena Eltang's novel Stone Maples. *Problems of poetics and poetry: mat. VII World Scientific-Theoretical Conf. 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and 100th anniversary of the birth of the outstanding scientist Hero of the Soviet Union Malik Gabdullin (May 4-6, 2015)*, 2015:195-197. (In Russ.).
11. Eltang L. Stone maples. Moscow: AST; 2008. (In Russ.).

12. Tyupa VI. Who is a narrator? 2015. Available at: <https://www.opennar.com/single-post/2015/11/20/What-is-such-a-narrator> Link active on 03/19/2018. (In Russ.).
13. Albert J., Iversen S., Nielsen HS., Richardson B. Unnatural narratives, Unnatural narratology: beyond mimetic models. *Ohio State University Press*. 2010;2:113-136.
14. Ortega y Gasset H. On the point of view in art. Available at: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega10.txt> Link active on 04/08/2020. (In Russ.).
15. Tyupa VI. Narrative strategy of the novel. *New Philological Bulletin*, 2011;18:8-24. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Мозжерина Марина Сергеевна, аспирант кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет, кафедра русского языка и литературы Института медиа и социально-гуманитарных наук, г. Челябинск, Российская Федерация.

E-mail: *marina_m90@list.ru*

Адрес: 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76. ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)»

Bionote:

Marina S. Mozzherina, graduate student, South Ural State University, Institute of Media and Humanities, Department of Russian Language and Literature; Chelyabinsk, Russian Federation.

E-mail: *marina_m90@list.ru*

Address: 454080, Chelyabinsk, 76 Lenin ave, South Ural State University

Оригинальная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-195-205

Художественное своеобразие эстетического идеала
в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского

Е.О. Сычева

Северо-Кавказский федеральный университет
(Российская Федерация, г. Ставрополь)

ORCID ID: 0000-0003-0780-5525;

e-mail: Lenasycheva@yandex.ru

А.А. Серебряков

Северо-Кавказский федеральный университет
(Российская Федерация, г. Ставрополь)

ORCID ID: 0000-0003-1059-8328;

Researcher ID: [S-6602-2016](#);

Scopus Author ID: 57192066542; e-mail: aasereb@mail.ru

Получена: 30.04.2020 /Принята: 15.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: Предлагаемая работа посвящена изучению эстетики Ф.М. Достоевского, в частности, эстетическому идеалу писателя. Вслед за Кантом, Гегелем, Шиллером русский писатель рассматривал идеал в антропологическом аспекте. Эстетический идеал русского писателя – человек, выражающий нравственное начало, божественное в человеке. В теоретической мысли русского писателя звучит идея нравственной красоты. Гармония, благообразие служат лишь внешней оболочкой, когда моральная высота предстает эстетическим идеалом Ф.М. Достоевского. К этой красоте, истине устремлено внутреннее содержание, смысл его произведений. Вслед за образцами «положительной красоты» мировой и отечественной литературы и искусства, Достоевский воссоздал в своих произведениях положительно прекрасных героев. Русский писатель говорит о двойственности красоты, «двух безднах» человеческой души: «содомской» – низкой, греховной, связанной с красотой телесной, чувственной и «мадонской» – высокой, связанной с духовной красотой, человек может соединять в себе обе. Эстетический идеал писателя обращен к духовной красоте. Особый интерес представляет «Дневник писателя» Достоевского. Именно в нем отчетливо звучит мысль об эстетическом идеале писателя. Вопрос об идеальном человеке рассматривается в контексте подземной (загробной) жизни в рассказе «Бобок» и надземном пространстве в «Сне смешного человека». В этих рассказах и обрамляющих их публицистических текстах раскрывается внутренняя динамика мировоззренческой позиции писателя: от констатации растрепанности духа и бессмертия души («Бобок») до трагического прозрения истины («Кроткая») и к утверждению «живого» образа истины («Сон смешного человека»). В рассказе эксплицитно выражено преодоление столь мучительного противоречия между единичным и общим, между положительно прекрасным человеком и обществом.

Ключевые слова: контекст, эстетический идеал, поэтика, «Дневник писателя», дихотомия, интертекстуальность, рассказ.

Для цитирования: Сычева Е.О., Серебряков А.А. Художественное своеобразие эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 195–205.

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-195-205

Implementation of the aesthetic ideal in the "Diary of a writer"
by F. M. Dostoevsky

Elena O. Sycheva

North-Caucasus Federal University
(Russian Federation, Stavropol)
ORCID ID: 0000-0003-0780-5525;
e-mail: Lenasycheva@yandex.ru

Anatoliy A. Serebryakov

North-Caucasus Federal University
(Russian Federation, Stavropol)
ORCID ID: 0000-0003-1059-8328;
Researcher ID: S-6602-2016;
Scopus Author ID: 57192066542; e-mail: aasereb@mail.ru

Received: 30.04.2020 /Accepted: 15.05.2020 /Published online: 25.06.2020

Abstract: The proposed work is devoted to the study of F. M. Dostoevsky's aesthetics, in particular, the aesthetic ideal of the writer. Following Kant, Hegel, and Schiller, the Russian writer considered the ideal in an anthropological aspect. The aesthetic ideal of the Russian writer is a person who expresses the moral principle, the divine in man. The idea of moral beauty is expressed in the theoretical thought of the Russian writer. Harmony and good looks serve only as an outer shell, when the moral height appears as the aesthetic ideal of F. M. Dostoevsky. To this beauty, truth, his works strive. Following the examples of "positive beauty" of world and domestic literature and art, Dostoevsky recreated in his works positively beautiful characters. The Russian writer speaks of the duality of beauty, the "two abysses" of the human soul: "Sodom" - low, sinful, connected with the beauty of the body, sensual, and "Madona" - high, connected with spiritual beauty, a person can combine both. The writer's aesthetic ideal is turned to spiritual beauty.

Of particular interest is Dostoevsky's "Diary of a writer". It is in it that the idea of the writer's aesthetic ideal is clearly expressed. The question of the ideal person is considered in the context of underground (after-life) life in the story "Bobok" and above-ground space in "the dream of a funny man". These stories and the publicistic texts that frame them reveal the inner dynamics of the writer's worldview: from the statement of the corruption of the spirit and the immortality of the soul ("Bobok") to the tragic insight of the truth ("Meek") and to the statement of the "living" image of the truth ("the dream of a funny man"). The story explicitly expresses the overcoming of such a painful contradiction between the individual and the General, between a positively beautiful person and society.

Keywords: aesthetics, poetics, writer's Diary, dichotomy, intertextuality, idiostyle, story.

For citation: Sycheva E.O., Serebryakov A.A. Implementation of the aesthetic ideal in the "Diary of a writer" by F. M. Dostoevsky. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no 2, pp. 195–205 (In Russ.).

Введение

В преддверии 200-летнего юбилея со дня рождения великого русского писателя Ф.М. Достоевского ученые с еще более пристальным вниманием обращаются к его творческому наследию, обнаруживая в нем новые грани духовных прозрений классика. Современное достоевскоеведение, руководствуясь принципами целостного изучения индивидуально-авторской картины мира писателя и отказавшись от устоявшихся идеологических клише, выработало новые, основывающиеся на принципах антропоцентризма, исследовательские подходы к внутреннему миру его художественных произведений. Так,

совершенно правомерно, на первый план выдвигается выявление и изучение метафизических, онтологических аспектов текстов и идиостиля Ф.М. Достоевского в синхронии и диахронии независимо от их жанровой структуры.

Эстетический идеал в поэтике Достоевского имеет важное значение. По мнению писателя, без идеала не может существовать ни настоящее искусство, ни достойное общество [1: 75]. В эстетической концепции русского писателя можно выявить восходящие к немецкой идеалистической философии (Кант, Шиллер, Гегель) воззрения. Вслед за немецкими философами Достоевский опирался на антропологический принцип, изучающий природу и сущность человека. Эстетический идеал Канта – человек, синтезирующий в себе морально-нравственные и божественные качества. В концепции Достоевского превалирует мысль о нравственной красоте. Гармония, благообразие служат лишь внешней оболочкой, когда моральная высота предстает главной в эстетическом идеале Достоевского. К этой красоте, истине устремлено внутреннее содержание, смысл его произведений.

Ф.М. Достоевский глубоко понимал и ценил традиции мировой и отечественной литературы и искусства, в которых находил «положительную красоту» человека: Библия, философия Платона, итальянская живопись эпохи Возрождения, гуманизм Сервантеса и Шекспира, Гюго, всемирность России и поворот к народу у Пушкина, народность и духовные идеалы у Гоголя. Ему удалось воссоздать в своих произведениях положительно прекрасных героев: князь Мышкин, Алеша Карамазов, мужик Марей и др. Красота, по мнению Достоевского, это страшная, ужасная и таинственная вещь. Таинство ее заключается в двойственности – «двух безднах» человеческой души: «содомской» – низкой, греховной, связанной с красотой телесной, чувственной и «мадонской» – высокой, связанной с духовной красотой, человек может соединять в себе обе. Внутреннюю пустоту и бездуховность персонажа не спасает даже внешняя, «правильная» красота. И эту красоту, бытийную ценность Достоевский стремится отыскать в каждом человеке, выявляя в сиюминутном вечное, бессмертное.

Актуальность работы определяется 1) современными направлениями междисциплинарного подхода к исследованию внутреннего мира художественного текста и его интерпретации; 2) значимостью изучения литературного произведения в совокупности эстетических, философских, культурных контекстов в синхронии и диахронии; 3) исследовательским потенциалом понятия эстетический идеал в достоевсковедении.

Цель статьи

Исследование направлено на выявление и описание художественного своеобразия эстетического идеала Ф.М. Достоевского в художественных текстах, входящих в состав «Дневника писателя», их роли в контексте творчества писателя и для понимания авторской концепции личности.

Обзор литературы

Методологически значимыми для выявления художественного своеобразия эстетического идеала и образной системы в художественных текстах «Дневника писателя» представляются междисциплинарный и интертекстуальный подходы. Как уже отмечалось ранее [2: 189], в XX веке в достоевсковедении доминировали психологический и культурологический подходы, которые оставляли вне поля зрения метафизическое, экзистенциальное пространство художественных текстов Ф.М. Достоевского. Проблема целостного восприятия индивидуально-авторской картины мира в процессе изучения творчества Ф.М. Достоевского остается одной из главных методологических установок в современных исследованиях. Так, Т.А. Касаткина фиксирует характерный для эпистемы XXI века. Для глубокого понимания содержащихся в текстах писателя смыслов Т.А. Касаткина предлагает использовать субъект-субъектный метод, «при котором познающий вступает с познаваемым в равноправное взаимодействие» и выявляет в познаваемом не внешние признаки, «а его внутреннюю жизнь и самоощущение как *уникального целого* (Курсив автора. – Е.С.)» [3: 12]. Ученому удалось продемонстрировать двусоставную структуру образа у Достоевского, когда «внешний образ текущей реальности позволяет внимательному взгляду увидеть *в этой же реальности явленный* (Курсив автора. – Е.С.) образ вечности» [4: 421]. Предложенные Т.А. Касаткиной гносеологические ракурсы позволяют увидеть глубинную структуру образной системы Достоевского в совокупности смысловых переплетений с их публицистической, а, следовательно, и актуальной для российской и европейской реальностью компонентой.

Исследования отечественных литературоведов говорят об уникальности такого явления в творчестве Достоевского, как «Дневник писателя». В связи с тем, что «Дневник» создавался публицистом и художником, в равной мере бесспорным остается факт парадоксальности данного феномена, связан-

ного с его жанровой составляющей. Уже М.М. Бахтин выявил его двойственность: как феномен отечественной журналистики и «как особое художественное целое, обладающее героями и полифонически организованным внутренним миром» [5: 92]. Журналистский тон, по мнению Бахтина, предстает лишь оболочкой, внешне напоминая публицистику и воспроизводя онтологические модели человеческого поведения. Его синтетическая природа проявляется в органической соотнесенности двух компонентов: публицистичности и художественности, реализующихся в синхронии и диахронии.

Обращение к публицистике далеко не случайно. Достоевский отмечал, что художественное произведение как бы ни было приближено к действительности, с ней полностью не соотносится – «что бы вы не изобразили – все выйдет слабее, чем в действительности» [6: 144]. «Дневник писателя» – это интеллектуально-духовная летопись российской жизни, осознанная и переосмысленная гениальной творческой личностью.

Показать народу его духовное состояние, повлиять на развитие истории и социума мог рассказ, дневник, включенный в журнал, который, благодаря своей компактности и актуальности, органичнее постигался широкими массами. Простота повествования, разговорные интонации помогают апеллировать к демократическим читательским кругам. Сюжеты, которые брались писателем из реальной российской действительности, приближали «Дневник» к современной общественной ситуации. В нем говорилось о самых злободневных вопросах: положении народа, доминирующих в Европе и России идеях, самоубийстве, пьянстве, бедности и др. Писатель выступал как живой свидетель и участник происходящего.

Изучение малой прозы, входящей в «Дневник писателя», является актуальным. Т.А. Касаткина в фундаментальной монографии «Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания» (2019) отметила актуальность внутренней философии «Дневника писателя» для современного человека. По мнению ученого, целью Достоевского при написании произведений было «предоставить читателю новые поведенческие паттерны» [3: 240], которые помогли бы ему перейти на новый уровень взаимодействия с миром. «Дневник» представляет собой пространство для ответа на актуальные вопросы самоопределения человека, такие, как: отношения с миром, самопожертвование, ничтожность и величие человека и т.д.

Изучению эстетических взглядов Достоевского посвящена работа К.А. Степаняна [7]. Автор анализирует представления писателя о сущности эстетического, о его тождественности с духовностью. По мнению исследователя, идеал русского писателя – православный человек, одолевший грех и человечество, которое достигло в результате духовной эволюции совершенства. В эстетическом идеале писателя органически объединяется нравственность, понимания в русле святоотеческой традиции, и прекрасное, т.е. духовное. Е.А. Федорова констатировала, что идеал для русского писателя состоит в обладании качеств, которые присущи святому: смирение, стремление к очищению, способность к духовному сопротивлению злу [8]. Близкую позицию выражает и английская исследовательница творчества Достоевского Л. Иванитс: «For Dostoevsky the moral ideal toward which the good society must aspire remains, as in the 1840s, the figure of Christ» [9: 49].

Как отмечалось выше, Достоевский вслед за немецкими философами опирался на антропологический принцип. Известный немецкий славист Хорст-Юрген Геригк в поэтологическом сравнении поэтики Достоевского и Шиллера отметил схожесть их эстетических позиций. Антропологической основой писателей служит идеал «интеллигибельного» человека – моральной личности, находящейся под прищипом совести [10].

Вопрос о своеобразии эстетического, социального идеала Достоевского неоднократно поднимался и в современных философских исследованиях, причем многие существующие точки зрения представляются, по меньшей мере, дискуссионными. Так, Е.В. Мареева, рассматривая «проблему воплощения идеала у Ф. Достоевского и К. Леонтьева» и приводя спорную позицию Л. Шестова о переходе Достоевского «к антиидеалу «подпольного человека»», попутно замечает: «Трактовка идеала Достоевским, безусловно, противостоит идеалам Шиллера и движения Бури и Натиска» [11: 400]. Нам представляется такая позиция недостаточно аргументированной, поскольку шиллеровские слова в оде «An die Freude» «Alle Menschen werden Brüder» и «Seid umschlungen, Millionen!», как и уважительное отношение Достоевского к творчеству Шиллера («У нас он, вместе с Жуковским, в душу русскую всосался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил») [6: 31] в целом свидетельствуют об обратном. Ведь исследователь отмечает далее, что Достоевский всем своим творчеством стремится «пробуждать в душах людей нравственные, идеальные начала» [6: 403]. Уже в 1876 году, в связи со

смертью Ж. Санд, Достоевский определил «величайшее из величайших назначений» России «назначение общечеловеческое, ... общеслужение человечеству» [6: 30].

Как показал Х.-Ю. Геригк, Шиллер и Достоевский имеют «один и тот же фундамент, а именно образ интеллигибельного человека ... как его понимал Кант» [10: 7,8].

В диссертации В.В. Щуровой [12] акцентируется внимание на цикличности «Дневника», автор прослеживает единство точки зрения автора, развитие идей, которые последовательно проводит Достоевский, выделяя своеобразный художественный триптих – «Бобок», «Кроткая», «Сон смешного человека», в котором прослеживается традиционный путь реализации эстетического идеала от «зерна» истины к полному прозрению.

Методы исследования

В качестве научного инструментария в статье используются следующие исследовательские методы: 1) междисциплинарный и интертекстуальный подходы 2) метод компонентного семантического анализа, позволяющий исследовать ассоциативно-смысловые аспекты внутреннего мира художественного произведения; 3) контекстологический анализ, предполагающий рассмотрение широкого духовно-культурного контекста в синхронии и диахронии.

Результаты и дискуссии

И. Волгин характеризовал «Дневник писателя» как уникальный «эго-документ», который лишь внешне напоминает личный дневник, в реальности же оказывается «актом публичного собеседования, предметом достаточно тонкой литературной игры» [13: 116]. По верному наблюдению К.А. Баршта, значимость «Дневника» для Достоевского определялась тем, «что в нем в непосредственном виде содержалась квинтэссенция его творческой деятельности» [14: 86]. Уникальностью «Дневника писателя» обусловлены многие трудности, возникающие в процессе понимания и интерпретации входящих в него текстов. В этом смысле конструктивный подход был предложен Т.А. Касаткиной: «Их следует анализировать *в составе «Дневника писателя»* (Курсив автора. – Е.С.)» [4: 405]. Это означает, что для понимания художественных текстов в «Дневнике» необходимо учитывать внутренний контекст, «соседние страницы», поскольку «Дневник писателя» – «гораздо более цельное органическое произведение, чем представление о нем большинства достоевистов» [4: 412]. В свою очередь, замечает исследователь, «все основные глубинные темы «Дневника писателя» высшее и окончательное свое выражение получают в художественных текстах», поскольку такой текст «обладает возможностью многослойной концентрации смыслов» [3: 248, 249].

В посвященной исследованию творчества Достоевского научной литературе неоднократно обращалось внимание на концептуальное значение определения фантастический. Именно в рассказах, маркированных жанровым определением «фантастический», позиция писателя раскрывается наиболее полно. Т.А. Касаткина объясняет это тем, что художественный текст «дает возможность огромного стяжения смыслов», а «переход к «фантастическому» художественному тексту дает возможность максимального стяжения смыслов» [3: 249]. И это «максимальное стяжение смыслов» обеспечивает текстам максимальную смысловую глубину и бесконечные ассоциативные связи. В «Дневнике писателя» два произведения – «Кроткая» и «Сон смешного человека» – имеют в подзаголовке жанровое определение «фантастический рассказ». Рассказ «Бобок» такого жанрового определения не имеет, но ему предшествует глава «Влас», в которой Достоевский сообщает, что «слышал на днях один удивительно фантастический рассказ про другого Власа» [15: 33]. Для Достоевского фантастическое не есть невозможное, но, наоборот, реальное, хотя и редкое, «единичный случай». Автор подробно пояснял особенность своей эстетической позиции в пространном письме к Н.Н. Страхову от 26 февраля 1869 года: «У меня свой особый взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного!» [16: 19].

Таким образом, и рассказу «Бобок» с его труднообозримыми ассоциативными интенциями предшествует концептуализированное в языке Достоевского понятие «фантастический рассказ».

Опубликованный в «Дневнике писателя» в 1873 году рассказ «Бобок» вобрал в себя все знаковые темы русского писателя: вседозволенность, бессмертие души, исповедь без покаяния и др. М.М. Бахтин в «Проблемах творчества Достоевского» назвал рассказ микрокосмосом всего его творчества [5: 196]. В рассказе «Бобок» важно не то, как автор объясняет фантастику, а то, как фантастическое выявляет сущность происходящего, выражает тайны бытия. В художественном тексте эксплицитно выражен реальный и ирреальный (кладбищенский) мир. Задремавший герой рассказа подслушивает разговоры

«покойников». Введение такого персонажа важно для столкновения мировоззренческих позиций, понятий, которые противоречат общепринятым представлениям и «обнажают» их истинную сущность. Следовательно, такой «безумный» герой раскрывает сущность жизни покойников, т.е. антигуманный подход к представлению о мире.

В тексте рассказа представлены персонажи с «грязной» душой, на это указывает история каждого обитателя подземного мира. Души мертвецов принадлежат именно к этой категории, избыточно плотской, сугубо материальной. Последние дни, отпущенные им для покаяния, они посвящают «разврату последних упований», «особому сладострастью» [15: 54]. Персонажи лишены представлений о духовности, о прекрасном. Уже И. Кант (1788) воспринимал «звездное небо надо мной и моральный закон во мне» как нравственные составляющие человеческой души. Тем самым, по Канту, человеческая личность свободна и не зависит от «животной природы». Достоевский же показал результат необратимого процесса растления духа, омертвления души, отчетливо продолжая тем самым гоголевскую тему. Для персонажей рассказа смысл существования – «заголимся и обнажимся» и «ничего не стыдиться» [15: 52] – в абсолютном отказе от нравственной ответственности, от «морального закона во мне».

Как отмечал М.М. Бахтин, герои представляют собой бесплодные зерна, брошенные в землю, но не способные ни умереть, ни возродиться обновленными [5: 511]. Название рассказа означает зерно, плод, связанный с гаданием, ворожбой и указывающий на иные миры, знак «нежизни» [17: 34]. Идейный смысл рассказа «Бобок» определяется противопоставлением «телесное» – «духовное», рассматриваемым с онтологической и аксиологической позиций. Ранее отмечалось характерное для европейской философской традиции противопоставление двух сущностей в тексте Достоевского [2: 189-191]. Заданный ракурс определяет смысловое развертывание художественного текста и, в свою очередь, эксплицируется через оппозиции «временное – вечное», «моральное – аморальное», позволяя определить «онтологическое состояние и гносеологические представления человека» [2: 191]. Бездуховное абсолютно подавляет нравственное не только в земной жизни, но и после смерти. Как и в земном мире, персонажи находятся в плену устоявшихся меркантильных и социальных рамок, отстаивая прошлые чины, регалии и иерархию отношений: коллежский советник, генерал, барыня, «третий разряд в тридцать рублей», действительный тайный советник, лавочник. Обобщая, можно заключить, что в тексте рассказа Достоевского материализуется метафора Ф.И. Тютчева «Не плоть, а дух растлился в наши дни...».

Остатки жизни теплятся для спасения (очищения) души. Идея спасения является доминантой всего рассказа, потому что для христианина Достоевского важно не столько показать падение человека, сколько указать путь к его спасению: не «заголимся и обнажимся», как призывает один из персонажей своих соседей, а стремление к духовно-нравственному бытию.

Как было отмечено ранее, русский писатель связывал эстетический идеал с человеком, несущим нравственные ориентиры на благо не личного, а общественного. Эстетические воззрения Достоевского рассматриваются через антиномичную позицию, типаж рассказа не соответствует эстетическому идеалу писателя. Динамика художественного текста представляет собой движение вниз (пространственно и нравственно), олицетворяя низменные потребности героев подземелья.

Сложная вариация эстетического идеала представлена в фантастическом рассказе Достоевского «Кроткая» (1876). В основе сюжета случай, который заинтересовал писателя, а именно – самоубийство швеи, которая выпрыгнула из окна с образом Божией Матери. По мнению Достоевского, образ в руках самоубийцы – явление редкое, характеризующее особенные настрой личности. Тема самоубийства, по мнению Луи Аллена [18], характерна для поэтики русского писателя и проходит через все его творчество. Литературовед считал, что греховный поступок героя в произведениях Достоевского связан с метафизическими аспектами. Чаще всего таким аспектом являлся материалистический отказ от Бога («Братья Карамазовы»). В фантастическом рассказе Кроткая не вступает в борьбу с Богом, доказательством данному утверждению служит образ Божией Матери, которую она держит в руках.

Как аргументированно показала Т.А. Касаткина, смысл этого фантастического рассказа может быть постигнут только в широком духовно-культурном контексте, восходящем к Библии, рассказу «Последний день приговоренного к смертной казни» В. Гюго, пушкинскому «Демону», к содержанию обрамляющих этот рассказ публицистических текстов самого «Дневника писателя»; то есть эти тексты являются интерпретантами рассказа. В предисловии «От автора» приводятся несколько жанровых определений: дневник, повесть, рассказ, фантастический рассказ. Фантастическое автор видит «именно в самой форме рассказа» и объясняет это сравнением с рассказом В. Гюго. Однако уже третий абзац вызывает недо-

умение читателя: «Дело в том, что это не рассказ и не записки» [19: 5]. То есть перед читателем изображается сам процесс повествования, «процесс рассказа», наррация, которая определяется нравственной позицией повествователя.

Наряду с называемым самим Достоевским рассказом Гюго ближайший контекст составляют предшествующие публицистические главки «Два самоубийства» и «Приговор» и последующие «Запоздавшее нравовучение» и «Голословные утверждения». Во всех названных текстах речь идет о проблеме самоубийства.

Название произведения, как известно, характеризует героя и организует читательское восприятие художественного текста. Смысловой доминантой рассказа является морально-этическая оценка персонажа. Героиня характеризуется лексемой «Кроткий» – смиренный, безропотный (о человеке, народе). В Новом завете встречаем соотносительность лексемы кротость с христианским идеалом. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф 5, 5), «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал 5, 22-23) и т.д.

Проблема «положительного» героя связана с амбивалентностью поведения героини. Восприятие героини трансформируется по мере разворачивания художественного текста. В начале рассказа мы встречаемся с констатацией кротости героини: «...она имела вид такой робкой кротости» [19: 8]. Закладчик отмечает в Кроткой такие качества, как кротость и доброта, которые соотносятся с прямым идеалом русского писателя. Однако в тексте прослеживается бунт героини, который проявляется сначала в невербальной агрессии («загорелись глаза», «смолчала, но вспыхнула», «опять глаза загорелись», «опять смолчала», «лицо становилось все дерзче и дерзче»), затем в вербальной («сказано с едкой насмешкой»). Восприятие героини представляется в сравнении ее с чем-то ужасным – «Эта прелесть, эта кроткая, это небо – она была тиран, нестерпимый тиран души моей и мучитель» [19: 15].

Характеристика Кроткой отмечена эпитетами «буйное», «нападающее», «беспорядочное» существо, сравнением «зверь в припадке», что не соотносится с понятиями – «кротость» и «смирительность». Дихотомия образа Кроткой связана с соответствием/ несоответствием прямому значению лексемы. В дальнейшем в романе «Братья Карамазовы» автор высказал идею двух бездн души: высокая – духовная; низкая – греховная.

Двойственность поведения Кроткой хорошо видна в главном эпизоде – самоубийстве, которое представляет и грех, и, по мнению Достоевского, «какое-то кроткое, смиренное самоубийство... просто – стало нельзя жить, Бог не захотел, и – умерла, помолившись» (смирительная) [19: 31]. Для Луи Аллена, протест Кроткой не направлен «ни против Бога, ни против Творения, он является криком о помощи, сигналом бедствия» [18: 230].

О. Юрьева [20] считает, что лейтмотивом рассказа является конфликт двух эгоистов, у каждого свой бунт. У Закладчика – бунт с обществом, у Кроткой – с мужем. Поединок героев представляет собой доминанту рассказа. В образе Закладчика присутствует та же дихотомия. Идеал, к которому стремится герой, весьма положителен: семья, любовь, деятельность, но гордость, жажда мщения и жизнь «вдали от всех» не характеризует его как нравственный идеал. В конце рассказа мы встречаемся с рефлексией Закладчика, исповедью, которая дает ему шанс на воскресение. Герою открывается существование другой системы ценностей, он обращается к библейской заповеди, говорящей о любви к ближнему. Ведь для русского писателя было важно показать не столько падение, сколько исправление героя.

Следует отметить, что в современном литературоведении существуют разногласия по поводу восприятия образов Кроткой и Закладчика. Например, Н.Г. Михновец [17: 116-121] в комментарии к «Кроткой» называет героиню носителем национального идеала. Литературовед оправдывает греховный поступок Кроткой, называя ее самоубийство неприятием зла, а смерть с иконой рассматривает в контексте неразрывной связи человеческой и божественной природы. Исправление Закладчика и восхождение к христианскому видению, по мнению исследователя, также возможно.

Противоположной позиции придерживается О. Юрьева [20], говоря о парадоксальности с точки зрения религии «жертвенного самоубийства» Кроткой и воскресения Закладчика. Для исследователя отсутствие христианских добродетелей приводит персонажей к гордыне. Однако, с нашей точки зрения, Кроткая сохраняет в себе сущность внутреннего, вечного человека, вынося из ставшего ей тюрьмой дома Образ Богоматери.

Таким образом, Достоевский в рассказе «Кроткая» представляет двусоставную, амбивалентную структуру образа персонажа. В художественном произведении репрезентуются две интерпретации образов Кроткой и Закладчика. Первая возвышает героев, дает им шанс на воскресение и вторая –

создающая отрицательные коннотации. Русский писатель создает смысловую многомерность образов, утверждая, что «любовь к человечеству даже совсем немислима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой» (Курсив автора. – Е.С.)» [9: 49].

Опубликованный в «Дневнике писателя» в 1877 году непонятный на первый взгляд рассказ Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» семантически наполняется ближайшим историко-философским контекстом и тематически соотносится с большими романами пятикнижия. В «Дневниках» за 1877 год русский писатель размышляет о проблемах и метафизических принципах устройства общества и человека. Уже в первой главе январского номера за 1877 год находим принципиальные мысли Достоевского, получившие развитие в «Сне смешного человека»: «... все споры и разъединения наши произошли лишь от ошибок и отклонений ума, а не сердца. ... Ошибки и недоумения ума исчезают скорее и бесследнее, чем ошибки сердца» [21: 5]. В этой же главе Достоевский как важный фактор развития называет «всечелость и духовную нераздельность миллионов народа нашего» [21: 9].

Именно о такой земле, в которой нет обособленности личностных миров друг от друга, а есть единение человека с окружающим миром и природой мечтает Достоевский. По мнению Т.А. Касаткиной, данный рассказ «это его манифест, текст, где под страшным давлением сжато все, о чем пространно повествуется в других текстах» [3: 299]. Именно в нем видны философские основания и глубинные мысли, лежащие в основе поздних его работ. Фантастический рассказ несет в себе нагрузку «поучительного» слова «Дневника». Прекрасные и наполненные спокойствием и гармонией жители неба, ведущие безгреховную жизнь, противопоставлены беспокойным и грешным жителям подземелья, которые не готовы к покаянию («Бобок»).

В рассказе «Сон смешного человека» представлен мир надземный. Отметим, что в тексте рассказа люди, населяющие неведомую землю «были восполнены до такой гармонии, были до того обаятельны и прекрасны»; «глаза этих счастливых людей сверкали ясным блеском. Лица их сияли разумом и каким-то восполнившимся уже до спокойствия сознанием»; «... жизнь их была восполнена» [21: 115]. Синтагматическая связь лексем «гармония» и «прекрасное» в представленном отрывке говорит о тождественности этих эстетических категорий. Достоевский отмечает, что «Она (красота) есть гармония, в ней залог успокоения» [21: 149].

Свою идею писатель включает в сон главного героя. Лингвопоэтический анализ рассказа показывает важное смысловое значение эстетической категории «прекрасное». Для понимания текста рассказа ключевыми являются частотно употребляющиеся слова: прекрасное (9), ужасное (6). В тексте встречается корреляция понятий «прекрасное» и «ужасное». Реальная жизнь героя выражена лексемой «ужасное»: небо было ужасно темное; она была отчего-то в ужасе; и стало кругом меня ужасно черно. Ирреальная жизнь (сон) обозначена лексемой «прекрасное»: прекрасные деревья; они (люди) были прекрасны; прекрасны рощи, леса, песни.

Концептуально фантастический рассказ отсылает нас к Э.Т.А. Гофману. Как и у немецкого писателя, у Достоевского идеал заключается в неземном. Оппозиция прекрасное – ужасное коррелирует с оппозицией духовность – бездуховность. Например, в тексте эксплицитно выражены отождествления данных эстетических категорий: «... счастливая, безгрешная земля!», «невинны и счастливы» [21: 115]. Развращение героем «прекрасной» земли приводит к оксюморонизации понятий. Лексемы, означающие «прекрасное», теперь предстают в паре с бездуховностью (красота лжи; атом лжи понравился им), а ужасное в паре со словами духовной семантики (ужасная правда; до такого ужаса истинное; стыд возвели в добродетель).

Люди ирреального мира больше не беспечно счастливы, на их лицах появляется горечь и скорбь. Увиденный героем сон выполняет кризисную функцию – герой переосмысляет свою жизнь и решает идти духовным путем, проповедовать ту Истину, которую узрел. Мысли героя резонируют с голосом автора. Прекрасное заключается в любви к ближнему: «... главное – люби других как себя» [21: 119]. Герой осознает, что только любовь и ненасильственное единение всех способны изменить мир. Не случайно рассказ завершается фразой «А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду! И пойду!» [21: 119], свидетельствующей о нравственном перерождении. Н.Н. Арсентьева в комментарии к рассказу отмечает нравственное достоинство героя: «из души его исчезает гордость, обида... он полон решительности исполнить свою пророческую миссию» [17: 177].

Уже в ранних произведениях писателя формируется мысль о душевной красоте, которая спасет мир. Анализ эстетического идеала у Достоевского показывает отождествление двух эстетических катего-

рий – «прекрасное» и «духовное»; глубинное сходство представлений русского писателя и немецких философов. Корреляция прекрасного и ужасного в дальнейшем будет развернута в романах пятикнижия, определяя нравственные критерии, нормы поведения и гуманность мировосприятия персонажей. Смешной в итоге приходит к выводу «я видел Истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле» [21: 118].

Проанализированный материал позволяет говорить о том, что художественные произведения малой прозы, входящие в «Дневник писателя», становятся кульминационным выражением эстетических идей Достоевского. Писатель в «Дневнике» выступал как живой свидетель и критик настоящего.

Заключение

В результате анализа фантастической «трилогии» русского писателя «Бобок», «Кроткая», «Сон смешного человека», входящих в «Дневник писателя», были сделаны следующие выводы: в рассказе «Бобок» писатель говорит о нравственном падении человека, превращении его в бесплодное зерно. Такие герои не соотносятся с эстетическим идеалом писателя.

В «Кроткой» Достоевский повествует о таком значимом для него христианском качестве, как кротость, которое соотносится с его идеалом. Однако образ героини структурно амбивалентен, в нем объединяются два типа человеческого поведения: гордый и кроткий. Первый возвышающий, второй – принижающий нравственное содержание личности. Такое сочетание обеспечивает смысловую двусоставность образа. Из текста видно, что красота состоит в любви к ближнему. Проявление той самой истины обнаруживается и в «Сне смешного человека», в котором было преодолено столь мучительное противоречие между единичным и общим, между положительно прекрасным человеком и обществом.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: НАУКА; 1981;22:404.
2. Серебряков А.А., Сычева Е.О. Рассказ Ф.М. Достоевского «Бобок» в метатексте литературы. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019;4:187-193.
3. Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: Художественный способ высказывания. М.: Водолей; 2019:336.
4. Касаткина Т.А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН; 2015:528.
5. Бахтин М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next; 1994:511.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: НАУКА; 1981;23:425.
7. Степанян К.А. Идеал у Достоевского и Шекспира. *Знание. Понимание. Умение*. 2015;4:262-271.
8. Федорова Е.А. Евангельское как родное в «Братьях Карамазовых» и «Дневнике писателя» (1876–1877) Ф.М. Достоевского. *Проблемы исторической поэтики*. 2015;13:304-316.
9. Ivanits Linda. Dostoevsky and the Russian People. Cambridge university Press; 2008:258.
10. Герик Х.Ю. Достоевский и Шиллер. Предварительный опыт поэтологического сравнения. Достоевский. *Материалы и исследования*. 2010;19:5-16.
11. Мареева Е.В. Проблема души в классической и неклассической философии. М.: Академический проект; 2017:454.
12. Щурова В.В. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: типология, жанр, антропология: дис. ... канд. филол. наук: Воронеж; 2005:167. Доступно по: <http://cheloveknauka.com/dnevnik-pisatelya-f-m-dostoevskogo-tipologiya-zhanr-antropologiya>. Ссылка активна на 19.04.2020.
13. Волгин И.Л. «Дневник писателя» как мирозерцательный проект. *Вопросы философии*. 2014;4:27-39.
14. Баршт К.А. Повествователь Достоевского: «Зеркальная наррация» и апостольское свидетельство. *Литературоведческий журнал*. 2007;21:75-87.
15. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: НАУКА; 1980;21:547 с.
16. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: НАУКА; 1986;29(1):575.
17. Достоевский: сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. Под ред. Г.К. Щенникова, Б.Н. Тихомирова. СПб.: Пушкинский дом; 2008:470.
18. Аллен Л. «Кроткая» и самоубийцы в творчестве Достоевского. Достоевский. *Материалы и исследования*. 2000;15:228-237.
19. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: НАУКА; 1982;24:517.

20. Юрьева О.Ю. Бунт против тирании и тирания бунта в рассказе Достоевского «Кроткая». *Достоевский и мировая культура*. 2006;21:91-103.
21. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: НАУКА; 1983;25:470.

References

1. Dostoevsky FM. Complete works in thirty volumes. L.: NAUKA Publ.; 1981;22:404. (In Russ.).
2. Serebryakov AA., Sycheva EO. F.M. Dostoevsky's Story "Bobok" in the metatext of literature: *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2019;4:187-193. (In Russ.).
3. Kasatkina TA. Dostoevsky as a philosopher and theologian: An artistic way of utterance. Moscow: Aquarius Publ.; 2019:336. (In Russ.).
4. Kasatkina TA. The sacred in everyday life: a two-Part image in the works of F.M. Dostoevsky. Moscow: IMLI RAN Publ.; 2015:528. (In Russ.).
5. Bakhtin M. Problems of Dostoevsky's creativity. Kiev: Next Publ.; 1994:511. (In Russ.).
6. Dostoevsky FM. Complete works in thirty volumes. L.: NAUKA Publ.; 1981;23:425. (In Russ.).
7. Stepanyan KA. Ideal in Dostoevsky and Shakespeare. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2015;4:262-271. (In Russ.).
8. Fedorova EA. Evangelical as native in "Brothers Karamazov" and "Diary of a writer" (1876–1877) by F.M. Dostoevsky. *Problems of historical poetics*. 2015;13:304-316. (In Russ.).
9. Ivanits Linda. Dostoevsky and the Russian People. Cambridge university Press; 2008:258.
10. Gerick HYu. Dostoevsky and Schiller. Preliminary experience of poetical comparison. *Dostoevsky. Materials and research*. 2010;19:5-16. (In Russ.).
11. Mareeva EV. The problem of the soul in classical and non-classical filosofia. Moscow: Academic project Publ.; 2017:454. (In Russ.).
12. Shchurova VV. "Diary of a writer" By F.M. Dostoevsky: typology, genre, anthropology: Cand dis. Voronezh; 2005:167. (In Russ.) Available at: <http://cheloveknauka.com/dnevnik-pisatelya-f-m-dostoevskogo-tipologiya-zhanr-antropologiya>. Accessed Apr 19, 2020
13. Volgin IL. Writer's diary" as a worldview project. *Question of philosophy*. 2014;4:27-39. (In Russ.).
14. Barsht KA. Dostoevsky's Narrator: "Mirror narration" and Apostolic witness. *Literary Journal*. 2007;21:75-87. (In Russ.).
15. Dostoevsky FM. Complete works in thirty volumes. L.: NAUKA Publ.; 1980;21:547. (In Russ.).
16. Dostoevsky FM. Complete works in thirty volumes. L.: NAUKA Publ.; 1986;29(1):575. (In Russ.).
17. GK. Shchennikov, BN. Tikhomirov, eds. Dostoevsky: essays, letters, documents: Dictionary-reference. SPb.: Pushkin house Publ.; 2008:470. (In Russ.).
18. Allen L. "Meek" and suicides in the works of Dostoevsky. *Dostoevsky. Materials and research*. 2000;15:228-237. (In Russ.).
19. Dostoevsky FM. Complete works in thirty volumes. L.: NAUKA Publ.; 1982;(24):517. (In Russ.).
20. Yurieva OYu. The Revolt against tyranny and the tyranny of the revolt in Dostoevsky's story "Meek". *Dostoevsky and world culture*. 2006;21:91-103. (In Russ.).
21. Dostoevsky FM. Complete works in thirty volumes. L.: NAUKA Publ.; 1983;25:470. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Сычева Елена Олеговна, ассистент кафедры отечественной и мировой литературы, Северо-Кавказский федеральный университет, кафедра отечественной и мировой литературы Гуманитарного института, г. Ставрополь, Российская Федерация.

E-mail: Lenasycheva@yandex.ru

Адрес: 350001, Ставрополь, ул. Пушкина, 1. ФГОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

Серебряков Анатолий Алексеевич, профессор кафедры отечественной и мировой литературы, Северо-Кавказский федеральный университет, кафедра отечественной и мировой литературы Гуманитарного института, г. Ставрополь, Российская Федерация.

E-mail: aasereb@mail.ru

Адрес: 350001, Ставрополь, ул. Пушкина, 1. ФГОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Bionote:

Elena O. Sycheva, assistant, North-Caucasus Federal University, department of Russian and world literature; Stavropol, Russian Federation.

E-mail: Lenasycheva@yandex.ru

Address: 355001, Stavropol, 1 Puskin str., North-Caucasus Federal University.

Anatoly A. Serebryakov, Doctor of Philology, professor, North-Caucasus Federal University, department of Russian and world literature; Stavropol, Russian Federation.

E-mail: aasereb@mail.ru

Address: 355001, Stavropol, 1 Puskin str., North-Caucasus Federal University

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

METHODOLOGY IN PHILOLOGY TEACHING

Original Paper

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-206-214

Upon the Plausibility of Teaching English to Toddlers and the Need of Global Skills Development in Foreign Language Teaching Programs

Anna Slatinská

Matej Bel University

(Slovakia, Banská Bystrica)

ORCID ID: 0000-0003-0084-6906;

e-mail: anna.slatinska@umb.sk

Received: 23.04.2020

/Accepted: 12.05.2020

/Published online: 25.06.2020

Abstract: The article explores the topic of ELT to toddlers and possibilities to develop language skills among the youngest cohort in Banská Bystrica region, Slovakia, which has got a long tradition of being a training hub for future language teachers, located at the Matej Bel University. The primary goal is to explore the potential of foreign language classes to become an experimental laboratory for global skills' development through the medium of trainee teachers facilitating their learners with early contact with other languages(s) through the medium of being exposed to linguistic and cultural diversity. Following a set of observations, self-reflections and semi-structured interviews, we have outlined a sample of activities which are deemed beneficial to toddler's personal development. The inspiration comes from our own teaching experience in selected community centre located in Banská Bystrica region. Given the fact that globalization took hold of our lives on a global scale, we have tried to make a list of recommendations suited not only to future English language teachers but also to other foreign languages' future teachers within the Faculty of Arts. It is our overall aim in the Department of English and American Studies to train candidates for teaching jobs in global skills including critical thinking, creativity, cooperation, communication, digital skills, etc. so that they can disseminate them further among their pupils at pre-primary, primary and secondary level. In the individual chapters we deal with the most significant reproductive and productive, all-inclusive activities practiced during our teaching English to a group of toddlers for more than a year (2019) with the ambition to serve as guidelines to university students and to point out to the fact that global skills enhancement among future teachers should play an inevitable role in any foreign language teaching program.

Keywords: global skills, critical thinking, creativity, communication, cooperation, digital skills, ELT, toddlers, young learners, preschool community centers, future teachers, English language teaching program.

For citation: Slatinská A. Upon the Plausibility of Teaching English to Toddlers and the Need of Global Skills Development in Foreign Language Teaching Programs. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no 2, pp. 206–214 (In Engl.).

Оригинальная статья

УДК 811.111

DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-206-214

**Преподавание английского языка детям дошкольного возраста
и необходимость развития глобальных компетенций
будущих учителей иностранных языков**

Анна Слатинска

Университет Матей Бела

(Словацкая Республика, Банска Быстрица)

ORCID ID: 0000-0003-0084-6906;

e-mail: anna.slatinska@umb.sk

Получена: 23.04.2020 /Принята: 12.05.2020 /Опубликована онлайн: 25.06.2020

Резюме: В статье рассматривается проблематика преподавания английского языка младшей возрастной группе детей – детям дошкольного возраста – в регионе Банска Быстрица, в котором в рамках Университета им. Матей Бела существует многолетняя традиция образовательных программ, ориентированных на преподавание иностранных языков. Основной целью данной работы является анализ возможностей и потенциала уроков английского языка стать площадкой для развития глобальных компетенций у учителей, которые смогут облегчить для своих учеников первые встречи с языковым и культурным разнообразием. На основе собственной рефлексии, наблюдений и разговоров мы предлагаем образцы видов деятельности, которые, как нам кажется, могут быть полезны для личностного развития целевой группы. Исследование проводилось в одном из центров для детей и родителей в регионе Банска Быстрица. Учитывая тот факт, что глобализация в значительной степени повлияла на нашу жизнь, мы постарались предложить сценарий мер не только для будущих преподавателей английского языка, а также для преподавателей других иностранных языков. На кафедре англистики и американистики философского факультета Университета им. Матей Бела мы поставили цель повысить уровень глобальных компетенций будущих преподавателей, включающих следующие: критическое мышление, креативность, умение сотрудничать, коммуникативные и компьютерные навыки. Их развитие должно быть на таком уровне, чтобы будущие преподаватели смогли применить на практике эти компетенции, работая со своими учениками дошкольного и школьного возрастов. В некоторых разделах мы обращаем внимание на проводимые на уроках английского языка для детей дошкольного возраста репродуктивные, продуктивные и инклюзивные виды деятельности, которые мы тестировали в течение 2019 года. Данные виды деятельности продолжают осуществляться по сегодняшний день, однако, из-за коронавируса они временно приостановлены. На основе анализа и интерпретации полученных данных мы пришли к выводу о том, что развитие глобальных компетенций должно стать неотъемлемой частью обучения будущих преподавателей; при этом внимание должно акцентироваться на аутентичном использовании языка в реальных ситуациях на уроке, или на их симуляции. Мы уверены, что будущее принесет новые возможности для исследований в области преподавания английского языка младшим возрастным группам.

Ключевые слова: будущие преподаватели, глобальные компетенции, дошкольные центры, критическое мышление, коммуникация, дошкольный возраст, младшая группа учеников, саморефлексия, сотрудничество, педагогические программы.

Для цитирования: Слатинска А. Преподавание английского языка детям дошкольного возраста и необходимость развития глобальных компетенций будущих учителей иностранных языков. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 206–214.

Introduction

Teaching English to toddlers is not an easy task for future teachers if they decide to focus on the youngest cohort. Indeed, it is a huge challenge requiring well-designed lesson plans based on examination of children's experiences, needs and knowledge of their physical and psychological development.

The fact that kids need a break for a sip of water after a series of singing and moving activities and have a piece of calming down (settling) activities [1] after being active seems to be clear and substantiated. Each kid comes to the English Language Time equipped with his/her own personality and a packet of emotions which might explode during the class and acquire multiple dimensions (joy, anger, sadness, frustration, uncertainty, embarrassment etc.). The period of the first three years of age is considered to be a forming one in the life of a child. Arising out of this, it is of utmost importance to equip and train future teachers with the most useful skills on which they could build their professional identity and serve as an authentic, emphatic, creative, adaptive and responsible role models for pupils.

Future teachers should be aware, after graduating from the university, what peculiarities and challenges preschool teaching of English is comprised of. Here we refer to a range of theoretical skills and practical skills about how toddlers learn, specifically, how they tackle a new language. At the time of taking up the first teaching job, they have to be ready to select among variety of activities and be able to filtrate them according to the attention span of learners, preferring holistic forms of learning and a multiple of hands-on and inclusive play-like activities [2], which make the lesson more easily acquisitive.

The aim of the article

The purpose of the article is to analyze English-language classes to the group of toddlers attending a selected community centre in Banská Bystrica region and to identify best practices which are deemed to be effective tools for developing early language acquisition among the youngest cohort of learners. The aim of the contribution is to make the first encounters for future teachers with pre-school children easier, more tangible and enjoyable. Our partial but not marginal goal is to create a list of observations, tips and recommendations for future teachers which would serve as a helping hand during their practice and future teaching profession performance.

This paper seeks to treat the idea that English language lessons to young learners should be as much dynamic as possible. They should be still-evolving according to the needs of learners in a constructive way. Thus the basic premise we depart from is that there must be a balance between reproductive and productive activities in English language (or any foreign language) class for young learners.

Marginally, we also try to point out to the fact that foreign language teaching to young learners demands a pile of flexibility, perseverance, humour and ability to anticipate, stressing the fact that teachers have to always cultivate and revitalize their professional and personal identity. The last significant target is to exemplify, through the medium of preschool activities' description below, that the toddlers' motivation to learn foreign language is of intrinsic nature. Therefore, they should be served with the new language in such chunks they can easily handle (no forced memorization by heart or presenting grammatical structures, etc.) emphasizing the holistic way of constructing lessons, so that young learners view new words and phrases as meaningful units, supporting authenticity of language learned in learner's eyes.

Last but not least, we have also aimed at self-reflexive approach to our teaching of English to toddlers in the community centre for children and their parents in Banská Bystrica region as part of global skills' enhancement, fostering awareness of our teaching goals.

Literature review

The theory of teaching preschool kids English have been highlighted in many scientific articles and monographs elaborated by E. Homolová [3], D. Hanesová [4], B. Kasáčová [5], K. Polok [2], P. Ur [6] and others.

By global skills development among future teachers, i.e. students of English language teaching program at the Matej Bel University, we refer to strengthening their cooperation, communication, critical thinking and intercultural competence skills [7]. In Poland they also realize how important it is to prepare "very young learners to use a foreign language through awakening their language awareness and intercultural sensitivity" [8: 179].

There has been a lot of studies published about how important intercultural education and global skills development is and what benefits it brings with itself for both students and teachers [7], [8] such as respect and tolerance towards other cultures, viewing otherness as a positive aspect beneficial to a society. Broadening one's horizons about other cultural traditions enables us to reach to different perspectives, compare them with our own, view diversity positively and get rid of negative stereotypes and prejudices, etc. We suppose that the first steps to achieve the abovementioned items can be realized with very young learners too through the me-

dium of foreign language class as it is emphasized in the works of E. Homolová [3], D. Hanesová [4], T. Róg [9] and others.

Methods of Research

Our research comprises a series of observations acquired during our teaching English to children from the age of 1,5 to 3 years old in the premises of selected community centre for children and their parents situated in the Banská Bystrica region through the medium of stirring and calming down activities (such as playing, singing, drawing, rhyming, hopping, jumping, running, acting, listening to a short story, etc). The classes have been held since 2019. We have been observing and contributing to foreign language activities here since January 2019 till now. Every Monday each week there is an English class organized for toddlers and pre-school kids in the time limit of 45 minutes. The minimum age criterion for participants is 1,5 years. The activities were temporarily cancelled because of Corona virus threat in the period from March 2020 until the restrictions are lifted. We have also initiated a series of interviews with mothers who were in charge of their kids during English language mornings and afternoons.

The selected community centre tends to advertise their activities to different age groups, beginning with toddlers and ranging to preschoolers. The Centre is attended regularly by mothers and their children from nearby villages and smaller cities. It also offers help and support to mothers through the medium of different lectures and workshops.

To summarize, the Centre is a significant venue providing language, cultural, craft and movement oriented undertakings for mothers (and fathers also), not only on maternity leave. The overall aim is to create a venue where parents and children can meet and spend time in a constructive way, in a friendly atmosphere, while strengthening newly-built skills and enhancing the new ones of their offspring. The centre is open to all people celebrating diversity, supporting intercultural communication, intercultural sensitivity, practicing intercultural competence and paying respect and tolerance to otherness of any kind.

Results and Discussion

We assume that global skills' development is inevitable for the future. Training and practicing them can start as early as possible including the youngest cohort of English language learners. It is advisable to be equipped with a handful of interactive and joy-generating activities which can help learners to acquire the language chunks they will be able to use in real life situations.

When exploring the field of global skills we have come to a conclusion that they cover a range of competencies. In this respect, four competencies (4 Cs) are presented, namely, critical thinking, creativity, communication, cooperation, all enriched by digital skills [7], [10]. They are umbrella terms which can be divided further into a range of sub-skills the enhancement of which can make future teachers (and not only them) into adaptive, flexible, collaborative, proactive, authentic, strategic and curious individuals [11].

Do globalization and global skills have something in common? We agree with the opinion that there are many positive but also negative effects of globalization which should be tackled with the utmost care. The negative aspects include a phenomenon of imitation of cultural patterns presented in media, Dallasification, McDonaldization, Westernization, generating feelings of uncertainty, reduction and absence of national memory, destruction of transgenerational bonds, collapse of traditional models of identity, uprootedness, immense consumption of goods, degeneration of national cultures, etc. [12].

As an antidote to the global identity which seems to be fragmented and unbalanced, one way of addressing the cons of globalization is being suggested i.e. minimization of negative aspects could be carried out through the medium of pedagogic and educational process [12]. The early measures may be centered around global competencies' development. We believe that it is possible to start with the university students, future teachers who are given the opportunity to exercise their skills among the youngest cohort, instilling an early desire to use foreign language among young learners [9].

Given the fact that globalization took hold of our lives at an unprecedented rate, education institutions could trigger a supporting program in global skills to students carried out by trained university teachers aimed at creating authentic, creative, tolerant, adaptive, empathic and interculturally competent individuals ready to transfer their experience and newly acquired skills among their pupils.

Future English language teachers should be ready to use stirring and settling activities for this purpose, respecting the kids' personality and individuality. Especially they should be able to determine the time when to practice them accordingly. This piece of information can be included theoretically in the lesson plans before students go to teach. However, sometimes when dealing with the real life situations in the classroom, the plan

can change so quickly and abruptly that it is good to have a few stirring and settling activities in hand so that we have a few tricks up our sleeve when in need. When exactly is the right time? The future teacher should be able to examine the situation carefully, critically (employing also self-critical approach) and see how the class involves concerning kids' needs and interests. This is about anticipation of what would suit best at a given moment. Global skills' training as a part of English language didactics could be of help.

In general, teachers should be able to determine if kids need a break after a series of singing and moving activities and have a piece of calming down (settling) activities. We stress again that kids come to the English language time equipped with their individual personality and a packet of emotions which might explode into a boom of joy, anger, sadness, frustration, etc. This is what we must be prepared for.

Furthermore, there is a variety of learners in the world ranging from visual, auditory, kinesthetic to tactile learners [1]. We hold an opinion that it cannot be generalized that one learner is e.g. only a visual learner. Although pupils might be prone to certain way of learning preferring one or two types to others, it is still essential to create exercises aimed at all types of students, satisfying partially visual, auditory, kinesthetic and tactile ones during one class.

We stress again that each child is an individual entity with peculiar identity. That is why it is crucial to employ varied types of activities during English language class. We would recommend to use a bit of all. While singing to a song played by a CD player, which supports listening development, we can also add up dancing steps, stir a basic communication by saying hello to a handpuppet at the beginning of a class, introduce puppet's new friends and enrich the lesson by manual activities developing their motor skills, all in English using mime, gestures and other means of non-verbal communication as well as TPR activities.

Kids love exploring the texture of different materials from hands to feet such as the fluffy balls which need to be stuck on a piece of paper representing a rainbow. This last type activity supports motor skills' development. Once it is followed by hand-eye coordination we can foster their experience and reach positive results. In the community centre we use the following activities to enhance motor skills of toddlers: colouring pictures, early learning how to hold and manipulate a crayon, clapping hands, touching fingers (through the medium of Where is Thumbkin? and a Finger Family song, etc.), building a tower, completing puzzles with animal topic, instructing them how to use safety scissors, glue, etc. Due to the age group variety ranging from 1,5 to 3 years, the oldest kids are able to use scissors unlike 1,5 years old ones who are still learning it. The positive thing is that younger ones are motivated by the success of older toddlers. Many of them like imitating them looking up with awe to their more experienced folks, which also supports their learning, development and growth.

In short, it is important to raise a cohort of future teachers who are flexible, adaptive, empathic, creative, critically thinking, self-critical, open, interculturally sensitive individuals, ready to accept emotional baggage that toddlers might bring with them to the class. For this purposes it seems as effective to foster global competencies at first in the group of bachelor and master students, future B.A. and M.A. holders. We would like to add that teachers should be also good managers able to organize their class, activities and students in the best possible way. Entering the community centre presupposes a detailed lesson plan and a few extra activities we can count on in case we get stuck.

We have got a very good experience with singing activities as they are all-inclusive. We can speed up singing songs or rhymes making it more dynamic and funny. Our youngsters love hands-on activities. It gives them feeling of being important, taking part in something that adults can do. This is also important for children's motor skills development. Even when doing home chores, parents can practice basic vocabulary with their children if they feel confident enough and master at least basic vocabulary, which is not difficult. Where there is a will, there is a way. They love being independent, performing everyday activities their parents usually do. Their self-confidence is built and motivation to perform increases.

In addition so singing, mime can be added to practice daily routine activities' vocabulary. All students make a circle (Circle Time), join their hands and sing together with the English language teacher the song called *Here We Go Round the Mullberry Bush* while repeating the phrases which were modified by the instructor to adhere to the lesson plan concerning the daily routines' practice, such as: *this is the way we wash our face.... brush our teeth, eat our bread, drink milk, put on our jeans, hat, go to school, say hello, exercise, etc. in the morning*. These activities, although they use repetition and reproduction, could be described as productive ones because they support using language in real, authentic, or simulated situations and once the phrases are learnt, pupils can use them on their own. In order to tune young learners for ELT we can also use nursery rhymes, a short-interval activities so they do not get bored, stories, flashcards, rhymes, chant, puns, etc. [3].

The above-mentioned tips are based on the fact that kids of such an early age love moving around. They are curious and we as teachers are here to find ways how to navigate their energy to be spent on something beneficial for both sides. It is essential to teach these young learners in a natural, non-conscious way so that they are totally absorbed in what they are doing without knowing that the teacher's plan is to teach them e.g. new lexis on animals, colours, basic phrases, etc.

While preparing a lesson plan for class we should be aware of introducing activities which will integrate children together in an inclusive mode. We can use Circle Time for this aim making social bonds between learners stronger.

The first question future teachers might think of could be centered upon how to organize the first activity upon entering the community centre full of toddlers and their parents, how to attract their attention from the very start. Our English class in the selected community centre begins always with *Welcome everyone* or *Say hello Time*, using a hand puppet with a catchy name. It is also essential to have a small talk with a puppet simulating a short, real-life conversation, not exceeding 5 mins.

Next activity dwells upon enjoying common Circle Time which is defined [13] as the period of class when kids sit on the floor and do various kinds of activities, for instance reading stories aloud, joining hands followed by chorus singing or dancing.

What comes next is a set of warm-up activities, exercising, pretending to be different animals, using onomatopoeic words to illustrate what sound they make, singing "Old McDonald had a farm" etc. During this phase, which is the longest because it is comprised of series of short-period activities, children move around while listening to songs, singing, repeating words and sentences heard and following the instructions of the teacher. The below mentioned songs have shown to be the most enjoyable for preschool kids in our community centre. They were made into videos by Slovak musical performers called by their stage name *Smejko a Tanculienka* (*Bumblee and Ladybelle*), *Tárajko a Popletajka* [14], *Fih a Tralala*, *Zahrajko a Spievanka–Spievankovo* [15], [16]. The song *Stepy, stepy* by *Smejko and Tanculienka* has not been surpassed in the period of one month by any previous song except *The Wheels on the Bus* which was the first captivating song for our target group of children learning English.

When playing, singing and acting *Stepy, stepy*, children get a grasp of active verbs like: to step, to jump, to clap, to shake, to slap, to spin around. Moreover, they also come into contact with how to express emotion of happiness by using a phrase, a directive – be happy! This type of song is really rhythmic and requires moving slowly at first but after a few minutes the speed increases gradually until we ask children to make *stepy, stepy* as fast as they can. The kids really love this song and often they ask to play it again. Similar songs we have been practicing with our learners and which they liked are: *Here we Go Round the Mullberry Bush* (part of *Spievankovo* series), *Ring a Ring Of Roses*, *The Wheels on the Bus*, *Walking, Walking song*, *Colours* by *Tárajko and Popletajka*, *London Bridge is Falling Down* (two parents making a bridge and when the last word is uttered the bridge falls down on one or two kids walking under), *1, 2, 3 včelička je Bee* (*Spievankovo*). Extremely popular was *Rain, Rain Go Away* and *It is raining and pouring* when children brought their umbrellas and acted as if it was raining. Each singing activity in a series does not exceed 10 minutes [17].

Penultimate activity is aimed at relaxing, having a sip of water after previous warm-up exercises which lasts approximately 10 minutes. Kids can go for a slow walk across the jungle to practice their balance and feet movements, stepping on the artificial hedgehog, going up the hill, down the hill, sliding, going through the tunnel, etc. This is very popular among such young learners.

Closing time is devoted to saying bye to the hand puppet, wishing him or her a nice day. If the time allows us we sing often the Clean-up and Bye-Bye songs.

Thanks to the above-mentioned activities we are building global skills and empowering our preschoolers with early experience with group work, collaboration, interaction. Furthermore their intercultural competence is being fostered too through the medium of meetings learners from different linguistic and cultural environment. In larger cities these interactions must be more vivid for sure and in the capital city of Slovakia the need to grasp multicultural issue constructively and creatively enough for preschoolers is even stronger.

During each of our Mondays' English Time classes we try to develop different classroom strategies. The first strategy is connected with language and it dwells upon using regularly repeating phrases, directions, instructions as well as old and new vocabulary. Language strategy is also based on asking questions, helping students to create ones. The commonly recurring words and phrases have got tendency to become routines and thus are easily acquired and remembered by pupils. They will have them stored in their memory by being

constantly exposed to hearing them [17]. Teachers can also encourage parents to practice with their kids the vocabulary that was taught in the class or sing the same song and dance the same dance at home, using new words or fostering old vocabulary, playing word games.

We are also building their phonological awareness by repeating rhymes, clapping to syllables when dividing words into their parts [18]. Reading stories during Circle Time accompanied by creative use of questions, giving heroes (main characters) children's names and activities during listening can be of benefit.

It is good for early L2 learners to know or at least anticipate what happens in each language class. What we have in mind is routine building so our preschoolers can easily be tuned into what is coming.

Coming to the community centre at 5 pm every Monday is a community experience for all kids. One of the aims of our English language classes is also to foster relationships between attendees, children as well as adults.

Circle Time when preschoolers sit together on the carpet is essential for building friendship and practicing interpersonal and intercultural competences in case there is a learner from different cultural environment. If not we can pretend to be Chinese and eat with chopsticks or Italian and eat spaghetti learning how to use a fork for this purpose. 5 pm is time for singing, playing, moving and having a bit of fun together.

Preschoolers love to work with authentic materials and are ready to give a hand in everyday activity. They like being needed. In our community centre, during English classes, kids are often given bananas, they peel them and then slice them with plastic knives so that they cannot injure themselves. Circle time is spent by working with authentic materials like a piece of food, carton boxes, paper, plastic cutlery, simple tools, etc. They make circle time into hand-on-and-do experience instead of hand-in-your-lap experience [19].

It is also of benefit to practice routine activities kids already grasped but need improving, like putting on their socks, caps, gloves, sweaters, etc. An excellent way is to foster their current dressing skills through the medium of singing. Here we go round the Mullberry Bush which follows with phrases we modified to the purposes of teaching kids to dress like: This is the way we put on our socks, put on our sweater, put on our gloves, etc.

To conclude, a well-accomplished English lesson, not only for a swarm of preschoolers, should always center around carrying out an interactive, a hands-on, a movement, a read-aloud, a touching, visual, a routine, culturally sensitive activities and support feeling of togetherness. Language classes have gone through transformation in the process of several decades and sit-still-and-listen classes are no longer desirable. Our pupils need to touch language through authentic material, sing it, play with it, draw it, move in it, feel it and very often taste that it is real like a pinch of salt between their fingers!

Preschool children should be supported in their imagination, creativity and fantasy [11]. If they invent their own activity or play, it happens often that adults interrupt them by unnecessary comments which may totally destroy their invention. I agree with the fact that sometimes it is through short-term passivity and boredom and I-have-nothing-to-do-state that new ideas emerge. I have got a concrete example when after English class in the community centre which lasts 45 minutes, children are left to have a rest and play as they wish. It is rewarding to see how well they feel after spending 45 min. singing, dancing, hopping, jumping, drawing, pretending to be animals etc. all in English.

To summarize, phases of the learner's contact with language – input, intake, output [2] should not be underestimated or described as trifling. Young learners need challenge-focusing environment. Through the medium of implicit learning, they can reveal practical use of language. The new acquired vocabulary and phrases should ideally be transferred to out-of-language reality so that learners do not see FL learning as an obligation but rather a necessity to achieve certain real-life, authentic goals [2]. It is highly recommended that activities aimed at the young learners (toddlers) and preschool children should not be viewed as obligatory exercised during a specific time while being in the community centre or later in a kindergarten. Moreover, a foreign language lesson should contain more than repetitive, reproductive type of activities, emphasizing their productive nature employed in real life situations and supporting the idea of learning the language for life per se.

One of our findings dwells upon the fact that some foreign language teachers to the youngest cohort in Slovakia tend to overemphasize the value of reproductive activities instead of trying to employ more productive exercises which could foster the acquired language knowledge in real-life situations and enhance the learner's subconscious language acquisition.

Conclusion

In the long-term horizon the global skills development could have an immense benefits for the present youngest cohort of students in terms of better employment opportunities, self-confidence, personal and national

cultural identity building, all enriched by intercultural sensitivity enhancement, cultivating and praising in-person contact, etc. They seem to be preconditions to successful, emotionally balanced way of life.

Future teachers, therefore, should have an aspiration to make up the loss children have acquired during the period of globalization in terms of feelings of uncertainty and address their needs by supporting their early intercultural communication, critical thinking, creativity, cooperation, digital skills, etc., while giving them hints how to cope with excessive consumption of material commodities and culture of imitation, supporting their individual identity and paying attention to fostering their national cultural identity based on building interest in their peers, national language, traditions, cultural values etc.

We hold an opinion that globalization might have generated the need to foster global skills. We do not wish to train future teachers primarily to support globalization in general, but to create empowered 21st century citizens who are critically thinking, responsible, empathic, interculturally sensitive, creative and emotionally balanced individuals with self-confidence, interested in their own and other cultures.

To conclude, if the individual is already influenced to a greater extent by the culture of media, let him/her be trained simultaneously in global skills which open new horizons and perspectives to be employed in primary, secondary and tertiary sphere of education. Once they are well-rounded in global skills they have better chances to succeed.

The overall findings can only be regarded as explorative in their nature based on self-reflection of our teaching English to young learners for the period of one year during 2019 in a community centre for children and their parents in Banská Bystrica region. The last remark dwells upon the fact that society, culture and language are dynamic as well as teaching profession which evolves gradually ideally with young learners' needs in sight and mind. According to our data there seems to be a need to innovate English language lessons to the youngest cohort in the future highlighting the authentic element in language acquisition through the medium of real-life situations and their simulations (without being forced). This turns out to be a task for another set of observations in the research to come.

References

1. British Council. BBC. Kids and Learning. Available at: <https://www.teachingenglish.org.uk/article/kids-learning>. Accessed April 29th, 2020.
2. Polok K. Teaching English to Preschool Children. 2015. *Linguodidactica* XIX. January 2015;(online):214–225. doi: 10.15290/lingdid.2015.19.15.
3. Homolová E. Motivating Young Learners in Acquiring English through Songs, Poems, Drama and Stories. In *Theories in Practice*. Zlín: Tomas Bata University. 2010:232–238. ISBN 978-80-7318-823-8.
4. Hanesová D. *Teaching English to young learners*. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Pedagogická fakulta. 2015:108. ISBN 978-80-557-1022-8.
5. Kasáčová B. et al. Pre-primary and primary teachers in theory and job analysis. January 2011, Banská Bystrica: Faculty of Education, Matej Bel University. 2011:168. ISBN 978-80-557-0192-9.
6. Ur P. *A Course in Language Teaching: Practice and Theory*, Cambridge: CUP. 1996:389. ISBN 978-0521567985.
7. Mercer S., Hockley N. Global Skills – Create Empowered 21st Century Learners. 2020. Available at: <https://oupeltglobalblog.com/2019/11/04/empowered-21stcentury-learners/>. Accessed February 4, 2020.
8. Róg T. Intercultural Education at a Preschool Level in the Context of Polish Kindergarten Curriculum Changes. 2015. Available at: https://www.researchgate.net/publication/313138584_2015_INTERCULTURAL_EDUCATION_AT_A_PRE_SCHOOL_LEVEL_IN_THE_CONTEXT_OF_POLISH_KINDERGARTEN_CURRICULUM_CHANGES. Accessed February 24, 2020.
9. Slatinská A., Pecníková J. The role of Irish language teaching: cultural identity formation or languagere vitalization? In *European journal of contemporary education*. Bratislava: Academic publishing house researcher, 2017;6:317-327. ISSN 2304-9650.
10. Shevchenko VD., Tyutelova LG., Shevchenko ES., Lisovitskaya VN. The problem of comprehension in digital communication. *Proceedings of the 2019 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop, ComSDS 2019*. 2019:104-107.
11. Global Skills Hub. <https://www.globalskills.io/blog/>. Accessed April 29th, 2020.
12. Benczeová B. Viera Gažová o globalizácii. In *Globalizácia a fenomén národnej kultúry*. Eastern European Development Agency n.o.: Podhájska. 2014:3-12. ISBN 978-80-89608-17-1.

13. Lindahl K. ELT in Early Childhood: Circle Time. 2015. Available at: <http://blog.tesol.org/elt-in-early-childhood-circle-time/>. Accessed February 14, 2020.
14. Tárajko a Popletajka CD. Edícia Detský svet hudby 2, no. 2964-013-2.
15. Podhradská M. Veselá angličtina pre deti 2, vydavateľstvo TONADA. 2009. R 162 0016-2-731.
16. Podhradská M. Veselá angličtina pre deti 3, vydavateľstvo TONADA. 2010. R 162 0017-2-731.
17. Slatinská A. ELT to Preschoolers in the Family Centre Pod prameňmi in Sliač and Fostering their Early Intercultural Competence (A Few Tips and Recommendations for Future Kindergarten Teachers). In *Jazykovédné, literárnovedné a didaktické kolokvium L – 6*. Bratislava: Z-Lingua. 2020:198-208. ISBN 978-80-8177-075-3.
18. Natividad AMR., Batang LB., Ford K. Students' Perceptual Learning Styles and Attitudes Toward Communicative Language Teaching. In *TESOL International Journal*. 2018;13(4):104-121. ISSN 2094 – 3938.
19. Stewart D. *Teach Preschool*. 2020. Available at: <https://teachpreschool.org/2013/03/25/ten-tips-for-circle-time/>. Accessed February 4, 2020.

Сведения об авторе:

Anna Slatinská, Senior Lecturer, Department of English and American Studies, Faculty of Arts, Matej Bel University.

E-mail: anna.slatinska@umb.sk

Address: 974 01, 40 Tajovského str., Banská Bystrica, Slovakia, Matej Bel University

Bionote:

Анна Слатинска, PhD, кафедра англистики и американистики, Университет Матая Бела.

E-mail: anna.slatinska@umb.sk

Address: 974 01, Тайовского 40, Банска Быстрица, Словацкая Республика, Университет Матая Бела

Информация для авторов

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики»

При подготовке рукописи для направления в редакцию авторам следует руководствоваться следующими правилами, составленными с учетом требований российских и международных ассоциаций и организаций, в том числе принципов и правил COPE (Committee on Publication Ethics), ORI (the Office of Research Integrity), CSE (Council of Science Editors), EASE (European Association of Science Editors), указаний АНРИ (Ассоциация научных редакторов и издателей) и требований ВАК (Высшая аттестационная комиссия).

Условия опубликования статьи

К представленным в научный журнал «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики» (далее: Журнал) рукописям предъявляются следующие требования:

- статья может быть написана на русском, английском и немецком языках;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями Журнала;
- статья должна соответствовать требованиям, предъявляемым к научным журналам, соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) Журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации в Журнале, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, соответствовать контексту современной научной литературы и содержать очевидный элемент создания нового знания.

Требования к оформлению рукописи

1. РУКОПИСЬ

Направляется в редакцию в электронном варианте через личный кабинет в online-форме. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx).

1.1. Объем полного текста рукописи (научной статьи) должен быть 19000 и не превышать 29000 знаков (с учетом пробелов). Объем статьи (включая аннотацию и список литературы) варьируется в пределах от 10 до 15 страниц текста. Вопрос о публикации статей большего размера решается по согласованию с редакционной коллегией Журнала;

Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат»: оригинальность рукописи от 70 %.

Заявка и статья присылаются отдельными файлами.

Оформление файлов: 1. Фамилия. Статья; 2. Фамилия. Заявка.

1.2. Формат текста рукописи: Microsoft Word с расширением rtf, шрифт – Times New Roman, кегль – 14, поля слева – 3 см, справа – 1,5 см, внизу иверху – 2 см, интервал – 1,5. Уплотнение интервалов запрещено. См. образец оформления статьи.

1.3. Файл с текстом статьи, загружаемый в форму для подачи рукописей, должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).

2. СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Структура текста должна соответствовать приведённому ниже шаблону (может меняться в зависимости от типа работы).

2.1. Русскоязычная аннотация

• **Тип статьи:** Оригинальная статья / Original Paper; Критическая обзорная статья / Review; Краткое сообщение / Short Communication; Письма в редакцию / Letters и др.);

• **Индекс УДК** (Универсальной десятичной классификации). Индекс можно найти через Интернет: <http://teacode.com/online/udc>;

• **DOI (Digital Object Identifier)** — идентификатор цифрового объекта (также используется словосочетание цифровой идентификатор объекта, ЦИО) – стандарт обозначения представленной в сети информации;

• **Название статьи** – для заглавий статей применить стиль написания строчно-прописными буквами с выделением прописными собственных имен, аббревиатур и т.д. Название статьи должно отражать предмет и тему статьи, а также основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы;

• **Авторы** – при написании авторов статьи фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Иванов, С.И. Петров, И.П. Сидоров);

• **Учреждения** – Необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название учреждения (без сокращений). После названия учреждения через запятую, в скобках необходимо написать название страны, города;

• Далее указать **ORCID (Open Researcher and Contributor ID)** – это некоммерческий проект, цель которого присвоить каждому автору научной статьи свой уникальный код). Главная задача **идентификационного кода** состоит в том, чтобы ликвидировать разночтения в именах автора). См.: **Register for an ORCID iD: <https://orcid.org/register>**, в конце e-mail;

• в каждой статье должны быть метаданные на двух языках (и на русском, и на английском), независимо от языка текста;

• чередование метаданных на титульной странице статьи зависит от языка статьи: если статья на русском языке, сначала дается блок русскоязычных метаданных; если статья на английском языке, первыми идут англоязычные метаданные. См. образец оформления статьи;

• **Резюме / Abstract** должно быть (если работа оригинальная) структурированным: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, заключение, т.е. содержать основные положения, изложенные в работе; отражать взгляд автора на обсуждаемую в рукописи проблему с учетом проанализированного материала и полученных результатов; позволять читателю понять уникальность данной статьи (исследования или обзора). **Объем текста резюме** должен быть 200–250 слов. Нежелательно делать большие разрывы между абзацами в резюме, так же, как и красные строки (абстракт должен восприниматься единым информационным блоком, раскрывающим содержание статьи). Резюме научной статьи должно быть лаконичным и информативным, отражать наиболее важные результаты исследования.

• **Ключевые слова / Keywords** на русском языке (7–10 слов); для статьи на немецком языке аннотация и ключевые слова пишутся на русском и английском языках.

• **Благодарности / Acknowledgements** (при наличии) авторы могут выразить благодарность людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

• **Для цитирования / For citation** – выходные данные статьи.

• В конце статьи дается вся **Информация об авторах / Information about the authors**. (Данные об авторе – звание, степень, должности, заслуги, место работы, контакты размещаются отдельно от аффилиации в метаданных, как правило, в конце статьи после References).

2.2. Англоязычная аннотация

• **Article title**. Англоязычное название должно быть грамотно с точки зрения английского языка, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

• **Author names**. ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом, или так же, как в ранее опубликованных в зарубежных журналах статьях. Авторам, публикующимся впервые и не имеющим заграничного паспорта, следует воспользоваться стандартом транслитерации BSI. <https://antrophob.ru/translit-bis>

• **Affiliation**. Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ eLibrary.ru.

• **Abstract**. Англоязычная версия резюме статьи должна по смыслу и структуре (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions) полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка, и также включать не менее 250 слов.

• **Keywords**. Необходимо указать ключевые слова – от 7 до 10, способствующие индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

2.3. Полный текст

Основной текст статьи структурируется в соответствии с рубриками (допускается авторское варьирование подрубрик внутри рубрики «Результаты и дискуссия»):

Введение / Introduction

Цель статьи / The aim of the article

Обзор литературы / A review of the literature

Методы исследования / Research methods

Результаты и дискуссия / Results and discussion

Заключение / Conclusion

Список литературы / References

2.4. Оформление графического материала

• Каждый объект (таблица, схема, диаграмма и прочее) не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем должен быть не менее 12 пунктов;

• таблицы и рисунки должны быть вертикальными;

• все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок;

• все таблицы и рисунки включаются в текст и должны иметь сквозную нумерацию;

• рекомендуются в русскоязычных текстах подписи, пояснения, легенды к иллюстрациям (фото, диаграммы и др.), таблицы оформлять на двух языках параллельно – на русском и английском.

2.5. Правила оформления Списка литературы

Список литературы должен содержать не менее 15 научно-исследовательских источников (научные статьи, монографии) с указанием DOI для всех источников при его наличии.

• Внутритекстовые библиографические ссылки приводятся в квадратных скобках, где делается ссылка на порядковый номер использованной работы в приставном списке литературы и страницу – [40, с. 77]. Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Например: [2, с. 38; 25, с. 80].

• Затекстовые библиографические ссылки приводятся после текста статьи под общим заголовком «Список литературы / References». Библиографические сведения нумеруются и размещаются в алфавитном порядке, сначала на русском, затем на иностранных языках.

• Статья может содержать подстрочные библиографические ссылки (сноски-примечания): указания на архивные источники, материалы коллекций и частных собраний, правовые документы, а также авторские примечания и комментарии. В отличие от внутритекстовых библиографических ссылок, приводимых в квадратных скобках, подстрочные ссылки помещаются внизу страницы и делаются в компьютерном режиме: Вставка-ссылка-сноска.

• В Списке литературы при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге. При ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка. Ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи// Название журнала. Год. Том (vol.), № (no) Интервал страниц статьи.

• Оформление книг и монографий

Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов / 10-е издание, М.: Флинта: Наука, 2010. 384 с.

• Оформление статей из журналов и конференций

Калашикова Л. В. Особенности детской языковой картины мира как способа восприятия и организации знаний о мире на примере фрагмента художественного произведения // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Северо-Осетинский государственный университет. – Владикавказ. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2017. № 2(26). С. 95-106.

• **Электронные ресурсы** оформляются следующим образом: Ф.И.О. автора (если есть). Название материала/ Название сайта (именно название, а не адрес). [Электронный ресурс]. URL: адрес той страницы, на которой находится материал (дата обращения).

Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925 [Электронный ресурс]. URL: https://literary_terms.academic.ru/ (дата обращения: 02.01.2019).

2.6. Правила оформления «References» в соответствии с международным стандартом *Harvard*

- оформление ссылок из научных русскоязычных журналов: Ф.И.О. всех авторов;
- русскоязычные названия журналов переводятся на английский язык;
- в конце библиографического описания статьи приводится указание на язык статьи (In Russ.);
- если цитируемая статья имеет DOI, необходимо указывать его в конце описания;
- если цитируемый источник не имеет DOI, но размещен в сети Интернет, желательно включать в описание URL его местонахождение.

• Оформление статьи в журнале:

Gavrilov, A.A. (2013). Linguistic means of media influence on public consciousness. Omsk Scientific Bulletin, no 1, pp. 99-103 (In Russ.).

• Оформление книг и монографий:

Baranov, A.N. (2007). Linguistic examination of the text: theory and practice. Moscow: Flinta, 592 p. (In Russ.).

• Оформление материалов конференций:

Dobrosklonskaja, T.G. (2009). Actual processes in different types of discourse: political, media, advertisement, discourse and Internet-communication: materials of int. conference. Moscow-Jaroslavl': Remder, pp. 122-129 (In Russ.).

• **Оформление интернет-ресурсов:** перевод названия ресурса на английский язык. Available at: адрес страницы (дата обращения).

Literary encyclopedia. Dictionary of literary terms in 2 vol. / edited by N. Brodsky, A. Lavretsky, et.al. Available at: https://literary_terms.academic.ru/ (access at: 02 January 2019) (In Russ.).

2.7. Сведения об авторах на русском и английском языках приводятся в конце статьи после «References».

Бредихин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, кафедра теории и практики перевода Гуманитарного института, г. Ставрополь, Российская Федерация.

Sergey N. Bredikhin, Doctor of Philology, Associate Professor, North-Caucasus Federal University, Institute for the Humanities, Department of Translation Studies, professor; Stavropol, Russian Federation.

Махова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Ставропольский государственный аграрный университет, кафедра иностранных языков, г. Ставрополь, Российская Федерация.

Irina N. Makhova, Candidate of Philology, Associate Professor, Stavropol State Agrarian University, Department of foreign languages, Associate Professor; Stavropol, Russian Federation.

См. образец оформления статьи.

3. Правила рецензирования рукописей

Основным условием для публикации статей научно-теоретического характера в Журнале является прохождение процедуры проверки по системе «Антиплагиат», предворяющей рецензирование рукописи, организуемой редакционной коллегией.

3.1. Рецензент: определяет соответствие материала, изложенного в статье, профилю Журнала и оценивает:

- актуальность содержания статьи: соответствует ли уровень изложенного в ней материала современным достижениям данной отрасли науки;
- значимость полученных результатов исследований (научных, практических);
- полноту и достоверность приводимых сведений;
- правильность и точность используемых (или вводимых) определений и формулировок;
- литературный стиль изложения материала;
- качество и / или количество оценки приведенного в статье материала: фактического и иллюстрационного;
- указать, насколько учтены требования к оформлению материала статьи: соответствие объема статьи, наличие аннотации на русском и английском языках, наличие списка литературы и ссылок на него в тексте, контактной информации об авторах и др.;
- дать обоснованные выводы о статье в целом, замечания, при необходимости – рекомендации по ее улучшению.

3.2. Экспертная оценка рукописи осуществляется в течение 2–4 недель.

4. Политика снятия статей с публикации

В ряде случаев редколлегия Журнала может принять решение об отзыве статьи (ретракции).

Редколлегия Журнала может принять решение об отзыве статьи (ретракции). Статья будет официально отозвана, если на этапе рассмотрения, подготовки или после публикации редакцией или читателями будет выявлено нарушение требований публикационной этики. Отзыв статьи по причине нарушения публикационной этики повлечет за собой также запрет на публикацию статей в этом журнале для всех вовлеченных в инцидент членов авторского коллектива в будущем.

Причины ретракции статьи:

- обнаружение плагиата в статье (в том числе заимствований рисунков, графиков, таблиц и т. п.);
- обнаружение факта публикации статьи в другом издании до даты ее публикации в журнале;
- наличие в опубликованной статье серьезных ошибок, ставящих под сомнение ее научную ценность;
- если факт плагиата стал очевидным уже после публикации статьи.

В подобных обстоятельствах редколлегия Журнала инициирует проверку, по результатам которой статья может быть отозвана с публикации. Составляется акт об отзыве статьи с публикации, который подписывается главным редактором. Копия акта направляется автору статьи.

При этом статья физически не изымается из опубликованного тиража и файла выпуска на сайте. Редакция публикует заявление об отзыве статьи с размещением его на соответствующей странице содержания выпуска на официальном сайте Журнала.

Guidelines for Contributors

Rules for sending, reviewing and publishing scientific articles in the journal “Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics”

When preparing a manuscript for submission to the editors, the authors should be guided by the following rules, drawn up taking into account the requirements of Russian and international associations and organizations, including the principles and rules of the COPE (Committee on Publication Ethics), ORI (the Office of Research Integrity), CSE of Science Editors), EASE (European Association of Science Editors), directives from ANRI (Association of Scientific Editors and Publishers) and the requirements of the Higher Attestation Commission (Higher Attestation Commission).

Terms of publication of the article

The manuscripts presented to the scientific journal «Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics” (hereinafter: the Journal) the following requirements are:

- the article should be presented in Russian, English or German;
- the article typography should follow the Journal’s requirements;
- the content of the article should be in compliance with the research paper requirements and one of the Journal’s sections (or thematic rubrics);
- the material offered by the author for publication in the Journal should be original, not published earlier, correspond to the context of modern scientific literature, and contain an obvious element of creating new knowledge.

Manuscript requirements

1. Manuscript

We accept submissions strictly online, via the form available at our website.

Please upload your manuscript as a Microsoft Office Word document (*.doc, *.docx and *.rtf formats).

1.1. Length of the manuscript should be no less than 2500 words and no more than 3 000 words. The volume of the article (including the abstract and the list of references) varies from 10 to 15 pages of text. The issue of publication of articles of a larger size is decided in consultation with the editorial board of the Journal; Submitted articles are tested in the Antiplagiat program: originality of the manuscript is from 70%

Application and article are sent in separate files.

File Registration: 1. Last Name. Article; 2. Surname. Request.

1.2. Text formatting: the article should be in Microsoft Word format with rtf extension, font - Times New Roman, size - 14, left margin - 3 cm, right - 1.5 cm, bottom and top - 2 cm, interval -1.5. Sealing of intervals is prohibited **See sample article**.

1.3. The text file of the article. The journal editorial board prefers to receive a manuscript as a single complete file with all figures, tables and any additional supplemental materials.

2. Manuscript structure

2.1. Russian-language abstract

- **Article Type:** Original Paper; Critical Review; Short Communication; Letters, etc.);
- **UDC (Universal Decimal Classification) Index.** The index can be found on the Internet: <http://teacode.com/online/udc>;
- **DOI (Digital Object Identifier)** – digital object identifier (the phrase digital object identifier, CIO) is also used – the standard for designating information provided on the network;
- **Title of the article** – for the titles of the articles, apply the style of writing in capital-lower case letters with the capitalization of their own names, abbreviations, etc. The title of the article should reflect the subject and topic of the article, as well as the main goal (question) posed by the author for disclosing the topic;
- **Authors** - when writing the authors of the article, the surname should be indicated after the name and the initials of patronymic (Ivan S. Ivanov);
- **Institutions** - It is necessary to give the official FULL institution name (without abbreviations). After the name of the institution, separated by commas, in brackets you must write the name of the country, city;
- **Then follows the specify ORCID (Open Researcher and Contributor ID)** is a non-commercial project whose goal is to assign each author of a scientific article a unique code). The main task of the identification code is to eliminate the discrepancies in the author’s names). See: Register for an ORCID iD: <https://orcid.org/register>, in the end e-mail. **See sample article**;
- each article should have metadata in two languages (both in Russian and English), regardless of the text language;
- the alternation of metadata on the title page of the article depends on the language of the article: if the article is in Russian, a block of Russian-language metadata is first given; if the article is in English, the first are English-language metadata. **See sample article**;
- **Abstract** should be (if the work is original) structured: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusion, i.e. contain the main provisions outlined in the work; reflect the author’s view on the problem discussed in the manuscript, taking into account the analyzed material and the results obtained; allow the reader to understand the uniqueness of this article (research or review). **The abstract of the text** should be 200-250 words. It is undesirable to make large gaps between paragraphs in the summary, as well as the red lines (the abstract should be perceived as a single information block, revealing the content of the article). The abstract of a scientific article should be concise and informative, reflecting the most important research results.
- **Keywords** in Russian (7-10 words); for an article in German, the abstract and keywords are written in Russian and English.
- **Acknowledgments** (if available) Authors may express thanks to people and organizations who contributed to the publication of an article in a journal, but who are not its authors.
- **For citation** - the output of the article.
- **Information about the authors** is given at the end of the article. (Author data – title, degree, position, merit, place of work, contacts are placed separately from affiliation in metadata, as a rule, at the end of the article after References).

2.2. English abstract

• **Article title.** The English-language name must be competent from the point of view of the English language, while the meaning is fully consistent with the Russian-language name.

• **Author names.** Full name must be written in accordance with a passport, or the same as in previously published articles in foreign journals. Authors who publish for the first time and do not have an international passport should use the BSI transliteration standard. <https://antropophob.ru/translit-bis>

• **Affiliation.** It is necessary to indicate the OFFICIAL ENGLISH NAME OF THE INSTITUTION. The most complete list of the names of institutions and their official English version can be found on the website of the Russian National Electrotechnical Agency eLibrary.ru.

• **Abstract.** The English version of the abstract of the article should be completely consistent with the Russian language and be competent from the point of view of the English language, and also include at least 250 words in its meaning and structure (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions).

• **Keywords.** You must specify the keywords – from 7 to 10, contributing to indexing articles in search engines. Keywords must match in Russian and English.

2.3. The full text of the article

The main text of the article is structured in accordance with the headings (author's variation is allowed in the subheadings under the heading "Results and discussion"):

Introduction

The aim of the article

A review of the literature

Research methods

Results and discussion

Conclusion

References

2.4. Graphic material

- every object (a table, scheme, diagram) shouldn't exceed the given size of page,
- its font shouldn't be less than 12 pt;
- the tables and pictures should be vertical;
- all the formulae should be prepared using Microsoft Equation or in the form of
- distinct pictures;
- all tables and figures are included in the text and must have continuous numbering;
- it is recommended that in Russian-language texts signatures, explanations, legends for illustrations (photos, diagrams, etc.), tables should be drawn up in two languages in parallel - in Russian and English.

2.5. The Requirements for Russian References

The list of literature should contain at least 15 scientific research sources (scientific articles, monographs) indicating DOI for all sources, if available.

In particular:

• Intra-text bibliographic references are given in square brackets, where reference is made to the ordinal number of the used work in the reference list of literature and page - [40, p. 77]. If the link includes several used works, they are separated by brackets inside the square brackets. For example: [2, p. 38; 25, p. 80].

• Textual bibliographic references are given after the text of the article under the general heading "Reference". Bibliographic references should be numbered and placed in alphabetical order, first in Russian, then in foreign languages, and not in the link sequence in the article (the first link in the article (square brackets) in the article can be, for example, under the number 2 or 18);

• The article may contain subscript bibliographic references (footnotes-notes): indications of archival sources, materials of collections and private collections, legal documents, as well as author's notes and comments. Unlike in-text references cited in square brackets, footnotes are placed at the bottom of the page and are made in computer mode: Insert-link-footnote.

• In Reference, when referring to a book, it is necessary to specify the publisher and the total number of pages in the book. When referring to a multivolume edition, you must specify how many volumes and which volume the link is given. The reference to the periodical is given as follows: author. Article title // Journal title. Year. Tom (vol.). no. Interval of article pages.

• Electronic resources are designed as follows: author (if any). Material name // Site name (name, not address) [Electronic resource]. URL: the address of the page on which the material is located (the date of circulation).

1.6. The Requirements for REFERENCES in accordance with the international standard HARVARD

- design of links from scientific Russian-language journals: full name. all authors;
- Russian-language journal titles are translated into English;
- at the end of the bibliographic description of the article, an indication is given of the language of the article (In Russ.);
- if the cited article has a DOI, you must specify it at the end of the description;
- if the quoted source does not have a DOI, but is available on the Internet, it is advisable to include the URL of its location in the description.

• Making footnotes from journals:

Gavrilov, A.A. (2013). Linguistic means of media influence on public consciousness. Omsk Scientific Bulletin, no 1, pp. 99-103 (In Russ.).

• Books and monographs:

Baranov, A.N. (2007). Linguistic examination of the text: theory and practice. Moscow: Flinta. 592 p. (In Russ.).

• Conference materials:

Dobrosklonskaja, T.G. (2009). Actual processes in different types of discourse: political, media, advertisement, discourse and Internet-communication: materials of int. conference. Moscow-Jaroslavl': Remder, pp. 122-129 (In Russ.).

• Online resources:

Literary encyclopedia. Dictionary of literary terms in 2 vol. / edited by N. Brodsky, A. Lavretsky, et.al. Available at: https://literary_terms.academic.ru/ (access at: 02 January 2019) (In Russ.).

1.7. Information about authors in Russian and English is given at the end of the article after "References". **See sample article.**

Sergey N. Bredikhin, Doctor of Philology, associate professor, North-Caucasus Federal University, Institute for the Humanities, Department of Translation Studies, professor; Stavropol, Russian Federation.

Irina N. Makhova, Candidate of Philology, Associate Professor, Stavropol State Agrarian University, Department of foreign languages, Associate Professor; Stavropol, Russian Federation.

2. Rules for the Review of Manuscripts

The main condition for the publication of articles of scientific and theoretical nature in the Journal is the passage of the verification procedure according to the Antiplagiat system, which precedes the review of the manuscript organized by the editorial board.

3.1. Reviewer: determines the compliance of the material presented in the article with the profile of the Journal and evaluate:

- the relevance of the content of the article: does the level of the material contained in it correspond to the modern achievements of this branch of science;

- the significance of the results of research (scientific, practical);
- completeness and accuracy of the information provided;
- correctness and accuracy of the used (or introduced) definitions and formulations;
- literary style of presentation;
- quality and / or quantity of the assessment of the material provided in the article: actual and illustrative;

- indicate how the requirements for the design of the material of the article are taken into account: compliance with the volume of the article, the presence of annotations in Russian and English, the list of references and references to it in the text, contact information about the authors, etc.;

- give reasonable conclusions about the article as a whole, comments, and, if necessary, recommendations for its improvement.

3.2. Expert assessment of the manuscript is carried out within 2-4 weeks.

3. Retraction policy

In some cases the Editorial Board may consider retracting a publication. The article will be officially withdrawn if at the stage of consideration, preparation or after publication by the editors or readers there will be revealed a violation of the requirements of publication ethics. The withdrawal of the article due to violation of the publication ethics will also entail a ban on publishing articles in this journal for all members of the authors' team involved in the incident in the future.

The reasons for retraction may be the following:

- it constitutes plagiarism, including borrowed pictures, tables, diagrams, etc.;
- the findings have previously been published elsewhere before the date of its publication in the journal;
- the published article has serious errors, which place its scientific value in question;
- if plagiarism was detected after publication.

In such cases the Editor should initiate the revision, after which the article may be retracted. The Act on retraction is complied, which is signed by the editor-in-chief. The copy of the Act is being sent to the author of the article. In this case the article is not physically withdrawn from the published edition and the file of the issue on web site. The Editorial Office publishes the notification on retraction of the article on the corresponding page of the issue content on the official site of the Journal.

Научное издание

Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики

№ 2

2020

*СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-75316 от 15.03.2019 г.*

Редактор **Л. Х. Тургиева**
Компьютерная верстка **Е. В. Осипова**

Дата выхода в свет 25.06.2020.

Подписано в печать 25.06.2020. Лицензия ЛР № 020218.

Формат бумаги 60x84¹/₈. Бум. офс. Гарнитура шрифта «Times».

Печать на ризографе. Усл.п.л. 25,80. Уч.-изд.л. 25,25.

Тираж 100 экз. Заказ № 10. Свободная цена.

*Адрес издателя и редакции: ФГБОУ ВО «СОГУ»
362025, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46*

*Отпечатано в издательско-полиграфическом центре ФГБОУ ВО «СОГУ»,
362025, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46.*

Scientific publication

Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics

No 2

2020

*The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass
Communications (Roskomnadzor), a certificate of registration ПИ № ФС 77-75316 of March' 15, 2019.*

Editor **L.Kh. Turgieva**
Computer layout **E.V. Osipova**

Release date 25.06.2020.

Signed to print 25.06.2020. License LR No. 020218.

Paper size 60x84¹/₈. Office paper The font type «Times».

Printing on risograph. C.pr.sh. 25,80 . Registration sheet 25,25.

Circulation 100 copies. Order number 10. Free price.

*Address of the publisher and editorial office: Federal Public Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Khetagurov North Ossetian State University» (NOSU)
362025, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, 44-46 Vatutin Street*

*Printed in the publishing and printing center of FPBEI HE «NOSU»
362025, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, 44-46 Vatutin Street*